

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

3'2025

Выпуск 3 (239)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 3 (239) 2025

ТОМСК
2025

Главный редактор:

А.Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (Томск, Россия). E-mail: rector@tspu.ru

Редакционная коллегия:

Н.С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С.И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н.Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

В.И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

А.А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

Л.Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю.Б. Дроботенко, доктор педагогических наук, доцент (Омск, Россия);

Ю.В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А.В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

В.В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО,

заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

Е.А. Полева, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Н.В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Г.Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

А.Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

Ю.В. Шатин, доктор филологических наук, профессор (Новосибирск, Россия);

S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония)

Научный редактор выпуска

А.В. Курьянович, Н.В. Полякова, Н.С. Болотнова, Е.А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 54235.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 20.03.2023).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издателя:

634041, Томская область, г. Томск, пр-кт Комсомольский, д. 75, офис 319.

Тел. 8 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.

Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 54235

Подписано в печать: 25.04.2025. Дата выхода в свет: 29.05.2025. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1301/Н.

Выпускающий редактор: Ю.Ю. Афанасьева. Технический редактор: А.И. Алышева. Корректор: Е.В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2025. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 3 (239) 2025

**TOMSK
2025**

Editor-in-Chief

*A.N. Makarenko, Doctor of Sciences in Physics and Mathematics, associate professor
(Tomsk, Russian Federation). E-mail: rector@tspu.ru*

Editorial Board:

*N.S. Bolotnova, Doctor of Sciences in Philology, professor, Honored Worker of Higher School
of the Russian Federation, (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
S.I. Pozdeeva, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor, (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N.F. Alefirenko, Doctor of Sciences in Philology, professor (Belgorod, Russian Federation);
V.I. Bogoslovskiy, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
A.A. Veryaev, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor (Barnaul, Russian Federation);
L.R. Duskaeva, Doctor of Sciences in Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu.B. Drobotenko, Doctor of Sciences in Pedagogy, associate professor (Omsk, Russian Federation);
Yu.V. Kobenko, Doctor of Sciences in Philology, professor (Tomsk, Russian Federation);
A.V. Kuryanovich, Doctor of Sciences in Philology, professor (Tomsk, Russian Federation);
V.V. Laptev, Doctor of Sciences in Pedagogy, professor, Member of Russian Academy of Education,
Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
E.A. Poleva, Candidate of Sciences in Philology, associate professor (Tomsk, Russian Federation);
N.V. Polyakova, Candidate of Sciences in Philology, associate professor (Tomsk, Russian Federation);
G.G. Slyshkin, Doctor of Sciences in Philology, professor (Moscow, Russian Federation);
A.B. Tumanova, Doctor of Sciences in Philology, professor (Almaty, Kazakhstan);
Yu.V. Shatin, Doctor of Sciences in Philology, professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. Capozziello, Professor, University of Naples Federico II (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor, Institute of Space Studies of Catalonia (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
M. Sasaki, Professor, Yukawa Institute for Theoretical Physics Kyoto University (Kyoto, Japan).*

Scientific Editor of the Issue:

A.V. Kuryanovich, N.V. Polyakova, N.S. Bolotnova, E.A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the "Russian Press" subscription catalog. Index 54235.

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 20.03.2023).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 31-13-25. E-mail: vestnik@tspu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 25.04.2025. Publication date: 29.05.2025. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1301/H.

Production editor: Yu.Yu. Afanas'yeva. Text designer: A.I. Alysheva. Proofreading: E.V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2025. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Тимохина Л.Р.</i> Ценностный и функциональный потенциал религиозного дискурса	7
<i>Волошина Т.Г., Богданова М.Д.</i> Специфика нативизации английского языка в Нигерии	16
<i>Чжан Цзин.</i> Когнитивно-семантический механизм конструкции X ЕСТЬ X	25

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Шамсутдинова А.А., Кудинова Г.Ф.</i> Лексико-фразеологические средства формирования образа русского человека в текстах учебников русского языка как иностранного	34
<i>Слепцова С.В., Акиншина И.Б., Свеженцева И.Б.</i> Телескопные слова с элементом cyber (на материале современной французской публицистики)	43

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Дроздова М.Н., Кобенко Ю.В.</i> Сохранение компонента синестезии как разновидности метафоры в переводах романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» на английский и французский языки	52
<i>Кононова О.А., Персидская А.С.</i> Сравнительный анализ машинного и профессионального перевода технических текстов (на материале инструкций по эксплуатации)	62

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Чайковская С.В.</i> Функционирование вербативных синлексов в речи диалектоносителей	72
<i>Болотнов А.В.</i> Коммуникативная стилистика: модель структуры концепта и ее отражение в тексте	80
<i>Бондарев М.В.</i> Стилистические доминанты средств репрезентации подтекста в лирике Серебряного века (сравнительно-сопоставительный анализ)	89
<i>Савенко А.С.</i> Тенденция к лингвокреативности в русистике как один из параметров функциональной грамотности студента	98

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

<i>Бурмистрова С.В.</i> Библийские аллюзии в повести Н.В. Гоголя «Шинель»	107
<i>Калинина С.С.</i> Поэма Е. Евтушенко «Бабий Яр» в англоязычной переводческой рецепции	116

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

<i>Ермоленкина Л.И., Коломейцева Т.С.</i> Фреймовый анализ метафоры в практике обучения русскому языку как иностранному	126
<i>Гетманская Е.В. А.С.</i> Пушкин в англоязычной методике преподавания литературы: подходы к изучению	134
<i>Дрейфельд О.В.</i> Основные принципы самостоятельного анализа литературного произведения на олимпиаде по литературе	147

CONTENTS

THEORETICAL LINGUISTICS

<i>Timokhina L.R.</i> Values and functions capacity of religious discourse	7
<i>Voloshina T.G., Bogdanova M.D.</i> Nigerian English nativization process	16
<i>Zhang Jing.</i> Cognitive-semantic mechanism of the construct X IS X	25

APPLIED LINGUISTICS

<i>Shamsutdinova A.A., Kudinova G.F.</i> Lexical and phraseological means of forming the image of a Russian person in the texts of textbooks of Russian as a foreign language	34
<i>Sleptsova S.V., Akinshina I.B., Svezhentseva I.B.</i> Telescoped words with the “cyber” element (based on the material of French journalism)	43

COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Drozdova M.N., Kobenko Yu.V.</i> Preservation of the synaesthetic element as a specific type of metaphor in the English and French translations of I.S. Turgenev’s novel “A Nest of Gentry”	52
<i>Kononova O.A., Persidskaya A.S.</i> Comparative analysis of machine and professional translations of technical texts (on the material of operating instructions)	62

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Chaykovskaya S.V.</i> Functioning of verbative synlexes in speech of the dialect speakers	72
<i>Bolotnov A.V.</i> Communicative stylistics: model of the concept structure and its reflection in the text	80
<i>Bondarev M.V.</i> Stylistic dominants of means of representation of subtext in the lyrics of the silver age (comparative analysis)	89
<i>Savenko A.S.</i> Tendency to linguistic creativity in Russian studies as one of the parameters of functional literacy of a student	98

RUSSIAN LITERATURE AND INTERCULTURAL LITERARY RELATIONS

<i>Burmistrova S.V.</i> Biblical allusions in N V Gogol’s novella “The Overcoat”	107
<i>Kalinina S.S.</i> Ye. Yevtushenko’s poem “Babi Yar” in the English reception	116

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

<i>Yermolenkina L.I., Kolomeytseva T.S.</i> Frame analysis of metaphor in the practice of teaching Russian as a foreign language	126
<i>Getmanskaya E.V. A.S.</i> Pushkin in the English-language methodology of teaching literature: approaches to learning	134
<i>Dreyfeld O.V.</i> Basic Principles of Independent Analysis of a Literary work at the Literature Olympiad	147

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-7-15>

Ценностный и функциональный потенциал религиозного дискурса

Лилия Рахимжановна Тимохина

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия, timokh5572@mail.ru, 0009-0004-2067-9257*

Аннотация

В настоящей статье рассматривается языковое выражение религиозных ценностей, которые декларируются в праздничных проповедях христианства (православия) и ислама, и определяются функциональные особенности жанра проповеди. Для исследования выбраны пасхальные послания 2009 и 2024 гг. и проповеди на празднике Ураза-байрам 2009 и 2024 гг. Цель статьи – определить функции проповедей двух конфессий, на эмпирическом материале осуществить сравнительный и сопоставительный анализ ценностных составляющих, декларируемых в текстах посланий/проповедей. В результате анализа исследований, посвященных религиозному дискурсу и жанру проповеди, были установлены следующие функции, реализуемые в проповедях: приобщение к религии, укрепление веры, информирование адресата, назидательность, формирование ценностей, призыв к самосовершенствованию, объединение прихожан в единую общину, представление оценки текущей ситуации, эмоциональное воздействие. Эмоциональное воздействие является важным элементом формирования ценностной картины мира. Эмоциональный отклик адресата включает в себя сопереживание, которое формируется в процессе религиозного общения. Условиями сопереживания выступают принадлежность к мы-группе и наличие общих ценностей. Ценности, выделенные в посланиях/проповедях, являются присущими обеим конфессиям. Среди них: Бог, вера, вечная жизнь, выполнение заповедей, ритуалы, положительные эмоции (любовь, радость, надежда), помощь и сопереживание, силы и терпение. Выявленные ценностные различия состоят в том, что праздник Пасхи посвящен подвигу Христа и верующие испытывают чувство благодарности; праздник Ураза-байрам – окончание поста, который является определенным испытанием для верующих, до праздника необходимо выплатить обязательную милостыню, о чем в проповеди декларируется в виде ценности контроля над собой и братства с единоверцами. Проанализированный эмпирический материал позволяет сделать выводы о функциональном сходстве проповедей двух конфессий. Ценностный потенциал является схожим в наборе ядерных ценностей, реализация которых происходит различными языковыми единицами. Периферийные ценности христианства и ислама являются разными в силу особенностей теологии и ритуалов.

Ключевые слова: религиозный дискурс, проповедь, ценности, сопереживание, эмоциональное воздействие

Для цитирования: Тимохина Л.Р. Ценностный и функциональный потенциал религиозного дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 7–15. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-7-15>

THEORETICAL LINGUISTICS

Values and functions capacity of religious discourse

Liliya R. Timokhina

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation, timokh5572@mail.ru, 0009-0004-2067-9257

Abstract

The article deals with the problem of religious values expressed in the festive Christian (Orthodox) and Muslim sermons and their functional features. The research is carried out on the Easter Epistles in 2009 and 2014 and the Uraza Bairam sermons in 2009 and 2024. The purpose of the article is to define the functions of the two confessions sermons, to compare and contrast the values expressed in the epistles/sermons. Having analyzed the results of scientific research aimed at religious discourse and the genre of a sermon we define the functions of the sermons as the following: introduction to religion, reinforcement of faith, information for an addressee, edification, value instilling, appeal to self-improvement, uniting into a single community, evaluation of the current situation, emotional appeal. Emotional appeal is an important element in building the value picture of the world. Emotional reaction of the addressee includes empathy which is created during religious communication process. We define the necessary conditions for empathy as belonging to "we-group" and sharing values of an addresser and an addressee. We came to the conclusion that the values expressed in the epistles/sermons are common for both confessions. They are God, faith, eternal life, sticking to the commandments, rituals, positive emotions (love, joy, hope), help and empathy, strength and patience. The difference between the values lies in the fact that Easter is dedicated to Jesus Christ's feat and believers feel the gratitude for it, Uraza Bairam is the end of the Lent, which presents a certain difficulty for believers and believers have to pay mandatory alms, which is declared in the sermons as a value of self-control and brotherhood with co-religionists. The analyzed epistles/sermons enable us to make conclusions about the functional similarity of the two confessions sermons. Value capability is similar in their core component, which is expressed by different language units. Peripheral values of Christianity and Islam are different due to peculiarities of theology and rituals.

Keywords: *religious discourse, sermon, values, empathy, emotional appeal*

For citation: Timokhina L.R. Tsennostnyy i funktsional'nyy potentsial religioznogo diskursa [Values and functions capacity of religious discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 7–15 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-7-15>

Введение

Религия, ее институциональные проявления в виде храмов, служителей культа, праздников и медийного присутствия все более прочно входят в современное российское общество. Появление священнослужителей на официальных мероприятиях, интервью прессе, масштабные мероприятия по поводу религиозных праздников становятся частью нашей жизни и культуры. Стоит отметить, что Россия является многоконфессиональной страной, в которой осуществляется полилог различных религий и течений.

Аксиологическая функция является одной из важнейших функций религии. Религия дает точку опоры и определяет круг ценностей личности. К. Армстронг полагает, что «люди верят в богов с тех пор, как обрели человеческие черты» [1, с. 9]. А.Г.-Б. Салахова подчеркивает важность «удовлетворения потребностей человека в поиске жизненных координат, предельных нравственных ценностей, предоставление нравственных ориентиров и обобщенных способов взаимодействия с собой и другими» [2, с. 158].

Религия, с одной стороны, отличается догматизмом и приверженностью традициям, но, с другой стороны, меняется с развитием общества. Процесс изменений является неизбежным, так как «все религии меняются и развиваются, иначе рискуют просто устареть» [1, с. 209]. Как отмечает С. Хьюард, современное состояние религии характеризуется двумя процессами: медиатизации и секуляризации [3, с. 46].

Религиозные организации активно осваивают интернет-пространство: издаются электронные издания, каждое духовное объединение имеет свой сайт, на некоторых из них постоянно публикуется множество материалов, существуют группы в различных мессенджерах, вступить в которые может любой желающий, электронные энциклопедии и справочники содержат статьи по любым религиозным тематикам.

Меняется и хронотоп религиозного дискурса. Если, по мнению В.И. Карасика, в традиционном понимании хронотопом выступает храм [4, с. 221], то с появлением онлайн-ресурсов, публикующих,

например, проповеди религиозных деятелей, возникает возможность читать (или слушать, смотреть) данные материалы, не посещая храм. Как отмечает К. Чумакова, «хронотоп выходит за рамки одной определенной конфессии и становится интегрированным в общественную жизнь людей, независимо от их социального статуса и религиозной принадлежности» [5, с. 90].

Одной из современных особенностей религиозного дискурса мы считаем популяризацию, под которой мы понимаем коммуникацию не только на теологические темы, но и обсуждение каждодневных, практических аспектов веры. Религиозный дискурс традиционно считался одним из наиболее неизменных, так как апеллировал к священным книгам, насчитывающим несколько столетий истории, и в целом религиозный язык был одной из мало изменяющихся сфер языковой реализации [6, 7]. Современные реалии требуют новых подходов, одним из которых является упрощение диктума религиозного общения и, соответственно, изменение языковой реализации. А. Алсаави отмечает, что традиционные молитвы не изменяются со временем, но проповеди меняются от архаичных в сторону более обыденно ориентированных [8, с. 238].

Материал и методы

Материалом исследования являются пасхальные послания и проповеди на праздник Ураза-байрам, опубликованные на официальных сайтах религиозных организаций. Пасха и Ураза-байрам являются одними из самых значимых в рассматриваемых конфессиях праздниками. Анализируемые проповеди были опубликованы в 2009 и 2024 гг. [9–16].

Методологию составляют метод дискурс-анализа, а также интерпретации контекстуального содержания текстового материала.

Результаты и обсуждение

Классическое понимание проповеди представлено в работе О.А. Прохвятиловой как «публичная речь, обращенная к коллективному адресату верующих, собравшихся на богослужение» [17, с. 20]. Современная реальность вносит свои коррективы в данное понимание, и в нашей жизни появляются телепроповеди, проповеди по радио, интернет-проповеди, в виде видеозаписи или текста на сайте религиозной организации. Данный жанр религиозного дискурса является активно развивающимся, кроме того, он отличается от других тем, что обладает достаточной гибкостью и авторской свободой.

Исследованиям различных аспектов проповедей, в том числе и их функциональных особенностей, посвящено немало лингвистических работ. Проанализировав многочисленные точки зрения на

функциональный потенциал проповедей, мы выделяем следующие функции, реализуемые в текстах проповедей:

1. Обращение в веру, приобщение к религии. Данная функция, называемая «миссионерство», «прозелитизм», выделяется исследователями как первостепенная, так как с практической точки зрения проповедь направлена на то, чтобы привлечь человека в церковь и сделать членом церковной общины. Между миссионерством и прозелитизмом есть разница, состоящая в том, что миссионерство направлено на обращение в свою веру человека не верующего совсем, а прозелитизм – на переход из одной конфессии в другую. Однако процесс уверования и воцерковления (участия в жизни общины) постепенный и не достигаемый за одну проповедь. Между первыми мыслями о принятии религии и крещением/произнесением шахады может пройти какой-то период времени.

2. Укрепление веры, получение поддержки Бога. Слушание/чтение проповеди, размышление над вечными истинами помогают верующему получить силы для своей жизни. Христианство налагает на человека врожденное чувство греховности, в исламе человек скорее не грешен, а слаб [18]. В религиозном общении он черпает поддержку и получает благодать/баракат. На наш взгляд, это одна из важнейших функций проповеди, так как может помочь верующему в сложный период.

3. Информирование адресата. Просвещение является наиболее часто упоминаемой функцией. Это обусловлено, во-первых, современным развитием общества, когда информация превратилась в ценный ресурс, во-вторых, адресат проповеди воспринимает проповедника как более статусную, знающую фигуру, поэтому ожидает определенного «научения», тем более самостоятельное изучение Священного Писания представляет сложности для некомпетентного прихожанина в силу метафоричности и архаичности языка. Во время праздничных проповедей информирование является неотъемлемой функцией, так как тематика праздника является диктумом текста проповеди.

4. Назидательность, поучение. Наставление, дидактичность проповеди отличается от просвещения тем, что в нем присутствует оценочность и персуазивность. Иллокутивная цель проповедника состоит в том, чтобы побудить слушателя жить и поступать согласно религиозному учению. Е.В. Бобырева подчеркивает, что проповедь должна быть «максимально доступной для некоего усредненного адресата» [19, с. 180]. И.Н. Щукина настаивает на индивидуальной ориентации проповеди, полагая, что «главная цель проповедника – научить прихожанина индивидуально, именно не всех, а каждого, найти путь в царствие небесное» [20, с. 85].

Выделяя отдельный жанр религиозного наставления, А.А. Зарайский, Е.А. Семухина определяют его основную функцию как воздействие на адресата, которое осуществляется путем аргументации [21, с. 296]. Назидание/насихат – практическая сторона вероучения, которая требует не только веры, но и поступков.

5. Формирование ценностей. В основе любого мировоззрения лежат определенные ценности. Церковь активно постулирует ценностную составляющую религиозной картины мира. Е.А. Козлова, М.В. Гремицкая подчеркивают, что в эпоху потери ориентиров и отказа от идеологии религиозный институт «остается важным, а во многих случаях единственным фактором формирования нравственных ценностей» [22, с. 286].

6. Призыв к самосовершенствованию, к душевной работе. Постоянная работа над собой, душевный подвиг – высшая цель всех религий мира. Ритуальность, обрядовость являются второстепенными по отношению к душевному росту человека, к воспитанию в себе добродетелей, к более праведным мыслям и поступкам. К. Чумакова называет такое воздействие «свидетельством» (побуждение к внутренней, незримой работе над собой) [5].

7. Объединение прихожан в религиозную общину. Социальная функция, функция совместности и поддержки является одной из самых древних для человеческого общества. Религиозное объединение осуществляется не только на аксиологической основе, члены одного прихода/уммы не только разделяют общие ценности, но и поддерживают друг друга психологически, зачастую участвуют совместно в мероприятиях – от благотворительности до досуговых развлечений, а также помогают друг другу материально, что закреплено в мусульманстве на обязательной основе (выплата закята). «Твердый эгалитаризм (справедливое общество) остается характерной чертой исламского идеала», отмечает К. Армстронг [1, с. 387].

8. Представление оценки текущей ситуации. Данная функция не выделяется основной массой исследователей, но, на наш взгляд, является актуальной, так как позволяет верующему разобраться в неоднозначных вопросах. Современная жизнь часто ставит новые вызовы обществу, так как возникают ситуации и проблемы, которых раньше человечество не знало. Интернет-ресурсы религиозных организаций реагируют на события сегодняшнего дня и размещают обращения/выступления/заявления своих лидеров по поводу сложных вопросов. Праздничные проповеди также предлагают взгляд официальной религиозной организации на современные обстоятельства, что помогает прихожанам вписать свои религиозные ценности в современную жизнь.

9. Эмоциональное воздействие. Данная функция является одной из ключевых в религиозном общении. Все личностное общение пронизано эмоциями, и эмоциональность составляет важную часть при посещении храма, при чтении религиозной литературы, при общении на религиозные темы. Эмоции являются неотъемлемой составляющей человеческой жизни, и их выражение при использовании языка не вызывает сомнения [23]. Наряду с духовной поддержкой человек получает и эмоциональную подпитку от проповедей, особенно если хронотопом дискурса является храм. Важность эмоций отмечается рядом исследователей. Е.А. Кожемякин отмечает, что эмоциональное воздействие влияет на «эффект вовлечения адресата в дискурсивное поле» [24, с. 11]. Эмоционально-воздействующая стратегия выделяется О.А. Парфеновой, К.А. Селиверстовой как одна из ведущих в текстах проповедей [25]. О.В. Омельченко видит предпосылки высокой эмоциональности религиозного текста в том, что, «будучи рассчитан на массового адресата, он понятен любому человеку» [26, с. 9].

Сопереживание/эмпатия – феномен, который характерен для религиозного дискурса, особенно в жанре проповеди. Во время слушания, чтения проповеди адресат испытывает как положительные, так и отрицательные эмоции по поводу определенных событий и ситуаций. Эволюционно эмпатия возникла как явление, распространяющееся на ближайшее окружение человека. Исследуя сопереживание в религиозном дискурсе, мы пришли к выводу, что условиями сопереживания являются: искренние отношения (принадлежность к группе) и общие ценности. Религиозная картина мира подразумевает определенную систему координат, которая формирует свое видение мира человека и выражается в языке.

Пасхальное послание патриарха Кирилла от 19 апреля 2009 г. содержит следующие христианские ценности: *Христос, Спаситель, Всесильный Господь; величие подвига Спасителя; Пасхальная радость, радость о Христе; жизнь вечная; благодать; Божиим заповедям; богопознание, любовь, сострадание, милосердие, поддержка*. Основная интенция послания заключается в том, чтобы напомнить прихожанам о Христовой жертве во имя человечества, о радости праздника, о соблюдении заповедей. *Пасхальное ликование наполняет наши сердца... Пасху как торжество жизни мы призваны переживать не только сегодня: каждый воскресный день являет нам величие подвига Спасителя, освободившего нас от смерти и разрушившего оковы греха, который отделяет человека от Бога. Более того, каждая минута жизни истинного христианина должна быть наполнена Пасхальной радостью... Будем ревностно прилагать усилия к*

тому, чтобы не только жизнь каждого из нас, но и жизнь всего общества устраивалась по Божьим заповедям, ибо только их исполнение принесет людям полноту и гармонию бытия. Именно этим мы сможем засвидетельствовать свою любовь к Богу [9].

Пасхальное послание патриарха Кирилла от 5 мая 2024 г. сосредоточено на следующих ценностях: Христос, Спаситель; Небесное Царство, бессмертие; воскресение; заповеди Господни; вера; благодарность; радость, надежда, любовь, благодать, милосердие; чистота жизни, благонравие, добрые дела; силы, терпение. В послании 2024 г. мы выделяем призыв к тому, чтобы справляться со сложностями и, обретая силу, двигаться дальше: Осознание этой всепобеждающей любви Божией побуждает нас к благодарности Создателю и дает силы преодолевать самые тяжелые душевные состояния и трудные обстоятельства... разрушает уныние, препятствующее нам полноценно жить и духовно развиваться [10].

Пасхальное послание архиепископа Красноярского и Енисейского Антония от 19 апреля 2009 г.: Христос, Спаситель; Царство Небесное, бессмертие; милость Божия; вера; Великий пост; церковные обряды, молитва; любовь, радость; Храм, Православная церковь. Архиепископ Антоний делает акцент на обрядовой, ритуальной стороне, на соблюдении правил, на православной церкви как источнике силы и веры. Назидаясь Величайшим праздником Пасхи Христовой, переживанием Радости вседушевной своего собственного воскресения со Христом, будем стремиться всегда следовать этой Радости неземной, не забывая, что в наибольшей степени помогает в этом очищении души собственной вечной и бессмертной – один чистый источник на нашей земле, Источник – всегда живительной, всепобеждающей силы в не-вечернем Царствии Христа Спасителя – Его святая Православная Церковь! [11].

Пасхальная проповедь митрополита Пантелеимона от 5 мая 2024 г.: Господь; вечная жизнь; душа; заповедь; радость, любовь, терпение, уважение; сила. Поздравляя с праздником Пасхи, митрополит Пантелеимон подчеркивает важность данного праздника и его значение в жизни верующих. Светлое Христово Воскресение, праздник Светлой Пасхи приносит нам, верующим людям, не только радость, но и укрепляет наши силы, открывает нам новые житейские возможности, утешает в наших болезнях, горестях, и переживаниях, ибо Пасха – это победа жизни над смертью [12].

Среди ценностей ислама в проповеди муфтия России Равиля Гайнутдина от 20 сентября 2009 г. мы выделяем: поклонение Аллаху, богобоязненность; милость Аллаха; соблюдение поста; чтение и изучение Корана; молитвы; щедрость, мило-

сердие, сострадание; помощь нуждающимся и страждущим; контроль над собой, сдерживание от дурных поступков и греховных дел; терпение и терпимость; стремление духовно очиститься и самосовершенствоваться. Священный месяц Рамадан – это особое время для мусульман. Равиль Гайнутдин отмечает, что, соблюдая пост, мы исполнили повеление нашего Творца Аллаха и выполнили свой долг перед Ним... Мы стремились уделять больше времени чтению Священного Кур'ана, его пониманию и осмыслению, возносили молитвы за себя и близких, за мусульман. Рамадан являлся для нас... умножением нашей щедрости, милосердия и сострадания, сдерживания от дурных поступков и греховных дел. Мы старались самосовершенствоваться и контролировать себя [13].

Праздничная проповедь муфтия России Равиля Гайнутдина от 10 апреля 2024 г. посвящена ценностям: единый Бог – Аллах и Мухаммад – Посланник Аллаха; вера и богобоязненность; воздержание от еды и питья (пост); молитвы и чтение Корана; выплата милостыни – закят уль-фитр; братство и духовное единение; укрепление семейных уз и родственных связей; любовь к Творцу, к ближним, к родному дому, родной земле и своему Отечеству; уважение, любовь, внимательность, бережное отношение, взаимопонимание; уважение старших, почитание пожилых, защита детей; труд во благо семьи, помощь родителям на старости, пример для детей. Подытоживая свою проповедь, муфтий России Равиль Гайнутдин заявляет, что мусульманин – это тот, кто, сохраняя свою веру, умеет мирно и по-братски жить в одном обществе с людьми другой веры, другого языка, другой нации. Наша твердая убежденность в своей правоте в деле защиты нравственных ценностей, поддержки развития и укрепления института семьи, воспитания молодежи, наш патриотизм, сохранение знаний о своих корнях и традициях основаны на предписаниях Единобожия, заветах мира и со-зидания! [14].

Праздничная проповедь муфтия Красноярского края Гаяза Фаткуллина от 20 сентября 2009 г. определяет мусульманские ценности: Единый бог Аллах, Мухаммад – пророк его; месяц Рамадан, пост; победа над самим собой, над собственными желаниями и нафсом; вера; чистота души, доброта, мудрость, сострадание, милосердие, взаимопонимание, помощь друг другу, помощь бедным и нуждающимся. Ключевые идеи проповеди заключаются в том, что многие мусульмане с честью выдержали трудности поста, на протяжении всего месяца соблюдая все его предписания, оказывая помощь ближним и сдерживая себя от сквернословия и дурных поступков. Месяц закончился, однако хочется думать, вместе с ним не закончились

добрые дела и мусульмане продолжают вести себя так, как и подобает мусульманам, которые для людей всего мира должны служить образцом добродетели и человеколюбия [15].

В праздничной проповеди муфтия Красноярского края Гаяза Фаткуллина от 10 апреля 2024 г. мы выделяем следующие ценности: *Аллах, посланник Мухаммад; упование на Аллаха, вера; судный день; пост, молитва; терпение; очищение; закят; любовь, братство, помощь, поддержка, сострадание, радость, надежда, благословение*. В праздник Ураза-байрам, день разговения *сотни миллионов верующих... идут в мечети, чтобы прочитать праздничную молитву, попросить прощения у Аллаха, просить Его, чтобы Он принял наши молитвы в течение дня и ночи, чтобы принял дни праведных в посте, чтобы принял закят уль-фитр и благие деяния* [16].

Сравнивая ценности, которые постулируются в христианстве и в исламе, мы выделяем следующие параллели:

Бог. Как в христианстве, так и в исламе высшей ценностью является Бог. В христианских посланиях употребляются лексемы *Христос, Спаситель, Всесильный Господь*. В исламе – *Единый бог Аллах, Мухаммад – пророк его*.

Вера. В исламе к вере добавляется *богобоязненность, упование на Аллаха*, но обе религии имеют ценностью *милость Бога*.

Вечная жизнь. Христиан ожидает *Небесное Царство, бессмертие, вечная жизнь*. Мусульман – *судный день, врата рая*.

Выполнение заповедей. Выполнение заповедей – важнейшая составляющая религиозной картины мира. Для христианства это *заповеди Господни, Божии заповеди, Великий пост*. Для ислама – *соблюдение поста, воздержание от еды и питья, месяц Рамадан, выплаты милостыни закят уль-фитр*.

Ритуалы. Особенное значение ритуалам придается в проповеди архиепископа Красноярского и Енисейского Антония от 19 апреля 2009 г. Лексемы для обозначения ритуалов в христианстве – *церковные обряды, молитва*, в исламе – *чтение и изучение Корана, молитвы*.

Положительные эмоции. Чувства, которые испытывают верующие, одинаковы в обеих конфессиях – *любовь, радость, надежда*.

Помощь и сопереживание. Лексические средства выражения помощи и эмпатических чувств одинаковы как для христианства, так и для ислама – *сострадание, милосердие, поддержка, взаимопонимание, помощь*.

Силы, терпение. Проповеди 2024 г. (как христианские, так и мусульманские) делают акцент на ценности силы и терпения (терпимости).

Среди различий в ценностях, которые были обнаружены нами при сопоставлении двух конфессий, мы выделяем следующие: христианство акцентирует идею подвига Спасителя, благодарность, испытываемую верующими по этому поводу. Ислам учит духовному единению, братству, контролю над собой и помощи бедным и нуждающимся. Эти различия обусловлены принципиальными чертами, присущими данным праздникам. Пасха – праздник жертвы Христа, его любви к человечеству, и главной эмоцией верующего является ответная любовь, благодарность, признание, умиротворение и светлая радость. Пост, предшествующий Пасхе, представляет собой определенные ограничения, которые не являются абсолютными. Праздник Ураза-байрам завершает месяц Рамадан, в течение которого верующие придерживаются строгого поста в течение всего светового дня, что является серьезным испытанием для души и тела. Поэтому одной из ценностей, декларируемых в проповедях, является ценность терпения и самоконтроля. Обязательная милостыня в пользу бедных, а также совместные молитвы в мечети, когда люди стоят тесными рядами, способствуют формированию ценности единения и братства.

Заключение

Религиозный дискурс, представленный жанром проповеди, подвержен изменчивости в силу социальных процессов. Современная праздничная проповедь отражает религиозные ценности, ключевые для определенной конфессии. Функциональный потенциал проповедей выражается в приобщении к религии, укреплении веры, информировании адресата, назидательности, формировании ценностей, призыве к самосовершенствованию, объединении прихожан в единую общину, представлении оценки текущей ситуации, эмоциональном воздействии.

Религиозные ценности, декларируемые в праздничных проповедях, являются схожими как для христианства, так и для ислама. Ключевые ценности – Бог, вера, вечная жизнь, выполнение заповедей, ритуалы, положительные эмоции (любовь, радость, надежда), помощь и сопереживание, силы и терпение. Периферийные ценности отличаются в силу разницы в обрядовости и разной смысловой нагрузки религиозных праздников.

Список источников

1. Armstrong K. A history of God: the 4000-year quest of Judaism, Christianity, and Islam. New York: Gramercy Books, 1993.

2. Салахова А.Г.-Б. Конфессиональная языковая личность: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21): в 2 ч. Ч. I. С. 157–161.
3. Хьярвард С. Три формы медиатизированной религии: изменение облика религии в публичном пространстве // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 2. С. 41–75.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.
5. Чумакова К. Религиозный дискурс в массмедиа // Современный дискурс-анализ. 2012. № 1 (6). С. 82–90.
6. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge University Press, 2019. 580 p. doi: 10.1017/9781108528931
7. Pihlaja S. Analysing Religious Discourse: Introduction. 2021. P. 111 doi: 10.1017/9781108863957.001
8. Alsaawi A. The use of language and religion from a sociolinguistic perspective // Journal of Asian Pacific Communication. 2022. № 32. P. 238–255. doi: 10.1075/japc.00039.als
9. Пасхальное послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла от 19 апреля 2009 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/611790.html> (дата обращения: 26.06.2024).
10. Пасхальное послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла от 5 мая 2024 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6123602.html> (дата обращения: 26.06.2024).
11. Пасхальное послание Высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Красноярского и Енисейского от 19 апреля 2009 года. URL: <https://kerpc.ru/media/arhipastyr/obrashheniya/47088> (дата обращения: 12.08.2024).
12. Пасхальная проповедь митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона от 5 мая 2024 года. URL: <https://kerpc.ru/media/arhipastyr/propovedi/150310> (дата обращения: 6.05.2024).
13. Проповедь Председателя Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина в Ураза-байрам от 20 сентября 2009 года. URL: <https://muslim.ru/articles/297/13088/> (дата обращения: 31.05.2024)
14. Проповедь Председателя Совета муфтиев России муфтия шейха Равиля Гайнутдина в Ураза-байрам от 10 апреля 2024 года. URL: <https://muslim.ru/articles/298/39971/> (дата обращения 12.04.2024).
15. Праздничная проповедь муфтия Красноярского края Гаяза-хазрата Фаткуллина в Ураза-байрам от 16 сентября 2009 года. URL: <http://islamsib.ru/islam/propovedi/29-prazdnik-id-al-fitr> (дата обращения: 1.06.2024).
16. Праздничная проповедь муфтия Красноярского края Гаяза-хазрата Фаткуллина в Ураза-байрам от 10 апреля 2024 года. URL: <http://islamsib.ru/news/1512-id-al-fitr-eto-prazdnik-terpelivykh-tekh-kto-rabotal-nad-soboj-ves-mesyats> (дата обращения 12.04.2024).
17. Прохвятилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2006. Вып. 5. С. 19–26.
18. Журавский А. Представления о человеке в Коране и Новом Завете // Страницы. 1996. № 3. С. 139–148.
19. Бобырева Е.В. Теория дискурса: религиозный дискурс. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2023. 226 с.
20. Щукина И.Н. Рациональность эмоционального в религиозных программах российского телевидения (на материале проповедей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котуровой. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 85–92.
21. Зарайский А.А., Семухина А.А. Культурное знание как концептуальное основание речевого жанра религиозного наставления (на материале медиадискурса) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 294–299. doi: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-294-299
22. Козлова Е.А., Гремицкая М.В. Концепт ВЕРА и религиозный дискурс: влияние медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 1. С. 285–290.
23. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
24. Кожемякин Е.А. Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 2 (97). С. 32–47.
25. Парфенова О.А., Селиверстова К.А. Лингвостилистические особенности англоязычной проповеди // Интерактивная наука. 2016. № 9. С. 63–66.
26. Омельченко О.В. Модальность религиозных предписаний и запретов (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2023. 26 с.

References

1. Armstrong K. *A history of God: the 4000-year quest of Judaism, Christianity, and Islam*. New York, Gramercy Books, 1993.
2. Salakhova A.G.-B. Konfessional'naya yazykovaya lichnost': k postanovke problemy [Confessional language personality: problem outline]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2013, no. 3 (21): in 2 parts, part I. Pp. 157–161 (in Russian).
3. Kh'yarvard S. Tri formy mediatizirovannoy religii: izmeneniye religii v publichnom prostranstve [Three forms of media-based religion: religion image change in the public society]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2020, vol. 38, no. 2, pp. 41–75 (in Russian).

4. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsept, diskurs* [Language circle: personality, concept, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 447 p. (in Russian).
5. Chumakova K. Religioznyy diskurs v massmedia [Religious discourse in mass media]. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2012, no. 1 (6), pp. 82–90 (in Russian).
6. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge University Press, 2019. 580 p. doi: 10.1017/978110852893
7. Pihlaja S. *Analysing Religious Discourse: Introduction*. 2021. P. 111. doi: 10.1017/9781108863957.001
8. Alsaawi A. The use of language and religion from a sociolinguistic perspective. *Journal of Asian Pacific Communication*, 2022, no. 32, pp. 238–255. doi: 10.1075/japc.00039.als
9. *Paskhal'noye poslaniye Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla ot 19 aprelya 2009 goda* [Easter Epistle of Moscow and all the Russia's His Holiness the Patriarch Kirill on April 19, 2009] (in Russian). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/611790.html> (accessed 26 June 2024).
10. *Paskhal'noye poslaniye Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla ot 5 maya 2024 goda* [Easter Epistle of Moscow and all the Russia's His Holiness the Patriarch Kirill on May 5, 2024]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6123602.html> (accessed 26 June 2024).
11. *Paskhal'noye Poslaniye Vysokopreosvyashchennyshego Antoniia, Arkhiyepiskopa Krasnoyarskogo i Yeniseyskogo ot 19 aprelya 2009 goda* [Easter Epistle of His Eminence Antony, Krasnoyarsk and Yeniseisk's Archbishop on April, 19 2009] (in Russian). URL: <https://kerpc.ru/media/arhipastyr/obrashheniya/47088> (accessed 12 August 2024).
12. *Paskhal'naya propoved' mitropolita Krasnoyarskogo i Achinskogo Panteleymona ot 5 maya 2024 goda* [Easter Epistle of Krasnoyarsk and Achinsk's Metropolitan Panteleimon on May 5, 2024] (in Russian). URL: <https://kerpc.ru/media/arhipastyr/propovedi/150310> (accessed 6 May 2024).
13. *Propoved' Predsedatelya Soveta muftiyev Rossii muftiya sheykha Ravilya Gaynutdina v Uraza-bayram ot 20 sentyabrya 2009 goda* [The sermon of Russian Muftis' Council Chairman sheikh Ravil Gainutdin on Uraza Bairam on September 20, 2009] (in Russian). URL: <https://muslim.ru/articles/297/13088/> (accessed 3 May 2024).
14. *Propoved' Predsedatelya Soveta muftiev Rossii muftiya sheykha Ravilya Gaynutdina v Uraza-bayram ot 10 aprelya 2024 goda* [The sermon of Russian Muftis' Council Chairman sheikh Ravil Gainutdin on Uraza Bairam on April 10, 2024] (in Russian). URL: <https://muslim.ru/articles/298/39971/> (accessed 12 April 24).
15. *Prazdnichnaya propoved' muftiya Krasnoyarskogo kraia Gayaza-khazrata Fatkullina v Uraza-bayram ot 16 sentyabrya 2009 goda* [Festive sermon of Krasnoyarski krai's mufti Gayaz-khazrat Fatkullin on September 16, 2009] (in Russian). URL: <http://islamsib.ru/islam/propovedi/29-prazdnik-id-al-fitr> (accessed 1 June 2024).
16. *Prazdnichnaya propoved' muftiya Krasnoyarskogo kraia Gayaza-khazrata Fatkullina v Uraza-bayram ot 10 aprelya 2024 goda* [Festive sermon of Krasnoyarski krai's mufti Gayaz-khazrat Fatkullin on April 10, 2024] (in Russian). URL: <http://islamsib.ru/news/1512-id-al-fitr-eto-prazdnik-terpelivyykh-tekh-kto-rabotal-nad-soboj-ves-mesyats> (accessed 12 April 2024).
17. Prokhvatilova O.A. Ekstralingvisticheskiye parametry i yazykovyye kharakterisriki religioznogo stilya [Extralinguistic parameters and language characteristics of religious style]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2006, vol. 5, pp. 19–26 (in Russian).
18. Zhuravskiy A. Predstavleniya o cheloveke v Korane i Novom Zavete [The image of a person in Quran and New Testament]. *Sranitsy*, 1996, no. 3, pp. 139–148 (in Russian).
19. Bobyreva E.V. *Teoriya diskursa: religioznyy diskurs* [Theory of discourse: religious discourse]. Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyy tsentr Publ., 2023. 226 p. (in Russian).
20. Shchukina I.N. Ratsional'nost' emotsional'nogo v religioznykh programmakh rossiyskogo televideniya (na materiale propovedey mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla) [Rationality of emotions in religious programmes of Russian TV (based on sermons of Smolensk and Kaliningrad's mitropolit Kirill)]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Stereotypes and creativity in text: interuniversity collection of scientific papers]. Ed. M.P. Kotyurova. Perm, Perm State University Publ, 2010. Iss. 14. Pp. 85–92 (in Russian).
21. Zarayskiy A.A. Kul'turnoye znaniye kak kontseptual'noye osnovaniye rechevogo zhanra religioznogo nastavleniya (na materiale mediadiskursa) [Cultural knowledge as a conceptual basis of an instruction as a religious genre (based on mediadiscourse)]. *Zhany rechy – Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 294–299 (in Russian). doi: 10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-294-299
22. Kozlova E.A., Gremitskaya M.V. Kontsept VERA i religioznyy diskurs: vliyaniye media [Concept BELIEF and religious discourse: media influence]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2003, vol. 16, no. 1, pp. 285–290 (in Russian).
23. Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnosis Publ, 2008. 416 p. (in Russian).
24. Kozhemyakin E.A. Religioznyy diskurs: metodologiya issledovaniya [Religious discourse: research methodology]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Filosofia. Sotsiologiya. Pravo*, 2011, no. 2 (97), pp. 32–47 (in Russian).
25. Parfenova O.A., Seliverstova K.A. Lingvostilisticheskiye osobennosti angloyazychnoy propovedi [Lingvostylistic features of the sermon in the English language]. *Interaktivnaya nauka – Interactive Science*, 2016, no. 9, pp. 63–66 (in Russian).

26. Omel'chenko O.V. *Modal'nost' religioznykh predpisaniy i zapretov (na materiale pravoslavnogo veroucheniya). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Modality of religious regulations and prohibitions. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Volgograd, 2023. 26 p. (in Russian).

Информация об авторе

Тимохина Л.Р., аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (ул. А. Лебедевой, 89, Красноярск, Россия, 660049).

E-mail: timokh5572@mail.ru; ORCID ID: 0009-0004-2067-9257; SPIN-код: 1878-1287; Author ID: 666058.

Information about the author

Timokhina L.R., postgraduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University (ul. A. Lebedevoy, 89, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660049).

E-mail: timokh5572@mail.ru; ORCID ID: 0009-0004-2067-9257; SPIN-code: 1878-1287; Author ID: 666058.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 25.09.2024; accepted for publication 03.04.2025

УДК 81-2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-16-24>

Специфика нативизации английского языка в Нигерии

Татьяна Геннадьевна Волошина¹, Марина Дмитриевна Богданова²

^{1,2} *Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия*

¹ *tatianavoloshina@rambler.ru; 0000-0003-4161-3949*

² *bogdanova-marina.busy@yandex.ru; 0009-0009-0324-2164*

Аннотация

Плюрицентричность английского языка зависит от его контактного взаимодействия с иными языками и культурами. Цель работы – выявить специфику явления «нативизация» на примере современного состояния английского языка, функционирующего на территории Нигерии, посредством изучения современных средств массовой информации, ввиду диалектного континуума и мультилингвизма, на основании динамической теории Э. Шнейдера, постулирующего об единообразном процессе, происходящем с языком при появлении его на чужеродной земле. Установлено, что нигерийский вариант английского языка тяготеет к тенденции лингвистической гомогенизации. Для современного состояния исследуемого варианта характерна стадия нативизации, затрагивающая фазу эндонормативной стабилизации, ввиду письменной кодификации языка посредством выпуска словарей нигерийского варианта английского языка и выхода художественной литературы на исследуемом варианте языке. Выявлено, что языковая интерференция происходит не однопланово, затрагивая состояние нигерийского варианта английского языка и автохтонные языки, что в свою очередь приводит к языковой дифференциации, когда носители различных этнических сообществ уподобляют английский язык в русле своих лингвистических особенностей. Определено, что нативизация характерна для лексического, синтаксического, фонетического уровней нигерийского варианта английского языка, функционирующего в англоязычных нигерийских СМИ. На лексическом уровне происходят высокочастотные взаимозаимствования языковых единиц как из автохтонных языков в английский язык, так и наоборот, что приводит к ситуационному переключению кодов у носителей языка. Для синтаксической нативизации свойственно конструирование предложений в нигерийском варианте английского языка в соответствии с синтаксическими правилами коренных языков. Фонетическая нативизация проявляется в адаптации системы консонантизма (замена согласных звуков на аналоги автохтонных языков) и вокализма (количественное сокращение гласных звуков, монофтонгизация дифтонгов) к фонетическим аналогам местных языков. Наблюдается специфическая черта звукопроизносительной речи носителей нигерийского варианта английского языка – использование речевого ритма (или тона), вследствие чего возникает послоговое произнесение слов и смещение ударения.

Ключевые слова: языковой контакт, нативизация, английский язык, нигерийский вариант английского языка, СМИ Нигерии

Для цитирования: Волошина Т.Г., Богданова М.Д. Специфика нативизации английского языка в Нигерии // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 16–24. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-16-24>

Nigerian English nativization process

Tatyana G. Voloshina¹, Marina D. Bogdanova²

^{1,2} *Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation*

¹ *tatianavoloshina@rambler.ru; 0000-0003-4161-3949*

² *bogdanova-marina.busy@yandex.ru; 0009-0009-0324-2164*

Abstract

The pluricentricity of the English language depends on its contact interaction with other languages and cultures. The purpose of the work is to identify the specifics of the phenomenon of “nativization” on the example of the current state of the English language functioning in Nigeria, through the study of modern mass media, in view of the dialect continuum and multilingualism, based on the dynamic theory of E. Schneider, which postulates a uniform process occurring with a language when it appears in a foreign land. It is established that the Nigerian English tends to the trend of linguistic homogenization. The current state of the studied variant is characterized by the stage of nativization, affecting the phase

of endonormative stabilization, in view of written codification of the language, through the publication of Nigerian English Dictionaries and the publication of national literature in Nigerian English. It was revealed that language interference does not occur in a one-dimensional manner, affecting the state of Nigerian English and autochthonous languages. This situation leads to linguistic differentiation when speakers of different ethnic communities adapt English to their own linguistic peculiarities. It is determined that nativization is characteristic of the lexical, syntactic, phonetic levels of Nigerian English functioning in the English-speaking Nigerian media. At the lexical level, high-frequency interchanges of words and expressions occur, both from autochthonous languages into English and vice versa, which leads to situational code-switching among native speakers. Syntactic nativization is characterized by the construction of sentences in Nigerian English in accordance with the syntactic rules of indigenous languages. Phonetic nativization manifests itself in the adaptation of consonants' system (replacement of consonant sounds with analogues of autochthonous languages) and vocalism' system (quantitative reduction of vowel). A specific feature of sound-pronunciation speech of Nigerian English speakers is observed by using of speech rhythm (or tone), which leads to the syllabic pronunciation of words and the stress shift.

Keywords: language contact, nativization, English, Nigerian version of English, Nigerian media

For citation: Voloshina T.G., Bogdanova M.D. Spetsifika nativizatsii angliyskogo yazyka v Nigerii [Nigerian English nativization process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 16–24 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-16-24>

Введение

Языковой революцией конца XX в. стало глобальное распространение английского языка (АЯ) в мире. На протяжении веков лингвисты и различные научные деятели прилагали множество усилий для создания единого универсального языка, пример такому явлению – языки волапюк и эсперанто, однако попытки не увенчивались успехом – языки не функционировали в обществе и исчерпывали свою необходимость к существованию [1].

Английский язык, напротив, естественным образом стал мировым языком, языком международного общения, политики, финансов, средств массовой информации. Однако все большее распространение английского языка привело к диверсификации языка, т. е. к появлению новых форм и вариантов и способов их употребления в различных культурных контекстах. Более того, в странах постколониальной эпохи, где английский язык был языком колонизаторов, этот язык не только не утратил своей актуальности, но и, наоборот, был возведен в статус официального, что привело к ограничению роли автохтонных языков и доминированию роли английского языка во всех сферах жизни местного населения.

Кроме того, в свете социалингвистических исследований 60-х гг. прошлого столетия установлено, что дифференциация языка проходит не только ввиду географического расположения, но и с учетом индивидуальных особенностей носителя языка, его принадлежности к определенному социальному и этническому классу, образованию, полу. Данное понимание обусловило появление двух основных ветвей социалингвистики: макросоциалингвистики и микросоциалингвистики. Макросоциалингвистика занимается изучением функций языков и языковых разновидностей в обществе, т. е. вопросами языковой политики, многоязычия,

диглоссии, использования языка в области образования [1]. В свою очередь микросоциалингвистика, разработанная У. Лабовым, с одной стороны, использует количественные методы для определения детальных корреляций между отдельными языковыми вариантами (особенности произношения, морфологии и синтаксиса), с другой стороны, занимается изучением изменчивости языков под влиянием экстрасоциалингвистических факторов и индивидуальных особенностей человека [2, с. 122–130].

Таким образом, можно утверждать, что любые изменения в языке на микроуровне (например, в бытовом дискурсе) могут в конечном итоге привести к масштабным изменениям на макроуровне, т. е. на уровне целого социума. Так, язык, попадая в определенное, отличное от его естественной среды окружение, проходит процесс аккультурации, приобретая новые языковые формы и способы выражения.

Материал и методы

В данной работе анализу подлежит специфика явления нативизации английского языка на территории Нигерии с использованием метода лингвистического анализа устных и письменных текстов средств массовой информации, теоретического анализа и синтеза уже имеющихся научных сведений об индигенизации языка на территории африканской страны.

Результаты и обсуждение

Впервые в лингвистике феномен «языковая нативизация» был описан в работе американского социалингвиста Дж. Фишмана в 1972 г. *The sociology of language* («Социология языка») в контексте языковой политики постколониальных стран, где он определяет процесс «нативизации», или, по-другому, «индигенизации», как адаптацию чужеродного

языка в новых условиях, взаимодействие его с этническими языками и способ сохранения культурной идентичности нации, посредством его использования [3, с. 90–111].

В дальнейшем в лингвистике поднимался вопрос относительно мировых вариантов английского языка, который до сих пор является дискуссионным. Значительный вклад в изучение данной проблемы внес индийско-американский лингвист Б.Б. Качру, проанализировав английский язык, функционирующий в разных частях мира. Ученый рассматривал процесс адаптации английского языка в мировом сообществе и выделил три круговые модели. Во внутреннем круге исследователь расположил такие страны, как Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Во внешнем круге автор выделил страны Африки (ЮАР, Гана, Нигерия, Танзания, Замбия, Кения) и Азии (Индия, Сингапур). В расширяющийся круг входят такие страны, как Египет, Китай, Россия [4, с. 2].

Данная концепция носит название *World Englishes* («мировые варианты английского языка»), определяет плюрицентризм английского языка в мире и возможность его самостоятельного существования без элитарных и стандартизированных установок, навязанных бывшей метрополией в постколониальных странах.

Наибольший интерес вызывает языковая ситуация в странах внешнего круга, когда, с одной стороны, происходит упор на англофонию в связи с колониальным навязыванием английского в прошлом и глобальным его распространением в мире сегодня, с другой стороны, английский язык подвержен процессу аккультурации и подвергается нативизации под влиянием этнических сообществ, становясь неотъемлемой частью социального и культурного ландшафта стран внешнего круга, где английский язык больше не воспринимают как иностранный язык, а считают полноценным инструментом коммуникации среди различных слоев населения в разнообразных контекстах [5].

Уникальным лингвосоциокультурным феноменом, на наш взгляд, можно назвать сложившуюся языковую ситуацию в странах Африки, в частности мы рассматриваем Федеративную Республику Нигерию с ее многоязычным обществом в рамках мультилингвизма. На территории Нигерии функционирует множество автохтонных языков, пиджин инглиш, а также трехступенчатая модель нигерийского варианта английского языка (НВАЯ), в которую входят языковые варианты «базилект» (просторечная форма языка), «мезолект» (неформальная форма языка, используемая компетентными носителями), «акролект» (максимально приближенная форма языка к литературной норме) [6].

Следовательно, возникает вопрос, каким образом проходит процесс нативизации английского языка ввиду вышеупомянутых особенностей страны. По утверждению Э. Шнайдера, «существует общий основополагающий процесс» эволюции языка на территориях стран внешнего круга, на основании этого процесса формируется независимый вариант языка, отличный от «стандартного»: «эволюция языка понимается как последовательность характерных этапов переписывания идентичности нации и связанные с этим лингвистические изменения, затрагивающие обе стороны», описанные в книге *Postcolonial English: Varieties Around the World* («Постколониальный английский: разновидности по всему миру») в модели *Dynamic Model of Postcolonial English* («Динамическая модель постколониального английского языка»), где процесс нативизации является одним из этапов адаптации иностранного языка к местной культуре, включающих локальную адаптацию – уподобление иностранного языка автохтонным языкам и культурным особенностям и, как следствие, приобретение лексических и синтаксических особенностей; функциональное расширение – использование языка в различных аспектах жизни и увеличение его функционала; формирование местного варианта – очевидные преобразования языка и отклонение от «стандартного» варианта [1, с. 37].

Однако, как упоминалось ранее, явление нативизации в концепции Э. Шнайдера – это всего лишь один этап в цепочке эволюционирования иностранного языка в чужеродной среде, начало которого идет от фазы основания (*Foundation*) – процесс введения иностранного языка в новую среду. Говоря об английском языке постколониального времени, следует отметить, что этот момент представлял собой прибытие колонизаторов на иноземную территорию и непосредственное контактирование с местным социумом, где языковая ситуация следовала двум векторам развития: в качестве *STL* (*Settlers speech community* – языковое сообщество поселенцев) и *IDG* (*Indigenous speech community* – языковое сообщество коренных народов) [1, с. 33–34].

Развитие иностранного языка под влиянием метрополии с целью формального общения, понимаемое как фаза экзорегуляции (*Exonormative Stabilization*), подразумевает под формальным общением ведение дел административного и политического характера людьми высшего класса со стороны коренного населения, тем самым появляются зачатки сегрегационной элитарности среди местных жителей в связи с престижностью владения языком захватчика. Соответственно, чужеродный язык все глубже интегрирует в слои общества, охватывая уже и местное саморегулирование, торговлю и образование [1, с. 36–39].

Третьей фазой в динамической модели Э. Шнайдера является фаза нативизации как центральное звено в эволюции языка, где происходит необратимая трансформация национальной идентичности двух языковых сообществ: поселенцев и коренных жителей, разрыв между которыми значительно сокращается по причине идентифицирования обеими группами себя полноценными жителями одной и той же территории, когда стираются границы между понятиями «чужое» и «свое» и принимаются существовавшие социокультурные расхождения [1, с. 40–48].

Происходящее сращивание отчетливо прослеживается на лексическом уровне, когда обе группы языковых сообществ употребляют параллельно заимствованные языковые единицы в межличностном общении.

Еще одним явным примером языковой интерференции на данном этапе выступает фонология, т. е. обе языковые общности приобретают схожие фонетические особенности, уподобляя свои речевые стили друг к другу, чтобы достичь эффективной коммуникации и получить социальное одобрение слушающего.

При обращении к современной языковой ситуации с ассимилировавшимся английским языком в Нигерии нельзя не отметить, что трансформационный процесс проходит не в рамках референциального значения, а на уровне грамматики, морфологии и синтаксиса, что в свою очередь приводит к появлению уникальных конструкций, аутентичной фразеологии и идиосинкразии (уникально скомбинированные индивидом слова или выражения для передачи специфического смысла), т. е. говорящие на языке не просто являются пассивными реципиентами языковых форм, напротив, они являются «активными создателями языка» [7].

Четвертая фаза в динамической модели – фаза эндонормативной стабилизации (*endonormative stabilization*), которая характеризуется развитием внутренних эталонных норм языка относительно той страны, где функционирует данный язык, принятием языковой нормы социумом и необходимостью ее кодификации. В качестве кодификации может выступать создание общепринятых словарей и справочников, учебников по грамматике, что способствует укреплению национальной и языковой идентичности [1, с. 49–60].

Заключительной фазой формирования самостоятельного варианта языка является фаза дифференциации (*Differentiation*) – становление местного варианта с усиленным лингвистическим разнообразием, этот вариант полностью независим от метрополии, более того, он подвергается дроблению на отдельные подварианты в связи с разнообразием местных культур и языков, социальной

принадлежности, географии и многих других факторов. Данный этап можно охарактеризовать как «рождение новой нации» и формирование национальной идентичности, средством выражения которой на территории Нигерии является местная форма английского языка [1, с. 61–70]. В своей работе *The Handbook of World Englishes* Сэвил и Нельсон цитируют Г. Деверсона по отношению к языковой ситуации в Новой Зеландии: «В языке мы можем и должны действовать самостоятельно, создавая свои собственные стандарты» [8, с. 319–320].

Рассмотрим более подробно процесс нативизации английского языка на территории Нигерии. Следует упомянуть, что самое раннее появление английского языка в Западной Африке датируется XVII в., когда британские торговые корабли высадились на побережье Нигерии. Контакты местных жителей и прибывших поселенцев в основном ограничивались торговыми отношениями, а позже печально известной работорговлей, что в совокупности привело к зарождению пиджина английского языка [9].

С приходом миссионеров, которые сочли полезным использование пиджина английского языка, он проник вглубь страны, но подвергся стигматизации. Позже были разработаны целые акты по управлению страной через структуры власти коренных народов, необходимой составляющей такого администрирования было использование английского языка местными чиновниками (лорд Лугард, политика косвенного правления), члены которых предварительно были специально обучены. Таким образом, английский язык прочно утвердился в качестве языка администрации, образования, торговли и юриспруденции в стране [10, с. 54–60].

После приобретения независимости в 1960 г. английский язык не только не потерял своей актуальности на территории Нигерии, но и стал языком литературного творчества нигерийских писателей, киноиндустрии, музыки и средств массовой информации.

Глобальное интегрирование английского языка в умы нации произошло после принятия закона об образовании *Nigerian Education Act* («Нигерийский закон об образовании») в 1977 г. в Нигерии в рамках программы *National Policy on Education* (Национальная политика об образовании), которая устанавливает основные принципы обучения, в том числе языкового плана, где утверждается, что английский язык является основой обучения, только в начальной школе (1–3-й класс) допускается обучение на местных языках для лучшего усвоения материала [11]. Однако на среднем и старшем этапе обучения образовательная программа реализуется на английском языке.

Таким образом, становление личности ребенка происходит в рамках англоговорящей среды. Так-

же научным подтверждением того, что английский язык является средством коммуникации не только в образовании, но и в повседневном общении в кругу семьи, выступает исследование E. Mensah Language Choice and Family Language Policy in Inter-Ethnic Marriages in South-Eastern Nigeria («Выбор языка и политика в отношении языка в семье в межэтнических браках на юго-востоке Нигерии»), где автор приходит к выводу, что при выборе языка в межличностном общении в городских семьях среди многообразия автохтонных языков (свыше 250 коренных языков зафиксировано на территории Нигерии) индивиды склоняются в большей степени к коммуникации на английском языке, во-первых, в связи с убежденностью родителей в получении лучшего образования и более престижной работы при владении английским языком, во-вторых, со способностью самовыражения людей и культурных реалий через английский язык [12, с. 110–112].

Но было бы абсолютно неверным решением предположить, что местные языки выходят из употребления в Нигерии. Напротив, языковая политика страны в настоящее время поддерживает этнические языки, в частности такие как хауса, йоруба, игбо. Эти автохтонные языки несут большую национальную и культурную значимость для страны и ее жителей, доказательством этого является число носителей данных языков, каждый из которых насчитывает несколько миллионов человек в четырех из тридцати шести штатов [13, с. 486–488].

Таким образом, нативизация английского языка в Нигерии проходила по своему уникальному сценарию – в многоязычном обществе, где каждый из автохтонных языков оказывает свое неповторимое воздействие на английский язык, что, по утверждению Ж. Багана, приводит к «...изменениям в одном из них или во всех контактирующих языках. Подобные языковые изменения, обязанные влиянию языков друг на друга, носят название языковой интерференции» [14, с. 26–40].

В связи с цифровизацией современного общества актуально, на наш взгляд, проанализировать языковую интерференцию на примере социальных сетей по причине явного превосходства по численности использования молодым поколением, для которых английский язык является вторым языком. Для нашего исследования мы использовали такие социальные сети, как Nairaland platform и YouTube.

Наиболее распространенным способом воздействия языков друг на друга являются лексические заимствования, когда каждый язык ощущает приток иноязычной лексики. Безусловно, большая часть нововведений приходится на автохтонные языки, прежде всего это связано с индустриализацией и глобализацией общества посредством английского языка, где такие языковые единицы, как

technology, device, phone, являются неотъемлемой частью повседневной жизни [15]. С другой стороны, в современном обществе наблюдается и обратный процесс – заимствования в английский язык из коренных языков Нигерии, так, слово *jara*, пришедшее из языка йоруба, пользуется популярностью у современной молодежи, которая стремится покинуть страну в поисках «лучшей жизни». Лексема *jara* фактически означает «быстрое перемещение», но используется в качестве «переезд за границу». Лексема *werey*, обозначающая «сумасшедший, безумие» на языке йоруба, также распространена в социальных сетях в Нигерии [16].

Приведем примеры лексических заимствований: из языка игбо – *chimoo*, которое используется в качестве восклицания или выражения удивления; из языка хауса – *buka* (придорожный торговец едой), *whala* (популярное слово в различных видеороликах или комедийных сценах, пришедшее из арабского языка, обозначающее «террор, беда») [17, с. 2–6].

Очевидно, что взаимовлияние языков друг на друга ведет к переключению или смешению кодов, что является характерным для многоязычного общества. Как утверждает Б.Б. Качру в своих работах, переключение кодов – переход с кода А на код В в зависимости от контекста и ситуации общения при выражении различных аспектов своей идентичности. В свою очередь смешение кодов – это объединение элементов двух или более языков, при котором формируется новый код языкового воздействия. Нигерийцы в потоке речи без труда лавируют между двумя или более языками.

Помимо переключения и смешения кодов на лексическом уровне, наблюдается синтаксическое смешение кодов, когда нигерийцы выстраивают предложение на английском языке в соответствии с синтаксическими правилами одного из местных языков. Рассмотрим пример их местного языка изон (Izon):

I some money for him borrow.

Этот пример соответствует синтаксической конструкции *E zuwa okuba ko u boloi*, где слово *boloi* – *borrow* – глагол *одалживать* стоит в конце предложения, что совершенно нетипично для синтаксического строя английского языка, *zuwa* – *some* – *некоторое количество* занимает второе место в предложении и соотносится с существительным *okuba* – *money* – *деньги*, далее следует предлог *ko* – *for* – *для* и местоимение *u* – *him* – *него* [18, с. 124].

Однако наиболее очевидные признаки нативизации английского языка в Нигерии прослеживаются на фонетическом уровне как среди низших слоев населения, так и среди высшего класса.

Согласно социологическому исследованию в области фонологии нигерийского варианта англий-

ского языка, проведенному лингвистом Oladimeji Olaniyi в работе *A Variationist Approach to Nigerian English Phonology* («Вариационный подход к фонологии нигерийского английского языка»), отмечается, что широкая вариативность выбора фонологической единицы – характерный признак многоязычного общества, выбор произносительной единицы зависит от пола, возраста, образования, этнической и языковой принадлежности, данное явление в лингвистике определяется как «фонетическая интерференция» [19, с. 42–43].

Так, одной из общих особенностей нигерийской фонетической системы в системе консонантизма является избегание произношения фрикативных согласных звуков [ð] и [θ], причем звук [θ] в таких словах, как *this* или *three*, будет заменен на [t] или [d] – [dis] или [tree] преимущественно у носителей языка йоруба на западе страны, в то время как носители языка хауса на севере предпочитают замену на звук [s]. Также в некоторых случаях возникает потеря ротического согласного звука [r] *sir* – [sah] или его подмена на звук [l] *wrapper* – [lapper] среди менее образованных носителей английского языка в Нигерии, преимущественно владеющих языком игбо в качестве первого языка (Billing). Также в этнической группе хауса зафиксированы изменения звука [f] на [fp] и [ʒ] на [dʒ], замена звука [p] на [ff] или [b] на [v]: *difficulty* – [dippiculy] (трудность), *friend* – [priend] (друг), *problem* – [robem] (проблема), *phone* – [pone] (мелефон), *very good* – [bery good] (очень хорошо), что служит характерными речевым маркерами данной языковой группы [20, с. 1432–1436].

Система вокализма нигерийского варианта английского языка, как отмечает А.Д. Петренко, представлена меньшим количеством гласных звуков по сравнению с британским английским языком, в котором, как известно, имеется 20 гласных звуков, в то время как в английском языке, реализующемся этнической группой хауса, насчитывается 15 гласных звуков, а сообщество йоруба и игбо в своей системе вокализма используют всего 11 гласных звуков. Такое положение дел достигается путем потери долготы гласных (гомофония), сокращением или полным отсутствием дифтонгов [21, с. 183–187]. Например, лексема *poor* – [puə] (в британском английском языке) в нигерийском варианте английского языка (НВАЯ) произносится как [pa]; *enhance* (в британском английском языке [ɪnˈhɑːn(t)s]) имеет форму [ɪnˈhans] в НВАЯ.

Наблюдаются также трудности в речи нигерийцев при произношении центрального гласного [ɜ:], который заменяется звуками [ɔ] или [a] с орфографическим коррелятом -ur-, -or-, -er-, как, например, в словах *curd* – [kɔd], *word* – [wɔd], *serve* – [sarv] [22].

В речи нигерийцев часто появляются звуки [a] или [ɛ] в буквосочетаниях -ir-, -ear- или -er, как, например, в словах *sir* – [sah], *heard* – [had], *perch* – [peʃ] [23].

Яркой особенностью фонетической интерференции английского языка, функционирующего на территории Нигерии, является неосознанная замена ударения на тоны, т. е. изменения высоты звука, где каждый слог произносится с определенным тоном, что приводит к смещению ударений и послоговому произношению слов: *challenges* ([ˈʃælendʒɪz] в британском английском языке) имеет следующий вариант произношения и ударение в НВАЯ: [ʃaˈlendʒez]; *development* ([dɪˈveləpmənt] в британском английском языке) – [dɪveˈlɔpmənt] в НВАЯ, *facilitate* – ([fəˈsɪlɪteɪt] в британском английском языке) – [fəsiˈlɪteɪt] в НВАЯ [22].

Таким образом, очевидны отличительные звукопроизносительные особенности нигерийского варианта английского языка от стандартного произношения британского английского языка, характеризующиеся в первую очередь принадлежностью индивида к определенной этнической группе, во-вторых, принадлежностью людей к конкретному социальному классу и уровню образования. Следовательно, фонетическое и фонологическое исследование речи должно проходить в рамках социолингвистики и социофонетики, что позволяет наметить перспективы будущего исследования.

Заключение

На основании данного исследования установлено, что нигерийский вариант английского языка находится в активной фазе нативизации различных языковых уровней. Выявлены высокочастотные взаимозаимствования слов и выражений как нигерийским вариантом английского языка из автохтонных языков, так и наоборот, что свидетельствует о лексической нативизации английского языка в Нигерии, проявляющейся в полном или частичном переклещении «языковых кодов» у носителей языка.

Установлена синтаксическая нативизация нигерийского варианта английского языка, на основании которой происходит конструирование предложений в нигерийском варианте английского языка в соответствии с синтаксическими правилами коренных языков.

Проявление фонетической нативизации в нигерийском варианте английского языка охарактеризовано адаптацией системы консонантизма и вокализма к фонетическим аналогам местных языков. Так, в системе консонантизма наблюдается замена согласных звуков на аналоги автохтонных языков, причем выбор заменяемых звуков обусловлен этнической принадлежностью говорящего. Системе вокализма нигерийского варианта английского

языка свойственно количественное сокращение гласных звуков в связи с потерей долготы гласных звуков, редукцией или полным отсутствием дифтонгов. Наблюдается трудность в произношении центрального гласного [ɜ:] и замена его на характерные звуки из коренных языков.

Установлена отличительная черта звукопроизводительной речи носителей НВАЯ – использование речевого ритма (или тона), вследствие чего возникает послоговое произнесение слов и смещение ударения.

На основании концепции Б.Б. Качру относительно статуса английского языка в Нигерии выявлена абсолютная самостоятельность функционирования АЯ в стране, его предпочтительного выбора среди местного молодого населения в различного рода дискурсе. Такая независимость языкового варианта влечет его эволюционирование, которое рассмотрено нами в рамках пятифазовой модели Э. Шнайдера: основание (foundation), стабилизация (exonormative stabilization), последующая на-

тивизация (nativization), эндонормативная стабилизация (endonormative stabilization), дифференциация (differentiation), где стадия нативизации является одним из этапов становления самостоятельно-го варианта языка.

Вследствие чего доказано, что в условиях современности нигерийский вариант английского языка активно проходит стадию нативизации в связи с интерференционными процессами, затрагивая стадию эндонормативной стабилизации по причине письменной кодификации НВАЯ в художественной литературе нигерийских писателей, в текстах СМИ, выходом в свет словарей нигерийского варианта английского языка.

Таким образом, следует отметить, что специфика явления нативизации представляет собой многоплановый аспект развития автономного варианта языка, при анализе которого должны учитываться лингвосоциокультурные особенности страны в ее синхронической и диахронической перспективе, а также индивидуальные характеристики человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schneider E.W. Postcolonial English varieties around the world. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 367 p.
2. Labov W. Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1973. 344 p.
3. Fishman J.A. The sociology of language; an interdisciplinary social science approach to language in society. The Hague: Mouton, 1972. 250 p.
4. Kachru B.B. World Englishes: Approaches, Issues and Resources // Language Teaching: The International Abstract Journal for Language Teachers and Applied Linguists. 1992. Vol. 25, № 1. P. 1–14.
5. Baghaha J., Voloshina T.G., Glebova Ya.A., Radovich M.A. Globalization influence on linguistic and cultural state due to the language contacts' interaction // Laplage em Revista (Sorocaba). 2020. Vol. 6. P. 190–197.
6. Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Ya.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization // Espacios. 2018. Vol. 39, № 38. 7 p.
7. Baghana J., Voloshina T.G., Glebova Ya.A., Chernova O.O., Karpenko V.N. Language and cultural code peculiarities within the framework of cross-cultural communication // XLinguae. 2023. Vol. 16, № 1. P. 201–215.
8. Nelson C.L., Zoya G. The Handbook of World Englishes. Blackwell Publishing Ltd. NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2006. 816 p.
9. Мележик К.А. От глобального английского языка к национальному варианту английского лингва франка – проблемы коммуникативно-прагматической вариативности: дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 2018. 635 с.
10. Brutt-Griffler J. World English: A study of its development. Clevedon: Multilingual Matters, 2002. 215 p.
11. Salawu E. The language provisions of the national policy on education and the endangerment of Ogu in Southwestern Nigeria // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2018. Vol. 24, № 1. P. 1–13.
12. Mensah E. Language Choice and Family Language Policy in Inter-Ethnic Marriages in South-Eastern Nigeria // Studies in Literature and Language. 2012. Vol. 4, № 2. P. 107–114.
13. Tunde-Awe B.M. Nativization of English Language in a Multilingual Setting: The Example of Nigeria // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 3, № 6. P. 485–499.
14. Багана Ж. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм: М.: ФЛИНТА, 2016. 126 с.
15. Волошина Т.Г. Особенности индигенизации английского языка в Нигерии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 118–127.
16. Eberechi C.A. New Englishes from the Nigerian languages in social media // Sapientia Global Journal of Arts, Humanities and Development Studies. 2023. Vol. 6, № 4. P. 1–8.
17. Okunrinmeta U. Bilingualism and Linguistic Influence in Nigeria: Examples from the Works of Achebe and Emecheta // International Journal of English Linguistics. 2013. Vol. 3, № 4. P. 117–128.
18. Oladimeji O.A Variationist Approach to Nigerian English Phonology // World Journal of English Language. 2016. Vol. 6, № 3. P. 42–53.

19. Olusanmi B., Ndubuisi A. Nigerianism in Nigerian English: A Reflection of Ethnolinguistic Situation // *Theory and Practice in Language Studies*. 2020. Vol. 10, № 11. P. 1431–1436.
20. Петренко А.Д., Петренко Д.А. Социолингвистические особенности функционирования английского языка в Нигерии (фонетический аспект) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал*. 2019. Т. 5 (71), № 4. С. 180–196.
21. Mercy A.B. Allophonic Variations in Educated Yoruba-English Bilinguals' Pronunciation // *European Journal of Language and Culture Studies*. 2022. Vol. 1, № 5. P. 62–67.
22. Nairaland: official site. URL: <https://www.nairaland.com/> (дата обращения: 29.09.2024).
23. Youtube: official site. URL: <https://www.youtube.com/@arisenewschannel> (дата обращения: 29.09.2024).

References

1. Schneider E.W. *Postcolonial English varieties around the world*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 367 p.
2. Labov W. *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1973. 344 p.
3. Fishman J.A. *The sociology of language; an interdisciplinary social science approach to language in society*. The Hague, Mouton, 1972. 250 p.
4. Kachru B.B. World Englishes: Approaches, Issues and Resources. *Language Teaching: The International Abstract Journal for Language Teachers and Applied Linguists*, 1992, vol. 25, no. 1, pp. 1–14.
5. Baghaha J., Voloshina T.G., Glebova Ya.A., Radovich M.A. Globalization influence on linguistic and cultural state due to the language contacts' interaction. *Laplage em Revista (Sorocaba)*, 2020, vol. 6, pp. 190–197.
6. Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization. *Espacios*, 2018, vol. 39, no. 38. 7 p.
7. Baghana J., Voloshina T.G., Glebova Y.A., Chernova O.O., Karpenko V.N. Language and cultural code peculiarities within the framework of cross-cultural communication. *XLinguae*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 201–215.
8. Nelson C.L., Zoya G. *The Handbook of World Englishes*. Blackwell Publishing Ltd. NJ, John Wiley & Sons, Inc., 2006. 816 p.
9. Melezhik K. A. *Ot global'nogo angliyskogo yazyka k natsional'nomu variantu angliyskogo lingva franka – problemy kommunikativno-pragmaticheskoy variativnosti. Dis. dokt. filol. nauk* [From global English to national variant of English lingua franca – problems of communicative-pragmatic variation. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Simferopol', 2018. 635 p. (in Russian).
10. Brutt-Griffler J. *World English: A study of its development*. Clevedon, Multilingual Matters, 2002. 215 p.
11. Salawu E. The language provisions of the national policy on education and the endangerment of Ogu in Southwestern Nigeria. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 1–13.
12. Mensah E. Language Choice and Family Language Policy in Inter-Ethnic Marriages in South-Eastern Nigeria. *Studies in Literature and Language*, 2012, vol. 4, no. 2, pp. 107–114.
13. Tunde-Awe B.M. Nativization of English Language in a Multilingual Setting: The Example of Nigeria. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2014, vol. 3, no. 6, pp. 485–499.
14. Baghana Zh., Hapilina E.V. *Kontaktnaya lingvistika. Vzaimodeystviye yazykov i bilingvizm* [Contact linguistics. Language interaction and bilingualism]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 126 p. (in Russian).
15. Voloshina T.G., Osobennosti indigenizatsii angliyskogo yazyka v Nigerii [Features of English language indigenization in Nigeria]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 118–127 (in Russian).
16. Eberechi C.A. New Englishes from the Nigerian languages in social media. *Sapientia Global Journal of Arts, Humanities and Development Studies*, 2023, vol. 6, no. 4, pp. 1–8.
17. Okunrinmeta U. Bilingualism and Linguistic Influence in Nigeria: Examples from the Works of Achebe and Emecheta. *International Journal of English Linguistics*, 2013, vol. 3, no. 4, pp. 117–128.
18. Oladimeji O.A. Variationist Approach to Nigerian English Phonology. *World Journal of English Language*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 42–53.
19. Olusanmi B., Ndubuisi A. Nigerianism in Nigerian English: A Reflection of Ethnolinguistic Situation. *Theory and Practice in Language Studies*, 2020, vol. 10, no. 11, pp. 1431–1436.
20. Petrenko A.D., Petrenko D.A. Sotsiolingvisticheskiye osobennosti funktsionirovaniya angliyskogo yazyka v Nigerii (foneticheskiy aspekt) [Sociolinguistic peculiarities of English language functioning in Nigeria (phonetic aspect)]. *Uchyonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. Nauchnyy zhurnal – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2019, vol. 5 (71), no. 4, pp. 180–196 (in Russian).
21. Mercy A.B. Allophonic Variations in Educated Yoruba-English Bilinguals' Pronunciation. *European Journal of Language and Culture Studies*, 2022, vol. 1, no. 5, pp. 62–67.
22. Nairaland: official site. URL: <https://www.nairaland.com/> (accessed 29 September 2024).
23. Youtube: official site. URL: <https://www.youtube.com/@arisenewschannel> (accessed 29 September 2024).

Информация об авторах

Волошина Т.Г., доктор филологических наук, доцент, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Победы, 85, корпус 10, Белгород, Россия, 308015).

E-mail: tatianavoloshina@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-6839-9631; SPIN-код: 8603-6242; Scopus ID: 56716072300.

Богданова М.Д., аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Победы, 85, корпус 10, Белгород, Россия, 308015).

E-mail: bogdanova-marina.busy@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0009-0324-2164; SPIN-код: 4430-8418.

Information about the authors

Voloshina T.G., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Belgorod State National Research University (ul. Pobedy, 85, building 10, Belgorod, Russian Federation, 308015).

E-mail: tatianavoloshina@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-6839-9631; SPIN-code: 8603-6242; Scopus ID: 56716072300.

Bogdanova M.D., postgraduate student, Belgorod State National Research University (ul. Pobedy, 85, building 10, Belgorod, Belgorod, Russian Federation, 308015).

E-mail: bogdanova-marina.busy@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0009-0324-2164; SPIN-code: 4430-8418.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 29.10.2024; accepted for publication 03.04.2025

УДК 81'37-112.2
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-25-33>

Когнитивно-семантический механизм конструкции X ЕСТЬ X

Чжан Цзин

Шэньянский политехнический университет, Шэньян, Китай, 283706168@qq.com; 0009-0004-4243-2546

Аннотация

X ЕСТЬ X – это сжатая конструкция суждения с омографами субъекта и именного предиката, характерная для повторяющейся речи. На первый взгляд, конструкция X ЕСТЬ X не передает никакой новой информации и является бессмысленным речевым актом. Однако выбор любой речевой формы целенаправлен, служит цели смыслопорождения и является сознательным стратегическим выбором пользователя языка. Поэтому понимание смысла конструкции X ЕСТЬ X не может быть получено только из ее буквального значения. Цель исследования – основываясь на концептуальном денотативном значении и ассоциативной информации лексических единиц, объяснить механизм смыслообразования этой конструкции с точки зрения когнитивной семантики, интерпретировать субъективные намерения и дискурсивные смыслы говорящего. Языковыми материалами исследования выступили фразы с конструкцией X ЕСТЬ X из Национального корпуса русского языка. Для исследования семантического механизма конструкции X ЕСТЬ X в основном использованы методы описания и интерпретации. Последний X в конструкции X ЕСТЬ X имеет характерное значение и контекстуальный смысл высказывания, а пре-X обеспечивает предпосылки и пресуппозиции для ассоциации пост-X в дополнительном атрибутивном значении, что экономит время и усилия слушателя на обработку информации, которая предполагается идеальной когнитивной моделью и контекстом. Можно также сказать, что в конструкции X ЕСТЬ X есть три фокуса: синтаксический репрезентативный фокус – пост-X, семантический фокус – ассоциативная информация X, т. е. дополнительное атрибутивное значение, и основной фокус – конкретная коннотация в дополнительном атрибутивном значении. Идеальная когнитивная модель является основой для формирования дополнительного значения X, а когнитивный контекст играет важную роль в выявлении и выборе проявления и рецепции дополнительного значения X. Выбранные атрибутивные признаки становятся фокусом дискурса и носят маркирующий характер, выражая субъективное намерение говорящего и дискурсивный смысл. Интерпретация значения структуры X ЕСТЬ X основывается на концептуальном денотативном значении дискурса, активизируя ассоциативную информацию лексических единиц в сотрудничестве с идеальной когнитивной моделью и когнитивными контекстами, обращаясь к признакам настоящего в значении дополнительных атрибутов, а затем выводя богатое дискурсивное значение структуры.

Ключевые слова: когнитивная семантика, X ЕСТЬ X, конструкция повторного суждения, дискурс, коннотация, идеальная когнитивная модель

Источник финансирования: Статья написана при поддержке проекта «Фундаментальные исследования Департамента образования провинции Ляонин» («Исследование механизма смыслопорождения конструкции X ЕСТЬ X в рамках когнитивной семантики», номер проекта: LJKMR20220632).

Для цитирования: Чжан Цзин. Когнитивно-семантический механизм конструкции X ЕСТЬ X // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 25–33. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-25-33>

Cognitive-semantic mechanism of the construct X IS X

Zhang Jing

Shenyang Ligong University, Shenyang, China, 283706168@qq.com; 0009-0004-4243-2546

Abstract

X IS X is a compressed judgment construction with homographs of subject and nominal predicate, characteristic of repetitive speech. At first glance, the construction X IS X does not convey any new information and is a meaningless speech act. However, the choice of any speech form is purposeful, serves the purpose of meaning production and is a conscious strategic choice of the language user. Therefore, understanding the meaning of the construct X IS X cannot be derived from its literal meaning alone. Purpose – Based on the conceptual denotative meaning and associative information of lexical units, we try to explain the mechanism of meaning formation of this construction from the point

of view of cognitive semantics, interpreting the subjective intentions and discursive meanings of the speaker and opening a new perspective for further research. The linguistic materials of the study are phrases with the construction X IS X from the National Corpus of the Russian Language. To investigate the semantic mechanism of the X IS X construction, we mainly use descriptive and interpretive methods. The polysemantic X in the X IS X construction has the characteristic meaning and contextual meaning of the utterance, and the pre-X provides preconditions and presuppositions for the association of the post-X in the additional attributive meaning, which saves the listener's time and effort to process the information that is assumed by the ideal cognitive model and context. We can also say that there are three focuses in the instruction X IS X: the syntactic representational focus is the post-X, the semantic focus is the associative information of X, i.e., the additional attributive meaning, and the main focus is the specific connotation in the additional attributive meaning. The ideal cognitive model is the basis for the formation of the additional meaning of X, and the cognitive context plays an important role in identifying and selecting the manifestation and reception of the additional meaning of X. The selected attributive features become the focus of discourse and have a marking character, expressing the speaker's subjective intention and discursive meaning. The interpretation of the meaning of the structure X IS X is based on the conceptual denotative meaning of discourse, activating the associative information of lexical units in the cooperation of the ideal cognitive model and cognitive contexts, addressing the features of the present in the meaning of additional attributes, and then deriving the rich discursive meaning of the structure.

Keywords: *cognitive semantics, X IS X, repeated judgment construction, discourse, connotation, ideal cognitive model*

This article was written with the support of the project “Fundamental Research of Liaoning Provincial Department of Education” (“Research on the Meaning Generation Mechanism of X IS X Construct within the Framework of Cognitive Semantics”, project number: LJKMR20220632).

For citation: Zhang Jing. Kognitivno-semanticheskii mekhanizm konstruktssii X YEST' X [Cognitive-semantic mechanism of the construct X IS X]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 25–33 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-25-33>

Введение

Одной из отличительных особенностей человеческого языка является его креативность. Однако в процессе повседневного общения и использования языка люди постоянно повторяют свои или чужие слова. Повторение – распространенное явление в человеческой речи, и существует множество видов повторения, например, повторение начальных букв, повторение структуры предложения, повторение первых слов, повторение последних слов и т. д. Повторение обычно рассматривается как нулевая передача информации, поскольку, в соответствии с информационной структурой, сообщение должно содержать как новую, так и старую информацию, но структура повторения не передает никакой новой информации на поверхности, и это бессмысленное речевое поведение. X ЕСТЬ X является типичной сжатой конструкцией суждения, относится к повторяющейся речи, логическая форма выражения имеет следующий вид: $A^{X(A(X) \rightarrow A(X))}$. С точки зрения формальной структуры, связкой суждения в структуре повторного суждения обычно служит *есть*, иногда оно усиливается за счет использования дискурсивных маркеров *и, всё же, всё-таки, -то* и т. д. Основная конструкция – X ЕСТЬ X. Подлежащее и именная часть связочного сказуемого (предикатив) омофоничны и гомоморфны.

Семантически это конструкции «нулевой информации», но высказывание отражает свое реаль-

ное функциональное значение, передавая конкретную семантическую информацию, расположение компонентов предложения служит для выражения содержания, и конструкция должна иметь свою языковую основу и значимые особенности. С точки зрения характеристик информационной структуры, кодирование информации в предложении часто происходит по принципу «от старого к новому», конец предложения обычно является коммуникативной позицией предиката, естественным фокусом предложения, и чем ближе к концу предложения, тем более новая информация передается. В случае с конструкцией X ЕСТЬ X два X, несмотря на одинаковые звучание и форму, обозначают разные значения, и повтор слова, следующего за связкой суждения, является фокусом информации структуры, отражающим истинное дискурсивное намерение говорящего. В целом в конструкциях X ЕСТЬ X дается характеристика предмету речи: первый повторяющийся элемент указывает на объект, а второй – на его свойство [1, с. 119].

Материал и методы

Примеры конструкций X ЕСТЬ X были найдены с помощью Национального корпуса русского языка. Для изучения семантического механизма конструкции X ЕСТЬ X в основном использованы методы описания и интерпретации. Описание и интерпретация являются взаимодополняющими

методами исследования в лингвистике. Описание направлено на выявление различных агрегирующих и комбинирующих свойств, правил и законов языковых единиц; интерпретация же направлена на выявление внутренних и внешних причин представления этих свойств, правил и законов языковых единиц, что является более глубоким исследованием, углубляющимся от формы языка до семантики, когнитивной, национальной культуры, социального контекста и других аспектов языка.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показывают, что в русском языке широко распространены конструкции с лексическими повторами, включая тавтологии различных типов, противоречия, так называемые лексические клоны, и другие конструкции с тождественными словоформами. Е.Л. Вилинбахова рассмотрела сравнительные конструкции с тождественными словоформами типа *люди как люди*. Она отмечает, что сравнительные конструкции с тождественными словоформами являются субъективными суждениями, и трактует их следующим образом: «говорящий считает, что референт не дает оснований для повышенного внимания к себе». Интерпретация «соответствие референта норме, стандарту» представлена как дефолтная инференция адресата, которая может быть отменена при наличии противоречащих ей фоновых знаний или контекстов [2, с. 641]. А. Вежицкая отмечает, что значение конструкции *Х ЕСТЬ Х* не является межъязыковым универсальным и не может быть выведено исключительно из какого-то универсального лингвистического принципа. Конструкция *Х ЕСТЬ Х* в высшей степени статусно ориентирована, и в естественных языках не существует ее точного аналога; ее структурное значение варьируется от языка к языку, поэтому значения различных конструкций *Х ЕСТЬ Х* и подобных языковых средств выражения, особенно установочные значения, должны быть учтены соответствующими языковыми выражениями. В связи с этим значения, выражаемые различными конструкциями *Х ЕСТЬ Х* и аналогичными языковыми средствами, особенно установочные, должны быть учтены соответствующими языковыми выражениями, и анализ конструкции *Х ЕСТЬ Х* только на основе какого-то универсального, не зависящего от языка принципа невозможен [3, с. 70]. По мнению Т.С. Остапенко, конструкция *Х ЕСТЬ Х* имеет как независимое от контекста основное значение, определяемое семантическими признаками, т. е. статутное значение, так и непосредственное значение, т. е. значение, выводимое из контекста, которое необходимо исследовать как семантически, так и прагматически [4, с. 18].

В китайской лингвистике традиционная стилистика включила конструкцию *Х ЕСТЬ Х* в рамки риторики, утверждая, что этот уникальный риторический стиль обладает сильным воздействием, и что это выражение с богатым подтекстом и значительным риторическим эффектом с точки зрения передачи чувств и передачи смысла. Люй Шусян [5] считает, что этот вид риторики является одновременно объяснительным и пояснительным; Шао Цзинмин [6] подчеркивает, что это «терпимая» фигура, в которой одни и те же слова используются для формирования тесной связи в одном предложении, что порождает новые смыслы и делает выражение новым и ярким; Пань Гоин [7] отмечает, что «тавтология» – это особый формат повтора, который отличается от повтора тем, что одни и те же части появляются симметрично. На основе предыдущих исследований Чэнь Синьжэнь [8] и Вэнь Сюй [9] предлагают использовать теорию ассоциативного дискурса для объяснения когнитивного механизма и имплицитной интерпретации конструкции *Х ЕСТЬ Х*. Согласно ассоциативной теории, человеческое познание основано на ассоциативности. Вербальная коммуникация представляет собой эксплицитно-рассудочный процесс. Процесс понимания дискурса – это непрерывный процесс создания и нахождения ассоциаций. Релевантность возникает из контекстуальных эффектов, и она прямо пропорциональна контекстуальным эффектам. С другой стороны, чем больше усилий требуется от слушателя, тем меньше релевантность. Человеческое познание – это получение максимальной релевантности, т. е. максимального контекстуального эффекта при минимальных затратах на обработку [4, с. 15]. Конструкция *Х ЕСТЬ Х* – это намеренный выбор выражения говорящим, который соответствует определенной потребности в его выражении. Поэтому слушатель, понимающий конструкцию *Х ЕСТЬ Х*, должен воспринимать дискурс как передающий оптимальную релевантность, т. е. усилия, необходимые для его понимания, должны соответствовать контекстуальному эффекту дискурса. Каждый человек в своей языковой деятельности по-своему интерпретирует результаты познавательных процессов, опираясь на собственный опыт взаимодействия с окружающим миром и предшествующий языковой опыт, представленный в его картине мира [10, с. 5].

В процессе изучения многочисленных литературных источников мы пришли к выводу, что понимание конструкции *Х ЕСТЬ Х* – это, по сути, процесс поиска и определения, в ходе которого коммуникативный субъект должен постоянно искать и извлекать из когнитивного контекста общие атрибутивные признаки предмета, которые можно соотнести с текущим контекстом. Однако для вы-

ведения значения конструкции *Х ЕСТЬ Х* недостаточно опираться только на когнитивный контекст, поскольку любое дискурсивное значение – это психокогнитивный процесс, сочетающий концептуальное значение лексических единиц с субъективным намерением говорящего, поэтому процесс выведения дискурсивного значения конструкции *Х ЕСТЬ Х* должен осуществляться с помощью концептуального значения *Х* и некоторых концептуальных теорий психокогниции.

1. Смысл дискурса, коммуникативные намерения и формы дискурса

Язык не является самостоятельной системой, он представляет собой результат переплетения многих факторов, таких как объективная реальность, человеческое сознание, физиологические основы речевого аппарата и т. д.

Описание языков должно соответствовать общим законам человеческого познания и восприятия, чтобы обладать большей объяснительной силой и убедительностью [11, с. 122–123]. С появлением и развитием прагматики, введением таких теоретических понятий, как референция, речевой акт и смысл дискурса, изучение значения предложений перешло из семантической стадии в прагматическую, и значение, о котором мы говорим, – это смысл дискурса в коммуникации. Смысл дискурса ограничивается не только внутренней структурой дискурса, синтаксической структурой и конвертированием коммуникативной функции семантических единиц, но и познанием взаимодействия человека с объективным миром. Конструирование смысла высказывания проявляется как динамический процесс активации, соединения и перестройки внутреннего знания коммуникативного субъекта. Это происходит в процессе когнитивной обработки речи, направленной на реализацию коммуникативного намерения [12, с. 104–105].

Намерение – важная характеристика человеческого сознания, которая состоит из трех факторов: свободного я (субъекта интенциональной деятельности), объекта (предмета интенциональной деятельности) и собственно интенциональной деятельности (содержания интенциональной деятельности). Коммуникативная интенция – это коммуникативное намерение, которое представляет собой коммуникативную цель, достигаемую субъектом вербальной коммуникации, и является основой и ядром смысла дискурса. В определенной степени вербальная коммуникация – это коммуникация намерения, а намерение, вступающее в коммуникацию, должно быть выразимым и понятным, иначе о смысле дискурса говорить будет невозможно. Следовательно, должны существовать какие-то методы, позволяющие связать дискурс и интенцию, и

форма дискурса является условным средством, позволяющим связать эти два понятия [13, с. 110–111]. Формы дискурса, т. е. языковые выражения, – это средства, с помощью которых осуществляется вербальная коммуникация, и внешние признаки коммуникативного намерения и дискурсивного смысла. Языковые выражения сами по себе не имеют дискурсивного значения; они характеризуют опыт человеческого разума и являются движущей силой конструирования смысла с помощью привычных процессов речи [14, с. 302]. Ключевая проблема, которую решает когнитивная обработка коммуникативного субъекта, – это установление связи между коммуникативным намерением и формой дискурса, и именно в этом процессе конструируется смысл дискурса.

Смысл – это форма производной интенциональности, а производные формы – это морфемы, высказывания или символы разного рода, которые не только имеют языковые значения, но и воплощают намерение говорящего, которое выражается в когнитивных контекстах на основе концептуального значения. Конструкция суждения с повтором первого и последнего слова в естественном языке представляет собой буквально «нулевое информационное» избыточное языковое выражение, которое не несет никакой новой пропозициональной информации, но его использование выражает субъективное намерение говорящего и его мировоззренческое значение, либо утвердительное, либо нейтральное, либо оппозиционное. Например:

Мастер есть мастер: умело управляя куполом, он все же сумел приземлиться так же, как и его товарищи, на взлетно-посадочную полосу. (Пример из НКРЯ.)

В этом примере «мастер» относится к категории людей под названием «мастер», которая является категорией класса с понятийным семантическим денотатом, а «мастер₂» относится к типичным существенным характеристикам категории людей под названием «мастер», таким как «мудрый, знающий, способный, неординарный» и т. д. С помощью этой повторяющейся структуры говорящий пытается выразить свое субъективное отношение к мастеру. Повторяя одни и те же понятия в одном и том же высказывании, говорящий пытается передать субъективное намерение, казалось бы, бессмысленное выражение, пытаясь выделить существенные признаки человека, которые должны быть выражены через отношения между понятиями и признаками.

2. Коннотация лексических единиц

Лексическая единица – слово, устойчивое словосочетание или другая единица языка, способная обозначать предметы, явления, их признаки, может

быть разделена на семантический, синтаксический и прагматический аспекты, как и обычные знаки, и включает в себя отношения между лексемами, понятиями, объектами и говорящими [15, с. 12]. Соответствуя этим уровням исследования, значение лексических единиц состоит из концептуального, референциального, комбинаторного и прагматического уровней значения (связь комбинаторного значения со структурой *X ЕСТЬ X* будет изложена в отдельной статье). Референциальное значение выражает взаимную связь, на одном конце которой находится дискурсивный символ или дискурсивный знак и его концептуальное значение, а на другом – тот же предмет, который может быть им обозначен. Референциальное значение фокусируется на денотацию слова, например, *солдат* относится ко всем, кто имеет статус военного и служит в армии, *мальчик* – ко всем несовершеннолетним юношам, а главные, обладающие референциальным значением, – это субстантивы, которые могут выступать в качестве тематических элементов в предложении.

Концептуальное значение лексической единицы – это отраженное в сознании и лексических единицах общее и существенное свойство однотипных вещей, эквивалентное по содержанию концептуальной коннотации, например, концептуальное значение *воды* – бесцветная, прозрачная жидкость для питья или других целей; концептуальное значение *прямой* – кратчайшее расстояние между точками. Прагматический уровень значения лексической единицы также заложен в специфическом субъективном отношении социокультурной группы языка к обозначаемому, которое носит дискурсивный или оценочный характер, в совокупности называемый коннотацией лексической единицы, который также соответствует значению дополнительных атрибутов слова [16, с. 5–6].

Коннотация предназначена для субъективной оценки, включающей несущественные признаки вещей, обозначаемых лексическими единицами, в основном обозначает специфические свойства вещей, например, коннотация слова *семья* включает в себя атрибуты «уют, спокойствие, дни мирной жизни, свобода»; слово *мальчик* связано с озорными, непослушными, неуправляемыми и живыми качествами; *солдат* обладает атрибутами «честность, настойчивость, верность своим обязанностям»; *осел* связан с признаками «упрямство и глупость»; *французы* ассоциируются с «французской романтикой и беззаботностью»; а *песок* ассоциируется со свойствами изменчивости и текучести; ассоциативная информация слова *елка* – «радостный Новый год, вечнозеленый и вечноживущий».

Эти признаки несут в себе оценочное содержание, описывающее или изменяющее коннотацию

слова, они не являются объективными, существенными и отличительными признаками предмета, о котором идет речь, это лишь вспомогательная информация и дополнительные признаки лексической единицы, но связь с лексической единицей носит постоянный характер. Они не участвуют в формировании концептуального значения и уж тем более не входят в словарное толкование. Например, словарное толкование слова *мачеха* – «другая жена отца, неродная мать, повенчанная мать; отцова жена, детям прежнего брака», а ее ассоциативная информация о «неласковом, неприветливом, недоброежелательном, бессердечном, злом, жестоком поведении» не входит в концептуальное значение. Ассоциативная информация отражает уровень дискурсивного значения лексических единиц, которое отличается от концептуального значения, с одной стороны, отражающего субъективное отношение субъекта речи к объектам, а не их собственные свойства и, с другой стороны, выражающего субъективное отношение представителя лингвокультурной группы, а не субъективное отношение говорящего как индивида [5, с. 273–274].

В речевой коммуникации для выделения особых признаков морфемы немаркированный референт приобретает маркированный характер. Семантический фокус морфемы *X* с определенным атрибутивным значением смещается за счет специфической синтаксической структуры, и лексико-семантический фактор претерпевает сдвиг коммуникативной функции, указывая не на концептуальное денотативное значение *X*, а на его ассоциативную информацию (коннотацию) – дополнительное атрибутивное значение.

Одной из таких маркированных форм выражения дискурса является структура суждения с начальным и конечным лексическим повтором, где первый *X* не маркирован и указывает прежде всего на концептуальное денотативное значение, а второй *X* маркирован и выражает некую ассоциативную информацию, производную от концептуального значения *X*. Конструкция *X ЕСТЬ X* заставляет обращаться к лексической ассоциативной информации в силу того, что она не передает буквально никакой новой информации, когда на первый план выходит дополнительное атрибутивное значение. В то время как концептуальное денотативное значение отходит на второй план, соответственно, ослабевая или исчезая. Вежицкая утверждает, что значения слов концептуальны по своей природе и теряют общие специфические атрибуты [3, с. 72]. Это не совсем точное утверждение. Значение слова не отказывается от общих специфических свойств, но общие свойства уходят в глубину, а значение слова делает существенные свойства видимыми через обобщение, однако при наличии соответст-

вующих условий происходит сдвиг в коммуникативной функции семантического фактора, активизируется отражение специфических общих свойств, они выходят на передний план и становятся фокусом высказывания, что и является фундаментальным механизмом реализации конструкции *Х ЕСТЬ Х*. Чем богаче ассоциативная информация *Х*, чем сильнее значения дополнительных атрибутов, тем легче создать конструкцию *Х ЕСТЬ Х* [4, с. 16].

Таким образом, смысл конструкции *Х ЕСТЬ Х* приобретается в результате активации ассоциативной информации эпитета *Х*, а дополнительные атрибутивные значения становятся фокусом, но, конечно, этот процесс активации основан на концептуальном значении предмета *Х*. Как же приобретаются дополнительные атрибутивные значения? И как определяются конкретные дополнительные атрибутивные значения? Существует не один типичный признак одной и той же лексической единицы, но эти признаки по-разному выделяются в разных контекстах, и определенный признак будет более заметным в силу каких-то причин, таких как психология, восприятие, частота употребления и т. д., и он легко может стать единственным типичным признаком некоего предмета [17, с. 13–14]. Все зависит от того, как люди воспринимают объективный мир и какие ограничения накладывает когнитивный контекст на значение дискурса.

3. Идеальная когнитивная модель и ассоциативное рассуждение

с дополнительным значением атрибутов

Первый *Х* в конструкции *Х ЕСТЬ Х* обычно обозначает референтный класс, категорию, которая выражает концептуальное значение слова. Вторым *Х*, однако, не используется для выражения сущностного характера и основного базового значения категории, представленной классом. Если это так, то предложение не несет никакой новой информации и является буквально недействительным. Поэтому слушатель должен обратиться к значению дополнительных атрибутов высказывания, т. е. типичных черт слова [18, с. 56–57]. Как же образуется дополнительное значение атрибутов?

Социальная группа имеет общий национально-культурный фон, фон знаний, языковые привычки и т. д. Усвоение ассоциативных значений слов и понимание значения дополнительных признаков опирается на общую для лингвосоциокультурной группы структуру фоновых знаний, т. е. ментальную репрезентацию знаний человека об объективном мире, которая демонстрирует некое идеализированное мышление, представляющее собой некую схематическую ментальную конструкцию, обрисовывающую объективную реальность в конкретном и застывшем виде.

Дж. Лакофф называет эту ментальную конструкцию «идеальной когнитивной моделью» [19, с. 342]. Так называемая идеальная когнитивная модель, сложная когнитивная модель гештальт-природы, представляет собой абстрактное, более полное, идеализированное понимание опыта и знаний говорящего в данной области, что, конечно, предполагает наличие определенного культурного контекста [20, с. 181–182].

Идеальная когнитивная модель обладает шестью типичными характеристиками: 1) полнота: это не только простое сочетание компонентов, но и органичная и систематическая общая структура; 2) открытость: это допустимая когнитивная модель, которая постоянно обновляется и расширяется по содержанию с развитием человеческого познания; 3) избирательность: она постоянно делает типичный выбор из открытых элементов в соответствии с потребностями когнитивного взаимодействия человека с миром; 4) эмпиричность: формируется на основе взаимодействия человека с внешним миром; 5) имманентность: это способ познания вещей в сознании с помощью определенных ментальных репрезентаций; 6) ассоциативность: внутренние компоненты взаимосвязаны.

Однако такие модели включают в себя не только энциклопедические знания людей в конкретных областях, но и культурные модели, поскольку формирование идеальной когнитивной модели зависит от культурной среды, в которой растет человек [7, с. 76–77].

Дж. Лакофф утверждает, что, исходя из эмпирической природы человеческого познания, один и тот же опыт обязательно будет общим в различных типах культур, а различные культуры приводят к вариативности человеческого опыта [19, с. 147]. Тернер также отмечает, что формирования когнитивных моделей зависит от культурной среды, в которой человек растет и живет [21, с. 216]. Таким образом, когнитивная модель в определенной когнитивной области в конечном итоге зависит от культурной модели. Однако в рамках одной и той же языковой социальной группы языковые выражения могут быть напрямую связаны с идеальной когнитивной моделью [6, с. 17], чтобы получить доступ к значению дискурса, в центре которого находится субъективное коммуникативное намерение говорящего. Например:

(1) *Отказ героя от самоубийства может переосмыслиться: жизнь отвратительна и непереносима, но надо жить, потому что жизнь есть жизнь.* (Пример из НКРЯ.)

(2) *Ничего я не успел за эти два года! Жизнь есть жизнь. Ее не поторопишь.* (Пример из НКРЯ.)

(3) *Жизнь есть жизнь – пусть молодое сердце бьется как хочет.* (Пример из НКРЯ.)

(4) *Жизнь есть жизнь, она вперед движется, а Ковский был, видимо, трудным орешком.* (Пример из НКРЯ.)

В контексте русского языка идеальная когнитивная модель *жизнь* содержит множество различных характеристик, таких как жизнь жива и полна надежд; жизнь полна противоречий и антагонизмов; жизнь тривиальна; жизнь не всегда идет гладко; жизнь динамична и полна неопределенности; жизнь не всегда легка; жизнь порой неумолима и неподвластна субъективной воле человека. Вышеперечисленные примеры – это разные проявления общего характера течения жизни.

Поскольку ассоциативная информация слова часто характеризуется различными дополнительными признаками в зависимости от контекста, говорящий, используя конструкцию *Х ЕСТЬ Х*, наделяет один и тот же лексический признак различными суждениями. Слушатель, воспринимая эту закодированную информацию, делает разные предположения для декодирования, и если эти два предположения совпадают, то происходит одинаковая интерпретация, и в результате коммуникативная цель говорящего достигается.

Этот процесс конструирования смысла фактически происходит через ассоциативные рассуждения о значении дополнительных атрибутов в когнитивном контексте. Например, в предложении *Мужчина есть мужчина* понятие *мужчина* обозначает *взрослый, мужской пол*, и ассоциативная информация, которая может быть активирована с его помощью, включает в себя: 1) мужчины рациональны; 2) мужчины ленивы; 3) мужчины нечасто вытирают слезы; 4) мужчины грубы и неприхотливы; 5) мужчины не склонны к домашней работе; 6) мужчины обладают широким кругозором.

Все эти признаки составляют атрибутивные признаки мужчины, и с помощью когнитивного контекста легко активируются те признаки, которые соответствуют текущему контексту. Этот процесс активации фактически является процессом ассоциации дополнительных атрибутивных значений лексических единиц в рамках идеальной когнитивной модели [22, с. 5], причем фактор культивирования речи определяет, какие атрибутивные признаки будут выделены и, таким образом, активированы.

Хотя ассоциативная информация слов связана с конкретными репрезентативными признаками вещей, механизм выделения в процессе лексического обобщения делает ее очень неоднозначной, и она

должна быть раскрыта контекстуальным фоном, поскольку является относительно имплицитной [9, с. 32]. Например, предположим, что дочь жалуется матери, что ее муж всегда разбрасывает свою одежду и обувь, когда возвращается с работы, а мать отвечает: *Мужчина есть мужчина*. Затем в данном контексте подчеркивается характеристика мужчины – *не ограничивать себя соблюдением мелких деталей, не быть мелочным, не обращать внимания на мелочи, не заниматься пустяками*, и таким образом мать снимает недовольство дочери словами *Мужчина есть мужчина*, выражая смысл: *Это оправданно для мужчины – быть грубым и несдержанным и разбрасывать вещи где попало*. Это выражает субъективно-снисходительное отношение матери к поведению мужа дочери.

Заключение

Из приведенного выше анализа видно, что последний *Х* в конструкции *Х ЕСТЬ Х* имеет характерное значение и контекстуальный смысл высказывания, а первый *Х* обеспечивает предпосылки и пресуппозиции для ассоциации дополнительных атрибутивных смыслов в последнем *Х*, экономя время и усилия слушателя на обработку информации, что предполагается идеальной когнитивной моделью и контекстом. Также можно сказать, что в конструкции *Х ЕСТЬ Х* есть три фокуса: синтаксический репрезентативный фокус – первый *Х*, семантический фокус – ассоциативная информация *Х*, т. е. значение дополнительного атрибута, и основной фокус – конкретная коннотация в значении дополнительного атрибута. Идеальная когнитивная модель является основой для формирования дополнительного значения *Х*, а когнитивный контекст играет важную роль в определении и выборе проявления и принятия дополнительного значения *Х*. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- 1) конструкции *Х ЕСТЬ Х* имеют сложную когнитивно-семантическую основу, а их смыслопорождение включает множество аспектов;
- 2) идеализированная когнитивная модель представляет собой эффективный метод и основу для понимания когнитивной базы конструкции *Х есть Х*;
- 3) ассоциативная информация и коммуникативная интенция лексических единиц играют важную роль в смыслообразовании конструкции *Х есть Х*;
- 4) конструкции *Х есть Х* могут передавать богатые коммуникативные намерения и более глубокие смыслы в определенных контекстах.

Список источников

1. Вилинбахова Е.Л., Копотев М.В. «Х есть Х» значит «Х это Х»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110–124.

2. Вилибахова Е.Л. Статья значит статья: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2015». Вып. 14. М., 2015. С. 638–649.
3. Вежицкая А. Прагматика тавтологических сочетаний // Филологические науки. 1991. № 4. С. 69–75.
4. Остапенко Т.С. Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 15–18.
5. 吕淑湘. 语文杂记[M]. 上海: 上海教育出版社, 2019. 296页. Люй Шусян. О китайском языке. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2019. 296 с.
6. 邵敬敏. 同语式”探讨[J]. 语文研究, 2023, (1): 13-19. Шао Цзинминь. Дискуссия о гомофонии // Исследование филологии. 2023. № 1. С. 13–19.
7. 潘国英. 论汉语典型同语格的成因与理解[J]. 修辞学习, 2016.(2): 76-79. Пань Гоунин. О причинах и понимании типичных китайских омографов // Журнал стилистики. 2016. № 2. С. 76–79.
8. 陈新仁. 英语首词重复的语用认知阐释[J]. 外语研究, 2021, (1): 45-50. Чэнь Синьжень. Прагматическая когнитивная интерпретация повторения начальных слов в английском языке // Исследование иностранных языков. 2021. № 1. С. 45–50.
9. 文旭. 同义反复话语的特征及其认知语用解释[J]. 外国语言文学, 2023, (3): 29-33. Вэнь Сюй. Характеристики тавтологического повторного дискурса и его когнитивно-прагматическая интерпретация // Иностранный язык и литература. 2023. № 3. С. 29–33.
10. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.
11. 刘建芳. 认知语境对话语理解的解释和制约[J]. 河南大学学报 (社会科学版), 2024, (2): 122-124. Лю Цзяньфан. Интерпретация и ограничения когнитивного контекста на понимание дискурса // Вестник Хэнаньского университета (Версия социальных наук) 2024. № 2. С. 122–124.
12. 张莉. 言语实践中话语意义建构原则探究[J]. 外语学刊, 2019, (3): 102-105. Чжан Ли. Исследование принципа построения дискурсивного смысла в речевой практике // Журнал иностранных языков. 2019. № 3. С. 102–105.
13. 唐红芳. 论说话人意向及其推导[J]. 外语学刊, 2022, (3): 110-113. Тан Хунфанг. О намерении говорящего и его деривации // Журнал иностранных языков. 2022. № 3. С. 110–113.
14. 张家骅. 《俄罗斯语义学——理论与研究》[M]. 中国社会科学出版社, 2011. 354页. Чжан Цзяхуа. Русская семантика – теория и исследования. Пекин: Китайское издательство социальных наук, 2011. 354 с.
15. 周韧. 从理性意义和内涵意义的分界看同语式的表义特点[J]. 语言教学与研究, 2024, (4): 9-16. Чжоу Жэнь. Эпистемические особенности омофонов с точки зрения разделения рациональных и коннотативных значений // Преподавание и исследования языковых вопросов. 2024. № 4. С. 9–16.
16. 高航. 重言式的构式语法分析[J]. 解放军外国语学院学报, 2023, (5): 1-6. Гао Ханг. Конструктивный грамматический анализ перефразированных форм // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2023. № 5. С. 1–6.
17. 高航, 张凤. 同语的语用研究[J]. 解放军外国语学院学报, 2019, (1): 13-16. Гао Ханг, Чжан Фэн. Прагматическое исследование омофонии // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2019. № 1. С. 13–16.
18. 姜晖. X BE X结构意义形成的认知语义阐释[J]. 外语与外语教学, 2021, (2): 56-59. Цзянь Хуэй. Когнитивно-семантическая интерпретация формирования смысла структуры X BE X // Иностранный язык и преподавание иностранных языков. 2021. № 2. С. 56–59.
19. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: какие категории раскрывают разум. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1987. 632 с.
20. 王寅. 认知语言学探索[M]. 重庆: 重庆出版社, 2021. 324页. Ван Инь. Исследования в области когнитивной лингвистики. Чунцин: Издательство Чунцина, 2021. 324 с.
21. Тернер М. Чтение мыслей: изучение английского языка в эпоху когнитивной науки. Принстон: Издательство Принстонского университета, 1991. 318 с.
22. 张爱玲. 同语反复格式的跨语言对比研究[J]. 西安外国语大学学报, 2016, (1): 1-6. Чжан Айлин. Межязыковое сопоставительное исследование тавтологии // Вестник Сианьского университета иностранных языков. 2016. № 1. С. 1–6.

References

1. Vilinbakhova E.L. Kopotev M.V. “X yest’ X” znachit “X eto X”? Ishchem otvet v sinkhronii i diakhronii [“X is X” means “X is X”? Looking for an answer in synchronicity and diachrony]. *Voprosy jazykoznanija*, 2017, no. 3, pp. 110–124 (in Russian).
2. Vilinbakhova E.L. Stat’ya znachit stat’ya: ob odnom klasse tautologicheskikh konstruksiy v russkom yazyke [Article means article: about one class of tautological constructions in the Russian language]. *Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nyye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog 2015”. Вып. 14* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2015”. Vol. 14]. Moscow, RSREU Publ., 2015. Pp. 638–649 (in Russian).
3. Vezhbitskaya A. Pragmatika tautologicheskikh sochetaniy [Pragmatics of tautological combinations]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1991, no. 4, pp. 69–75 (in Russian).

4. Ostapenko T.S. Prichiny vozniknoveniya tautologicheskikh vyrazheniy v rechi govoryashchego [Causes of tautological expressions in the speaker's speech]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2011, no. 2, pp. 15–18 (in Russian).
5. Lv Shuxiang. *O kitayskom yazyke* [Language Miscellany] [M]. Shanghai, Shanghai Education Press, 2019. Pp. 296 (in Chinese).
6. Shao Jingmin. Diskussiya o gomofonii [Discussion on “Homophones”] [J]. *Language Study*, 2023, no. 1, pp. 13–19 (in Chinese).
7. Pan Guoying. O prichinakh i ponimani tipichnykh kitayskikh omografov [On the Causes and Understanding of Typical Chinese Homographs] [J]. *Zhurnal stilistiki – Rhetorical Learning*, 2016, no. 2, pp. 76–79 (in Chinese).
8. Chen Xinren. Pragmaticheskaya kognitivnaya interpretatsiya povtoreniya nachal'nykh slov v angliyskom yazyke [A pragmatic cognitive interpretation of English initial word repetition] [J]. *Issledovaniye inostrannogo yazyka – Foreign Language Research*, 2021, no. 1, pp. 45–50 (in Chinese).
9. Wen Xu. Kharakteristiki tautologicheskogo povtornogo diskursa i yego kognitivno-pragmaticheskaya interpretatsiya [Characteristics of Synonymous Repeated Discourse and Its Cognitive-Pragmatic Interpretation] [J]. *Inostrannyi yazyk i literatura – Foreign Languages and Literatures*, 2023, no. 3, pp. 29–33 (in Chinese).
10. Boldyrev N.N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v yego funktsiyakh, edinit'sakh i kategoriakh [Anthropocentric essence of language in its functions, units and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2015, no. 1, pp. 5–12 (in Russian).
11. Liu Jianfang. Interpretatsiya i ogranicheniya kognitivnogo konteksta na ponimaniye diskursa [Explanation and constraints of cognitive context on discourse comprehension] [J]. *Vestnik Khenan'skogo universiteta (Versiya sotsial'nykh nauk) – Journal of Henan University (Social Science Edition)*, 2024, no. 2, pp. 122–124 (in Chinese).
12. Zhang Li. Issledovaniye printsipa postroyeniya diskursivnogo smysla v rechevoy praktike [Exploring the Principle of Discourse Meaning Construction in Speech Practice] [J]. *Zhurnal inostrannykh yazykov – Journal of Foreign Languages*, 2019, no. (3), pp. 102–105 (in Chinese).
13. Tang Hongfang. O namerenii govoryashchego i yego derivatsii [On Speaker's Intention and Its Derivation] [J]. *Zhurnal inostrannykh yazykov – Journal of Foreign Languages*, 2022, no. 3, pp. 110–113 (in Chinese).
14. Zhang Jiahua. *Russkaya semantika – teoriya i issledovaniya* [Russian Semantics. Theory and Research] [M]. Beijing, China Social Science Press, 2011, pp. 354 (in Chinese).
15. Zhou Ren. Epistemicheskiye osobennosti omofonov s tochki zreniya razdeleniya ratsional'nykh i konnotativnykh znacheniy [The Epistemic Characteristics of Homophones from the Demarcation of Rational and Connotative Meanings] [J]. *Prepodavaniye i issledovaniya yazykovykh voprosov – Language Teaching and Research*, 2024, no. 6, pp. 9–16 (in Chinese).
16. Gao Hang. Konstruktivnyy grammaticheskyy analiz perefrizirovannykh form [Constructive Grammatical Analysis of Reiterative Forms] [J]. *Vestnik instituta inostrannykh yazykov – Journal of PLA College of Foreign Languages*, 2023, no. 5, pp. 1–6 (in Chinese).
17. Gao Hang, Zhang Feng. Pragmaticheskoye issledovaniye omofonii [A Pragmatic Study of Homophony] [J]. *Journal of PLA Foreign Language College*, 2019, no. 1, pp. 13–16 (in Chinese).
18. Jiang Hui. Kognitivno-semanticheskaya interpretatsiya formirovaniya smysla struktury X BE X [Cognitive Semantic Interpretation of X BE X Structural Meaning Formation] [J]. *Foreign Language and Foreign Language Teaching*, 2021, no. 2, pp. 56–59 (in Chinese).
19. Lakoff D. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: kakie kategorii raskryvayut razum* [Women, Fire and Dangerous Things – What Categories Reveal about the Mind]. Chicago, University of Chicago Press, 1987. 632 p. (in Russian).
20. Wang Yin. *Explorations in Cognitive Linguistics* [M]. Chongqing: Chongqing Publ., 2021. Pp. 324 (in Chinese).
21. Turner M. *Chteniye mysley: izucheniye angliyskogo yazyka v epokhu kognitivnoy nauki* [Reading Mind: The Study of English in the Age of Cognitive Science]. Princeton, Princeton University Press, 1991. 318 p. (in Russian).
22. Zhang Ailing. A Cross-Language Comparative Study of Homophone Repetition Format [J]. *Journal of Xi'an International Studies University*, 2016, no. 1, pp. 1–6 (in Chinese).

Информация об авторе

Чжан Цзин, кандидат филологических наук, доцент, Шэньянский политехнический университет (Центральный проспект Наньпин, 6, Шэньян, провинция Ляонин, Китай, 110159), директор Института Конфуция Томского государственного университета.

E-mail: 283706168@qq.com; ORCID ID: 0009-0004-4243-2546; SPIN-код: 4071-0593.

Information about the author

Zhang Jing, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Shenyang Ligong University (Nanping Central Road, 6, Shenyang, Liaoning Province, China, 110159), director of the Confucius Institute of Tomsk State University.

E-mail: 283706168@qq.com; ORCID ID: 0009-0004-4243-2546; SPIN-code: 4071-0593.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 23.10.2024; accepted for publication 03.04.2025

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-34-42>

Лексико-фразеологические средства формирования образа русского человека в текстах учебников русского языка как иностранного

Айгуль Аглямевна Шамсутдинова¹, Гульнара Франгилевна Кудинова²

^{1,2} *Баширский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*

¹ *a.a.shamsutdinova@gmail.com; 0009-0007-0565-1055*

² *gulja_gibatova@mail.ru; 0000-0002-0574-3714*

Аннотация

В рамках современных лингвистических исследований особое внимание уделяется культурным и социолингвистическим аспектам изучения языка, что делает анализ лексико-фразеологических единиц в учебных материалах по русскому языку как иностранному весьма значимым. Исследование того, как языковые средства создают образ русскоязычного человека, способствует более глубокому пониманию взаимосвязи между языковыми структурами и культурными нормами. В данной статье рассматривается, каким образом используются лексико-фразеологические средства в учебниках русского языка как иностранного (РКИ) для создания образа русского человека. Материалом исследования послужили текстовые фрагменты учебных пособий, которые представляют эмпирическую базу для анализа. Для формирования эмпирической базы исследования применялся метод лексико-фразеологического анализа, позволяющего выявить, как различные языковые единицы участвуют в построении культурных и социокультурных концептов. В исследовании используется прием контент-анализа и семантического исследования, что позволяет систематизировать и интерпретировать фразеологические и лексические единицы, отражающие представления о русском человеке. В работе отмечены характерные для изучаемых текстов языковые средства, которые демонстрируют как стереотипные, так и многогранные образы. Характерно, что анализ единиц подтверждает теоретическую модель о влиянии фразеологизмов на восприятие культурных стереотипов. Ученые отмечают, что фразеологические конструкции в учебниках не только передают информацию о культурных и социокультурных особенностях, но и формируют у учащихся когнитивные схемы, которые могут как способствовать более глубокому пониманию культурных реалий, так и укреплять упрощенные или искаженные образы. В текстах учебников РКИ говорится о различных аспектах русской жизни, таких как традиции, быт и социальные нормы, что позволяет формировать у студентов более полное представление о носителях языка. Результаты исследования показывают, что лексико-фразеологические средства в учебниках РКИ служат не только для передачи языковой информации, но и для создания когнитивных и культурных конструкций, которые формируют представления о русском человеке у иностранных студентов. Следовательно, статья демонстрирует, как теоретические подходы к анализу языковых средств помогают раскрыть механизм формирования образа русского человека в учебниках РКИ, подчеркивая важность лексико-фразеологических конструкций в процессах культурной социализации и межкультурного понимания.

Ключевые слова: лексико-фразеологические средства, образ русского человека, стереотипы, языковая семантика, межкультурное восприятие

Для цитирования: Шамсутдинова А.А., Кудинова Г.Ф. Лексико-фразеологические средства формирования образа русского человека в текстах учебников русского языка как иностранного // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 34–42. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-34-42>

APPLIED LINGUISTICS

Lexical and phraseological means of forming the image of a Russian person in the texts of textbooks of Russian as a foreign language

Aygul' A. Shamsutdinova¹, Gul'nara F. Kudinova²

^{1,2} Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russian Federation

¹ a.a.shamsutdinova@gmail.com; 0009-0007-0565-1055

² gulja_gibatova@mail.ru; 0000-0002-0574-3714

Abstract

Contemporary linguistic research highlights the significance of cultural and sociolinguistic aspects in language study, making the analysis of lexical-phraseological means in Russian as a Foreign Language (RFL) textbooks particularly relevant. Examining how linguistic means shape the image of a Russian person allows for a deeper understanding of the interaction between linguistic structures and cultural representations. This article investigates how lexical-phraseological means are used in RFL textbooks to construct the image of a Russian person. The study uses text fragments from educational materials as the empirical basis for analysis. The empirical base was developed through lexical-phraseological analysis, which reveals how various linguistic units contribute to the construction of cultural and sociocultural concepts. The research employs content analysis and semantic study techniques to systematize and interpret phraseological and lexical units reflecting perceptions of a Russian person. The study identifies linguistic means characteristic of the examined texts, demonstrating both stereotypical and multifaceted images. Notably, the analysis supports the theoretical model concerning the influence of phraseological units on the perception of cultural stereotypes. Researchers note that phraseological constructions in textbooks not only convey information about cultural and sociocultural features but also shape cognitive schemas in learners, which can either promote a deeper understanding of cultural realities or reinforce simplified or distorted images. RFL textbooks address various aspects of Russian life, such as traditions, daily life, and social norms, allowing students to develop a more comprehensive understanding of native speakers. The results show that lexical-phraseological means in RFL textbooks serve not only to convey linguistic information but also to create cognitive and cultural constructs that shape foreign students' perceptions of a Russian person. Therefore, the article demonstrates how theoretical approaches to analyzing linguistic means help reveal the mechanism of constructing the image of a Russian person in RFL textbooks, emphasizing the importance of lexical-phraseological constructions in cultural socialization and intercultural understanding.

Keywords: lexical-phraseological means, image of a Russian person, stereotypes, linguistic semantics, intercultural perception

For citation: Shamsutdinova A.A., Kudinova G.F. Leksiko-frazeologicheskiye sredstva formirovaniya obraza russkogo cheloveka v tekstakh uchebnikov russkogo yazyka kak inostrannogo [Lexical and phraseological means of forming the image of a Russian person in the texts of textbooks of Russian as a foreign language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 34–42 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-34-42>

Введение

В эпоху глобализации и активного языкового взаимодействия изучение иностранного языка приобретает более глубокий смысл, выходя за пределы простого усвоения грамматических и лексических навыков. Оно требует комплексного понимания культурных и социокультурных аспектов. Учебники по русскому языку как иностранному (РКИ) играют ключевую роль в этом процессе, предлагая студентам не только инструменты для успешного овладения языковыми структурами, но и способствуя пониманию культурных ценностей, социальных норм и мировоззренческих ориентиров русскоязычного сообщества [1]. Одним из важных аспектов этого процесса является формирование

образа русского человека, который осуществляется через использование разнообразных лексико-фразеологических средств [2, с. 97].

Лексико-фразеологические единицы, такие как устойчивые выражения, фразеологизмы и коллокации, играют значительную роль в передаче культурных и социокультурных особенностей [3, с. 35]. Эти языковые средства могут как способствовать более глубокому пониманию культурного контекста, так и укреплять определенные стереотипы. Таким образом, их анализ представляет собой важный аспект изучения того, как языковые средства формируют и передают культурные концепты.

Основной задачей данного исследования является анализ ключевых аспектов формирования

образа русского человека у обучающихся, возникающего в процессе использования учебника «Поехали!» под авторством С.И. Чернышова и А.В. Чернышевой [4].

Таким образом, работа направлена на выявление и систематизацию лексико-фразеологических средств, использованных в учебниках РКИ, и их влияние на формирование образа русского человека [5, с. 3–5]. Это позволит не только лучше понять механизмы создания культурных стереотипов через язык, но и даст возможность выработать рекомендации для улучшения качества учебных материалов и более точного представления культурных реалий.

Материал и методы

Для проведения исследования были задействованы научные труды, посвященные проблемам формирования стереотипов с помощью лексико-фразеологических средств, как российских [6, с. 223–224; 7, с. 78–79; 8, с. 91–96], так и иностранных исследователей, а также тексты учебного комплекса авторов С.И. Чернышева, А.В. Чернышевой «Поехали!» [4].

Процесс формирования эмпирической базы исследования осуществлялся через метод контент-анализа. В исследовании используется также семантический анализ, предполагающий рассмотрение не только частотности использования слов и выражений, но и их значения в контексте. Такой подход позволил глубже понять, какие культурные концепты формируются через лексические и фразеологические средства [9, с. 93–95].

Результаты и обсуждение

Нами был проведен анализ текстов учебника, который демонстрирует, как с помощью лексических и фразеологических средств формируется различный образ русского человека: и позитивный, и негативный.

Рассмотрим сначала положительный образ русского человека, представленный в учебнике. В позитивном ключе образ россиянина представлен через тексты о культурной жизни героев учебника, а именно рассказывающие об увлечении музеями, театрами и т. п. [10, с. 119–122; 11, с. 73–75; 12, с. 108–110]. Например, в одном из заданий встречается диалог, в котором героя спрашивают, куда он собирается вечером, на что он отвечает, что идет в баню. На это собеседник замечает, что это некультурно, и добавляет, что он отправляется на балет [4, с. 50]. Интересный пример можно увидеть в другом диалоге, где один из героев интересуется, куда идут его собеседники вечером. Ему отвечают, что они идут в Мариинский театр. Герой уточняет местонахождение театра, затем он спра-

шивает, любит ли собеседник оперу, на что получает ответ, что не может жить без нее [4, с. 63].

В текстах, связанных с темой спорта, образ россиянина также конструируется в положительном контексте через образ героя учебника. Например, в одном из текстов герой сообщил, что любит спорт. В разных текстах достаточно много подобных примеров: «– Я решил(а) ... спортом. – Я полгода назад ... спортом. – Я тоже скоро ... спортом (заниматься)» [4, с. 45], «1. Ты любишь теннис? Встретимся завтра в 6 на ... корте? 4. Ты тоже любишь футбол? Я видела тебя на ... матче!» [с. 62]. Здесь прослеживается стремление автора подчеркнуть физическую активность, силу и целеустремленность, что в совокупности с другими текстами способствует формированию обобщенного положительного образа русского человека.

Отметим также такую положительную черту русского человека, выделяемую в учебнике, как трудолюбие. Посредством различных заданий акцентируется внимание на высокой работоспособности и глубокой преданности своей профессии, тем самым последовательно формируя образ трудолюбивого россиянина: «...После работы я ... в спортзал на тренировки или ... с детьми. Потом, когда дети идут ..., я ужинаю и снова начинаю работать: пишу книги, которые вы ...» [4, с. 38]. В продолжении данного текста мы узнаем, что герой отправляется ко сну поздно ночью. На это ему говорят, что он не является человеком. Рассмотрим еще один короткий отрывок, где героиня рассказывает, что ее муж трудоголик, и она считает это ужасным. Она описывает их типичный разговор: однажды она предложила Игорю погулять, поскольку на следующий день обещали хорошую погоду, напомнив, как они гуляли раньше. Игорь извинился, сказав, что у него много работы, и предложил ей пойти на прогулку с сыном, а сам собирался остаться дома и закончить статью. Он добавил, что не может поступить иначе [4, с. 34]. Также Игорь признался, что, с одной стороны, очень любит свою жену, но с другой – работа для него имеет огромное значение. В данном тексте образ русского человека, формируемый через характер Игоря, представлен с положительной стороны благодаря его трудолюбию и преданности делу. Игорь показан как человек, который искренне любит свою работу и считает ее важной частью своей жизни. Его стремление к выполнению профессиональных обязанностей подчеркивает ответственность и серьезность в отношении к делу, что является важной чертой характера. Фраза «С одной стороны, я очень люблю тебя. А с другой стороны, я люблю свою работу, и это тоже очень важно» [4, с. 34] подчеркивает, что Игорь умеет оценивать значимость как личных отношений, так и своей профес-

сиональной деятельности, стараясь найти баланс между этими аспектами жизни. Однако, помимо всего вышесказанного, данный текст, по нашему мнению, иллюстрирует конфликт между профессиональными обязанностями и семейными отношениями, акцентируя внимание на дилемме, стоящей перед многими современными людьми, – как найти баланс между работой и личной жизнью. Фраза «Ты говоришь красиво, но каждому человеку нужно отдыхать!» [4, с. 34] показывает попытку найти этот баланс, признавая важность отдыха как необходимой составляющей здорового образа жизни. Так, с помощью подобных текстов формируется образ россиянина как человека, для которого труд является неотъемлемой частью жизни, но который также сталкивается с вызовами сохранения гармонии между профессиональной и личной сферами.

Однако глубокий анализ текстов учебника показывает, как с помощью лексико-фразеологических средств формируется и отрицательный образ русского человека. Можно выделить проблемные ситуации нескольких типов. Выделим проблемную ситуацию первого типа, которая связана с наличием, на наш взгляд, неприемлемо большого количества упоминаний алкоголя в учебнике (упоминания почти на 40 страницах, что составляет около четверти всего учебника). Студенты знакомятся с такими лексемами, как «водка русская» [4, с. 127], «славянская водка» [4, с. 146], «водка „Менделеев“» [4, с. 101]. Обратим внимание на то, что такие этнонимы, как «русский», «славянский», «Д.И. Менделеев» и др. являются символами России в той или иной мере. В связи с чем упоминание данных слов и имен в подобных контекстах может привести к тому, что и ценности, которые связаны с ними, в сознании иностранных студентов дискредитируются [13, с. 55, 57].

Рассмотрим проблемную ситуацию первого типа внимательнее. В первом уроке, где обучающиеся учатся говорить о себе и собственном опыте, задание требует описания навыков и времени их освоения. Вместе с примерами вроде «Я научился читать, когда мне было семь лет» [4, с. 16] и «Я научился плавать, когда мне было...» [4, с. 16] встречается неуместное и вызывающее размышления, на наш взгляд, «Я научился пить пиво, когда мне было...» [4, с. 16]. У иностранцев может сложиться ложное впечатление, что это очень важная дата для россиян, что распитие алкогольных напитков – это типичная черта русского человека. В следующем уроке, посвященном работе, в одном из заданий нам представляют героя Сергея, в разделе «Хобби» у которого указано следующее: «Домашние животные, пиво и водка» [4, с. 25]. Тема употребления алкоголя встречается в учебнике даже при объяснении грамматических тем. Так, в

таблице, посвященной видам глагола, даются предложения: «регулярно (imperf. НСВ) Я раньше редко пил пиво утром», «Сегодня ты выпил слишком много!» [4, с. 40]. В другом примере герою предложили выпить коньяк, на что он ответил отказом, добавив, что выберет martini [4, с. 39].

Проиллюстрируем текст из раздела № 4 «Стиль жизни»: «Я пока еще не работаю. Каждое утро я встаю и иду в университет пить пиво. Я люблю ходить в университет: там можно встретиться с друзьями, узнать новости и поговорить о любви. Там всегда красивые девушки и иногда интересные лекции. Я люблю работать!» [4, с. 43]. Следует акцентировать внимание на том, что в рамках данного задания обучающимся необходимо установить параллели между своей фактической жизнью и жизнью персонажа: «Послушайте монологи и скажите, кто эти люди. Исправьте ошибки в текстах ниже. Кто из них живет, как вы? Чья жизнь вам больше нравится?» [4, с. 42]. Однако именно так самой распространенной лексикой становятся названия алкогольных напитков, что, несомненно, формирует негативный образ россиянина, который все время пьет алкоголь.

Нельзя не обратить внимание на тексты из того же раздела, в которых герои решили сменить обычный для них образ жизни ввиду усталости от своей профессии. В данных текстах мы снова видим упоминание алкогольного напитка: «Слава – папарацци. Встает рано. Почти никогда долго не спит. Завтракает в баре: пиво и чипсы. <...> Мы делаем рекламу пива и хотим вас сфотографировать <...> Почему я могу рекламировать только пиво?» [4, с. 47]. В данном примере герой задумывается и решает вести более здоровый образ жизни. Другая же героиня, которая ранее вела здоровый образ жизни и была фотомodelью, также решает преобразиться, выбирая новую профессию, – она решает стать папарацци. В тексте героиня на завтрак вместо привычного для нее здорового питания предпочитает пиво: «Утром она рано встала, выпила пива и прочитала свежие газеты» [4, с. 47].

В разделе № 5 «Свободное время» в тексте снова встречается тема употребления спиртных напитков: «– Ты что больше любишь, коньяк или шампанское?» [4, с. 55]. Далее в задании для развития навыков выражения собственных предпочтений относительно того, что произвело положительное или отрицательное впечатление, представлены следующие примеры: «– Я заказал итальянское вино! – Отличное вино! Еще бутылку, пожалуйста!.. – Я могу выпить 5 литров пива! – _____!» [4, с. 55–56]. В другом тексте один из героев спросил, ходил ли другой сегодня в бар, на что тот ответил, что был там вчера. Третий добавил, что ходит в бар каждый вечер. Отметим,

что последние примеры направлены на отработку глаголов «идти – ходить» [4, с. 50].

В разделе № 6 «Отдых» в задании обучающимся необходимо выбрать день, который лучше всего подходит для распития спиртных напитков, а именно пива. «Какой день лучше для работы? – для спорта? – для любви? – для пива? – для риска? – для танцев?» [4, с. 57]. В этом же разделе в тексте «Русская баня» мы встречаем следующее описание: «Пьют в бане квас, чай, минеральную воду, иногда пиво, но не водку!» [4, с. 65].

Или другой пример из урока № 7: «А сейчас поставьте вопросы к выделенным словам и дайте ответы. 5. Вечером мои друзья пьют пиво в баре» [4, с. 69].

Следует отметить, что в учебнике также представлен противоположный образ: в одном из текстов акцентируется внимание на том, что ключевым аспектом является отказ от употребления алкоголя и курения, поскольку алкоголь рассматривается как наркотическое вещество. Утверждается, что потребление алкоголя сокращает продолжительность жизни на 20–25 лет, тогда как курение может отнять 7–9 лет. Даже минимальное количество алкоголя, попадая в организм, сохраняется в течение длительного времени, и полное очищение происходит только через 20 дней [4, с. 111]. Однако данный пример является лишь изолированным случаем, в то время как в учебнике в целом содержится множество других негативных иллюстраций.

Проблемная ситуация второго типа связана с изображением в учебнике «Поехали!» другой вредной привычки, приписываемой русскому человеку, – курения. Например, в одном из текстов журналистка Екатерина повествует о своей профессиональной деятельности на телевидении, где она занимается созданием репортажей о городской жизни. Она просит прощения за свою тягу к курению, упоминая, что забыла приобрести сигареты [4, с. 13]. Подобные примеры встречаются и в других уроках. Например, в уроке № 7 один из персонажей жалуется, что постоянно теряет сигареты, на что ему отвечают, что это ничего страшного, ведь кто-то другой накануне потерял паспорт [4, с. 72]. Также в уроке № 12 в задании, где нужно разыграть диалог между пациентом и врачом, герой по имени Артур, выступающий в роли философа, открыто признается в своей зависимости от алкоголя и табака. Он часто страдает от головной боли и тошноты, иногда испытывая амнезию относительно событий предыдущего дня. У него возникают значительные трудности с пробуждением, он испытывает апатию к жизни и не в состоянии смотреть на собственное отражение в зеркале. Каждое утро его мучает сильный кашель, и каждую неделю по понедельникам он принимает решение отказаться от курения, однако без сигареты не может сосредоточиться на своей работе [4, с. 150].

Помимо того что в текстах часто подчеркивается распространенность вредных привычек (курение, употребление алкоголя), также отдельное внимание уделяется склонности русского человека к агрессии и азартным играм. Это можно отнести к третьей проблемной ситуации. Рассмотрим некоторые тексты из урока № 5, посвященного теме «Свободное время». К примеру, задание 2: «(идти – ходить) 3. – Вы сегодня снова ... в казино? Вы слишком часто ... в казино! – Да, я часто ... в казино, но сейчас я ... в банк» [4, с. 50]. Или дополнительный пример: «А сейчас поставьте вопросы к выделенным словам и дайте ответы. 1. Мой друг работает менеджером в казино» [4, с. 20].

В целом у обучающихся, которые изучают русский язык по данному учебнику и только знакомятся с русской культурой, может сложиться такое впечатление, что одним из главных видов досуга россиянина является времяпрепровождение в развлекательных заведениях (ночных клубах, казино и т. п.). Например, в одном из текстов ведется диалог, где один собеседник спрашивает другого, куда они идут, ведь уже двадцать минут двенадцатого. На это ему отвечают, что они, конечно, идут в казино [4, с. 69].

Выделим проблемную ситуацию четвертого типа, которая может возникнуть из-за упоминания наркотиков при описании героев учебника. Вернемся к заданию из раздела № 4 «Стиль жизни», где обучающимся нужно проанализировать жизнь героев, о котором мы говорили ранее. В рамках данного упражнения один из персонажей делится своим опытом, утверждая, что в прошлом он с удовольствием посещал университет, однако в настоящее время предпочитает танцевать в клубах, гулять по паркам и размышлять о своей профессиональной деятельности. Герой утверждает, что на работе он читает увлекательные лекции, но, к сожалению, студенты редко их посещают. Порой он прибегает к употреблению наркотиков, и в такие моменты студенты заявляют, что его лекции чрезвычайно интересны, и высказывают желание услышать их снова [4, с. 44]. Также рассмотрим другой пример, который встречается в заданиях, где студентам предлагается поставить себя на место героев: «В нашем городе нельзя покупать наркотики» [4, с. 129].

Отдельно отметим, что считаем неуместными в учебнике по русскому языку как иностранному темы терроризма («У террористов много пистолетов, автоматов, гранат и нет документов» [4, с. 31]), дискредитации полиции, политической системы страны. В одном из текстов герой упоминает, что его заработная плата существенно низка. Независимо от сезона и погодных условий он совершает постоянные перемещения между банком, мага-

зином, рестораном и рынком, стремясь найти возможности для увеличения дохода. В его повседневной жизни присутствуют атрибуты, свидетельствующие о его профессиональной деятельности, такие как форма и пистолет, однако его жена выражает недовольство по поводу его финансовых успехов [4, с. 44].

В учебнике также описывается ситуация, касающаяся политической среды: один из парламентариев мечтает стать футболистом, подчеркивая, что депутаты известны широкой аудитории, однако не вызывают у нее симпатии в отличие от футболистов, которые пользуются любовью и признанием публики [4, с. 138]. В другом примере говорится о террористе, который стремится занять депутатский пост, полагая, что это направление деятельности более эффективно для достижения его целей [4, с. 139]. Анализируя вышесказанное, отметим, что данные примеры имплицитно выражают отрицательное описание политической системы в общем [14–16]. Мы считаем, что большинство из этих проблем, а также многие другие есть во всех странах. Несомненно, человечеству нужно решать эти проблемы, но насколько необходимо освещать их в учебнике по русскому языку как иностранному?

Думается, что подобные тексты недопустимы в учебниках РКИ, поскольку создается несправедливо отрицательный образ русского человека, который явно вызовет у студентов негативную реакцию [17, с. 6]. Не всегда обучающиеся (особенно на начальных этапах обучения и знакомства с культурой народа) способны объективно различить, что представленный отрицательный образ является исключением, созданным автором учебника, а не отражением типичного русского человека [18, с. 117].

Для сравнения вспомним, например, учебные пособия по английскому языку для иностранцев британских и американских авторов [19, 20], в которых обычно создают позитивный образ своей

страны и ее граждан и не выделяют в качестве приоритетного аспекта проблемы и негативные явления. Это создает благополучный образ страны, позитивный образ ее жителей, что мотивирует обучающихся не только учить язык (в данном примере – английский язык), но и отправиться в поездку в Великобританию и/или США [21, с. 207]. Именно к созданию справедливо положительного образа, на наш взгляд, необходимо стремиться авторам при создании текстов для учебников по русскому языку как иностранному [22, с. 75–77].

Следовательно, можно сказать, что образ русского человека, который создается посредством учебника «Поехали!», весьма неоднозначный. С одной стороны, россиянин – гостеприимный и образованный, культурный и трудолюбивый человек, который занимается спортом. С другой стороны, формируется негативный стереотип, обусловленный различными зависимостями. Такие стереотипы способствуют искаженному восприятию национальной культуры и могут влиять на межкультурное взаимодействие, закрепляя упрощенные и негативные представления.

Заключение

Таким образом, лексические и фразеологические единицы, используемые для номинации и характеристики русского человека в текстах учебников РКИ, обозначают не только культурные аспекты, но и отражают сложившиеся стереотипы и когнитивные модели, которые формируют восприятие русской культуры у иностранных студентов.

Данные анализа языкового материала позволяют выделить как положительные, так и негативные аспекты образа русского человека, а также подтверждают мысль о том, что лексико-фразеологические средства играют ключевую роль в создании и закреплении культурных стереотипов и концептов, формирующих межкультурное взаимодействие.

Список источников

1. Сулакшин С.С. Нравственность российского общества и факторы влияния (интернет, телевидение) // Политика и общество. 2014. № 9. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=54279 (дата обращения: 10.09.2024).
2. Шамсутдинова А.А. Лексико-фразеологические средства формирования образа России в текстах учебников русского языка как иностранного (РКИ) // Казанская наука. 2024. № 7. С. 297–299.
3. Арутюнов А.Р., Трушина Л.Б. Учебник русского языка для иностранцев: основные требования и характеристики // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: доклады совет. делегации на V конгр. МАПРЯЛ. М.: Рус. яз., 1982. С. 30–40.
4. Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали!-2. Русский язык для взрослых. Базовый курс: в 2 т. Т. 1. СПб.: Златоуст, 2011. 168 с.
5. Милославская С.К. Учебник русского языка как иностранного – уникальное средство формирования образа России в мире: к теоретическому обоснованию лингвопедагогической имагологии // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2008. № 4. С. 10–15.

6. Ардатова Е.В. Продвижение позитивного образа страны в современных учебниках по русскому языку для иностранцев как составляющая «мягкой силы» России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7. С. 222–226.
7. Коздра М. Каким должен быть учебник по русскому языку как иностранному для взрослых учащихся // Русистика. 2019. Т. 17 (1). С. 78–89.
8. Сейед Хасан Захраи. О многоаспектности лингвокультурного компонента // Мир русского слова. 2008. № 2. С. 91–96.
9. Новоженнова З.Л., Климкевич А. Проблема формирования лексической компетенции иностранных студентов-русистов: лингвистические, социально-культурные и методические аспекты // Русский язык за рубежом. 2020. С. 90–98.
10. Вохмина Л.Л. «Поехали!». Доброго пути! [Рец. на кн.: Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс: учебник. Ч. 1.1. СПб.: Златоуст, 2019. 176 с.] // Русский язык за рубежом. 2019. № 4. С. 119–122.
11. Джуричич М., Матрусова А.Н. Учебник «Поехали!» в контексте обучения РКИ в сербской среде // Русский язык за рубежом. 2020. № 3. С. 72–76.
12. Антонова Л.Н., Толстякова К.П. Учебники по русскому языку как иностранному: из опыта работы на подготовительном факультете в Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова // Русистика. 2019. Т. 17, № 1. С. 103–114.
13. Куликова Л.В. Миссия учебника по РКИ в формировании позитивной концептуальной картины мира о России // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 53–59.
14. «Поехали!»: депутаты возмущены имиджем России в учебнике для иностранцев. URL: <http://www.amic.ru/news/199245> (дата обращения: 10.09.2024).
15. Россия представлена страной алкоголиков и наркоманов в новом учебнике. URL: <https://www.politnavigator.net/rossiya-predstavlena-stranojj-alkogolikov-i-narkomanov-v-novom-uchebnike.html> (дата обращения: 10.09.2024).
16. Яна Лантратова о качестве учебников по русскому языку. URL: <https://spravedlivo.ru/11725710> (дата обращения: 10.09.2024).
17. Панова Л.В., Харитонов О.В. Учебник для преподавания русского языка как иностранного как элемент лингводидактического дискурса преподавателя-русиста // Мир науки: интернет-журнал. 2016. Т. 4, № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/82PDMN616.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).
18. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура (Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного). М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
19. Latham-Koenig C. American English File. Oxford University Press, 2021. 168 с.
20. Face2Face / C. Redston, G. Cunningham, R. Clark, B. Cerda, S. Ackroyd, T. Nicholas. Cambridge, 2013. 136 с.
21. Сафонова В.В. Социокультурные аспекты экспертного анализа качества иноязычной учебной литературы // Евразийский форум. 2012. Вып. 1 (4). С. 199–215.
22. Рычкова М.А. Иностранный язык как средство формирования ценностных ориентаций будущих специалистов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14, № 1. С. 75–79.

References

1. Sulakshin S.S. Nравstvennost' rossiyskogo obshchestva i faktory vliyaniya (internet, televideniye) [Morality of Russian society and factors of influence (Internet, television)]. *Politika i obshchestvo – Politics and Society*, 2017, no. 9 (in Russian). URL: <http://rusrand.ru/analytics/nravstvennost-rossijskogo-obshchestva-i-faktory-vlijaniya-internet-televidenie> (accessed 10 September 2024).
2. Shamsutdinova A.A. Leksiko-frazeologicheskiye sredstva formirovaniya obraza Rossii v tekstakh uchebnikov russkogo yazyka kak inostrannogo (RKI) [Lexical and Phraseological Means of Forming the Image of Russia in Textbooks of Russian as a Foreign Language (RFL)]. *Kazan, Kazanskaya nauka – Kazan Science*, 2024, no. 7, pp. 297–299 (in Russian).
3. Arutyunov A.R., Trushina L.B. Uchebnik russkogo yazyka dlya inostrantsev: osnovnyye trebovaniya i kharakteristiki [Russian language textbook for foreigners: basic requirements and characteristics]. *Sovremennoye sostoyaniye i osnovnyye problemy izucheniya i prepodavaniya russkogo yazyka i literatury: doklady sovetской delegatsii na V kongr. MAPRYaL* [Current state and main problems of studying and teaching Russian language and literature: reports of the Soviet delegation at the V Congress of MAPRYaL]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1982. Pp. 30–40 (in Russian).
4. Chernyshov S.I., Chernyshova A.V. *Poyekhali!-2. Russkiy yazyk dlya vzroslykh. Bazovyy kurs. T. 1* [Let's go!-2. Russian language for adults. Basic course: in 2 volumes. Vol. 1]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2011. 168 p. (in Russian).
5. Miloslavskaya S.K. Uchebnik russkogo yazyka kak inostrannogo – unikal'noye sredstvo formirovaniya obraza Rossii v mire: k teoreticheskomu obosnovaniyu lingvopedagogicheskoy imagologii [The textbook of Russian as a foreign language is a unique means of forming the image of Russia in the world: towards a theoretical justification of linguopedagogical imagology]. *Vestnik RUDN – RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 2008, no. 4, pp. 10–15 (in Russian).
6. Ardatova E.V. Prodvizheniye pozitivnogo obraza strany v sovremennykh uchebnikakh po russkomu yazyku dlya inostrantsev kak sostavlyayushchaya “myagkoy sily” Rossii [Promoting a positive image of the country in modern Russian language textbooks for foreigners as a component of Russia's “soft power”]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2015, no. 7, pp. 222–226 (in Russian).

7. Kozdra M. Kakim dolzhen byt' uchebnik po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya vzroslykh uchashchikhsya [What should a textbook on Russian as a foreign language for adult students be like?]. *Rusistika – Russian Language Studies*, 2019, no. 2, pp. 78–89 (in Russian).
8. Sejed Hasan Zahrai. O mnogoaspektnosti lingvokul'turnogo komponenta [On the multi-aspect nature of the linguacultural component]. *Mir russkogo slova*, 2008, no. 2, pp. 91–96 (in Russian).
9. Novozhenova Z.L., Klimkevich A. Problema formirovaniya leksicheskoy kompetentsii inostrannykh studentov-rusistov: lingvisticheskiye, sotsial'no-kul'turnyye i metodicheskiye aspekty [The problem of developing lexical competence of foreign students studying Russian: linguistic, socio-cultural and methodological aspects]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2020. Pp. 90–98 (in Russian).
10. Vokhmina L.L. "Poekhali!". Dobrogo puti! ["Let's go!" Bon voyage!]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2019, no. 4, pp. 119–122 (in Russian).
11. Dzhurichich M., Matrusova A.N. Uchebnik "Poekhali!" v kontekste obucheniya RKI v serbskoy srede [The textbook "Let's go!" in the context of teaching Russian as a foreign language in the Serbian environment]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2020, no. 3, pp. 72–76 (in Russian).
12. Antonova L.N., Tolstyakova K.P. Uchebniki po russkomu yazyku kak inostrannomu: iz opyta raboty na podgotovitel'nom fakul'tete v Severo-Vostochnom federal'nom universitete imeni M.K. Ammosova [Textbooks on Russian as a Foreign Language: from the experience of working at the preparatory faculty at the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov]. *Rusistika – Russian Language Studies*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 103–114 (in Russian). doi: 10.22363/2618-8163-2019-17-1-103-114
13. Kulikova L.V. Missiya uchebnika po RKI v formirovanii pozitivnoy kontseptual'noy kartiny mira o Rossii [The mission of the textbook on Russian as a foreign language is to form a positive conceptual picture of the world about Russia]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2017, no. 1 (61), pp. 53–59 (in Russian).
14. "Poekhali!": deputaty vozmushcheny imidzhem Rossii v uchebnike dlya inostrantsev ["Let's Go!" : MPs Outraged by Russia's Image in Textbook for Foreigners] (in Russian). URL: <http://www.amic.ru/news/199245> (accessed 10 September 2024).
15. *Rossiya predstavlena stranoy alkogolikov i narkomanov v novom uchebnike* [Russia is presented as a country of alcoholics and drug addicts in a new textbook]. 2021 (in Russian). URL: <https://www.politnavigator.net/rossiya-predstavlena-stranojj-alkogolikov-i-narkomanov-v-novom-uchebnike.html> (accessed 10 September 2024).
16. Yana Lantratova o kachestve uchebnikov po russkomu yazyku [Yana Lantratova on the quality of Russian language textbooks] (in Russian). URL: <https://spravedlivo.ru/11725710> (accessed 10 September 2024).
17. Panova L.V., Kharitonova O.V. Uchebnik dlya prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo kak element lingvodidakticheskogo diskursa prepodavatelya-rusista [Textbook for teaching Russian as a foreign language as an element of linguodidactic discourse of a teacher-Russianist]. *Mir nauki – World of Science*, 2016, vol. 4, no. 6, pp. 1–9 (in Russian). URL: <http://mir-nauki.com/PDF/82PDMN616.pdf> (accessed 10 September 2024).
18. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura (lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo)* [Language and culture (Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language)]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1990. 246 p. (in Russian).
19. Latham-Koenig C. *American English File*. Oxford University Press, 2021. 168 p.
20. Redston Ch., Cunningham G., Clark R., Cerda B., Ackroyd S., Tims N. *Face2Face*. Cambridge, 2013. 136 p.
21. Safonova V.V. Sotsiokul'turnyye aspekty ekspertnogo analiza kachestva inoyazychnoy uchebnoy literatury [Sociocultural aspects of expert analysis of the quality of foreign language educational literature]. *Evrasiyskiy forum*, 2012, vol. 1 (4), pp. 199–215 (in Russian).
22. Rychkova M.A. Inostranny yazyk kak sredstvo formirovaniya tsennostnykh oriyentatsiy budushchikh spetsialistov [Foreign language as a means of forming value orientations of future specialists]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2008, vol. 14, no. 1, pp. 75–79 (in Russian).

Информация об авторах

Шамсутдинова А.А., аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, Россия, 450077).
E-mail: a.a.shamsutdinova@gmail.com; ORCID ID: 0009-0007-0565-1055; SPIN-код: 7102-9965.

Кудинова Г.Ф., доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской Революции, 3а, Уфа, Россия, 450077).
E-mail: gulja_gibatova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0574-3714; SPIN-код: 3991-6230. Web of Science Researcher ID: AAJ-2412-2021; Scopus Author ID: 57202401375.

Information about the authors

Shamsutdinova A.A., postgraduate student, Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmully (ul. Oktyabr'skoy Revolyutsii, 3a, Ufa, Russian Federation, 450077).

E-mail: a.a.shamsutdinova@gmail.com; ORCID ID: 0009-0007-0565-1055; SPIN-code: 7102-9965.

Kudinova G.F., Doctor of Philological Sciences, Professor, Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmulla (ul. Oktyabr'skoy Revolyutsii, 3a, Ufa, Russian Federation, 450077).

E-mail: gulja_gibatova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-0574-3714; SPIN-code: 3991-6230. Web of Science Researcher ID: AAJ-2412-2021; Scopus Author ID: 57202401375.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 17.10.2024; accepted for publication 03.04.2025

УДК 81-2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-43-51>

Телескопные слова с элементом cyber (на материале современной французской публицистики)

**Светлана Владимировна Слепцова¹, Инна Брониславовна Акиншина²,
Ирина Борисовна Свеженцева³**

^{1, 2} Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

³ Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия

¹ sleptsova@bsuedu.ru; 0000-0001-9152-6937

² akinshina@bsuedu.ru; 0000-0001-9433-8333

³ svezhentseva@yandex.ru; 0009-0008- 8785-6552

Аннотация

Развитие инновационных систем обработки и предоставления информации неразрывно связано с появлением новой лексики в любом языке. Цифровая среда, или киберпространство, в последнее время становится наиболее продуктивной сферой для формирования нового лексического состава языка. Одним из эффективных способов словообразования в киберпространстве выступает телескопия, а быстрым каналом распространения этой новой лексики в языке считаются средства массовой информации. Материалом для исследования послужили французские газеты, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию. Эмпирическая база формировалась посредством приема произвольной выборки. Исследование лексических единиц проводилось в рамках телескопных образований, содержащих элемент cyber. Этимологический анализ элемента cyber, входящего в состав новых французских телескопизмов, установил его происхождение от английского семантического неологизма cybernetics – «кибернетика», который происходит от греческого слова kybernetike. Анализ телескопных слов с учетом лексических значений, морфологических признаков и грамматических категорий позволил выявить шесть моделей телескопных образований. Первая модель телескопных единиц является самой употребительной в языке современной французской публицистики. Она основана на слиянии двух существительных, первое из которых содержит элемент cyber в начальной позиции с усечением второго элемента слова, а второе существительное представлено полной формой. Категория рода новообразованного телескопизма зависит от второго компонента, в данном случае от существительного в полной форме. Ко второй модели относятся телескопные слова, образованные в результате соединения трех существительных с усечением вторых элементов каждого компонента. Элемент cyber занимает среднюю позицию. Третья модель телескопизмов объединяет два существительных с последующим усечением второго элемента у каждого слова. Элемент cyber находится в начальной позиции. Четвертая модель характеризуется слиянием двух существительных с усеченными финальными элементами, где cyber располагается в начальной позиции второго компонента. Пятую модель образуют существительные, первое из которых содержит начальный элемент cyber, а второе представлено словом, заимствованным из другого языка. Шестая модель телескопизмов появилась благодаря соединению существительного с элементом cyber в начальной позиции и причастия прошедшего времени. При слиянии данных компонентов образуется телескопизм, представленный определением, выраженным причастием прошедшего времени.

Ключевые слова: киберпространство, телескопия, телескопные единицы, телескопные слова, словообразование, публицистика

Для цитирования: Слепцова С.В., Акиншина И.Б., Свеженцева И.Б. Телескопные слова с элементом cyber (на материале современной французской публицистики) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 43–51. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-43-51>

Telescoped words with the “cyber” element (based on the material of French journalism)

Svetlana V. Sleptsova¹, Inna B. Akinshina², Irina B. Svezhentseva³

^{1,2} Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

³ Belgorod State Technological University, Belgorod, Russian Federation

¹ sleptsova@bsuedu.ru; 0000-0001-9152-6937

² akinshina@bsuedu.ru; 0000-0001-9433-8333

³ svezhentseva@yandex.ru; 0009-0008- 8785-6552

Abstract

The development of innovative systems for processing and providing information is inseparably linked with the emergence of new vocabulary in any language. The digital environment or cyberspace has recently become the most productive area for the formation of new vocabulary. Blending is one of the most effective ways of word formation in cyberspace, and the mass media are considered as a fast channel for the penetration of this new vocabulary into language. French newspapers aimed at a wide readership served us as the material for the study. The empirical base of the study was formed by using the means of random sampling. The study of lexical units was carried out within limits of telescoped words with the “cyber” element. The etymological analysis of the “cyber” element of the new French telescoped units proved its origin from the English semantic neologism “cybernetics”, which comes from the Greek word “kybernetike”. The study of telescoped words by lexical meanings, morphological features and grammatical categories made it possible to develop six models of blend words. The first model of telescoped units is the most widespread in the language of modern French journalism. It is based on combination of two nouns. The first noun contains the element “cyber” in the initial position with the truncation of the second element of the word, and the second noun is represented by the full form. The category of the genre of newly formed blend words depends on the second component. In this case the genre depends on the noun represented in its full form. The second model includes telescoped words formed from three nouns, with the truncation of the second elements of each component. The “cyber” element occupies the middle position. The third model of telescoped units combines two nouns followed by truncation of the second element for each word. The “cyber” element is in the initial position. The fourth model is characterized by the blending of two nouns with truncated final elements. “Cyber” element is situated in the initial position of the second component. The fifth model is formed by nouns, the first part of which contains the initial element “cyber”, and the second one is represented by a word borrowed from another language. The sixth model of telescoped words was formed by combining the noun with the element “cyber” in the initial position and the past participle. The telescoped units represented by the attribute expressed by the past participle are formed as a result of the combination of these words.

Keywords: cyberspace, blending, telescoped units, telescoped words (blend words), word formation, journalism

For citation: Sleptsova S.V., Akinshina I.B., Svezhentseva I.B. Teleskopnyye slova s elementom cyber (na materiale sovremennoy frantsuzskoy publitsistiki) [Telescoped words with the “cyber” element (based on the material of French journalism)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 43–51 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-43-51>

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий оказывает огромное влияние на жизнь каждого человека. В наше время невозможно представить современную личность без мобильного телефона. Все чаще приходится слышать слова «мобильность», «виртуальное пространство», «сетевое общество», «искусственная среда», «виртуальная природа» и т. д. В современном обществе большой популярностью пользуется термин «виртуальная реальность». Под виртуальной реальностью принято понимать «совокупность ощущений индивида, порожденных использованием различных технических и электронных устройств, которые способны имитировать функции объектов реального мира (зрение, слух, осязание). Благодаря средствам виртуальной реальности человек погружается в киберпространство, или цифровую среду [1, с. 58–59].

Киберпространство – это ««виртуальное» измерение, обозначающее особую область социальных взаимодействий, опосредованных совокупностью процессов, протекающих в компьютерных сетях мира, и превратившееся еще в одну среду обитания и деятельности человека» [2, с. 152–153].

Киберпространство включает «Интернет; различные компьютерные сети, через которые проходят передачи данных о финансовых потоках, торгах на биржах, операциях по кредитным картам; системы управления разнообразными механизмами (лифтами, насосами, транспортными средствами и т. д.); компьютерные сети управления военной техникой и многое другое» [2, с. 153].

По мере развития киберпространства возникает новая лексика, которая довольно быстро проникает в жизнь современного общества и выступает объектом изучения лингвистов. На сегодняшний день

исследование лексического состава языка в рамках киберпространства является довольно актуальным. Часть лексики попадает уже в готовом виде в новую для нее среду обитания, а другая часть формируется непосредственно в ней. Так, одним из способов словообразования, привлекающих внимание исследователей как в реальной, так и виртуальной среде, является телескопия. Изучением данного языкового явления занимались многие ученые на материале разных языков. Например, А.А. Стрельцов предпринял попытку исследования словообразовательного потенциала телескопных слов на материале английского, французского, немецкого, испанского, португальского и русского языков [3, с. 373]. На материале французского языка телескопию как самостоятельный способ словообразования исследовала Е.Д. Ан [4, с. 71]. Телескопию как модель осложненного усечения в русском, французском, английском и немецком языках рассматривала М.А. Ярмашевич [5, с. 71]. В русском языке изучением явления блендинга занимались Л.Т. Касперова и Н.В. Смирнова. Авторы проводили анализ на материале социальной сети «ВКонтакте» [6, с. 231].

Некоторые исследователи отмечают, что понятие «блендинг» шире понятия «телескопия», подчеркивая существующую разницу между ними [7, с. 290]. Однако четкого представления по этому поводу среди лингвистов-исследователей не наблюдается, поэтому термины «блендинг» и «телескопия» в настоящей работе употребляются как синонимы, а телескопное слово рассматривается как «слово, составленное из сегментов двух (или нескольких) исходных слов или из двух полных слов с обязательным наложением общего звукового сочетания» [8, с. 134; 9, с. 78]. Одним из самых распространенных путей проникновения новой лексики в современный язык считаются средства массовой информации (СМИ) [9, с. 78], поэтому данное исследование проводится на материале французской публицистики.

Цель работы – провести этимологический анализ элемента *cyber*, входящего в состав телескопных слов, и составить модели телескопизмов с учетом лексических значений, морфологических признаков и грамматических категорий.

В данной статье под элементом понимается усеченная часть слова, а в качестве компонента представляется полная форма слова (лексическая единица).

Материал и методы

Практический материал для исследования отобран из французских газет, рассчитанных на массового читателя: *Le Monde*, *Le Monde diplomatique*, *le Figaro*.

В ходе исследования применялись: метод словообразовательного анализа, метод компонентного

анализа, описательный метод, сравнительный метод. Для формирования эмпирической базы исследования использовался прием произвольной выборки.

Результаты и обсуждение

Этимологический анализ исследуемого лексического элемента *cyber* позволил выявить, что он происходит от греческого слова *kybernetike* (кибернетика) – «искусство управления» [10]. В середине XX в. в лаборатории Н. Винера на основе греческого термина был создан английский семантический неологизм *cybernetics* – «кибернетика» [11], получивший особую популярность в 1990-е гг. после изобретения Всемирной паутины [12]. Таким образом, английский термин греческого происхождения стал проникать в другие языки и составлять основу для формирования новых лексических единиц.

В ходе анализа фактического материала языка современной французской публицистики было выявлено несколько моделей телескопных слов, включающих элемент *cyber*.

В первую модель **1NCyber[]+2N=3N** вошли телескопизмы, полученные путем слияния двух существительных, где начальный компонент выражен существительным (1N) с элементом *cyber* в препозиции, а его конечный элемент усекается. Второй компонент телескопного слова представлен полным существительным (2N). Например, в языке французской публицистики распространено телескопное слово *cyberespace* – «киберпространство»: *Il est un nouveau champ de bataille, le cyberspace... (Le Figaro, décembre 2016).* – Это новое поле битвы, **киберпространство...**

Телескопизм *cyberespace* появился в результате соединения элемента *cyber*, образованного от английского термина греческого происхождения *cybernetics* и французского существительного мужского рода *espace* – «пространство».

Искусственная среда, или киберпространство, не имея государственных границ, сегодня становится важнейшим участком политической конкуренции. Это своего рода «поле битвы» различных политических и военных интересов. В связи с этим появляется соответствующая терминология, которая переносится из «реальной жизни» в «виртуальное пространство», претерпев некоторые изменения. Например, телескопные образования женского рода: *cyberguerre* – «кибервойна», *cyberarme* – «кибероружие», *cyberstratégie* – «киберстратегия» и телескопное слово мужского рода *cyberarmement* – «кибервооружение»: *Cyberguerre. Utilisation des outils technologiques (ordinateurs, Internet, etc.) pour affaiblir (voire anéantir) un adversaire... (Le Monde diplomatique, janvier 2024).* – **Кибервойна. Использование технологических средств (компьютеров,**

интернета и т. д.) для ослабления (или даже уничтожения) противника...

В языке современных французских письменных СМИ зарегистрированы случаи употребления синонимичных телескопных слов, построенных на основе элемента cyber, например, существительные женского рода cyberattaque – и cyberoffensive – «кибератака, кибернападение». Эти синонимы также относятся к модели 1NCyber[]+2N=3N: 1) ...le Pentagone met en avant le danger des **cyberattaques** étrangères et la nécessité de moderniser son arsenal nucléaire, déjà considerable (Le Monde diplomatique, mars 2018). – ...Пентагон подчеркивает опасность иностранных **кибератак** и необходимость модернизации своего и без того значительного ядерного арсенала; 2) ...il subit les **cyberoffensives** gouvernementales chinoises visant à lui dérober sa technologie (Le Figaro, Février 2019). – ...он подвергается **кибератакам** со стороны китайского правительства, направленным на то, чтобы завладеть его технологиями.

В первую модель телескопизмов вошло существительное женского рода cybersurveillance – «кибермониторинг, киберконтроль, киберслежка», образованное при слиянии элемента cyber и существительного surveillance в значении «надзор, наблюдение, присмотр, контроль»: Abou Dhabi, pole Mondial de la **cybersurveillance** (Le Monde, janvier 2023). – Абу-Даби, мировой центр **киберконтроля**.

Было отмечено употребление в языке французской публицистики телескопного образования cybermalveillance с таким же значением «кибермониторинг, киберконтроль, киберслежка», но с негативным оценочным компонентом. Этимология этого слова очень интересна. Сам телескопизм cybermalveillance создан при слиянии начального элемента cyber англицизма греческого происхождения cybernetics – «кибернетика» с существительным malveillance – «недоброжелательность, злой умысел». А существительное malveillance произошло от malveillant – «недоброжелатель», которое, в свою очередь, образовалось от наречия mal – «плохо, скверно, дурно» и глагола настоящего времени vouloir – «хотеть» [13, с. 458], например: Comment se protéger des **cybermalveillances** ? Le gouvernement propose un kit de conseils (Le Figaro, juin 2018). – Как защитить себя от **киберслежки**? Правительство предлагает ряд советов.

По мере развития различного рода угроз в киберпространстве появляются определенные меры по противодействию этим угрозам и их ликвидации [2, с. 154]. Так образовался термин cybersécurité – «кибербезопасность» посредством соединения cyber и французского существительного женского рода sécurité – «безопасность»: Dans un contexte de financement devenu beaucoup plus

complexe, la valeur **cybersécurité** française a décidément la cote auprès des investisseurs (Le Figaro, octobre 2023). – В условиях, когда финансирование стало намного сложнее, в кругу инвесторов определенно возросла ценность французской **кибербезопасности**.

Не менее распространенным является термин cyberdéfense – «киберзащита», созданный при слиянии cyber и существительного женского рода défense – «защита», например: La France muscle sa **cyberdéfense** (Le Figaro, décembre 2016). – Франция усиливает свою **киберзащиту**.

В последнее время особо острой проблемой стала преступность в киберпространстве: возможность перехвата и применение в преступных целях частных и государственных устройств; использование игровой среды; перемещение и легализация денежных средств, полученных преступным путем, и многое другое [14, с. 248]. В связи с этим появляется новая лексика, характеризующая преступников и их действия в киберпространстве, а также меры по их противодействию. Например, синонимичное употребление телескопных образований cybercriminel и cyberdélinquant – «киберпреступник». Оба существительных относятся к мужскому роду и образовались путем присоединения полноценных компонентов criminel и délinquant – «преступник» к элементу cyber, например: 1) Mal protégées, les petites entreprises sont des proies faciles pour les **cybercriminels** (Le Figaro, janvier 2022). – Плохо защищенные малые предприятия являются легкой добычей для **киберпреступников**; 2) S'attaquer à une petite entreprise est moins lucratif pour les **cyberdélinquants** que derançonner un grand groupe ou de voler des secrets industriels (Le Figaro, janvier 2022). – Атаковать маленькую компанию менее выгодно для **киберпреступников**, чем заниматься вымогательством у большой компании или кражей промышленных секретов.

К этой же модели относятся телескопные синонимичные существительные женского рода, созданные на основе элемента cyber и существительных criminel и délinquant: cybercriminalité и cyberdélinquance – «киберпреступность»: 1) La **cybercriminalité** augmente et les petites entreprises en font les frais (Le Figaro, janvier 2022). – **Киберпреступность** растет, и малые предприятия несут убытки; 2) Face à la montée en puissance de la **cyberdélinquance**, le ministère de l'intérieur envisageait la création d'une structure unique... (Le Monde, janvier 2022). – Столкнувшись с ростом **киберпреступности**, министерство внутренних дел рассматривало возможность создания единой структуры...

На сегодняшний день участились случаи компьютерного вымогательства среди населения. Это

одна из разновидностей хакерских атак. Интернет-вымогатели часто применяют угрозы в виде распространения каких-либо компрометирующих сведений о человеке [15, с. 118–120]. На фоне появления таких преступных действий возникает новая лексика. Так, например, на страницах французских газет были зафиксированы случаи употребления телескопного слова *cyberchantage* – «кибершантаж, киберпреступление», образованного от элемента *cyber* и полной формы существительного мужского рода *chantage* – «шантаж»: *Des hôpitaux visés par des cyberchantages* (*Le Figaro*, janvier 2021). – Больницы, ставшие объектом **киберпреступлений**.

Довольно часто на страницах французских письменных СМИ можно встретить телескопное образование женского рода *cyberingérence* – «кибервмешательство, киберучастие». Оно также относится к первой модели нашего исследования: *Vols de données personnelles (adressee-mail, mot de passe, identifiants bancaires...), fraudes ou cyberingérence (intervention numérique d'un État dans la politique d'un autre État)...* (*Le Figaro*, juin 2018). – Кража личных данных (адрес электронной почты, пароль, банковские реквизиты и т. д.), мошенничество или **кибервмешательство** (цифровое вмешательство одного государства в политику другого государства)...

Для борьбы с преступными действиями в киберпространстве создаются специальные организации и, соответственно, новые должности. Примером может служить телескопизм *cybercommandeur* – «киберкомандующий». Это телескопное слово появилось путем соединения начального элемента *cyber* от *cybernetics* к полной форме существительного мужского рода *commandeur*. Слово *commandeur* имеет латинское происхождение. Оно образовано от латинского существительного среднего рода *manum* – «рука» и глагола I спряжения *mandare* – «поручать; отдавать приказ; давать инструкцию, информацию» [16, с. 355]. Например: *Un poste de «cybercommandeur» sera également spécialement créé* (*Le Figaro*, décembre 2016). – Также будет специально создана должность **киберкомандующего**.

Довольно распространенным на страницах французской печати является телескопное существительное мужского рода, обозначающее профессиональную должность *cyberenquêteur* – «киберследователь». Оно возникло в результате объединения элемента *cyber* с существительным *enquêteur* – «следователь», например: *A l'été 2021, tout semblait pourtant joué en faveur des militaires, qui viennent alors de créer le ComCyberGend, superstructure coiffant un vaste réseau de 7 000 cyberenquêteurs répartis dans des services locaux et centraux* (*Le Monde*, janvier 2022). – Летом 2021

года все, казалось, было сыграно в пользу военнослужащих (силовиков или силовых структур), которые только что создали **ComCyberGend**, особую структуру, объединяющую обширную сеть из 7 000 **киберследователей**, распределенных по местным и центральным департаментам.

Данный пример содержит еще один телескопизм – *ComCyberGend* (*Commandement de la gendarmerie dans le cyberspace*). Это название специального отдела в жандармерии, организованного для борьбы с киберпреступлениями в киберпространстве. Телескопное образование *ComCyberGend* возникло путем слияния трех существительных – *commandement*, *cyberspace* и *gendarmerie* с усечением второго элемента у каждого компонента. Такой способ образования телескопных слов позволил нам выделить вторую модель – $1N[]+2Ncyber[]+3N[]=4N$. В ходе анализа фактического материала было отмечено, что написание элемента *cyber*, занимающего интерпозицию в телескопном образовании *ComCyberGend*, допускается как с прописной, так и со строчной буквы: *Le general Marc Boget, chef du ComcyberGend, est ingénieur diplômé de l'Ecole nationale supérieure de mécanique et des microtechniques de Besançon...* (*Le Monde*, janvier 2022). – Генерал Марк Боге, глава **ComcyberGend**, является дипломированным инженером высшей национальной школы механики и микротехники Безансона...

Третья модель телескопных слов нашего исследования включает две лексические единицы с усечением конечных элементов обоих компонентов. Схематично эта модель в статье представлена $1Ncyber[]+2N[]=3N$. Например, телескопизм *cybercom* – «киберкомандующий» появился путем отсечения второго элемента *-netics* у слова *cybernetics* и второго элемента *-mandeur* у слова *commandeur*: *Le ministre de la Défense a d'ailleurs annoncé lundi la création d'un poste d'un commandeur (Cybercom) chargé de mener les opérations militaires dans l'espace numérique...* (*Le Figaro*, décembre 2016). – К тому же в понедельник министр обороны объявил о создании должности командующего (**киберкомандующего**), отвечающего за проведение военных операций в цифровом пространстве...

Были отмечены случаи употребления такой же телескопной единицы, но в другом значении: *Cybercom* – «киберкомандование» (в США). Поскольку этот телескопизм является англицизмом, он появился благодаря соединению начального элемента *cyber* и английского существительного *command* – «командование», например: *A l'image du «Cybercom» américain, le nouvel état-major... coiffera toutes les unités opérationnelles informatiques des armées et des services de la défense...* (*Le Monde*,

décembre 2016). – Подобно американскому **Cybercom** новый Генеральный штаб... возглавит все компьютерные оперативные подразделения Вооруженных сил и оборонных ведомств...

Созданное подразделение кибервойск при министерстве вооруженных сил Франции получило название Comcyber. Это название образовалось благодаря соединению слова commandement и элемента cyber. Поскольку элемент cyber принадлежит ко второму компоненту телескопизма, это позволило нам отнести его к четвертой модели – $1N[] + 2Ncyber[] = 3N$: *Le «Comcyber» français couvrira quatre poles... (Le Monde, décembre 2016). Французский Comcyber будет охватывать четыре направления...*

Исследование позволило выделить пятую модель телескопных слов – $1Ncyber[] + 2N(\text{заимств.}) = 3N$. Ее особенность заключается в том, что второй компонент телескопизма заимствован из другого языка, например: *Le spécialiste de la cyberstratégie envisage également qu'il s'agisse d'un groupe islamique de cyberhackers de type caucasien (Le Figaro, juin 2015). – Специалист по киберстратегии также предполагает, что это исламская группа киберхакеров кавказского происхождения.*

Некоторые авторы считают, что слово hacker произошло от немецкого слова hacken, другие полагают, что оно английского происхождения от tohack – «рубить, прорубать», однако все исследователи дают ему определение как «компьютерный взломщик, хулиган, жулик» [17].

Шестая модель телескопных образований нашего исследования представлена как $1Ncyber[] + 2PP = 3PP$. Первый компонент телескопизма является элементом cyber в начальной позиции с усечением финального элемента существительного, а второй компонент выражен полной формой причастия прошедшего времени. В результате их слияния появляется новое слово, которое представляет собой причастие прошедшего времени. В предложении оно выступает в роли определения, например, cyberattaqué – «кибератакованный, подвергшийся кибератаке»: *Le dispositif cybermalveillance. gouv.fr prévoyait trois grandes missions: la sensibilisation, l'assistance aux personnes cyberattaquées et un observatoire du risque numérique pour identifier et comprendre les Nouvelles menaces (Le Figaro, juin 2018). – Ресурс cybermalveillance. gouv.fr предусматривал выполнение трех основных задач: повышение осведомленности, помощь лицам, подвергшимся кибератаке, и работу мониторингового цифрового центра для выявления и изучения новых угроз.*

В ходе анализа фактического материала были выявлены случаи двоякого написания некоторых слов, образованных на основе элемента cyber: че-

рез дефис (как сложные слова), например, cyber-surveillance, cyber-attaque и слитно (как телескопные единицы) – cybersurveillance, cyberattaque. Исследование показало, что слитная форма написания этих слов в языке современной французской публицистики встречается гораздо чаще, что позволило нам включить их в разряд телескопных образований.

Заключение

Таким образом, в рамках этимологического анализа самого элемента cyber было установлено его изначально греческое происхождение от слова kybernetike (кибернетика) – «искусство управления», но в процессе развития информационных технологий на основе греческого термина появилась английская лексическая единица cybernetics – «кибернетика», которая проникла во французский язык и активно участвует в образовании новых слов.

В ходе исследования фактического материала языка французской письменной прессы было выделено шесть моделей телескопных единиц с элементом cyber с учетом их лексических значений, морфологических признаков и грамматических категорий.

Первая модель $1Ncyber[] + 2N = 3N$ телескопных образований является наиболее распространенной в языке французской публицистики. Она характеризуется тем, что элемент cyber находится в препозиции первого компонента, а второй компонент представлен полным существительным. В результате их слияния образуется новое слово. Исследование показало, что грамматическая категория рода нового телескопного существительного полностью зависит от рода второго компонента данной модели. Вторая модель телескопизмов в нашем исследовании $1N[] + 2Ncyber[] + 3N[] = 4N$ представлена соединением трех существительных. При этом элемент cyber находится в интерпозиции. Особенностью данной модели является то, что при слиянии у всех трех компонентов усекается второй элемент. Были выявлены случаи написания элемента cyber как с большой, так и с маленькой буквы. В третью модель $1Ncyber[] + 2N[] = 3N$ вошли телескопные слова, образовавшиеся благодаря соединению двух существительных с усечением финальных элементов обоих компонентов. Спецификой четвертой модели $1N[] + 2Ncyber[] = 3N$ является то, что при образовании нового телескопного существительного элемент cyber находится в начальной позиции второго компонента. Характерной чертой пятой модели $1Ncyber[] + 2N(\text{заимств.}) = 3N$ выступает второй компонент, представленный лексической единицей, заимствованной из другого языка. В шестой модели телескопных образований

1Ncyber[]+2PP=3PP в нашем исследовании сливаются не два существительных, как было в предыдущих моделях, а первый компонент, представленный усеченным существительным с элементом cyber в начальной позиции и второй компонент, выраженный полной формой причастия прошедшего времени. В результате соединения образуется причастие прошедшего времени, которое в предложении является определением.

Лексика любого языка наиболее чувствительна к различного рода изменениям. Какие-то лексиче-

ские единицы закрепляются в языке, а какие-то постепенно выходят из его употребления. Часто такие изменения происходят из-за быстрого темпа развития информационных автоматизированных систем.

Таким образом, данный проведенный анализ телескопных единиц сможет дополнить уже полученные знания в этой области и послужит источником в дальнейших исследованиях телескопных образований на материале французских письменных СМИ.

Список источников

1. Добринская Д.Е. Киберпространство: теория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2018. Т. 24, № 1. С. 52–70.
2. Кардава Н.В. Киберпространство как новая политическая реальность: вызовы и ответы // История и современность. 2018. № 2. С. 152–166.
3. Стрельцов А.А. Словообразовательный потенциал телескопических слов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 2. С. 373–385.
4. Ан Е.Д. Телескопия как самостоятельный способ словообразования в современном французском языке // Филологический аспект. 2021. № 11 (79). С. 71–79.
5. Ярмашевич М.А. Телескопия как модель усложненного усечения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 71–84.
6. Касперова Л.Т., Смирнова Н.В. Блендинг в интернет-коммуникации: лингвокреативный аспект (на материале социальной сети «ВКонтакте») // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 7. С. 231–250.
7. Шейфель Н.А. Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике // Современные проблемы языкознания, литературоведения: материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация и лингводидактика». Белгород: ИД «НИУ БелГУ», 2016. С. 290–294.
8. Эрстлинг Л.В. Телескопные слова во французском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2010. № 4 (22). С. 132–142.
9. Слепцова С.В., Акиншина И.Б., Авилова И.А. К вопросу о типологии телескопных единиц (на материале французской публицистики) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2023. Вып. 4 (228). С. 76–83. doi: 10.23951/1609-624X-2023-4-76-83
10. Kybernetike // Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Кибернетика> (дата обращения: 21.01.2024).
11. Cybernetics // Этимологический словарь русского языка. URL: <https://etymological.academic.ru/1909/кибернетика?ysclid=lrhvk9dvlr271982336> (дата обращения: 19.01.2024).
12. Ким Е.О., Шеин И.Ю. Лексическая сочетаемость слова cyber // Молодая наука Сибири. 2021. № 3 (13). С. 305–312. URL: <https://ojs.irgups.ru/index.php/mns/article/view/257> (дата обращения: 19.01.2024).
13. Malveillance // Dictionnaire étymologique de la langue française par Albert Dauzat. Paris, 1938. URL: <https://archive.org/details/DictionaryEtymologiqueDeLaLangueFrancaiseAlbertDauzat/page/n491/mode/2up?view=theater&q=malveillance> (дата обращения: 21.01.2024).
14. Ефремова И.А., Смушкин А.Б., Донченко А.Г., Матушкин П.А. Киберпространство как новая среда преступности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 248–256.
15. Лопатина Т.М. Условно-цифровое вымогательство, или Кибершантаж // Журнал российского права. 2015. № 1. (217). С. 118–125.
16. Commandeur // Dictionnaire Étymologique de la langue française. Paris, 1914. URL: <https://archive.org/details/dictionnairety00cluoft/page/354/mode/2up?view=theater&q=commandeur> (дата обращения: 21.01.2024).
17. Хакер // Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/16077/XAKEP?ysclid=lrpxseul3t319375605 (дата обращения: 21.01.2024).

References

1. Dobrinskaya D.E. Kiberprostranstvo: teoriya sovremennoy zhizni [Cyberspace: territory of contemporary life]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: 18. Sotsiologiya i politologiya – Bulletin of Moscow University. Series: 18. Sociology and political science*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 52–70 (in Russian).
2. Kardava N.V. Kiberprostranstvo kak novaya politicheskaya real'nost': vyzovy i otvety [Cyberspace as a new political reality: challenges and responses]. *Istoriya i sovremennost' – History and modernity*, 2018, no. 2, pp. 152–166 (in Russian).

3. Strel'tsov A.A. Slovoobrazovatel'nyy potentsial teleskopicheskikh slov [Word-building potential of telescoped words]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya – Issues of Journalism, Education, Linguistics*, 2022, vol. 41, no. 2, pp. 373–385 (in Russian).
4. An E.D. Teleskopiya kak samostoyatel'nyy sposob slovoobrazovaniya v sovremennom frantsuzskom yazyke [Telescopy as an independent way of word formation in modern French]. *Filologicheskyy aspekt*, 2021, no. 11 (79), pp. 71–79 (in Russian).
5. Yarmashevich M.A. Teleskopiya kak model' uslozhnyonogo usecheniya [Telescoping as the model of complicated word reduction]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki – News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences*, 2015, no. 3, pp. 71–84 (in Russian).
6. Kasperova L.T., Smirnova N.V. Blending v internet-kommunikatsii: lingvokreativnyy aspekt (na materiale sotsial'noy seti “VKontakte”) [Blending in Internet communication: linguistic and creative aspect (“VKontakte” social network)]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2022, vol. 11, no. 7, pp. 231–250 (in Russian).
7. Sheyfel N.A. Ponyatiye blending i yego otlicheye ot drugih smezhnykh sposobov slovoobrazovaniya v lingvistike [The concept of blending and its difference from other related methods of word formation in linguistics]. *Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Sovremennyye problemy yazykoznaniya, literaturovedeniya, mezhkul'urnoy kommunikatsii i lingvodidaktiki”* [Materials of the II International Scientific Conference “Modern problems of linguistics, literary criticism, intercultural communication and linguodidactics”]. Belgorod, ID NIU “BelGU” Publ., 2016. Pp. 290–294 (in Russian).
8. Erstling L.V. Teleskopnyye slova vo frantsuzskom yazyke [Telescope words in French]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya*, 2010, no. 4 (22), pp. 132–142 (in Russian).
9. Sleptsova S.V., Akinshina I.B., Avilova I.A. K voprosu o tipologii teleskopnykh edinit (na materiale frantsuzskoy publitsistiki) [On the typology of telescoped words (based on the material of french journalism)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, no. 4 (228), pp. 76–83. doi: 10.23951/1609-624X-2023-4-76-83 (in Russian).
10. Kybernetike. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia] (in Russian). URL: <https://gufo.me/dict/bse/Kibernetika> (accessed 21 January 2024).
11. Cybernetics. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (in Russian). URL: <https://etimologicheskii.academic.ru/1909/kibernetika?ysclid=lrhvk9dvlr271982336> (accessed 19 January 2024).
12. Kim E.O., Shein I.Yu. Leksicheskaya sochetayemost' slova cyber [Lexical combinability of “cyber”]. *Molodaya nauka Sibiri – Young Science of Siberia*, 2021, no. 3 (13), pp. 305–312 (in Russian). URL: <https://ojs.igups.ru/index.php/mns/article/view/257> (accessed 19 January 2024).
13. Malveillance. *Dictionnaire etymologique de la langue francaise par Albert Dauzat*. Paris, 1938. URL: <https://archive.org/details/DICTIONNAIREETIMOLOGIQUEDELALANGUEFRANCAISEALBERTDAUZAT/page/n491/mode/2up?view=theater&q=malveillance> (accessed 21 January 2024).
14. Efremova I.A., Smushkin A.B., Donchenko A.G., Matushkin P.A. Kiberprostranstvo kak novaya sreda prestupnosti [Cyberspace as a new crime environment]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 472, pp. 248–256 (in Russian).
15. Lopatina T.M. Uslovno-tsifrovoye vymogatel'stvo, ili kibershantazh [Conditionaldigital extortion, or cyber blackmail]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Russian Law Journal*, 2015, no. 1 (217), pp. 118–125 (in Russian).
16. Commandeur [Commander]. *Dictionnaire Etymologique de la langue francaise* [Etymological Dictionary of the French Language]. Paris, 1914. URL: <https://archive.org/details/dictionnairey00cluoft/page/354/mode/2up?view=theater&q=commandeur> (accessed 21 January 2024).
17. Khaker [Hacker]. *Slovar inostrannykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words of the Russian language] (in Russian). URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fw/dic_fw/16077/HAKER?ysclid=lrnxseul3t319375605 (accessed 21 January 2024).

Информация об авторах

Слепцова С.В., кандидат филологических наук, доцент, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Студенческая, 14, Белгород, Россия, 308007).
E-mail: sleptsova@bsuedu.ru; ORCID ID: 0000-0001-9152-6937; SPIN-код: 1111-6948.

Акиншина И.Б., кандидат педагогических наук, доцент, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Студенческая, 14, Белгород, Россия, 308007).
E-mail: akinshina@bsuedu.ru; ORCID ID: 0000-0001-9433-8333; SPIN-код: 9567-2432; Scopus ID: 56922087200.

Свеженцева И.Б., кандидат педагогических наук, доцент, доцент, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова (ул. Костюкова, 46, Белгород, Россия, 308012).
E-mail: svezhentseva@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0008-8785-6552; SPIN-код: 7456-8668.

Information about the authors

Sleptsova S.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Belgorod State University (ul. Stencheskaya, 14, Belgorod, Russian Federation, 308007).
E-mail: sleptsova@bsuedu.ru; ORCID ID: 0000-0001-9152-6937; SPIN-code: 1111-6948.

Akinshina I.B., Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Belgorod State University (ul. Stencheskaya, 14, Belgorod, Russian Federation, 308007).

E-mail: akinshina@bsuedu.ru; ORCID ID: 0000-0001-9433-8333; SPIN-code: 9567-2432; Scopus ID: 56922087200.

Svezhentseva I.B., Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Belgorod State Technological University (ul. Kostyukova, 46, Belgorod, Russian Federation, 308012).

E-mail: svezhentseva@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0008-8785-6552; SPIN-code: 7456-8668.

Статья поступила в редакцию 30.06.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 30.06.2024; accepted for publication 03.04.2025

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 821.161.1'25-31=111=133.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-52-61>

Сохранение компонента синестезии как разновидности метафоры в переводах романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» на английский и французский языки

Мария Николаевна Дроздова¹, Юрий Викторович Кобенко²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*

¹ *Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия*

¹ *drozdova.mn@ssmu.ru; 0009-0007-6097-6338*

² *serpentis@list.ru; 0000-0003-2940-2233*

Аннотация

Статья посвящена анализу сохранения такой разновидности метафоры, как синестезия, в английских и французских переводах романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». Как литературный прием, создающий образный признак, синестезия играет ключевую роль в формировании выразительного строя указанного произведения. Цель исследования состоит в определении успешности реализации переводчиками данного выразительного средства в переводах романа на английский и французский языки. В качестве материала исследования задействованы шесть английских и три французских перевода романа «Дворянское гнездо», выполненные В. Ролстоном (1869), М. Хэпгуд (1903), К. Гарнет (1917), Б. Айзексом (1947), Р. Фриборном (1970), М. Пурсглав (2016), а также Г. Соллогубом (1862), М. Лишневым (1927) и Ф. Фламаном (1982). Методологической основой работы послужил комплекс общенаучных и частно-научных методов, включающий методы логики (анализ, сравнение, абстрагирование, обобщение), функциональный метод, направленный на выделение элементов языкового репертуара в речи, а также метод компонентного анализа, предназначенный для изучения содержательной составляющей языковых структур. Исследование направлено на выявление и анализ конвергентных примеров реконструкции приема синестезии в тексте романа. Для каждого оригинального выражения, относящегося к группе средств создания образности, в транслатах зафиксированы варианты перевода и сопоставлены с исходным выражением согласно выбранным критериям оценки качества перевода – адекватностью и конвергентностью. Обращение к указанным критериям обусловлено необходимостью сравнения исходного выражения с тем или иным переводческим решением: перевод считается адекватным, если он точно воспроизводит семантику исходного высказывания, то есть направлен на реконструкцию содержательного компонента оригинального средства; под конвергентностью понимается сохранение его функциональной стороны: в случае синестезии – образного атрибута исходного выражения. Объектом исследования выступает реконструкция синестезии в англоязычных и франкоязычных переводах романа, предметом – оценка успешности переводческих решений применительно к синестезии с точки зрения равноценности тропов в сопоставляемых языках. Аспектами анализа реконструкции синестезии в текстах английских и французских переводов романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» являются следующие: выбор переводческих решений для передачи переводчиками синестезии с учетом языковых различий и особенностей сопоставляемых культур; сохранение или же утрата образности при переводе; влияние выбранных переводческих решений на восприятие читателя. Результаты исследования показывают, что все девять переводчиков романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» на английский и французский языки сталкиваются с определенными трудностями при передаче синестезии, в ряде случаев наблюдаются неадекватные или дивергентные переводческие решения, что приводит к частичной или полной утрате образности и эмоционального воздействия исходного текста. Выбор языковых средств, используемых в транслатах, зависит от общего понимания имплицитного смысла исходного выражения, при этом согласованность в выборе языковых единиц некоторых переводчиков является не более чем случайным совпадением. Оценка успешности реконструкции синестезии средствами английского и французского языков показывает, что из пяти отобранных синестезий лишь четыре подлежали реконструкции. Принимая во внимание общее количество проанализированных вариантов перевода, в совокупности исследовано сорок пять реконструкций, шестнадцать из которых были признаны когерентными, что составляет всего 35 % от общего количества исследованных транслатов. Наиболее удачные переводческие решения принадлежат Б. Айзексу с тремя из пяти успешных реконструкций. Р. Фриборн, М. Лишневский и Ф. Фламан реконструировали две из пяти проанализированных синестезий, на счету Р. Фриборна и Ф. Фламана имеется одна переводческая ошибка на уровне искажения смысла. К. Гарнет, М. Пурсглав и Ф. Хэпгуд успешно реконструировали только одно из пяти выражений, не допустив, од-

нако, переводческих ошибок. Примечательна тенденция К. Гарнет осуществлять перевод на прагматическом уровне при исключении попытки подражания литературной манере автора, но при этом сохраняя оригинальный смысл и не допуская ошибок на уровне понимания.

Ключевые слова: реконструкция, средства создания образности, метафора, синестезия, конвергенция, дивергенция, когерентность, адекватность, И.С. Тургенев «Дворянское гнездо», перевод, английский и французский языки

Для цитирования: Дроздова М.Н., Кобенко Ю.В. Сохранение компонента синестезии как разновидности метафоры в переводах романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» на английский и французский языки // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 52–63. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-52-63>

COMPARATIVE LINGUISTICS

Preservation of the synaesthetic element as a specific type of metaphor in the English and French translations of I.S. Turgenev's novel "A Nest of Gentry"

Maria N. Drozdova¹, Yuriy V. Kobenko²

^{1,2} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

¹ Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation

¹ drozdova.mn@ssmu.ru; 0009-0007-6097-6338

² serpentis@list.ru; 0000-0003-2940-2233

Abstract

The article examines the preservation of synesthesia, a specific type of metaphor, in the English and French translations of I.S. Turgenev's novel "A Nest of Gentry". As a literary device that generates figurative meaning, synesthesia is integral to the expressive structure of this literary work. The objective of the study is to evaluate the effectiveness of the translators in conveying this expressive element in the English and French versions of the novel. The material of the study includes six English and three French translations of the novel "A Nest of Gentry" by W. Ralston (1869), M. Hapgood (1903), C. Garnet (1917), B. Isaacs (1947), R. Freeborn (1970), M. Pursglove (2016), as well as C. Sollohoub (1862), M. Lichnevski (1927) and F. Flamant (1982). The methodological foundation of this study is comprised of a range of general scientific and specialized methods, including logical approaches (such as analysis, comparison, abstraction, and generalization), a functional method aimed at identifying elements of the linguistic repertoire within spoken language, and component analysis intended to examine the content components of linguistic structures. The objective of this study is to identify and analyze convergent examples of the synaesthetic element reconstruction within the text of the novel. For each original expression that falls within the category of imagery-creating means, multiple translation alternatives are documented in the translations and evaluated against the original expression based on selected criteria for assessing translation quality—namely, adequacy and convergence. The application of these criteria is essential for comparing the original expression with specific translation solutions: a translation is considered adequate if it faithfully reproduces the semantics of the original statement, thereby focusing on the reconstruction of the substantive component of the original means of expression. Convergence, on the other hand, is defined as the preservation of the functional aspect of the expression; in the context of synesthesia, this pertains to the figurative attribute of the original expression. The object of this study is the reconstruction of synesthesia in the English and French translations of the novel, while the subject pertains to the evaluation of the effectiveness of translation strategies concerning synesthesia in terms of the equivalence of tropes across the compared languages. The analysis of the reconstruction of synesthesia in the English and French translations of I.S. Turgenev's novel "A Nest of Gentry" encompasses the following aspects: the selection of translation strategies employed by translators to convey synesthesia, considering the linguistic differences and cultural nuances of the languages in question; the retention or loss of imagery in the translations; and the impact of the chosen translation solutions on the reader's perception. The study's results reveal that all nine translators of I.S. Turgenev's novel "A Nest of Gentry" into English and French encounter specific challenges in conveying synesthesia. In some instances, translators present inadequate or divergent translation solutions, resulting in either a partial or complete loss of imagery and emotional impact from the original text. The selection of linguistic means in the translations depends on the translators' understanding of the implicit meaning of the source expression, while the consistency in the choice of linguistic units by certain translators often appears to be mere coincidence. Evaluating the success rate of synesthesia reconstruction in the English and French translations indicates that only four out of the five selected instances of synesthesia

underwent reconstruction. Considering the overall number of analyzed translations, the study examined a total of forty-five reconstructions, of which sixteen were identified as coherent. This finding represents only 35 % of the total number of translations reviewed. The most effective translation solutions are provided by B. Isaacs, who achieved successful reconstruction in three out of five instances. R. Freeborn, M. Lichnevski, and F. Flamant successfully reconstructed two out of the five analyzed synesthesia. Both R. Freeborn and F. Flamant made one error in translation that involved a distortion of meaning. In contrast, K. Garnett, M. Pursglove, and F. Hapgood managed to reconstruct only one of the five expressions without committing any translation errors. Notably, K. Garnett demonstrates a tendency to operate at the pragmatic level of translation, prioritizing the preservation of the original meaning while avoiding attempts to imitate the author's literary style and minimizing comprehension errors.

Keywords: reconstruction, means of creating imagery, metaphor, synesthesia, convergence, divergence, coherence, adequacy, I.S. Turgenev "A Nest of Gentry", translation, English, French

For citation: Drozdova M.N., Kobenko Yu.V. Sokhraneniye komponenta sinestezii kak raznovidnosti metafory v perevodakh romana I.S. Turgeneva "Dvoryanskoye gnezdo" na angliyskiy i frantsuzskiy yazyki [Preservation of the synaesthetic element as a specific type of metaphor in the English and French translations of I.S. Turgenev's novel "A Nest of Gentry"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 52–63 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-52-61>

Введение

Выразительные средства являются неотъемлемой частью любого художественного произведения, а наличие чувственных образов, наглядности, ассоциативности делает речь изобразительной. Подмена привычного обозначения образным с целью усиления выразительности речи называется тропом (от гр. Τρόπος – «оборот»). Наиболее известной разновидностью тропа является метафора (др.-греч. μεταφορά «перенос», от μετά «над» + φέρω «несущий»), которая представляет образ, созданный на основе формальной схожести денотатов [1, с. 55]. Именно использование тропов, как отмечает Ю.В. Кобенко, реализует изобразительную функцию речи и зачастую стоит на службе «языкового портретирования» [2, с. 187].

Если понимать каждое художественное произведение как результат образного познания автора, необходимо подчеркнуть важность сохранения компонентов, отвечающих за создание данного образа, в его транслятах. Эталоном для перевода в актуальном исследовании выступает роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», примечательный своим выразительным строем.

Проведенный нами стилистический анализ показал, что метафора является наиболее распространенным выразительным средством в тексте романа и составляет 20 % всего выразительного строя произведения. В ходе стилистического анализа были выявлены следующие виды метафор: *просопопея*, *антипросопопея*, *аллегория*, *синестезия*. Согласно подсчету процента содержания каждого вида тропа по отношению к общему количеству найденных в тексте метафор, *синестезия* является самым распространенным видом метафоры: на ее долю приходится 35 % от всех видов метафор романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». Настоящее исследование посвящено анализу сохранения этого компонента во французских и английских переводах произведения.

Объектом исследования является реконструкция такой разновидности метафоры, как синестезия, переводчиками романа на английский и французский языки, предметом исследования – оценка успешности переводческих решений при переводе синестезии с точки зрения равноценности тропов, представленных в исходном тексте (ИТ) и тексте перевода (ПТ).

Оценка качества перевода определяется эмоциональным воздействием ПТ на получателей перевода. И.С. Алексеева ссылается на термин «*когерентность перевода*», подразумевая под ним сохранение единства содержания и гармонии между содержанием, смыслами и формой исходного текста и его перевода [2, с. 168]. Поскольку центральным аспектом работы выступает сохранение в первую очередь литературной манеры писателя в его транслятах, критериями оценки качества перевода выступают: *адекватность* перевода, под которой понимается полнота передачи содержания оригинального высказывания, и *конвергентность* как сближение двух языковых сущностей [4], «верность мотивам и нарративной перспективе оригинального текста» [5], в данном случае – сохранение образного атрибута исходного выражения. Целью исследования является определение когерентных примеров реконструкции синестезии на основе сравнительно-сопоставительного анализа тропов, представленных в ИТ и ПТ.

Материал и методы

Материалами актуального исследования послужили шесть английских транслятов романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»: 1) У. Ролстона «Лиза, или Гнездо дворян» (Liza, or A Nest of Nobles, 1869); 2) И.Ф. Хэпгуд «Дворянское гнездо» (A Nobleman's Nest, 1903); 3) К. Гарнет «Дом дворян» (A House of Gentlemen, 1917); 4) Б. Айзекеса «Гнездо дворян» (A Nest of the Gentry, 1947);

5) Р. Фриборна «Дом дворян» (Home of the Gentry, 1970); 6) М. Пурсглав «Гнездо дворян» (A Nest of the Gentry, 2016) и три французских перевода романа: 1) В.А. Соллогуба и А. де Калонн «Гнездо дворян» (Une nichée de gentilshommes, 1862); 2) М. Лишневого «Гнездо дворян» (Un Nid de Gentilsgommes, 1927); 3) Ф. Фламана «Гнездо дворян» (Nid de gentilhomme, 1982).

В качестве методологической базы исследования использовался корпус обще- и научно-научных методов: к общенаучным принадлежат методы логики (анализ, сравнение, абстрагирование, обобщение), к научно-научным (лингвистическим) относятся функциональный метод, предполагающий выделение элементов репертуара языка автора художественного произведения в речи, а также метод компонентного анализа, подразумевающий анализ содержательной составляющей языковых структур.

Результаты и обсуждение

Синестезия как вид метафоры представляет собой образный атрибут, признак объекта и явления, описываемого в тексте [1, с. 57]. Перевод данного выразительного средства подразумевает не столько воспроизведение его семантических характеристик, сколько сохранение исходного образа, влияющего на эмоционально-эстетическое восприятие получателей перевода.

Специфической чертой стилистики И.С. Тургенева является наличие сложных символических образов, некоторые из которых содержат в себе лексику, отражающую национальный колорит. В качестве примера возьмем описание Петра Андреича Лаврецкого, дедушки главного героя: «*Это был простой степной барин, довольно взбалмошный, крикун и копотун, грубый, но не злой, хлебосол и псовый охотник*» [6, с. 33]. В приведенном примере сложность перевода представляет образный эпитет «*хлебосол*» в значении <гостеприимный, хлебосольный человек>, выразительное средство восходит к древнерусской традиции встречать дорогого гостя хлебом и солью [7]. Данное выражение было переведено на английский как *hospitable* (гостеприимный), в результате чего утратило образную отсылку к культурной особенности славян, однако сохранило смысл оригинального выражения. Подобный перевод следует считать адекватным ввиду сохранения значения гостеприимности, однако здесь наблюдается дивергенция в отношении аналогии образного средства. В переводе Р. Фриборна была найдена переводческая ошибка, связанная с искажением смысла: «...a simple country squire, fairly devil-may-care, loud-mouthed and slow-witted, rude but not malicious, *fond of entertaining* and following the hounds» [8, с. 43]. Согласно интерпретации переводчика, «хлебосол»

воспринимается как «любитель развлечений», и перевод синестезии нельзя признать адекватным. Обращаясь к французским транслятам, по аналогии с английскими можно видеть тенденцию к реконструкции выражения-эталона как *hospitalier* (гостеприимный). Подобное единодушие при переводе данного выражения можно объяснить тем, что образ, содержащийся в синестезии, является чужеродным в культурном пространстве получателей перевода, а дословный перевод выражения «хлебосольный» привел бы к нарушению восприятия.

Рассмотрим другой пример перевода выразительного средства, который, напротив, отмечен семантической вариативностью реконструкции тропа: «*В углублении ложи виднелся пожилой мужчина с измятыми щеками*» [6, с. 53]. Здесь «*измятые щеки*» указывают на признак старения за счет скрытого сравнения лица персонажа с тканью или бумагой. В английском переводе К. Гарнет [9] данное выражение звучит буквально *wrinkled* (морщинистый), что является адекватным переводом ввиду сохранения смысла исходного выражения, отождествляющего старость героя произведения, однако с точки зрения интерпретации образа нельзя признать подобную реконструкцию конвергентной, поскольку перевод не содержит в себе скрытого сравнения. Переводы французов В.А. Соллогуба [10] и Ф. Фламана [11] также не содержат в себе образного атрибута: *joues chiffonnées* (щеки помятые) – является устойчивым выражением, широко используемым при описании усталого лица (*visage chiffonné, mine chiffonnée, minois chiffonné* – усталое лицо; помятое лицо [12, с. 321]). Более того, данная реконструкция не может быть признана адекватной, поскольку значение выражения не совпадает по денотативному компоненту. В английской версии перевода У. Ролстона [13] также найдена ошибка в передаче значения слова, он использует прилагательное *flabby* (дряблый), тем самым искажая смысл оригинального выражения и утрачивая метафору.

Англоязычные варианты И.Ф. Хэпгуд [14] и М. Пурсглав [15] реконструируют метафору с помощью единицы *furrow*, одно из значений которой – <бороздить>, <пахать землю>, а в отношении лица – <покрывать бороздой, морщинами>, что, несомненно, является адекватной реконструкцией образного атрибута. Английские переводчики Б. Айзекес [16] и Р. Фриборн [8] обратились к выражению *creased*, одно из значений которого <измятое белье/бумага> и как производное – <мимические морщины>, тем самым добившись большей семантической близости с оригинальным выражением. Конвергентным переводом можно также признать работу М. Лишневого: *il avait des joues fripées* [17, с. 78], где значение *joues fripées* <мятые

щеки> не является устойчивым по отношению к описанию внешности и используется в сочетании с тканью (пример: *friper une robe* – помять платье) [12, с. 410].

Содержание художественного текста включает в себя эксплицитную информацию (выраженную языковой единицей без ее преобразования) и имплицитный (подразумеваемый) смысл, раскрывающий замысел автора [18, с. 135]. Рассмотрим ситуацию, в которой реконструкция образного атрибута зависит от понимания переводчиками имплицитного смысла ИТ: «С Настасьей Карповной Марфа Тимофеевна свела знакомство на богомолье, в монастыре; сама подошла к ней в церкви (она понравилась Марфе Тимофеевне за то, что, по ее словам, очень **вкусно молилась**)» [6, с. 69]. В данном случае переводчики выполнили перевод, сохранив компонент синестезии, однако добились этого разными способами.

В переводах У. Ролстона, Ф. Хэпгуд и М. Пурс-глава используется выражение «обладать хорошим вкусом» в значении <понимания изящного с точки зрения чьих-л. мнений об изящном, красивом> [19]. Несмотря на различия в форме выражения (переводчики перефразировали слово *taste*), прием был сохранен в языке-реципиенте: *Praying in very good taste* [13, с. 59] (молиться в очень хорошем вкусе); *She prayed tastily* [13, с. 53] (она молилась со вкусом); *She prayed very tastefully* [15, с. 69] (она молилась со вкусом).

Р. Фриборн обратился к другому значению слова *taste*: <the sense by which the qualities and flavour of a substance are distinguished by the taste buds> [20] (чувство, с помощью которого вкусовые рецепторы различают качества и вкус вещества): *Enjoyed the taste of her prayers* [8, с. 78] (наслаждалась вкусом ее молитв).

В варианте К. Гарнет наблюдается дивергенция с ИТ: *Marfa Timofeyevna took a fancy to her because in her own words she said her prayers so prettily* [9, с. 48] (Марфа Тимофеевна полюбила ее за то, что она, по ее собственным словам, так красиво читала молитвы). Переводчица сумела воспроизвести смысл оригинального выражения, однако в ее версии отсутствует образный атрибут как отсылка к литературной манере автора.

Наиболее конвергентной среди английских вариантов перевода можно признать реконструкцию Б. Айзекеса: *Marfa Timofeevna alleged she had taken a fancy to her for the succulent zest with which she said her prayers* [16, с. 62] (Марфа Тимофеевна утверждала, что она полюбила ее за мясистую пикантность, с которой она говорила молитвы). Несмотря на несопоставимость лексического состава ИТ и ПТ, переводчику ближе всего удалось подобраться к образу, содержащемуся в анализируемом тропе.

В французских реконструкциях самыми когерентными транслятами оказались варианты Ф. Фламана и М. Лишневского. Переводчики используют варианты слова *savoureux* <вкусный, сочный; пикантный, смачный>: *par sa façon «savoureuse» de pier Dieu* [17, с. 104] (своим <вкусным> способом смотреть на Бога); *elle priaît «savoureusement»* [11, с. 107] (она молилась «вкусно»).

С целью воссоздания исходного образа В.А. Соллогуб использует устойчивое пожелание «приятного аппетита»: *Elle plut à Marpha Timoféevna, parce qu'elle priaît Dieu de bon appétit* [10, с. 50] (Марфе Тимофеевне это нравилось, потому что она молилась Богу с хорошим аппетитом).

Интересный для перевода синестезии случай зафиксирован в IX главе романа: здесь происходит встреча Маланьи Сергеевны со свекром (дедушкой главного героя) Петром Андреичем, где герой приветствует ее следующей репликой: «Ну, *сыромолотная дворянка*, – проговорил он наконец, – здравствуй; пойдем к барыне» [6, с. 41]. Оценка когерентности перевода образа «сыромолотная дворянка» возможна при контекстуальном понимании сложившейся ситуации между героями. Маланья Сергеевна была горничной при барыне Анне Павловне, когда завела знакомство с ее сыном, будущим наследником поместья Иваном Петровичем. Роман между прислугой и дворянином в те времена казался невозможным и порицался современниками. Узнав о нем, родители Ивана Петровича сочли его неуместным, но тот не столько из большой любви к горничной Маланье, сколько с целью насолить родителю, нелестно отзывавшемуся о нем и его вкусах («Фу ты неженка эдакой! А все оттого, что Вольтер в голове сидит!») [6, с. 35], решил уйти из дома и повенчаться с крестьянкой: «Пристыженный, взбешенный, он поклялся отомстить отцу и в ту же ночь, подкараулив крестьянскую телегу, на которой везли Маланью, отбил ее силой, поскакал с нею в ближайший город и обвенчался с ней» [6, с. 38]. Узнав о свадьбе сына, Петр Андреич отрекся от него и лишь спустя несколько лет, по просьбе умирающей жены Анны Павловны, позволил невестке вернуться. При встрече он обратился к бывшей крестьянке как «сыромолотная дворянка». «Сыромолотный» – образная отсылка к зерну, согласно академическому словарю Д.Н. Ушакова, имеет значение <выколотенный овес сразу после просушивания в поле, без просушивания в овине> [21]. Здесь синестезия имеет образную отсылку на отсутствие должной обработки зерна, а в нашем случае – на не дворянское происхождение Маланьи.

В переводе данной реплики У. Ролстоном была допущена ошибка, в его версии Петр Андреич обращается к невестке с почтением: *Well, noble lady* [13, с. 35] (ну благородная леди). Несмотря на сар-

кастический оттенок фразы, здесь нельзя наблюдать реконструкцию образного средства, следовательно, данный перевод является дивергентным. Р. Фриборн также искажает смысл исходного выражения. Он интерпретирует фразу как *fine backstairs lady* [8, с. 51], где *backstairs* имеет значение <скандальный; позорный, постыдный>. Несмотря на неблагородное происхождение Маланьи, Петр Андреич не пытался унижить новую родственницу, он подчеркивал ее новообретенный статус, возвысивший ее положение. И хотя данный перевод содержит в себе образный троп, ввиду несоответствия контекстуального значения данная реконструкция не может быть признана адекватной.

К. Гарнет в своем переводе также ссылается на низкое положение Маланьи: *Well, my upstart lady* [9, с. 29], согласно *Oxford English Dictionary*, *upstart* переводится как <человек, внезапно разбогатевший или поднявшийся в карьере, особенно если ведет себя высокомерно> (a person who has risen suddenly to wealth or high position, esp. one who behaves arrogantly) [21]. Данная интерпретация имеет право на существование, если учитывать контекст происхождения Маланьи, однако героиня не была высокомерной: И.С. Тургенев описывает ее как безответную, постоянно смущенную и запуганную [6, с. 42]. Иходя из имплицитного смысла выражения *upstart*, данная реконструкция не может быть признана адекватной.

В варианте М. Пурслав отсутствует негативная окраска образного средства, здесь Маланью называют наивной и неопытной, что скорее показывает жалость к героине, чем презрение: *Well, you greenhorn noblewoman* [15, с. 40], *greenhorn* имеет значение <новичок; неопытный или наивный человек>. Данный перевод не содержит в себе реконструкцию образного средства, так как используется в прямом значении.

Наиболее когерентными транслятами, на взгляд авторов статьи, являются версии Б. Айзекеса и Ф. Хэпгуд, где первый реконструирует образ, сравнивая героиню с пресным тестом: *Well, my unleavened gentlewoman* (моя пресная леди) [15, с. 38], а вторая реконструирует исходный образ буквально: *Well, new-ground, undried noblewoman* (ну, свежеперемолотая, невысушенная дворянка) [14, с. 32].

Французским переводчикам М. Лишневскому и Ф. Фламану не удалось реконструировать синестезию, они охарактеризовали Маланью как новую дворянку: *Vous voilà, nouvelle aristocrate* [17, с. 59] (Здравствуй, молодая аристократка); *Eh bien, noble dame de fraîche date* [11, с. 76] (Хорошо, благородная дама недавней даты), здесь *fraîche* имеет значение «свежий, новый».

Вариант В.А. Соллогуба содержит в себе две версии перевода, где, согласно первой, перевод

осуществлен на уровне смысла: *Çà, ma jeune anoblie de la veille* [10, с. 30] (Ну как, моя молодая пожалованная в дворянство накануне), далее по ссылке переводчик дает перевод синестезии с пометкой на литературность: *Litteralement¹: Ma jeune noble – fraîchement battue* [10, с. 30] (Моя юная дворянка – свежевзбитая), где сравнивает Маланью со взбитым маслом.

В исследуемых вариантах перевода романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» были обнаружены различия в подходах к реконструкции синестезии, обусловленные не столько особенностями языков перевода, сколько общим пониманием предметной ситуации переводчиками, а также фоновыми знаниями культуры языка перевода, пониманием имплицитного смысла образного средства. В данном случае можно утверждать, что сложность художественного перевода в первую очередь связана с необходимостью воссоздания атмосферы романа, что возможно лишь при реконструкции литературной манеры автора и сохранении эмоциональной характеристики тропов, выбора языковых средств, не искажающих смысла исходного образа.

Разберем ситуацию, в которой присутствуют сразу два образных атрибута. Это характеристика главного героя Федора Ивановича Лаврецкого в период его юности: «Молодой спартанец, с робостью на душе, с *первым пухом на губах*¹, *полный соков, сил и крови*², уже старался казаться равнодушным, холодным и грубым» [6, с. 49], где в первом случае автор ссылается на молодость Федора Ивановича: «с *первым пухом на губах*», а во втором подчеркивает его физическую зрелость: «*полный соков, сил и крови*». Поскольку перед авторами статьи стоит задача изучить перевод синестезии, каждый случай реконструкции тропа разбирается по отдельности.

Выражение «с *первым пухом на губах*» обнаруживает единый подход в интерпретации на английский язык, все переводчики использовали выражение *the first down*, где *down*, согласно *Oxford English Dictionary* [22], имеет значение *fine soft hair* (тонкие мягкие волосы). Данный перевод не несет в себе образа или скрытого сравнения, по этой причине назвать его конвергентным невозможно, однако признать реконструкции неадекватными было также неуместно.

Во французских вариантах также было замечено единодушие среди переводчиков, которые брали в качестве реконструкции выражение *premier duvet* (пух, пушок; перина; спальный мешок; подшерсток). Обращая внимание на контекстуальное значение переведенного выражения, имеющее отсылку к <перине>, данная реконструкция может быть признана конвергентной. Интересной особенностью перевода исходного выражения

выступает и то, что в варианте Ф. Фламана присутствует полный грамматический параллелизм по отношению к ИТ: *son premier duvet aux lèvres* [10, с. 84] (первый пух на губах), в то время как В.А. Соллогуб и М. Лишневский переводят «на губах» существительным в единственном числе «над губой»: *le premier duvet sur la lèvre* [10, 17].

Реконструкция выражения «полный соков, сил и крови» английскими переводчиками отличается разнообразием в выборе языковых средств. В варианте У. Ролстона отсутствует синтаксический параллелизм: *but with a body full of blood, and strength, and energy* [13, с. 41] (но с телом, полным крови и силы и энергии), переведенный пассаж не содержит образа, а является отражением исходного смысла, заложенного в тексте оригинала. Ф. Хапгуд интерпретирует ИТ как *full of vigour, strength, and blood* [14, с. 38] (полный энергии, силы и крови), где, несмотря на лексический параллелизм, оригинальный образ «полный соков» заменен на выражение *full of vigour* (сила, энергия). Обе реконструкции нельзя признать конвергентными в силу отсутствия синестезии в ПТ, однако их можно считать адекватными благодаря сохранению смысла, заложенного в оригинальном высказывании.

К. Гарнет и Р. Фриборн в своей реконструкции используют фразу *full of sap* ([sæp] сок (растений); живица; жизненные силы, жизненные соки; жизнеспособность), поэтому данное переводческое решение можно признать конвергентным. М. Пурслав также сумел передать исходный образ, совершив пословный перевод синестезии: *full of vital juices, strength and blood* [15, с. 47] (полный жизненных соков, силы и крови).

Наиболее отдаленным переводом ИТ можно считать версию Б. Айзекеса: *brimful of manhood, virility and young blood* [16, с. 44] (полный мужественности, половой зрелости и молодой крови), однако, несмотря на семантическую нетождественность лексических единиц ИТ и ПТ, данный перевод сохранил смысл оригинала, утратив образный атрибут.

Во французской версии перевода М. Лишневского присутствует несопоставимость лексического и синтаксического состава ИТ и ПТ: *dans les veines un sang riche et ardent* [17, с. 72] (в венах кровь обильная и жгучая), но, несмотря на невозможность связать структуру оригинального высказывания с его реконструкцией посредством синтаксической трансформации, данная версия сохраняет в себе смысл, заложенный в оригинальном высказывании.

В.А. Соллогуб также не стремится сохранить лексический состав оригинального выражения и совершает перевод на уровне смысла: *plein de sève, de force et de passion* [10, с. 36] (полный сока, сил и страсти); здесь наблюдается небольшое расхождение на уровне словесных знаков.

В варианте Ф. Фламана присутствует значительный параллелизм лексического состава исходной метафоры: *plein de sève et de forces, le sang chaud* [10, с. 84] (полный сока и силы, горячей крови), благодаря чему данная реконструкция является когерентной.

Исследование показало, что сохранение синестезии в переводах «Дворянского гнезда» на английский и французский языки не является само собой разумеющимся. Несмотря на то что переводчики предпринимают попытки воссоздать исходный образ, уровень близости к оригиналу варьируется.

В ряде случаев переводчикам удается сохранить образность синестезии:

1. Перевод синестезии близким по значению лексическим наполнением, например: «полный соков, сил и крови» – англ.: *full of vital juices, strength and blood* <полный жизненных соков, силы и крови>, фр.: *plein de sève et de forces, le sang chaud* <полный сока и силы, горячей крови>.

2. Реконструкция синестезии, при которой отсутствует лексический параллелизм, но сохранен эмоциональный оттенок оригинального образа: «вкусно молилась» – англ.: *the succulent zest with which she said her prayers* <мясистая пикантность, с которой она говорила молитвы>, фр.: *qu'elle priait Dieu de bon appétit* <которая молилась Богу с аппетитом>.

Однако часто наблюдаются отклонения от оригинала:

1. Полный отказ от синестезии: переводчики заменяют метафору прямым значением, например, синестезия «хлебосол» имеет перевод англ.: *hospitable*, фр.: *hospitalier*, которые имеют значение <гостеприимный>.

2. Изменение эмоционального оттенка: переводчик использует синестезию, но она передает другое эмоциональное состояние, чем в оригинале, выражение «сыромолотная дворянка» реконструировано как англ.: *my unleavened gentlewoman* <моя пресная дворянка>.

Данные результаты показывают, что:

– переводчики сталкиваются с трудностями при передаче синестезии, обусловленными языковыми и культурными особенностями;

– степень сохранения синестезии зависит от конкретной метафоры и от индивидуальных приемов переводчика;

– в некоторых случаях переводчики предпочитают жертвовать образностью в пользу ясной и лаконичной передачи смысла.

Анализ переводческих решений реконструкции синестезии показал, что не всегда переводчикам удается воссоздать исходный образ и имеет место вариативность степени близости реконструкций с оригиналом.

Заключение

Исследование тенденций реконструкции синестезии девятью переводчиками романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» подтвердило, что не существует единого подхода к интерпретации выразительного средства, а выбор языковых средств, используемых в транслятах, зависит, скорее, от общего понимания имплицитного смысла исходного выражения, при этом согласованность в выборе языковых единиц некоторых переводчиков является не более чем случайным совпадением.

Оценка успешности реконструкции синестезии средствами английского и французского языков показала, что из пяти отобранных синестезий лишь четыре подлежали реконструкции. Принимая во внимание общее количество проанализированных вариантов перевода, в совокупности исследовано сорок пять реконструкций, шестнадцать из которых были признаны когерентными, что составляет всего 35 % от общего количества исследуемых нами транслятов.

Наиболее удачные переводческие решения принадлежат Б. Айзексу, на его долю приходится три из пяти успешных реконструкций. Р. Фриборн, М. Лишнецкий и Ф. Фламан сумели реконструировать две из пяти анализируемых синестезий, однако на счету Р. Фриборна и Ф. Фламана имеется также одна переводческая ошибка на уровне искажения смысла.

К. Гарнет, М. Пурсглов и Ф. Хэпгуд успешно реконструировали только одно из пяти выражений, не допустив, однако, переводческих ошибок. Следует отметить также тенденцию К. Гарнет перевести ИТ на прагматическом уровне при исключении попытки подражания литературной манере автора, но при этом сохраняя оригинальный смысл и не допуская ошибок на уровне понимания.

Лишь одна из пяти реконструкций синестезии Соллогуба была признана когерентной, причем им допущена переводческая ошибка на уровне понимания.

Несмотря на то что У. Ролстону не раз удавалось сохранить оригинальный образ в своей версии, его вариант перевода ни разу не был отмечен как самый конвергентный по отношению к эталону. Помимо прочего, У. Ролстон совершил одну переводческую ошибку, исказив образный атрибут оригинального высказывания.

Принимая во внимание тот факт, что актуальное исследование не было полным и содержит в себе лишь фрагмент реконструкции синестезий, обнаруженных в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», полученная в ходе анализа статистика успешных реконструкций может отличаться от итогового результата основного исследования. В таблице представлены наиболее конвергентные прецеденты реконструкции синестезии, предложенные переводчиками указанного произведения.

Конвергентные примеры реконструкции синестезии в переводах романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» на английский и французский языки

Оригинальное образное средство	Английский язык	Французский язык
хлебосол	прием не был реконструирован	
измятыми щеками	creased cheeks – измятые щеки («измятое белье/бумага») – <i>Isaacs, Freeborn</i>	joues fripées – помятые щеки (мятая ткань) – <i>Lichnevski</i>
вкусно молилась	the succulent zest with which she said her prayers – мясистая пикантность, с которой она говорила молитвы – <i>Isaacs</i>	de bon appétit – с аппетитом – <i>Sollohoub</i> ; savoureux – вкусный, сочный; пикантный – <i>M. Lichnevski, Flamant</i>
сыромолотная дворянка	new-ground, undried noblewoman – свежеперемолотая, невысушенная дворянка – <i>Hapgood</i> ; my unleavened gentlewoman – моя пресная дворянка (unleavened bread or dough is made without any yeast – пресный о тесте) – <i>Isaacs</i>	Ma jeune noble – fraîchement battue – свежесбитый – <i>Sollohoub</i>
полный соков, сил и крови	the first down on his lip, full of sap and strength and young blood – первым пухом на губах, полный соков и силы и молодой крови – <i>Garnett</i> ; <i>with the first down on his cheeks, full of sap, strength and new blood</i> – с первым пухом на щеках, полный соков, силы и новой крови – <i>Freeborn</i> ; full of vital juices, strength and blood – полный жизненных соков, силы и крови – <i>Pursglove</i>	plein de sève et de forces, le sang chaud – полный сока и силы, горячей крови – <i>Flamant</i>

Список источников

1. Кобенко Ю.В. Теоретические основы функциональной стилистики. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2023. 296 с.
2. Кобенко Ю.В. Аспекты медийной коммуникации в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (1). С. 183–190. doi: 10.21638/spbu09.2023.111
3. Алексеева И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Междунар. отношения, 2008. 184 с.
4. Литвиненко В.С. Тенденции передачи стилистической конвергенции в переводах лимериков Э. Лира // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога. 2018. С. 235–237.
5. Сафина Л.М., Кобенко Ю.В. Особенности перевода военно-административных и военно-исторических реалий в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского и татарского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 48–57. doi: 10.23951/1609-624X-2023-3-48-57
6. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. М.: АСТ, 2022. 350 с.
7. Агапкина Т.Л. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 273–275.
8. Freeborn R. Ivan Turgenev Home of the Gentry translated by Richard Freeborn. London: Penguin Classics, 1970. 208 p.
9. Garnett C., Turgenev I.S. A House of Gentlefolk (also known as Home of the Gentry) Translated by Constance Garnett. URL: <https://originalbook.ru/a-house-of-gentlefolk-ivan-turgenev-english-dvoryanskoe-gnezdo-i-s-turgenev> (дата обращения: 27.06.2023).
10. Comte Sollohoueb et A. de Calonne Tourgueniev I.S. Une nichée de gentilshommes, traduit du russe. URL: <https://originalbook.ru/une-nichee-de-gentilshommes-i-tourgueniev-francais> (дата обращения: 27.06.2023).
11. Flamant F. Tourguéniev Premier amour Nid de gentilhomme, traduit par Françoise Flamant. Paris: Éditions Gallimard «Bibliothèque de la Pléiade», 1982. 374 p.
12. Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Дрофа, 2005. 1648 с.
13. Ralston W. Ivan S. Turgénieff Liza or a noble nest; translated from the Russian by W.R.S. London: Ward, Lock, 1869. 318 p.
14. Napgood E.F. A Nobleman's Nest. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/gutbook/lookup?num=25771> (дата обращения: 27.06.2023).
15. Pursglove M. Ivan Turgenev. A Nest of Gentry. Translated by Michael Pursglove. Richmond U.K.: Alma Classics LTd, 2016. 236 p.
16. Isaacs B. A Nest of The Gentry. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1947. 178 p.
17. Lichnevski M. I. Tourgueniev Un nid de gentilshommes, traduit par M. Lichnevski. Paris: Payot, 1927. 301 p.
18. Кретов А.А., Фененко Н.А. Динамика имплицитного и эксплицитного в переводе // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. 2002. С. 135–142.
19. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/3408-VKUS> (дата обращения: 30.08.2024).
20. Harper Collins Free online dictionary, thesaurus and reference materials. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/taste> (дата обращения: 30.08.2024).
21. Ушаков Д.Н. Академический толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1049710/СЫРОМОЛЮТНЫЙ> (дата обращения: 28.08.2024).
22. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=upstart> (дата обращения: 30.08.2024).

References

1. Kobenko Yu.V. *Teoreticheskiye osnovy funktsional'noy stilistiki* [Theoretical bases of functional stylistics]. Tomsk, TPU Publ., 2023. 296 p. (in Russian).
2. Kobenko Yu.V. *Aspekty mediynoy kommunikatsii v sotsial'nikh setyakh* [Aspects of media communication in social networks]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2023, 20 (1), pp. 183–190. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.111> (in Russian).
3. Alekseeva I.S. *Tekst i perevod. Voprosy teorii* [Text and translation. Questions of theory]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2008. 184 p. (in Russian).
4. Litvinenko V.S. *Tendentsii peredachi stilisticheskoy konvergentsii v perevodakh limerikov E. Lira* [Tendencies of transfer of stylistic convergence in translations of E. Lear's limericks]. *Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v sisteme professional'nogo obrazovaniya pedagoga* [Realisation of the competence approach in the system of professional education of a teacher]. 2018. Pp. 235–237 (in Russian).
5. Safina L.M., Kobenko Yu.V. *Osobennosti perevoda voyenno-administrativnykh i voyenno-istoricheskikh realionimov v povesti N.V. Gogolya "Taras Bul'ba"* (na materiale angliyskogo, frantsuzskogo i tatarskogo yazykov) [Features of the translation of military-administrative and military-historical realionyms in "Taras Bulba" by N. V. Gogol into English, French and Tatar languages].

- Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 48–57 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-48-57>
6. Turgenev I.S. *Dvoryanskoe gnezdo* [The Nest of Nobles]. Moscow, AST Publ., 2022. 350 p. (in Russian).
 7. Agapkina T.L. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*: v 5 tomakh. Pod obshchey redaktsiyey N.I. Tolstogo; Institut slavyanovedeniya RAN [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vol. Edited by N. I. Tolstoy; Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Mezhdunarodnyye otneniya Publ., 1999. Pp. 273–275 (in Russian).
 8. Freeborn R. *Ivan Turgenev Home of the Gentry translated by Richard Freeborn*. London, Penguin Classics, 1970. 208 p.
 9. Garnett C. Turgenev I.S. *A House of Gentlefolk (also known as Home of the Gentry)* Translated by Constance Garnett. URL: <https://originalbook.ru/a-house-of-gentlefolk-ivan-turgenev-english-dvoryanskoe-gnezdo-i-s-turgenev> (accessed 27 June 2023).
 10. Comte Sollohoub et A. de Calonne *Tourgueniev I.S. Une nichée de gentilshommes, traduit du russe*. URL: <https://originalbook.ru/une-nichee-de-gentilshommes-i-tourgueniev-francais> (accessed 27 June 2023).
 11. Flamant F. *Tourguéniev Premier amour Nid de gentilhomme, traduit par Françoise Flamant*. Paris, Éditions Gallimard “Bibliothèque de la Pléiade”, 1982. 374 p.
 12. Gak V.G. *Novyy bol'shoy frantsuzsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [New large French-Russian phraseological dictionary]. Moscow, Drofa Publ., 2005. 1648 p.
 13. Ralston W. Ivan S. *Turgénieff Liza or a noble nest; translated from the Russian by W.R.S.* London, Ward, Lock, 1869. 318 p.
 14. Hapgood E.F. *A Nobleman's Nest*. URL: <https://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/gutbook/lookup?num=25771> (accessed 27 June 2023).
 15. Pursglove M. *Ivan Turgenev. A Nest of Gentry*. Translated by Michael Pursglove. Richmond U.K., Alma Classics LTd, 2016. 236 p.
 16. Isaacs B.A. *Nest of The Gentry*. Moscow, Foreign Languages Publ., 1947. 178 p.
 17. Lichnevski M.I. *Tourgueniev Un nid de gentilshommes, traduit par M. Lichnevski*. Paris, Payot Publ., 1927. 301 p.
 18. Kretov A.A., Fenenko N.A. *Dinamika implitsitnogo i eksplitsitnogo v perevode* [Dynamics of implicit and explicit in translation]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i problemy natsional'noy identichnosti* [Intercultural Communication and Problems of National Identity]. 2002. Pp. 135–142 (in Russian).
 19. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/3408-VKUS> (accessed 30 August 2024).
 20. *Harper Collins Free online dictionary, thesaurus and reference materials*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/taste> (accessed 30 August 2024).
 21. Ushakov D.N. *Akademicheskiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Academic explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1049710/СЫРОМОЛОТНЫЙ> (accessed 28 August 2024).
 22. *Oxford English Dictionary*. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=upstart> (accessed 30 August 2024).

Информация об авторах

Дроздова М.Н., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050); ассистент, Сибирский государственный медицинский университет (Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050).

E-mail: drozdova.mn@ssmu.ru; ORCID ID: 0009-0007-6097-6338; SPIN-код: 3721-1438.

Кобенко Ю.В., профессор, доктор филологических наук, профессор Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

E-mail: serpentis@tpu.ru; ORCID ID: 0000-0003-2940-2233; SPIN-код: 7822-2860.

Information about the authors

Drozdova M.N., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050); assistant, Siberian State Medical University (Moskovskiy trakt, 2, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: drozdova.mn@ssmu.ru; ORCID ID: 0009-0007-6097-6338; SPIN-code: 3721-1438.

Kobenko Yu.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: serpentis@tpu.ru; ORCID ID: 0000-0003-2940-2233; SPIN-code: 7822-2860.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 09.09.2024; accepted for publication 03.04.2025

УДК 811.111; 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-62-71>

Сравнительный анализ машинного и профессионального перевода технических текстов (на материале инструкций по эксплуатации)

Ольга Андреевна Кононова¹, Анастасия Сергеевна Персидская²

^{1, 2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *olga1722@inbox.ru*

² *yatsan86@bk.ru, persidskayaas@tspu.edu.ru; 0000-0002-7844-2867*

Аннотация

В эпоху стремительного научно-технического прогресса инструкции по эксплуатации, относящиеся к технической документации, играют важную роль. Точный перевод таких текстов помогает предотвратить ошибки в эксплуатации, которые могут привести к травмам и авариям. Необходимость в качественном и быстром переводе технических текстов определяет актуальность предпринятого исследования. Анализ качества машинного перевода помогает улучшать алгоритмы обработки информации, что ведет к повышению точности перевода. Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа машинного и профессионального перевода технических текстов с английского языка на русский язык на примере инструкций по эксплуатации. В ходе исследования решены такие основные задачи, как изучение классификаций систем машинного перевода, жанрово-стилистических и лексико-грамматических особенностей технических текстов, классификации ошибок машинного перевода; проведение сравнительного анализа машинного и профессионального переводов текстов инструкций по эксплуатации; выявление частотности возникновения и характер переводческих ошибок машинного перевода. Материалом исследования являются тексты инструкций по эксплуатации медицинского оборудования на английском и русском языках, а именно передвижных систем ультразвуковой диагностики ACUSON X600 и ACUSON X700, произведенных компанией Siemens. Машинный перевод отобранного материала осуществлялся с помощью сервисов онлайн-перевода «Яндекс Переводчик» и Google Translate. В работе применяются общенаучные методы: анализ и синтез, обобщение, классификация, количественный метод, а также лингвистические методы: описательный, сопоставительный, метод контекстуального анализа перевода. Наиболее часто встречающимися являются: нарушения, связанные с денотативным содержанием текста; ошибки, искажающие смысловое содержание текста оригинала; ошибки, снижающие точность передачи смыслового содержания текста оригинала; нарушения в передаче функционально-стилевых или жанровых особенностей текста оригинала; калькирование оригинала; нарушения, связанные с требованиями оформления, предъявляемыми к данному типу текстов, лексическими и грамматическими нормами переводящего языка, орфографией и пунктуацией, передачей специфических видов данных, имен собственных и транскрибируемых слов. Наименее многочисленная группа ошибок – нарушения передачи экспрессивного фона оригинала и авторской оценки.

Ключевые слова: *машинный перевод, перевод технических текстов, перевод инструкций, письменный перевод, переводческие ошибки, качество перевода, системы машинного перевода*

Для цитирования: Кононова О.А., Персидская А.С. Сравнительный анализ машинного и профессионального перевода технических текстов (на материале инструкций по эксплуатации) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 62–71. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-62-71>

Comparative analysis of machine and professional translations of technical texts (on the material of operating instructions)

Olga A. Kononova¹, Anastasia S. Persidskaya²

^{1,2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ olga1722@inbox.ru

² yatsan86@bk.ru, persidskayaas@tspu.edu.ru; 0000-0002-7844-2867

Abstract

In an era of rapid scientific and technological progress, operating instructions, which are part of the technical documentation, play an important role. Accurate translation of such texts helps to prevent operational errors that can lead to injuries and accidents. The need for quality and fast translation of technical texts determine the relevance of the undertaken research. Analysing the quality of machine translation helps to improve information processing algorithms, which leads to higher translation accuracy. The aim of the study is to conduct a comparative analysis of machine translation and professional translation of technical texts from English into Russian on the example of operating instructions. In the course of the research the following main tasks were solved: studying the classification of machine translation systems, genre-stylistic and lexico-grammatical features of technical texts, classification of machine translation errors; carrying out a comparative analysis of machine and professional translations of texts of operating instructions; revealing the frequency of occurrence and the nature of translation errors in machine translation. The material of the study is the texts of the operating instructions of medical equipment in English and Russian languages, namely mobile ultrasound diagnostic systems ACUSON X600 and ACUSON X700 produced by Siemens. Machine translation of the selected material was performed using the online translation services Yandex Translator and Google Translate. The work uses general scientific methods: analysis and synthesis, generalisation, classification, quantitative method, as well as linguistic methods: descriptive, comparative, method of contextual analysis of translation. The most common are: violations related to the denotative content of the text; errors that distort the semantic content of the original text; errors that reduce the accuracy of conveying the semantic content of the original text; violations in conveying the functional, stylistic or genre features of the original text; calquing the original; violations related to the design requirements for this type of texts, lexical and grammatical norms of the translating language, orthography and punctuation, conveyance of specific types of the given text. The least numerous group of errors are violations of conveying the expressive background of the original and the author's evaluation.

Keywords: machine translation, translation of technical texts, translation of instructions, translation, translation errors, translation quality, machine translation systems

For citation: Kononova O.A., Persidskaya A.S. Sravnitel'nyy analiz mashinnogo i professional'nogo perevoda tekhnicheskikh tekstov (na materiale instruktsiy po ekspluatatsii) [Comparative analysis of machine and professional translations of technical texts (on the material of operating instructions)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 62–71 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-62-71>

Введение

В эпоху стремительного научно-технического прогресса и развития межкультурной коммуникации важность качественного перевода технической литературы неоспорима. Глобальная компьютеризация значительно увеличила возможности обмена знаниями между людьми по всему миру, однако языковые барьеры по-прежнему остаются основным препятствием на пути к распространению информации. Именно перевод является одним из наиболее эффективных средств преодоления этих барьеров [1, с. 4].

Инструкции по эксплуатации, относящиеся к технической документации, играют важную роль в современном мире, так как являются неотъемлемой частью любого устройства или прибора и направлены на обеспечение безопасности и правильности их использования. Следовательно, точный

перевод таких текстов помогает предотвратить ошибки в эксплуатации, которые могут привести к травмам и авариям. Помимо этого, перевод инструкций и руководств способствует расширению рынка сбыта продукта и обеспечивает соблюдение международных норм и стандартов, что является важным критерием для успешного ведения бизнеса и поддержания глобального сотрудничества в технической сфере.

Необходимо отметить, что перевод инструктирующих текстов представляет собой трудоемкий процесс. В ходе работы переводчик сталкивается со специальной терминологией, поэтому для достижения точности перевода в некоторых случаях необходимо прибегать к помощи профильного специалиста. Из этого следует, что перевод технической литературы требует больших временных и денежных затрат.

Использование компьютерных технологий в переводческой деятельности, в частности систем машинного перевода, позволяет значительно увеличить скорость работы специалиста. Помимо этого, системы машинного перевода способны существенно сократить расходы на перевод. Таким образом, изучение вопросов машинного перевода является перспективным направлением компьютерной лингвистики.

Сегодня лингвисты все чаще обращают внимание на изучение качества машинного перевода. Проводятся сопоставительные исследования, сравнивающие качество разных систем машинного перевода [2, 3], сравнение машинного перевода с профессиональным [4], проводится анализ качества перевода отдельных подязыков [5] или текстов определенных стилей [6, 7].

Актуальность исследования обусловлена возрастающей потребностью в качественном и быстром переводе технических текстов в условиях глобализации. Кроме того, анализ качества машинного перевода помогает улучшать алгоритмы обработки информации, что в свою очередь ведет к повышению точности перевода.

Цель исследования – провести сравнительный анализ машинного и профессионального перевода технических текстов на примере инструкций по эксплуатации. Объектом исследования являются тексты инструкций по эксплуатации на английском и русском языках. Предметом исследования являются ошибки машинного перевода текстов инструкций по эксплуатации с английского языка на русский.

Материал и методы

Материалом исследования являются тексты инструкций по эксплуатации медицинского оборудования, а именно передвижных систем ультразвуковой диагностики ACUSON X600 и ACUSON X700, произведенных компанией Siemens, на английском и русском языках.

В работе применяются общенаучные методы, а именно анализ и синтез, обобщение, классификация, количественный метод, а также лингвистические методы: описательный, сопоставительный, метод контекстуального анализа перевода.

Для настоящего исследования было отобрано 100 предложений из инструкции по эксплуатации диагностической ультразвуковой системы ACUSON X600/X700 компании Siemens на английском языке и соответствующие им переведенные предложения из инструкции по эксплуатации на русском языке [8, 9]. Отобранные предложения были переведены с помощью систем машинного перевода – сервисов онлайн-перевода «Яндекс Переводчик» и Google Translate. Затем был проведен

сравнительный анализ машинного и профессионального переводов на предмет содержания в них ошибок в соответствии с выбранной классификацией.

Инструкция по эксплуатации состоит из восьми глав, содержащих информацию о безопасности использования системы, уходе за системой, настройках, исследованиях, различных датчиках, а также функциях измерения физиологических параметров. Инструкция также включает в себя шесть приложений, в которых содержится техническое описание системы, даны пояснения ко всем регуляторам и клавишам панели управления, элементам управления на экране системы, а также представлена таблица о выходной акустической мощности.

Выбор материалов исследования обусловлен высокой значимостью медицинского оборудования в современном мире и активным развитием технологий в сфере медицины и здравоохранения.

Результаты и обсуждение

Перевод инструкций по эксплуатации как одного из видов технической документации является для переводчика трудоемким и затратным по времени процессом. К особенностям инструктирующих текстов можно отнести наличие в них когнитивной и предписывающей информации, что подтверждается большим количеством специальной и общетехнической терминологии, а также средств повышения плотности информации, к которым относятся сокращения, аббревиатуры, схемы, таблицы и формулы. К тому же формально-логический стиль изложения предполагает использование пассивных, безличных и неопределенно-личных конструкций, что также создает дополнительные сложности при переводе.

Основной задачей технического переводчика является максимально полная передача информации, содержащейся в тексте оригинала, в той форме, которая будет понятна русскоязычному читателю. Поэтому переводчику необходимо следить за соблюдением функционально-стилевых норм русского технического текста, даже если они отличаются от норм английского технического текста.

Машинный перевод набирает все большую популярность, так как позволяет значительно ускорить процесс перевода. Под машинным переводом принято понимать перевод текста, выполненного с помощью компьютерной программы.

Спустя более 70 лет с начала развития машинного перевода появилось множество систем машинного перевода. Наиболее часто системы машинного перевода классифицируют в зависимости от алгоритма обработки данных, который лежит в основе работы системы. Выделяют машинный перевод на основе правил [10, с. 93; 11, с. 38], стати-

стический [12, с. 98; 13, с. 214], нейронный [14, с. 502; 15, с. 1; 16, с. 20], гибридный машинный перевод [17, с. 518] и машинный перевод на основе примеров [17, с. 114]. Системы нейронного машинного, основанные на использовании нейронных сетей с технологией глубокого обучения, позволили добиться значительного улучшения качества машинного перевода.

Улучшению качества и точности перевода способствует в том числе сравнительный анализ машинного и профессионального перевода текстов, включая технические тексты, с целью выявления переводческих ошибок. Классификации переводческих ошибок затрагивают все уровни языка.

Существует несколько классификаций переводческих ошибок [18, с. 215; 19, с. 242; 20, с. 516; 21, с. 61]. Расширенная классификация переводческих ошибок приводится в работе членов Всероссийского центра переводов научно-технической литературы и документации Д.М. Бузаджи, В.В. Гусева и др. [22, с. 76]. Ученые представляют классификацию ошибок, применимую в большей степени для специальных текстов, т. е. текстов, принадлежащих к конкретным областям человеческой деятельности. Выделяют следующие группы переводческих ошибок:

1. Нарушения, связанные с денотативным содержанием текста: а) искажения в переводе смыслового содержания оригинала; б) снижение точности передачи смыслового содержания текста оригинала.

Ошибки первой категории имеют наибольший вес, так как приводят к нарушению семантической эквивалентности. Текст перевода, содержащий большое количество подобных ошибок, может быть полностью неадекватен оригиналу. Следовательно, искажения смыслового содержания необходимо выявлять и устранять на этапе постредактирования.

Ошибки второй категории в целом не нарушают семантическую и синтаксическую эквивалентность, однако могут вызвать у реципиента дополнительные трудности в понимании информации, содержащейся в тексте перевода. Поэтому ошибки данной категории также должны быть сведены к минимуму.

2. Нарушения, связанные с передачей стилистических характеристик оригинала: а) нарушения в передаче функционально-стилевых или жанровых особенностей ТО; б) калькирование оригинала. Обилие данного типа ошибок в тексте перевода может отразиться на адекватности перевода.

3. Нарушения, связанные с передачей авторской оценки: а) неточная передача экспрессивного фона оригинала; б) неточная передача авторской оценки. Под авторской оценкой следует понимать наличие

в тексте языковых средств, передающих отношение автора текста к описываемому. Следует учитывать, что средства создания оценочности в узком контексте обычно соотносятся с контекстом всего текста. Следовательно, большое количество ошибок данной группы может повлиять на адекватность перевода в целом.

4. Очевидные нарушения нормы и узуса переводящего языка: а) нарушения орфографии и пунктуации; б) нарушения при передаче имен собственных и транскрибируемых иностранных слов; в) ошибки, связанные с очевидными нарушениями лексических и грамматических норм переводящего языка; г) ошибки, связанные с нарушениями при передаче специфических видов данных; д) ошибки, связанные с нарушениями требований оформления, предъявляемых в данному типу текстов [22, с. 76].

Первый тип ошибок четвертой группы включает в себя употребление вариантов написания и знаков препинания, противоречащих нормам переводящего языка.

Ко второму типу ошибок относятся нарушения при передаче имен собственных, имеющих традиционные соответствия в переводящем языке, либо неверный выбор между транскрипцией и транслитерацией, например, при переводе названий фирм.

Третий тип ошибок предполагает использование слов, конструкций, противоречащих нормам переводящего языка. Примерами грамматических ошибок могут являться, например, ошибки в согласовании деепричастий, неправильное употребление падежей, ошибки в формах согласования и управления и др. К лексическим ошибкам можно отнести речевую избыточность, нарушения сочетаемости слов и т. д. Ошибки данного типа могут быть выявлены при помощи справочников по стилистике русского языка.

Четвертый тип ошибок заключается в неверном графическом оформлении текста перевода, например, знак десятичной дроби и разделителя разрядов, денежные единицы, единицы измерения, обозначения даты или времени суток и др.

Ошибки четвертой группы представляют собой нарушения в оформлении разных типов текстов. К подобным ошибкам можно отнести несохранение деления на абзацы, параграфы и главы, а также несоблюдение форматирования текста оригинала (курсив, полужирное начертание, подчеркивание, зачеркивание и т. д.). Обычно требования к оформлению содержатся в специальных справочниках, регламентах либо же регулируются конкретным заказчиком.

Следует отметить, что данная классификация в полной мере позволяет оценить единство смыслового и функционального соответствия перевода оригиналу.

Таким образом, учитывая специфику материалов исследования, последняя упомянутая классификация переводческих ошибок представляется наиболее подходящей для данного исследования.

Рассмотрим примеры, которые были выявлены в ходе анализа.

В примере, представленном в табл. 1, в переводе сервиса «Яндекс Переводчик» присутствует ошибка первой группы второй категории, а именно неточность в передаче смыслового содержания. Словосочетание *system presets* означает именно ‘предварительно заданные (или заранее установленные) настройки’, или ‘предустановки’, как перевела система Google Translate. Таким образом, «Яндекс Переводчик» опустил часть информации, представленной в оригинале.

В табл. 2 представлен пример, в котором, во-первых, присутствует стилистическая ошибка, а именно нарушение в передаче функционально-стилевых или жанровых особенностей текста оригинала. Обе системы машинного перевода дословно перевели конструкцию *you cannot create* как ‘вы не можете создать’ при рекомендуемом переводе безличным предложением [23, с. 212].

Во-вторых, обе системы машинного перевода допустили неточность в передаче смыслового содержания текста оригинала при переводе *thumbnail* как ‘миниатюра’. Понятие «миниатюра», скорее, можно отнести к области искусства и живописи. В рассматриваемом случае речь идет о мини-изображениях, получаемых во время проведения УЗИ.

Сервис «Яндекс Переводчик» также допустил ошибку при переводе термина *Stress Echo*, подбрав для него вариант ‘звуковое сопровождение’, что полностью не соответствует смыслу оригинала. Данная ошибка относится к первой группе первой категории ошибок – искажения в переводе смыслового содержания оригинала.

Система Google Translate при переводе термина *Stress Echo* допустила стилистическую ошибку, переведя термин как ‘стресс-эхо’, т. е. с помощью калькирования. В целом такой перевод не противоречит смыслу, однако является неудачным с точки зрения встречаемости в русском языке. Следовательно, данную ошибку можно отнести ко второй группе ошибок – калькирование оригинала. Помимо стилистической ошибки, система машинного перевода также допустила грамматическую ошибку.

Таблица 1

Сравнительный анализ переводов, пример 1

Текст оригинала	«Яндекс Переводчик»	Google Translate	Профессиональный перевод
Use the system presets to select the registration method (patient registration form and data entry requirements)	Используйте системные настройки для выбора метода регистрации (форма регистрации пациента и требования к вводу данных)	С помощью предустановок системы выберите способ регистрации (форму регистрации пациента и требования к вводу данных)	Для выбора метода регистрации (регистрационной формы пациента и требований по вводу данных) используйте предварительно заданные настройки системы

Таблица 2

Сравнительный анализ переводов, пример 2

Текст оригинала	«Яндекс Переводчик»	Google Translate	Профессиональный перевод
You cannot create a thumbnail during clip playback or during Stress Echo	Вы не можете создать миниатюру во время воспроизведения клипа или во время звукового сопровождения	Вы не можете создать миниатюру во время воспроизведения клипа или во время стресс-эха	Во время воспроизведения клипа или выполнения стресс-эхографии мини-изображение создать нельзя

Таблица 3

Сравнительный анализ переводов, пример 3

Текст оригинала	«Яндекс Переводчик»	Google Translate	Профессиональный перевод
You can separately scan the barcodes for the patient name and ID, the performing physician, and the sonographer	Вы можете отдельно отсканировать штрих-коды для определения имени и идентификационного номера пациента, лечащего врача и сонографиста	Вы можете отдельно сканировать штрих-коды для имени и идентификатора пациента, врача, проводящего исследование, и специалиста по УЗИ	Можно отдельно сканировать штрих-коды для считывания имени и идентификационного номера пациента, врача, выполняющего обследование, и специалиста по ультразвуковой диагностике

ку, неверно образовав форму родительного падежа у термина.

В данном примере (табл. 3) системы машинного перевода совершили ошибку, связанную с передачей функционально-стилевых особенностей текста (вторая группа ошибок). Характерное для английской технической литературы непосредственное обращение к читателю *you can scan* следует заменить на безличную конструкцию ‘можно сканировать’.

В данном примере (табл. 4) можно наблюдать речевую избыточность, а именно повторение слова ‘игла’. Рассматриваемая ошибка относится к очевидным нарушениям лексических норм переводящего языка (четвертая группа ошибок).

В примере из табл. 5 обе системы допустили неточность в передаче смысла словосочетания *Needle Guide*. В данном контексте под *Needle Guide* имеется в виду физический инструмент, используемый при проведении биопсии и пункции. Машинный перевод не позволяет реципиенту понять, что именно имеется в виду – физический или виртуальный инструмент. Следовательно, данную ошибку

можно отнести ко второй категории первой группы ошибок.

Помимо ошибки при переводе термина *needle guide*, «Яндекс Переводчик» допустил ошибку при передаче имени собственного (четвертая группа ошибок).

В представленном в табл. 6 примере присутствует несколько ошибок, связанных с денотативным содержанием текста. Во-первых, и «Яндекс Переводчик», и Google Translate не учли контекст при переводе многозначного термина *application*, под которым в данном случае подразумевается ‘оборудование’ (первая группа ошибок, первая категория).

Во-вторых, перевод слова *care* как ‘уход’ также выполнен без учета контекста, так как, согласно ему, выше речь шла именно о ‘мерах’. Следовательно, смысл оригинала передан неточно (первая группа ошибок, вторая категория).

В-третьих, так как речь идет об УЗИ, термин *scanning* следует перевести как ‘обследование’. То есть обе системы машинного перевода допустили ошибку, связанную с неточной передачей смысла текста оригинала.

Таблица 4

Сравнительный анализ переводов, пример 4

Текст оригинала	«Яндекс Переводчик»	Google Translate	Профессиональный перевод
The needle size is marked on each needle cap	Размер иглы указан на каждом колпачке иглы	Размер иглы указан на колпачке каждой иглы	Размер иглы указан на каждом колпачке

Таблица 5

Сравнительный анализ переводов, пример 5

Текст оригинала	«Яндекс Переводчик»	Google Translate	Профессиональный перевод
If a needle guide becomes contaminated with tissue or fluids of a patient known to have Creutzfeld-Jacob disease , then the needle guide should be destroyed	Если направляющая иглы загрязнена тканями или жидкостями пациента, о котором известно, что у него болезнь Крейтцфельда – Якоба , то направляющая иглы должна быть уничтожена	Если направляющая иглы загрязнилась тканями или жидкостями пациента, у которого, как известно, есть болезнь Крейтцфельда – Якоба , направляющую иглы следует уничтожить	Если иглопроводник загрязняется частицами тканей или жидкостями пациента, страдающего болезнью Крейтцфельда – Якоба , то иглопроводник следует уничтожить

Таблица 6

Сравнительный анализ переводов, пример 6

Текст оригинала	«Яндекс Переводчик»	Google Translate	Профессиональный перевод
These precautions should be considered in the use of any application that may indicate the need for such care , and during endocavity or intraoperative scanning; during biopsy or puncture procedures; or when scanning patients with open wounds	Эти меры предосторожности следует принимать во внимание при использовании любого приложения , которое может указывать на необходимость такого ухода , а также во время внутрисполостного или интраоперационного сканирования; во время процедур биопсии или пункции; или при сканировании пациентов с открытыми ранами	Эти меры предосторожности следует учитывать при использовании любого приложения , которое может указывать на необходимость такого ухода , а также во время внутрисполостного или интраоперационного сканирования; во время биопсии или пункции; или при сканировании пациентов с открытыми ранами	Эти меры предосторожности должны соблюдаться при каждом использовании оборудования , использование которого предполагает соблюдение таких мер , а также во время внутрисполостного или операционного сканирования, в ходе биопсии или пункции, а также при обследовании пациентов с открытыми ранами

В переводах обеих систем машинного перевода также присутствует пунктуационная ошибка, а именно использование точки с запятой вместо запятой, т. е. буквальное воспроизведение графического оформления текста оригинала. Точка с запятой может быть использована, например, при наличии распространенных однородных членов предложения, если внутри хотя бы одного из них есть запятые. В данном случае однородные члены являются простыми и не требуют использования точки с запятой (четвертая группа ошибок).

В примере из табл. 7 можно наблюдать калькирование оригинала в переводе термина *acoustic intensity* системой Google Translate как 'акустическая интенсивность'. Такой вариант перевода не противоречит смыслу текста оригинала, однако с точки зрения частотности в переводящем языке является неудачным. Было бы правильнее перевести этот термин как 'интенсивность звука', как это сделал «Яндекс Переводчик», либо еще больше конкретизировать значение согласно контексту, как это сделал профессиональный переводчик, переведя термин как 'интенсивность ультразвука'. Данную ошибку можно отнести ко второй группе ошибок.

Обе системы машинного перевода перевели *transducer* как 'преобразователь', т. е. без учета контекста, что искажает смысловое содержание текста оригинала (первая группа ошибок, первая категория).

К первой группе ошибок можно также отнести появление непереведенной единицы в тексте перевода, а именно аббревиатуры *MI*, которая имеет эквивалентное сокращение 'МИ' на переводящий язык. В данном случае не является ошибкой отсутствие при переводе расшифровки аббревиатуры, так как она была дана по тексту ранее.

В машинном переводе присутствует ошибка при передаче специфических видов данных, а именно единицы измерения cm^2 (четвертая группа ошибок). Системы не учитывают надстрочное написание знаков, следовательно, обе системы пере-

вели данную единицу измерения как 'см²', потеряв при этом надстрочный индекс, выражающий показатель степени.

Кроме того, в формуле переменная $I_{SPTA.3}$ имеет нижний индекс (подстрочный текст), который также не был учтен при машинном переводе. Данная ошибка относится к четвертой группе ошибок – нарушения требований оформления.

Заключение

Развитие всех сфер науки и техники и укрепление международных связей в наши дни непременно ведут к возрастанию интереса к переводу технических текстов. Тексты инструкций по эксплуатации, относящиеся к технической документации, обладают рядом особенностей. Инструктирующие тексты, основная задача которых заключается в максимально полной и точной передаче объективных сведений об устройстве и предписании связанных с ним действий, обладают формально-логическим стилем изложения. Использование в текстах инструкций большого числа общетехнических и специальных терминов и терминологических словосочетаний подтверждает присутствие в них когнитивной информации. Наличие прескриптивной информации передается через отсутствие эмоционально окрашенной лексики и использование императивных структур.

При переводе необходимо учитывать функционально-стилевые особенности текста оригинала, не отходя при этом от особенностей текста перевода. Переводчику необходимо соблюдать данные требования, а машинный перевод может значительно ускорить работу переводчика.

В ходе сравнительного анализа было выявлено в общей сложности 153 ошибки машинного перевода. Наиболее часто встречающимися являются нарушения, связанные с денотативным содержанием текста. Ошибки данной группы встречаются 82 раза и составляют 53,59 % от общего числа. Причем количество ошибок, искажающих смысло-

Таблица 7

Сравнительный анализ переводов, пример 7

Текст оригинала	«Яндекс Переводчик»	Google Translate	Профессиональный перевод
Selecting 100 %, in combination with other system controls or functions, generates the maximum acoustic intensity and mechanical index for each transducer , where: $I_{SPTA.3} : \leq 720 \text{ mW/cm}^2$ and $MI \leq 1.9$	Выбор значения 100 % в сочетании с другими элементами управления или функциями системы позволяет получить максимальную интенсивность звука и механический показатель для каждого преобразователя , где: $ISPTA.3 : \leq 720 \text{ MBт/см}^2$ и $MI \leq 1,9$	Выбор 100 % в сочетании с другими элементами управления или функциями системы генерирует максимальную акустическую интенсивность и механический индекс для каждого преобразователя , где: $ISPTA.3 : \leq 720 \text{ мВт/см}^2$ и $MI \leq 1,9$	Выбор величины 100 % в сочетании с другими органами управления или функциями системы задает максимальную интенсивность ультразвука и механический индекс каждого датчика, где: $I_{SPTA.3} : \leq 720 \text{ мВт/см}^2$ и $МИ \leq 1,9$

вое содержание текста оригинала, равно 50, что составляет 32,67 % от общего числа; количество ошибок, снижающих точность передачи смыслового содержания текста оригинала, – 32, что составляет 20,91 %.

Нарушения, связанные с передачей стилистических характеристик оригинала, встретились в 29 предложениях и составляют 18,95 % от общего числа ошибок. Среди ошибок данной группы нарушения в передаче функционально-стилевых или жанровых особенностей текста оригинала встретились 12 раз (7,84 %), калькирование оригинала – 17 раз (11,11 %).

Очевидные нарушения нормы и узуса переводящего языка присутствовали в 28 предложениях, что составило 18,3 % от общего числа. В этой группе ошибок нарушения орфографии и пунктуации встретились 6 раз (3,92 %); нарушения при передаче имен собственных и транскрибируемых иностранных слов – 1 раз (0,65 %); ошибки, связанные с очевидными нарушениями лексических и грамматических норм переводящего языка, – 7 раз (4,57 %); ошибки, связанные с нарушениями при передаче специфических видов данных, – 3 раза (1,96%) и ошибки, связанные с нарушениями требований оформления, предъявляемых к данному типу текстов, – 8 раз (5,22 %).

Наименее многочисленная группа ошибок – нарушения, связанные с передачей авторской оценки. Данные ошибки встретились в 14 предложениях, что составило 9,15 % от общего количества ошибок, при этом нарушения передачи экспрессивного фона оригинала встретились 11 раз (7,18 %), нарушения передачи авторской оценки – 3 раза (1,96 %).

Сравнивая переводы обеих систем машинного перевода, можно заметить, что в целом в переводах системы Google Translate (118) содержится меньше ошибок, чем в переводах системы «Яндекс Переводчик» (130). Однако отличие не настолько существенное, что позволило бы говорить о более качественном переводе системы Google Translate.

Исходя из результатов анализа, можно сделать вывод, что системы машинного перевода могут быть полезным инструментом в работе переводчика, однако вопрос качества машинного перевода все еще остается актуальным для лингвистов.

Стоит также отметить, что результаты, полученные в ходе сравнительного анализа, могут использоваться для улучшения качества машинного перевода, а также выступать в роли учебного материала по дисциплине «Компьютерная лингвистика».

Список источников

1. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика: учеб. пособие. М.: АСТ: Восток-Запад. 2007. 317 с.
2. Суховерхов А.В., де Витт Д., Манасиди И.И., Нитта К., Крстич В. Трудности машинного перевода: контекстная языковая неопределенность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 4. С. 129–144. doi: 10.15688/jvolsu2.2019.4.10
3. Савватеева Ю.О., Корсак М.В., Данилова Е.В. Сравнительный анализ систем машинного перевода // Информационные технологии в науке и образовании: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Хабаровск, 15–16 декабря 2023 г.) / под ред. Е.В. Фалеевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2024. С. 101–106.
4. Sokolova N.V. Machine vs Human Translation in the Synergetic Translation Space // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie, 2021. Vol. 20, № 6. P. 89–98. doi: 10.15688/jvolsu2.2021.6.8
5. Кузьмин О.И. Сопоставительное исследование современного цифрового инструментария автоматизированного перевода (на материале подязыка «логистика»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 23 с.
6. Ляшук А.Р., Калашникова Л.В. К вопросу о качестве машинного перевода узкоспециализированных научных текстов // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (28 марта 2024 г.) / под ред. О.Ю. Ивановой. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2024. С. 173–178.
7. Трегубова Ю.А. Программы машинного перевода при работе над специальным текстом // Филология, лингвистика и лингводидактика в современном обществе: сборник материалов международной научной конференции. 11–12 апреля 2024 г. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2024. С. 111–114.
8. Siemens ACUSON X600, ACUSON X700 Диагностическая ультразвуковая система: инструкция по эксплуатации. Республика Корея, 2014. 382 с. URL: https://www.usclub.ru/upload/files/product/resource/X7002-0_X6001-0_Manual_RUS_31838986.pdf (дата обращения: 15.11.2024).
9. Siemens ACUSON X600, ACUSON X700 Diagnostic Ultrasound System: instructions for use. Republic of Korea, 2014. 382 p. URL: http://www.frankshospitalworkshop.com/equipment/documents/ultrasonographs/user_manuals/Siemens%20Acuson%20X600,%20X700%20Ultrasound%20-%20User%20manual.pdf (дата обращения: 15.11.2024).
10. Башмаков А.И., Башмаков И.А. Интеллектуальные информационные технологии: учеб. пособие. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2005. 304 с.
11. Kastberg P. Machine Translation Tools – Tools of the Translator’s Trade // Communication & Language at Work. 2012. Vol. 1, № 1. P. 34–45. URL: https://www.researchgate.net/publication/277845572_Machine_Translation_Tools_-_Tools_of_the_Translator’s_Trade (дата обращения: 17.11.2024).

12. Wang Y. Research of types and current state of machine translation // Applied and Computational Engineering: Proceedings of the 2023 International Conference on Machine Learning and Automation. 2024. Vol. 37. P. 95–101. URL: https://www.researchgate.net/publication/378435724_Research_of_types_and_current_state_of_machine_translation (дата обращения: 15.11.2024).
13. Liu Y. The development and advance of machine translation // Applied and Computational Engineering: Proceedings of the 5th International Conference on Computing and Data Science. 2023. Vol. 13. P. 213–220. URL: <https://www.ewadirect.com/proceedings/ace/article/view/4508> (дата обращения: 18.11.2024).
14. Benková L. Neural Machine Translation as a Novel Approach to Machine Translation // Proceedings of the 13th International Scientific Conference on Distance Learning in Applied Informatics. 2020. P. 499–508. URL: https://www.researchgate.net/publication/344476131_Neural_Machine_Translation_as_a_Novel_Approach_to_Machine_Translation (дата обращения: 26.11.2024).
15. Cheng Y. Joint Training for Neural Machine Translation. Singapore: Springer, 2019. 78 p.
16. Graves A. Supervised Sequence Labelling with Recurrent Neural Networks. Heidelberg: Springer Berlin, 2012. 146 p.
17. Somers H. Machine translation: latest developments // The Oxford Handbook of Computational Linguistics. 2012. P. 512–528. URL: <https://personalpages.manchester.ac.uk/staff/harold.somers/Mitkov-book-chapter.pdf> (дата обращения: 25.11.2024).
18. Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.
19. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
20. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
21. Семенов А.Л. Современные информационные технологии и перевод: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 224 с.
22. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псурцев; под ред. И.И. Убина. М.: Всероссийский центр пер. науч.-техн. лит. и документации, 2009. 119 с.
23. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие: в 3 ч. Ч. 2: Грамматические и жанрово-стилистические основы перевода. М.: Высшая школа, 1965. 287 с.

References

1. Marchuk Yu.N. *Komp'yuternaya lingvistika: uchebnoye posobiye* [Computer linguistics: textbook]. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 2007. 317 p. (in Russian).
2. Sukhoverkhov A.V., de Vitt D., Manasidi I.I., Nitta K., Krstich V. Trudnosti mashinnogo perevoda: kontekstnaya yazykovaya neopredelennost' [Machine translation difficulties: contextual linguistic uncertainty]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 129–144 (in Russian). doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.4.10>
3. Savvateeva Yu.O., Korsak M.V., Danilova E.V. Sravnitel'nyy analiz mashinnogo perevoda [Comparative analysis of machine translation systems]. *Informatsionnyye tekhnologii v nauke i obrazovanii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Khabarovsk, 15–16 Dekabrya 2023 g.)*. Pod red. E.V. Faleyevoy [Information technologies in science and education: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Khabarovsk, 15–16 December 2023)]. Ed. by E.V. Faleyeva]. 2024. Pp. 101–106 (in Russian).
4. Sokolova N.V. Machine vs Human Translation in the Synergetic Translation Space. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2021, vol. 20, no. 6, pp. 89–98. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.8>
5. Kuzmin O.I. *Sopostavitel'noye issledovaniye sovremennogo tsifrovogo instrumentariya avtomatisirovannogo perevoda (na material podyayka 'logistika')*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [A comparative study of modern digital tools for automated translation (on the material of the sub-language 'logistics'). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2023. 23 p. (in Russian).
6. Lyasuk A.R., Kalashnikova L.V. K voprosu o kachestve mashinnogo perevoda uzokospecializirovannykh nauchnykh tekstov [On the quality of machine translation of highly specialised scientific texts]. *Aktual'nyye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii: sbornik materialov IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28 marta 2024 g.)*. [Actual issues of linguistics and linguodidactics in the context of intercultural communication: collection of materials of the IV All-Russian scientific-practical conference (28 March 2024)]. Ed. O.Yu. Ivanova. 2024. Pp. 173–178 (in Russian).
7. Tregubova Yu.A. Programmy mashinnogo perevoda pri rabote nad spetsial'nym tekstom [Machine translation programmes when working on special text]. *Filologiya, lingvistika i lingvodidaktika v sovremennom obshchestve: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 11–12 aprelya 2024 g.* [Philology, Linguistics and Linguodidactics in Modern Society: Collection of Materials of the International Scientific Conference. 11–12 April 2024]. Elets, EISU Publ., 2024. Pp. 111–114 (in Russian).
8. *Siemens ACUSON X600, ACUSON X700 Diagnosticheskaya ul'trazvukovaya sistema: instruktsiya po ekspluatatsii* [Diagnostic Ultrasound System: instructions for use]. 2014. 382 p. (in Russian). URL: https://www.usclub.ru/upload/files/product/resource/X7002-0_X6001-0_Manual_RUS_31838986.pdf (accessed 15 November 2024).
9. *Siemens ACUSON X600, ACUSON X700 Diagnostic Ultrasound System: instructions for use*. 2014. 382 p. URL: http://www.frankshospitalworkshop.com/equipment/documents/ultrasonographs/user_manuals/Siemens%20Acuson%20X600,%20X700%20Ultrasound%20-%20User%20manual.pdf (accessed 15 November 2024).

10. Bashmakov A.I., Bashmakov I.A. *Intellektual'nyye informatsionnyye tekhnologii: uchebnoye posobiye* [Intelligent information technology: textbook]. Moscow, MGTU im. Bauman Publ., 2005. 304 p. (in Russian).
11. Kastberg P. Machine Translation Tools – Tools of the Translator's Trade. *Communication & Language at Work*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 34–45. URL: https://www.researchgate.net/publication/277845572_Machine_Translation_Tools_-_Tools_of_the_Translator's_Trade (accessed 17 November 2024).
12. Wang Y. Research of types and current state of machine translation. *Applied and Computational Engineering: Proceedings of the 2023 International Conference on Machine Learning and Automation*, 2024, vol. 37, pp. 95–101. URL: https://www.researchgate.net/publication/378435724_Research_of_types_and_current_state_of_machine_translation (accessed 15 November 2024).
13. Liu Y. The development and advance of machine translation. *Applied and Computational Engineering: Proceedings of the 5th International Conference on Computing and Data Science*, 2023, vol. 13, pp. 213–220. URL: <https://www.ewadirect.com/proceedings/ace/article/view/4508> (accessed 18 November 2024).
14. Benková L. Neural Machine Translation as a Novel Approach to Machine Translation. *Proceedings of the 13th International Scientific Conference on Distance Learning in Applied Informatics*. 2020. Pp. 499–508. URL: https://www.researchgate.net/publication/344476131_Neural_Machine_Translation_as_a_Novel_Approach_to_Machine_Translation (accessed 26 November 2024).
15. Cheng Y. *Joint Training for Neural Machine Translation*. Singapore, Springer Publ., 2019. 78 p.
16. Graves A. *Supervised Sequence Labelling with Recurrent Neural Networks*. Heidelberg, Springer Berlin Publ., 2012. 146 p.
17. Somers H. Machine translation: latest developments. *The Oxford Handbook of Computational Linguistics*, 2012, pp. 512–528. URL: <https://personalpages.manchester.ac.uk/staff/harold.somers/Mitkov-book-chapter.pdf> (accessed 25 November 2024).
18. Latyshev L.K. *Tekhnologiya perevoda: uchebnoye posobiye* [Translation technology: a textbook]. Moscow, NVI-TESAURUS Publ., 2000. 280 p. (in Russian).
19. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty): uchebnik* [Translation theory (linguistic aspects): textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p. (in Russian).
20. Garbovskiy N.K. *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Moscow, Moscow University Publ., 2007. 544 p. (in Russian).
21. Semenov A.L. *Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i perevod: uchebnoye posobiye* [Modern Information Technologies and Translation: textbook]. Moscow, Akadimiya Publ., 2008. 224 p. (in Russian).
22. Buzadzh D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V. *Novyy vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskikh oshibok*. Pod red. I.I. Ubina [A new look at the classification of translation errors. Ed. I.I. Ubina]. Moscow, Vserossiyskiy tsentr peredoda nauchno-tekhnicheskoy literatury i dokumentatsii, 2009. 119 p. (in Russian).
23. Komissarov V.N., Retsker Ya.I., Tarkhov V.I. *Posobiye po perevodu s angliyskogo na russkiy: uchebnoye posobiye. V 3-kh chatyakh. Chast' 2. Grammaticheskiye i zhanrovo-stilisticheskiye osnovy perevoda* [Manual on translation from English into Russian: textbook. In 3 parts. Part 2: Grammatical and genre-stylistic bases of translation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1965. 287 p. (in Russian).

Информация об авторах

Кононова О.А., студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: olga1722@inbox.ru

Персидская А.С., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: yatsan86@bk.ru, persidskayaas@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0002-7844-2867; SPIN-код: 2109-1747; Scopus Author ID: 56703668900; Researcher ID: GXF-8100-2022.

Information about the authors

Kononova O.A., undergraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: olga1722@inbox.ru

Persidskaya A.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: yatsan86@bk.ru, persidskayaas@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0002-7844-2867; SPIN-код: 2109-1747; Scopus Author ID: 56703668900; Researcher ID: GXF-8100-2022.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 03.12.2024; accepted for publication 03.04.2025

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'28 + 81'3

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-72-79>

Функционирование вербативных синлексов в речи диалектоносителей

Светлана Витальевна Чайковская

*Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
svetlana2feb@tspu.ru; 0000-0002-9436-3288*

Аннотация

Автор статьи анализирует вербативные синлексы – устойчивые составные номинативные единицы, являющиеся функциональными аналогами глаголов и обладающие свойством стилистической и экспрессивной нейтральности. Теоретическая база исследования – работы таких лингвистов, как З.Н. Левит, В.Н. Телия, Г.И. Климовская, Е.Н. Лагузова и других. Новизна исследования заключается в выборе источника фактического материала – «Вершининского словаря», в котором зафиксирован старожильческий говор нескольких сел Томской области. Вербативные синлексы представлены в данном словаре в статусе фразеологических единиц или иллюстративного материала к словарным статьям. Автор статьи выявляет в словаре 353 вербативных синлекса и в результате их анализа делает следующие выводы: в речи носителей вершининского диалекта преобладают общерусские вербативные синлексы, которые представлены или в исходном виде, или в качестве диалектного (фонетического, морфологического) варианта; вербативные синлексы в вершининском диалекте образуются по трем основным структурным моделям: глагол + существительное в винительном падеже, глагол + на + существительное в винительном падеже, глагол + в + существительное в винительном падеже; при образовании вербативных синлексов диалектоносители используют многочисленные глаголы, из которых наиболее употребительны «делать/сделать/изделать», «давать/дать», «брать/взять» (для общерусских синлексов) и «ходить», «идти/пойти», «делать/сделать» (для собственно диалектных единиц); вербативные синлексы редко вступают друг с другом в отношения синонимии и антонимии, чаще – в отношения вариантности; вербативные синлексы распределяются по разнообразным лексико-семантическим группам и отражают разные аспекты народной жизни; преобразовательный потенциал вербативных синлексов реализуется в основном за счет расширения компонентного состава синлекса с помощью имени прилагательного.

Ключевые слова: вербативные синлексы, комплексное описание, диалектный словарь, сибирский говор

Для цитирования: Чайковская С.В. Функционирование вербативных синлексов в речи диалектоносителей // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 72–79. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-72-79>

RUSSIAN LANGUAGE

Functioning of verbative synlexes in speech of the dialect speakers

Svetlana V. Chaykovskaya

*Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation,
svetlana2feb@tspu.edu.ru; 0000-0002-9436-3288*

Abstract

The author of this article analyzes the verbative synlexes – stable, composite units, which are the functional analogues of verbs and have the property of stylistic and expressive neutrality. The theoretical base of this study is the writings of linguists like Z.N. Levit, V.N. Teliya, G.I. Klimovskaya, E.N. Laguzova and others. Novelty of re-

search consists in choice of the source of the material – "Vershinino's dictionary" in which an old-timer dialect of some villages in Tomsk region is recorded. Verbativ synlexes are represented in this dictionary in status of phraseological units or illustrative material for the vocabulary entries. The author of this article identifies 353 verbativ synlexes in the dictionary and – as a result of the analysis of them – makes the following conclusions: in Vershinino's dialect speaking all-Russian verbativ synlexes prevail. They are presented in their original form, or as dialect variants (phonetic, morphological); verbativ synlexes in Vershinino's dialect are formed by three main structural models: verb + noun in accusative case, verb + на + noun in accusative case, verb + в + noun in accusative case; in the formation of the verbativ synlexes dialect speakers use numerous verbs, of which the most common are the verbs *delat' / sdelat' / izdelat'*, *davat' / dat'*, *brat' / vzyat'* (for all-Russian synlexes) and the verbs *khodit'*, *idti / poiti*, *delat' / sdelat'* (for dialect units); verbativ synlexes enter into relationships of synonymy and antonymy with each other. More often they are variants for each other; verbativ synlexes are assigned to the various lexical and semantic groups and reflect different aspects of folk life; transformative potential of the verbativ synlexes is implemented by using adjectives.

Keywords: *verbativ synlexes, complex description, dialect dictionary, Siberian dialect*

For citation: Chaykovskaya S.V. Funktsionirovaniye verbativnykh sinlekov v rechi dialektonositeley [Functioning of verbativ synlexes in speech of the dialect speakers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 72–79 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-72-79>

Введение

Термин «синлекс» был предложен Г.И. Климовской [1] и употреблен ею по отношению к устойчивым раздельнооформленным единицам, которые либо лишены образности, либо обладают стертой, привычной метафоричностью. Номинативное значение синлексов исходно не осложнено экспрессивными и оценочными коннотациями. Согласно синлексикологической теории, разработанной Г.И. Климовской на базе трудов таких лингвистов, как О.А. Ахманова [2], З.Н. Левит [3], В.Н. Телия [4], синлексы наряду со словами разных частей речи образуют ядро номинативного состава русского языка.

Вербативные синлексы являются функциональными аналогами глаголов, аналитическим средством выражения процессуального значения. Приведем примеры этих единиц: *брать в расчет*, *выходить из употребления*, *нести ответственность*, *обращать внимание*, *проводить аналогию*, *производить впечатление* и т. п.

Единицы типа вербативных синлексов не имеют общепринятого статуса в лингвистической литературе и чаще всего включаются в состав широко понимаемых фразеологизмов. Так, некоторые вербативные синлексы приведены в качестве иллюстративного материала при описании таких типов фразеологизмов, как фразеологические единства и фразеологические сочетания (В.В. Виноградов [5], Н.М. Шанский [6]), коллокации (В.Н. Телия [4], А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский [7]). Нередко отмечается промежуточное положение этих единиц между свободными словосочетаниями и классическими фразеологизмами – идиомами, что иногда является поводом (см. «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [8]) для вынесения их за пределы фразеологии.

Существуют исследования, полностью посвященные устойчивым глагольным сочетаниям, значительную часть которых мы можем квалифицировать как вербативные синлексы. Лингвисты отмечают такие характеристики данных номинативных единиц, как: 1) прозрачность внутренней формы; 2) конкретность номинативного значения; 3) смещение семантического центра сочетания на именную компонент и семантическое «опрошение» глагольного компонента; 4) проницаемость структуры. Однако авторы по-разному очерчивают границы исследуемого материала и используют по отношению к нему разные названия («описательные глагольно-именные обороты» [9], «вербоиды» [10]). В рамках синлексикологической теории Г.И. Климовской [1] вербативные синлексы, рассмотренные под функциональным углом зрения, противопоставлены таким типам устойчивых сочетаний, как фразеологизмы в узком смысле, обороты речи и беллетризмы [1, с. 49–50].

Материал и методы

До настоящего времени вербативные синлексы исследовались на материале письменных текстов, созданных носителями литературного языка. В данной статье использован новый источник фактического материала – «Вершининский словарь» (1998 [11], 1999 [12], 2000 [13], 2001 [14, 15], 2002 [16, 17]), который включает в себя лексику и фразеологию в широком понимании старожильческого говора сел Вершинино, Батурино и Ярское (Томская область). В словаре описаны как собственно диалектные, так и общерусские номинативные единицы. Вербативные синлексы представлены в словаре в статусе фразеологических единиц и иллюстративного материала к словарным статьям.

В ходе данного исследования использованы такие методы, как описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод и метод количественного анализа.

Результаты и обсуждение

В статье проанализировано 353 вербативных синлекса, зафиксированных в речи носителей вершининского диалекта. Из них 234 единицы имеют соответствия среди вербативных синлексов литературного языка и 119 единиц являются собственно диалектными. Анализу не подвергались следующие устойчивые сочетания:

– экспрессивные единицы типа *бросаться в глаза*, *вылететь замуж*, *вылететь из головы*, *вылезти в люди* и т. п., имеющие экспрессивно нейтральные однословные или неоднословные эквиваленты (например, для перечисленных сочетаний: *обращать на себя внимание*, *выйти замуж*, *забыться*, *выйти в люди*);

– единицы с ярко выраженной образностью, например, *поехать на березовый калач* – «отправиться на даровую работу» [15, с. 204];

– сочетания со значением состояния (стативы): *(быть) в солдатах*, *(быть) в растеле*, *(быть) под судом* и т. п. (данные единицы не рассматриваются ввиду спорности их языкового статуса: возможности отнести их и к вербативным синлексам [18], и к так называемым стативным синлексам – функциональным аналогам слов категории состояния [19]).

Общерусские вербативные синлексы, зафиксированные в речи носителей вершининского диалекта, подразделяются на следующие группы:

1. Синлекс представлен в неизменном виде: *брать пример*, *брать в плен*, *вести себя*, *давать команду*, *давать ответ*, *завести разговор*, *иметь в виду*, *пойти в наступление*, *приносить вред*.

2. Синлекс представлен двумя вариантами: литературным и диалектным (чаще всего фонетическим, реже – грамматическим). Примеры вариантных синлексов: *дать благословение/благословенье/басловенье*, *давать оплеухи/плеухи*, *делать/сделать рентген/ретген/рентгент*, *идти замуж/взамуж*, *накладывать/наложить бронь/брынь*, *получать воспитание/спитание*, *приходить на/в ум*, *сделать анализы/аналисы*, *сделать операцию/перацию/иперацию*.

3. Глагольный или/и именной компонент синлекса представлен своим диалектным вариантом: *взять рашиот*, *идти/пойти штурмой*, *изделать поминки*, *изделать свадьбишку*, *норму изделать*, *делать кесареvu*, *набирать свет*, *набрать смелость*, *оказать помочь*, *производить рашиот*.

Собственно диалектные вербативные синлексы отражают разные аспекты народной жизни: быт, хозяйство и т. д. Приведем несколько примеров подобных единиц с толкованиями:

гоньбу гонять – «перевозить пассажиров, почту, товары» [12, с. 47];

сидеть на грядках – «заниматься огородничеством» [12, с. 77];

закручивать косу – «в свадебном обряде заплетать две косы» [12, с. 253];

прийти с [одним] бичом – «возвратиться из ямщины с убытком» [15, с. 375];

ставить под след – «размещать капкан возле следа зверя» [16, с. 274].

Наиболее востребованными структурно-морфологическими моделями образования общерусских синлексов в речи носителей вершининского диалекта являются:

1. Глагол + существительное в форме винительного падежа: *вести перепись*, *дать разрешение*, *обращать внимание*, *проводить мероприятие*, *принимать меры* и т. д. (всего – 150 единиц).

2. Глагол + в (во) + существительное в форме винительного падежа: *брать во внимание*, *пойти в рост*, *попадать/попасть в плен*, *пустить в ход*, *уйти в декрет* и т. д. (всего – 29 единиц).

3. Глагол + на + существительное в форме винительного падежа: *давать на чай*, *идти на убыль*, *приходить на ум*, *уйти на пенсию/пензию* и т. д. (всего – 11 единиц).

Эти три модели являются самыми продуктивными и для вербативных синлексов, используемых в речи носителей литературного языка.

Среди собственно диалектных вербативных синлексов наиболее востребованы следующие структурно-морфологические модели:

1. Глагол + существительное в форме винительного падежа: *давать концы*, *давать наветки*, *делать задержание*, *делать рукобיתье*, *снимать золото*, *совершить счастье* и т. д. (всего – 43 единицы).

2. Глагол + на + существительное в форме винительного падежа: *брать на круг*, *взять на храпок*, *класть на блины* и т. д. (всего – 17 единиц).

3. Глагол + в + существительное в форме винительного падежа: *войти в добро*, *войти в ум*, *отпасть в неверью*, *ходить в ямщину* и т. д. (всего – 14 единиц).

При образовании вербативных синлексов, зафиксированных в «Вершининском словаре», использовано 92 глагола. Наиболее распространенными являются вербативные синлексы со следующими глагольными компонентами:

– для общерусских вербативных синлексов:

1) синлексы с глагольным компонентом «делать/сделать/изделать»: *сделать отметки*, *сделать пересадку*, *делать подарок*, *делать снимок* (всего – 42 единицы);

2) синлексы с глагольным компонентом «давать/дать»: *дать указание*, *дать наказ*, *дать отпор*, *дать согласие*, *дать образование* (всего – 31 единица);

3) синлексы с глагольным компонентом «брать/взять»: *брать подряд, взять под арест, взять отпуск, взять расписку* (всего – 21 единица);

– для собственно диалектных вербативных синлексов:

1) синлексы с глагольным компонентом «ходить»: *ходить в кореню, ходить в борозде, ходить бреднем, ходить на пост* (всего – 16 единиц);

2) синлексы с глагольным компонентом «идти/пойти»: *идти/пойти в обгул, пойти в контры, пойти по людям* (всего – 9 единиц);

3) синлексы с глагольным компонентом «делать/сделать»: *делать проказу, сделать замирение, делать рукобיתье* (всего – 8 единиц).

Заметим, что наиболее частотные группы по глагольному компоненту одинаковы для общерусских единиц в речи диалектоносителей и в речи носителей литературного языка.

Как и в литературном языке, в вершининском диалекте вербативные синлексы с трудом и непосредственно вступают друг с другом в системные отношения:

– вариантности (преобладают, как указывалось, фонетические диалектные варианты): *дать благословение/благословенье/басловенье, сделать операцию/перацию/иперацию*;

– синонимии (синонимичными могут быть как глагольный, так и именной компоненты): *обратить/уделить/выделить внимание, гоньбу гонять/гонять в гонках, делать блокаду/делать замертвление*;

– антонимии: *войти в года/выйти из годов*.

Как показывает анализ речи носителей литературного языка, между глаголами и вербативными синлексами – их функциональными аналогами – устанавливаются следующие типы отношений:

1) «синлексу соответствует близкий (в некоторых случаях – тождественный) по значению глагол, однокоренной с именным элементом синлекса» [20, с. 134]: *давать/дать описание чего-либо – описывать/описать что-либо, иметь значение – значить*;

2) «трехкомпонентным синлексам < > синлексам (глагол + прилагательное + существительное) может соответствовать близкий по значению глагол, однокоренной с прилагательным» [20, с. 135]: *выносить/вынести (обвинительный, оправдательный) приговор – обвинять/обвинить, оправдывать/оправдать*;

3) «синлексам может соответствовать близкий по значению глагол, который не является однокоренным ни с именным, ни с глагольным элементом синлекса» [20, с. 135]: *брать (принимать) чью-либо сторону – поддерживать кого-либо, брать (принимать) в расчет что-либо – учитывать что-либо*;

4) «синлексы не имеют равнозначных или близких по значению глаголов» [20, с. 135]: *входить/войти в моду, брать/взять слово с кого-либо*.

Вербативные синлексы первого и третьего типов, зафиксированные в речи носителей вершининского диалекта, не всегда имеют те же глагольные аналоги, что и в литературном языке: так, в «Вершининском словаре» представлены синлексы *взять под арест, дать разрешение, дать наказ, дать слово*, имеющие глагольные соответствия *арестовать/рестовать, разрешить, наказать, обещать/пообещать*. Но, например, для синлексов *брать пример, делать операцию* не зафиксированы глаголы-синонимы *подражать, оперировать*. Вербативные синлексы четвертого типа встречаются в «Вершининском словаре» достаточно часто: это преимущественно диалектные единицы (*брать на храпок, входить в добро, делать рукобיתье* и т. д.).

Применительно к вербативным синлексам, функционирующим в речи носителей литературного языка, нами была использована семантико-тематическая классификация [21], которая в свою очередь базируется на классификации глаголов, представленной в «Толковом словаре русских глаголов» [22]. В рамках данной классификации вербативные синлексы были распределены по трем семантическим классам: «Действие и деятельность», «Бытие, состояние» и «Отношение», а внутри классов – по многочисленным лексико-семантическим группам. Ниже приведем фрагмент семантико-тематической классификации, выполненной на материале «Вершининского словаря».

Семантический класс «Действие и деятельность».

1. Интеллектуальная деятельность.

1.1. Вербативные синлексы восприятия: *(не) брать во внимание/вниманье, не брать в голову, выделить внимание, иметь в виду, обращать/обратить внимание, уделить внимание, упустить из виду*.

Пример употребления: «Он [ребенок] не слушат, нико **во внимание не берет**» [11, с. 120].

1.2. Вербативные синлексы понимания: *войти в ум, не иметь понятия, пасть на ум, приходить в/на ум*.

Пример употребления: «Ну, видимо, **в ум приходил** нет ли или чё ли» [17, с. 146].

1.3. Вербативные синлексы познания: *не знать толку*.

Пример употребления: «Ну а кто имеет право снимать директора на сессию? Эти наши несчастны депутатишки? Которы они... **толку не знают**» [17, с. 58].

1.4. Вербативные синлексы сравнения и сопоставления: *сделать сравнение*.

Пример употребления: «Тебе, как депутату райсовета, наверно, в три раза придется больше убирать, вот я и хотел **сделать сравнение** с прошлым годом» [16, с. 359].

2. Речевая деятельность.

2.1. Вербативные синлексы речевого сообщения: *внести предложение, давать команду, дать наказ, дать разрешение, дать указание, сделать наказ.*

Пример употребления: «Дождутся число, назначается бой. **Команда дается:** «Пошли в кедровник»» [13, с. 114].

2.2. Вербативные синлексы речевого общения: *дать ответ, дать слово, дать согласие, завести разговор, задавать вопрос, провести разговор, сделать разговор.*

Пример употребления: «Да вот, только **разговор провели**» [16, с. 35].

2.3. Вербативные синлексы обращения: *задавать вопрос, сделать заявку.*

Пример употребления: «Вот она **вопрос задает**, почему, говорит, здесь в городе ни колбасы, ни мяса, ничё такого нету?» [11, с. 222].

2.4. Вербативные синлексы речевого воздействия: *давать наветки, дать наказ, давать команду, дать указание.*

Пример употребления: «Мать говорит [сыну при снохе]: “Ну, что ты посуду не моешь?”. Как вроде ей **наветки дает**» [14, с. 33].

3. Социальная деятельность.

3.1. Вербативные синлексы профессионально-трудовой деятельности:

– общая профессионально-трудовая деятельность: *брать подряд, взять отгул, взять отпуск, взять рашишот, выходить из полочки, уйти в декрет, уйти на пенсию/пензию.*

Пример употребления: «**Отпуск взяла**, месяц, и привезла ее [мать]» [11, с. 190];

– медицина: *вставить лицо, делать блокаду, делать втирание, делать замертвление, делать зубы, делать кесареву, делать перевязки, делать/сделать операцию/иперацию/перацию, делать/сделать рентген/ретген/рентгент, поставить укол, сделать анализы/аналисы.*

Пример употребления: «Скоко мне делали – ни один не мог **сделать верхни [зубы]**» [16, с. 203];

– кулинария: *заводить/завести квашню/квашню/квашенку/квашонку, завести тесто.*

Пример употребления: «Мясо солено было, **заводишь** на воде **тесто**, расстилашь, как платок» [12, с. 230];

– транспорт, перевозки: *гонять в гонках, гоньбу гонять, гонять подводы, гонять почту, прийти с [одним] бичом, ходить в ямщину.*

Пример употребления: «Зиму, лето. Весь год **в ямщину ходит** месяц» [17, с. 204];

– сельское хозяйство: *брать на круг, идти первый ряд, сидеть на грядах.*

Пример употребления: «Которая корова доится хорошо, она худенька, на молоко работают, [а другие дают мало молока]. А они же **как на круг берут** в среднем» [11, с. 120];

– охота: *ставить под след [капкан].*

Пример употребления: «С колонком тоже интересная охота, значит, колонки, идет и **под след ставишь капкан**» [16, с. 274];

– строительство: *гнать клин, делать обвязку, сделать перестройку.*

Пример употребления: «Руками кода пилили, пилу-то зажимают, тогда **клин гнали**» [12, с. 32].

3.2. Вербативные синлексы общественно-политической деятельности: *брать в солдаты, вступать в партию, дать образование, идти/пойти замуж/взамуж, издать свадьбу, наложить подать, накладывать/наложить бронь/брын, пойти в колхоз, получать воспитание/спитание, проводить мероприятия.*

Пример употребления: «Сашка на фронт хотел. И не взяли никуда. **Брын наложили** и сё» [11, с. 124].

3.3. Вербативные синлексы, обозначающие действия религиозного, обрядового характера: *делать рукобיתье, закручать косу, издать поминки* и т. д.

Пример употребления: «Когда высватают, приходит жених, **делают рукобיתье**» [12, с. 110].

Как показывает приведенный фрагмент, вербативные синлексы, зафиксированные в «Вершининском словаре», обнаруживают большое семантическое разнообразие. Некоторые единицы входят более чем в одну лексико-семантическую группу: например, сочетания *дать наказ, давать команду, дать указание* относятся и к синлексам речевого сообщения, и к синлексам речевого воздействия. Указанные особенности характерны и для вербативных синлексов литературного языка [21].

Вербативные синлексы, функционирующие в текстах носителей литературного языка, обладают значительным преобразовательным потенциалом, который реализуется в таких процессах, как расширение компонентного состава синлекса, эллипсис, развитие переносного значения синлекса, контаминация, образование экспрессивно-оценочной формы субстантивного компонента в составе синлекса [23].

Из перечисленных типов преобразований чаще всего встречается расширение компонентного состава (главным образом с помощью имен прилагательных). В качестве структурного компонента вербативных синлексов имена прилагательные выполняют следующие функции:

- 1) конкретизирующую;
- 2) экспрессивно-оценочную;
- 3) трансформационную [23, с. 138–139].

Прилагательные в структуре вербативного синлекса могут быть узуальными (*вести просветительскую деятельность, оказывать благотворительную помощь, совершать кругосветные путешествия* [23, с. 138]) и окказиональными (*одержать рэмбообразную победу, произвести моз-*

годробительное впечатление, совершать телораздирающие действия [23, с. 138]).

Вербативные синлексы в речи носителей вершининского диалекта редко подвергаются перечисленным преобразованиям, примеры их не слишком многочисленны:

1. Эллипсис: «Ну, и Валя-то за его не шла, она не знала, что он женатый был» [13, с. 23].

«Дежурный пришел: кто такие? Нас под ружье – и повели туды» [16, с. 126] (эллипсис: в синлексе *шла замуж* опущено наречие *замуж*, в синлексе *взяли под ружье* опущен глагол *взяли*).

2. Образование экспрессивно-оценочной формы субстантивного компонента в составе синлекса с помощью суффиксов:

«Думала, вина купим да **изделаем свадьбишку-то**» [13, с. 33].

«После-то я покаялась: надо было **телеграммку** хоть **дать**» [17, с. 36].

3. Расширение компонентного состава синлекса: «И уже ездили такие, значит, **эпизодические** мероприятия, значит, проводить» [13, с. 296].

«Я ставлю банки **кровяны**» [14, с. 58].

«Беги к Александре Степановне: может, нет это **водный** компресс сделать ему» [14, с. 119].

«**Горлову** сделал операцию» [14, с. 246].

«Привет велели передавать **большой** Андрияновы» [15, с. 59].

«А крапива **хороший** рост дала» [16, с. 121].

Развитие переносного значения синлекса (и – дополнительно – расширение компонентного состава синлекса): «А счас пока бригадиры там на разнарядку сходят, дак как этот **священный “ри-туал”** свой проведут» [16, с. 108].

Как показывают приведенные примеры, наиболее востребованный тип преобразований вербативных синлексов в речи носителей вершининского

диалекта – это расширение компонентного состава синлекса за счет имени прилагательного, чаще всего выполняющего конкретизирующую функцию (т. е. функцию уточнения, детализации субстантивного компонента), иногда – экспрессивно-оценочную функцию. Все выявленные в «Вершининском словаре» прилагательные – расширители компонентного состава синлексов являются узувальными.

Заключение

Проведенный анализ вербативных синлексов, зафиксированных в «Вершининском словаре», позволяет сделать следующие выводы:

1) вербативные синлексы востребованы в речи диалектоносителей;

2) в речи носителей вершининского диалекта преобладают общерусские вербативные синлексы (представленные в неизменном виде или/и как диалектный вариант – фонетический либо грамматический);

3) диалектные вербативные синлексы также достаточно широко представлены: они либо являются синонимами общерусских синлексов, либо не имеют аналогов среди общерусских сочетаний;

4) вербативные синлексы, зафиксированные в «Вершининском словаре»:

– распределяются по многочисленным группам с точки зрения их морфологической структуры и глагольного компонента;

– редко вступают в системные отношения друг с другом, но обнаруживают большое разнообразие с точки зрения их распределения по лексико-семантическим группам;

– имеют ограниченный преобразовательный потенциал (чаще всего встречается расширение компонентного состава синлекса).

Список источников

1. Климовская Г.И. Дело о синлексах (к вопросу о функциональном подходе к номинативному материалу языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 44–54.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 296 с.
3. Левит З.Н. О понятии аналитической лексической единицы // Проблемы аналитизма в лексике. 1967. Вып. 1. С. 5–19.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
5. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского литературного языка // Лексика и фразеология современного русского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. С. 111–142.
7. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 14–17.
9. Лагузова Е. Н. Описательный глагольно-именной оборот как языковая универсалия // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 1. С. 44–47.

10. Сидорец В. С. Коммуникативное соотношение типовых восточнославянских групп вербоидов с деривантами одержувати, получать, атримлівати и их синонимами // *Вісник Мазырського державного педагогічного університету імені І.П. Шамякіна*. 2016. № 1 (47). С. 128–132.
11. Вершининский словарь. Т. 1: А–В / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Издательство Томского университета, 1998. 308 с.
12. Вершининский словарь. Т. 2: Г–З / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Издательство Томского университета, 1999. 319 с.
13. Вершининский словарь. Т. 3: И–М / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Издательство Томского университета, 2000. 348 с.
14. Вершининский словарь. Т. 4: Н–О / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Издательство Томского университета, 2001. 368 с.
15. Вершининский словарь. Т. 5: П / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Издательство Томского университета, 2001. 504 с.
16. Вершининский словарь. Т. 6: Р–С / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Издательство Томского университета, 2002. 454 с.
17. Вершининский словарь. Т. 7: Т–Я / гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Издательство Томского университета, 2002. 526 с.
18. Лобанова С.В. Классификация устойчивых глагольно-именных сочетаний в современном русском языке: подходы и проблемы // *Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin)*. 2013. Вып. 10 (138). С. 163–167. doi: 10.23951/1609-624X-2023-4-76-83
19. Крупенникова В.А. Категория состояния как аналитическая часть речи // *Наука и образование: материалы XI Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых: в 6 т. Т. 2: Филология, ч. 1*. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. С. 86–92.
20. Лобанова С.В. Типы отношений между вербальными синлексами и глаголами // *Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin)*. 2013. Вып. 3 (131). С. 134–139.
21. Лобанова С.В. Классы и лексико-семантические группы вербальной синлексики современного русского языка // *III Всероссийский фестиваль науки: XVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (22–26 апреля 2013 г.): в 5 т. Т. II: Филология, ч. 1: Русский язык и литература*. Томск: Издательство ТГПУ, 2013. С. 195–199.
22. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 698 с.
23. Чайковская С.В. Преобразовательный потенциал вербативных синлексов современного русского языка // *Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin)*. 2020. Вып. 4 (210). С. 136–143. doi: 10.23951/1609-624X-2020-4-136-143

References

1. Klimovskaya G.I. Delo o sinleksakh (k voprosu o funktsional'nom podkhode k nominativnomu materialu yazyka) [On synlexes (To the problem of functional approach to the nominative language material)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2008, no. 3 (4), pp. 44–54 (in Russian).
2. Akhmanova O.S. *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on General and Russian lexicology]. Moscow, The Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1957. 296 p. (in Russian).
3. Levit Z.N. O ponyatii analiticheskoy leksicheskoy edinitsy [About the concept of analytic lexical unit]. *Problemy analitizma v leksike*, 1967, no. 1, pp. 5–19 (in Russian).
4. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i kul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1996. 284 p. (in Russian).
5. Vinogradov V.V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in Russian]. *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [The selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Pp. 140–161 (in Russian).
6. Shanskiy N.M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseology of modern Russian language]. *Leksika i frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicon and Phraseology of modern Russian language]. Moscow, Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatel'stvo Ministerstva prosvesheniya RSFSR Publ., 1957. Pp. 111–142 (in Russian).
7. Baranov A.N., Dobrovol'skiy D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znack Publ., 2008. 656 p. (in Russian).
8. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian language]. A.I. Molotov (ed.). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1968. Pp. 14–16 (in Russian).
9. Laguzova E.N. Opisatel'nyy glagol'no-imennoy oborot kak yazykovaya universal'ya [Descriptive verbal-nominal phrase as a linguistic universal]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya – Social and humanitarian knowledge*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 44–47 (in Russian).
10. Sidorets V.S. Kommunikativnoye sootnosheniye tipovykh vostochnoslavjanskikh grupp verboidov s derivantami oderzhuvati, poluchat', atrymlivati i ikh sinonimami [The communicative relationship of typical East Slavic groups of verboids with the derivatives to receive, to receive, to receive and their synonyms]. *Vesnik Mazyrskaga dzjarzhavnaga pedagogichnaga wniversitjeta imja I.P. Shamjakina – Bulletin of Mozyr State Pedagogical University*, 2016, no. 1 (47), pp. 128–132 (in Russian).
11. *Vershininskiy slovar' . T. I. A–B* [Vershino's dictionary. Vol. I. A–B]. O.I. Blinova (ed.). Tomsk, TSU Publ., 1998. 308 p. (in Russian).

12. *Vershininskiy slovar'*. T. 2. Г–З [Vershinino's dictionary. Vol. 2. Г–З]. O.I. Blinova (ed.). Tomsk, TSU Publ., Publ., 1999. 319 p. (in Russian).
13. *Vershininskiy slovar'*. T. 3. И–М [Vershinino's dictionary. Vol. 3. И–М]. O.I. Blinova (ed.). Tomsk, TSU Publ., 2000. 348 p. (in Russian).
14. *Vershininskiy slovar'*. T. 4. Н–О [Vershinino's dictionary. Vol. 4. Н–О]. O.I. Blinova (ed.). Tomsk, TSU Publ., 2001. 368 p. (in Russian).
15. *Vershininskiy slovar'*. T. 5. П [Vershinino's dictionary. Vol. 5. П]. O.I. Blinova (ed.). Tomsk, TSU Publ., 2001. 504 p. (in Russian).
16. *Vershininskiy slovar'*. T. 6. Р–С [Vershinino's dictionary. Vol. 6. Р–С]. Tomsk, TSU Publ., 2002. 454 p. (in Russian).
17. *Vershininskiy slovar'*. T. 7. Т–Я [Vershinino's dictionary. Vol. 7. Т–Я]. Tomsk, TSU Publ., 2002. 526 p. (in Russian).
18. Lobanova S.V. Klassifikatsiya ustoychivyykh glagol'no-imennykh sochetaniy v sovremennom russkom yazyke: podkhody i problemy [Classification of steady verbal-nominal combinations in modern Russian language: approaches and problems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, vol. 10 (138). Pp. 163–167. doi: 10.23951/1609-624X-2023-4-76-83 (in Russian).
19. Krupennikova V.A. Kategoriya sostoyaniya kak analiticheskaya chast' rechi [The category of state as an analytical part of speech]. *Nauka i obrazovaniye: materialy XI Vserossiyskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. V 6 t. T. 2: Filologiya. Ch. 1* [Science and Education: materials of the XI All-Russian conference of students, graduate students and young scientists, in 6 vol. Vol. 2: Philology. P. 1]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. Pp. 86–92 (in Russian).
20. Lobanova S.V. Tipy otnosheniy mezhdu verbal'nymi sinleksami i glagolami [The types of correlations between the verbal synlexes and the verbs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 3 (131), pp. 134–139 (in Russian).
21. Lobanova S.V. Klassy i leksiko-semanticheskiye gruppy verbal'noy sinleksiki sovremennogo russkogo yazyka [Classes and lexical-semantic groups of verbal synlexes of modern Russian language]. *III Vserossiyskiy festival' nauki. XVII Mezhdunarodnaya konferentsiya studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Nauka i obrazovaniye" (22–26 aprelya 2013 g.): V 5 t. T. II: Filologiya. Chast' 1: Russkiy yazyk i literatura* [III All-Russian festival of Science. XVII International conference of students, graduate students and young scientists "Science and Education" (22–26 April 2013)]. Tomsk, TGPU Publ. 2013. Pp. 195–199 (in Russian).
22. *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoye opisaniye. Angliyskiye ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [The explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Ed. L.G. Babenko. Moscow, AST-PRESS Publ., 1999. 698 p. (in Russian).
23. Chaykovskaya S.V. Preobrazovatel'nyy potentsial verbativnykh sinlekov sovremennogo russkogo yazyka [Transforming potential of the verbative synlexes of modern Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2020, vol. 4 (210), pp. 136–143. doi: 10.23951/1609-624X-2020-4-136-143 (in Russian).

Информация об авторе

Чайковская С.В., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: svetlana2feb@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0002-9436-3288; SPIN-код: 9784-8711.

Information about the author

Chaykovskaya S.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: svetlana2feb@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0002-9436-3288; SPIN-code: 9784-8711.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 19.12.2024; accepted for publication 03.04.2025

УДК 811.161.1'38'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-80-88>

Коммуникативная стилистика: модель структуры концепта и ее отражение в тексте

Алексей Владимирович Болотнов

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
avb@tspu.ru; 0000-0001-7442-9115

Аннотация

Понятийно-терминологический аппарат современной когнитивной лингвистики требует уточнения в аспекте его взаимосвязи с текстовой (дискурсивной) деятельностью, в которой проявляются содержание и структура ключевых понятий когнитивной лингвистики. Это особенно актуально в связи с современной когнитивно-дискурсивной научной парадигмой, для которой характерны тенденции к интеграции со смежными областями знания, включая психолингвистику, теорию текста и дискурса. Цель статьи – опираясь на теорию архетипов К.Г. Юнга и теоретическую базу коммуникативной стилистики текста, разработать модель структуры концепта в аспекте ее связи с текстовой деятельностью. Материалом исследования послужили научные статьи и монографии, посвященные истории вопроса. В статье используется общенаучный описательный метод и приемы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, классификации и моделирования. В рассмотрении связи концепта с текстовой деятельностью применяется теория и методология коммуникативной стилистики текста. Общим в трактовке концепта исследователями является признание его ментальной природы, сложной многослойной и многоуровневой структуры, культурологической сущности и полевого характера. Вместе с тем моделирование структуры концепта требует уточнения с точки зрения отражения в ней универсального и уникального. Изучение модели концепта особенно важно для первичной и вторичной текстовой деятельности, в которой отражается концепт и его составляющие. Опора на теорию архетипов К.Г. Юнга позволяет глубже понять природу концепта с акцентом на сфере коллективного бессознательного и теории индивидуализации, важных для коммуникации на основе текстовой деятельности. В предложенной в статье концепции модель структуры концепта с точки зрения отражения в нем универсального и индивидуального можно условно представить как систему слоев с выделением архетипического слоя как ядерного. Предложенная автором модель концепта включает *ядерную, приядерную, предъядерную и периферийную зоны*. *Ядерную зону* концепта составляет *архетип*, являющийся универсальным для большинства людей, он связан со сферой бессознательного, с «поколенческой памятью» и определяет остальные зоны концепта благодаря закрепленным за архетипом различным ассоциациям. В *приядерную зону* включены *ассоциативный, образный и символический* слои, стимулированные соответствующим номинатом концепта – знаком (знаками), используемыми в дискурсивной (текстовой) деятельности сообщества. К *предъядерной зоне* отнесены *предметный и понятийный* слои концепта, связанные с процессом осознания сообществом и личностью особенностей соответствующей номинату концепта реалии окружающего мира или сознания. *Ценностно-оценочный слой (интерпретационный)* отнесен к *периферийной зоне* концепта, которая отражает не только связь с коллективной памятью, но и процесс индивидуализации, основанный на личном языковом и социальном опыте человека. Использование предложенной в рамках коммуникативной стилистики текста модели концепта позволяет конкретизировать методику концептуального анализа с точки зрения дифференциации универсального и индивидуального в содержании и структуре концепта. Это важно для смысловой интерпретации содержания как отдельных вербализованных в текстах концептов, так и для концептуальной структуры текста в целом. Моделирование концепта и изучение его реализации в тексте представляет интерес для когнитивной лингвистики, теории текста и коммуникативной стилистики.

Ключевые слова: *концепт, гиперконцепт, модель структуры концепта, текстовая деятельность, концептуальная структура текста, коммуникативная стилистика*

Для цитирования: Болотнов А.В. Коммуникативная стилистика: модель структуры концепта и ее отражение в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 80–88. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-80-88>

Communicative stylistics: model of the concept structure and its reflection in the text

Alexey V. Bolotnov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, avb@tspu.ru; 0000-0001-7442-9115

Abstract

The conceptual and terminological apparatus of modern cognitive linguistics requires clarification in terms of its relationship with textual (discursive) activity, in which the content and structure of the key concepts of cognitive linguistics are manifested. This is especially relevant in connection with the modern cognitive-discursive scientific paradigm, which is characterized by tendencies towards integration with related fields of knowledge, including psycholinguistics, text and discourse theory. The purpose of the article is to develop a model of the structure of the concept in terms of its connection with textual activity, and it based on the theory of archetypes by K.G. Jung and the theoretical basis of communicative stylistics of the text. The research material included scientific articles and monographs devoted to the history of the issue. The article uses the general scientific descriptive method and techniques of analysis, synthesis, comparison, generalization, classification and modeling. In considering the connection between the concept and textual activity, the theory and methodology of communicative stylistics of the text is used. Complex multi-layered and multi-level structure, cultural essence and field nature is common in the interpretation of the concept by researchers is the recognition of its mental nature. At the same time, modeling the structure of the concept requires clarification in terms of reflecting the universal and unique in it. Studying the concept model is especially important for primary and secondary textual activity, which reflects the concept and its components. Reliance on the theory of archetypes by K.G. Jung allows deeper understanding of the nature of the concept with an emphasis on the sphere of the collective unconscious and the theory of individualization, important for communication based on textual activity. The model of the structure of the concept from the point of view of the reflection of the universal and individual in it can be conditionally presented as a system of layers with the identification of the archetypal layer as the nuclear one. The concept model proposed by the author includes *the nuclear zone*, *the near-nuclear*, *pre-nuclear* and *peripheral zones*. *The core zone* of the concept is made up of an archetype, which is universal for most people; it is associated with the sphere of the unconscious, with “generational memory” and determines the remaining zones of the concept thanks to various associations assigned to the archetype. *The adjacent zone* includes associative, figurative and symbolic layers, stimulated by the corresponding nominee of the concept – the sign (signs) used in the discursive (textual) activity of the community. *The pre-nuclear zone* includes the subject and conceptual layers of the concept, associated with the process of awareness by the community and the individual of the features of the reality of the surrounding world or consciousness corresponding to the nominated concept. *The value-evaluative layer (interpretative)* is assigned to the peripheral zone of the concept, which reflects not only the connection with collective memory, but also the process of individualization based on a person’s personal linguistic and social experience. The use of the concept model proposed within the framework of communicative stylistics of the text allows us to specify the methodology of conceptual analysis from the point of view of differentiating the universal and the individual in the content and structure of the concept. This is important for the semantic interpretation of the content of both individual concepts verbalized in texts and for the conceptual structure of the text as a whole. Modeling a concept and studying its implementation in a text is of interest for cognitive linguistics, text theory and communicative stylistics.

Keywords: *concept, hyperconcept, concept structure model, text activity, conceptual structure of the text, communicative stylistics*

For citation: Bolotnov A.V. Kommunikativnaya stilistika: model’ struktury kontsepta i yego otrazheniye v tekste [Communicative stylistics: model of the concept structure and its reflection in the text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 80–88 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-80-88>

Введение

В контексте современной научной когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы особый интерес представляет изучение взаимосвязи концептуальной картины мира личности и ее отражение в текстовой (дискурсивной) деятельности. Это связано с антропоцентризмом гуманитарной области знания в целом. Языковая личность как носитель определенной культуры и член социума реализует свое представление о мире в процессе общения на основе создания, восприятия и интерпретации текстов. В текстовой деятельности уникаль-

ное и универсальное, сознательное и бессознательное, связанные с коллективным и личным опытом социума и отдельного человека, интегрируются, отражаясь осознанно и неосознанно в концептосфере создаваемых и воспринимаемых личностью текстах. Этот процесс требует глубокого и специального изучения.

Ключевые понятия когнитивной лингвистики (*картина мира, концептуальная картина мира, языковая картина мира, концепт, концептуализация, категоризация*) получили достаточно полное освещение в работах Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова

[1], Д.С. Лихачева [2], Ю.С. Степанова [3], В.И. Карасика [4], Н.Н. Болдырева [5], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [6] и др.

Учеными предложена послойная модель структуры концепта, в которой выявлены разные слои, например суперкатегориальный, понятийный, этнокультурный, образно-ассоциативный [7]. В художественном концепте выделяют предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический, ценностно-оценочный слои [8, с. 75].

Из разных слоев в модели художественного концепта в коммуникативной стилистике текста обоснован приоритет ассоциативного слоя, так как разные типы ассоциаций (референтные, тематические, ситуативные, культурологические и др.) стимулируют и актуализируют остальные слои концепта и формируют в конечном счете всю его структуру и содержание на основе ассоциативной деятельности языковой личности [9].

Вопрос же о соотношении разных типов концептов, их взаимосвязи и отражении в тексте относится пока к числу недостаточно разработанных в коммуникативной теории текста и идиостилистике, занимающейся проблемами идиостиля языковых личностей в разных сферах общения. Термин *идиостилика* был предложен пермскими учеными в работе, посвященной научной речи [10]. При изучении художественного и других текстов данная проблема получила освещение в коммуникативной стилистике текста [11–15]. В рамках данного направления определены и систематизированы средства репрезентации и виды концептов [16, 17], методики анализа и типы концептуальных структур художественных текстов [18, 19], механизмы лингвокогнитивной организации поэтических текстов [20], методики изучения ассоциативного слоя художественных концептов и дискурсивного анализа концепта на основе текстовых ассоциатов [21, 22].

Новый импульс в исследовании идиостилистического своеобразия концептосферы текста может быть связан с рассмотрением архетипического слоя концепта и разработкой в перспективе понятия *мега-концепт*, учитывая его общечеловеческую, этно- и культурно-специфическую, а также узуально-стилистическую природу [23–27]. Как «многомерный культурный концепт, в структуре которого содержатся взаимосвязанные и взаимообусловленные частные концепты», определяет данное понятие Е.Г. Малышева [25, с. 39]. Каждая из отмеченных выше граней мегаконцепта требует специального изучения в дальнейшем.

Ограниченные объемом статьи, учитывая ее цель, остановимся на трактовке концепта, моделировании его структуры и ее отражения в тексте.

Цель статьи – опираясь на теорию архетипов К.Г. Юнга и теоретическую базу коммуникативной

стилистики текста, разработать модель структуры концепта в аспекте ее связи с текстовой деятельностью.

Материал и методы

Материалом исследования послужили научные статьи и монографии, посвященные истории вопроса. Исследование основано на применении общенаучного описательного метода и приемов анализа, синтеза, сравнения, обобщения, классификации и моделирования. В разработке взаимосвязи концепта и текстовой деятельности используется теоретическая база и методология коммуникативной стилистики текста, включая опору на теории регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста [11–14].

Результаты и обсуждение

В определении концепта и моделировании его структуры представляется важным учитывать концепцию архетипов и теорию индивидуализации К.Г. Юнга [28]. Первая связана с отражением на уровне бессознательного универсальных типов поведения людей и их ролей в коммуникации и жизнедеятельности в целом. Архетипы Отца, Матери, Персоны, Тени и др. рассматривались ученым как элементы коллективного бессознательного, связанного с опытом человечества, с действием «поколенческой памяти». Теория индивидуализации Г.К. Юнга ориентирована на понимание причин и результатов деятельности, связана с процессами осознания, с изменением собственного мышления личности и понимания в процессе жизнедеятельности.

Некоторые идеи Г.К. Юнга соотносятся с уже известными трактовками сущности *концепта* лингвистами. В определении *концепта* как элемента картины мира (концептосферы) личности и социума (на уровне национальной картины мира) исследователи отмечали ряд его особенностей, связанных с опорой на личный и народный опыт. Так, по мнению Д.С. Лихачева, концепт «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [2, с. 281].

На это же обращала внимание в определении данного понятия Е.С. Кубрякова, которая писала о том, что концепт «служит объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1, с. 90].

Учитывая выделенные особенности концепта, в проекции на текстовую деятельность в соответ-

ствии с законом диалектики взаимосвязи общего и отдельного логично предположить, что в текстовом индивидуально-авторском воплощении концепта фокусируется связь с разными гранями в содержании концепта:

1) с его универсальной общечеловеческой сущностью (на уровне коллективного опыта);

2) этнической и культурно-специфической природой (национально-культурными особенностями мировосприятия);

3) узуально-стилистической спецификой (с точки зрения имеющихся у автора и адресата текста представлений о стилистическом узусе с учетом сферы общения).

Все эти особенности находят отражение в текстовой деятельности индивида, в репрезентации им отдельных концептов в тексте, где концепт получает личностную репрезентацию на уровне языковых и неязыковых знаков и воплощение индивидуального представления личности о содержании концепта, отражающем реалии окружающего мира или сознания с учетом имеющегося у человека опыта и знаний. Последнее подчеркивала В.А. Пищальникова: «Концепт включает в себя все, что индивид знает и полагает о той или иной реалии действительности: понятие, визуальное или сенсорное представление, эмоции, ассоциации и в качестве интегративного компонента – слово» [29, с. 102].

Полагаем, что при анализе содержания концепта, воплощенного в тексте, целесообразно учитывать не только систему представлений, понятий, эмоций личности автора о той или иной реалии, как было отмечено В.А. Пищальниковой, но и отражение фрагмента общечеловеческого опыта и знания узуальных культурно-языковых и стилистических особенностей текста, осознанно или неосознанно получающих отражение в содержании и средствах воплощения каждого концепта в тексте. В изучении этого важно опираться на теорию архетипов К.Г. Юнга и понятие *концепта*, в структуру которого логично включить *архетип*. Не случайно некоторые ученые вводят понятие «архетипический концепт» (см. обзор работ об этом и анализ архетипического концепта *БОГ* в работе Е.Н. Афанасьевой [30]).

Представим свое видение модели общей структуры концепта. Учитывая его сложную природу, динамический потенциал, связанный с хронотопом и этнокультурной спецификой, целесообразно, на наш взгляд, выделить в его модели *ядерную зону*, *приядерную*, *предъядерную* и *периферийную зоны*. Они условно отражают разную степень универсального/индивидуального в концептуализации и языковом воплощении той или иной реалии окружающего мира или сознания в тексте, за которым в свете коммуникативно-деятельностного

подхода к нему «стоят» языковые личности автора и адресата.

Ядерную зону концепта с этой точки зрения составляет *архетип*, отражающий коллективный опыт и являющийся универсальным для большинства людей, он связан со сферой бессознательного, с «поколенческой памятью». В *приядерную зону* можно включить *ассоциативный*, *образный* и *символический слои* на уровне типовых представлений и типовых ассоциаций, стимулированных соответствующим номинатом концепта – знаком (знаками), понятным(и) типовому носителю лингвокультуры и обычно используемым(и) в дискурсивной (текстовой) деятельности сообществом. К *предъядерной зоне* логично отнести то, что связано с процессом осознания закрепленного сообществом и личностью за номинатом концепта – знаком (знаками) – кванта знания о реалии, – *предметный* и *понятийный слои*. *Ценностно-оценочный слой (интерпретационный)* можно отнести к *периферийной зоне* концепта, которая отражает не только фрагмент коллективной памяти, но и процесс индивидуальной концептуализации, основанный на личном языковом и социальном опыте человека.

Предлагаемая модель концепта может представлять интерес для дальнейшей разработки методики концептуального анализа слова и текста и выявления идиостилевых особенностей автора на новом уровне, в аспекте типичности/оригинальности его речемыслительной деятельности.

Особую трудность в этом плане представляют художественные концепты. Для них характерны «заместительная сила», «психологическая сложность», «художественная ассоциативность» [31, с. 275]; принадлежность «не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», способность «выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [32, с. 41–42].

С опорой на методологию концептуального анализа текста, разработанную в русистике и коммуникативной стилистике текста, в исследованиях по данному направлению выявлена связь понятий *концепт* – *концептуальные структуры разных типов* – *гиперконцепт*. Остановимся на этом подробнее.

1. Систематизированы и определены разные *виды концептов* (концепты-универсалии, вербализованные и невербализованные, устойчивые и неустойчивые, актуальные и неактуальные и др.) в трудах З.Д. Поповой и И.А. Стернина, С.Г. Воркачева и других исследователей (см. об этом обзор разных точек зрения в [13, с. 284–285]).

2. В коммуникативной стилистике текста описаны типы художественных концептов по разным

параметрам (концепты-локативы и ключевые концепты, словные, сверхсловные и текстовые; узловые и индивидуально-авторские; концептуальные пары, концептуальные структуры и гиперконцепты, рассматриваемые как иерархия концептуальных структур, и др.; систематизированы типологии художественных концептов, предложенные разными исследователями [13, с. 302–304; 16].

3. Рассмотрены связи концептов в рамках разных *концептуальных структур* целых поэтических текстов на основе отношений дополнения, усиления, контраста, включения, сопоставления, пересечения, обобщения [19].

4. Выделен *гиперконцепт*, который в коммуникативной стилистике текста рассматривается как «ментальная структура, отражающая взаимосвязь концептов и концептуальных структур, вербализованных в системе текста, фокусирующая его обобщенный смысл» [13, с. 18]. Гиперконцепт трактуется как концентрированное воплощение содержания текста, являющееся результатом интерпретационно-познавательной деятельности адресата.

5. На основе теории регулятивности и разных типов лексических структур поэтических текстов выявлены *лингвокогнитивные механизмы актуализации гиперконцептов* [20]:

а) *сквозной усилительно-конвергентный*, связанный с последовательным усилением ключевого концепта различными регулятивными средствами и структурами в рамках индуктивно-дедуктивной лексической макроструктуры текста; с повтором как способом регулятивности и регулятивной стратегией поэтапного усиления семантических признаков ключевого концепта;

б) *последовательно-дополнительный*, проявляющийся в поэтапной художественно-образной конкретизации разных признаков гиперконцепта на основе использования сильной регулятивной стратегии однородного эксплицитного типа и повтора как основного способа регулятивности;

в) *сопоставительно-парадоксальный*, стимулированный регулятивной стратегией парадоксально-контрастивного типа; контрастом как основным способом регулятивности и текстовыми парадигмами антонимического типа как регулятивной доминантой;

г) *сопоставительно-синтезирующий*, отражающий синтез (обобщение) на основе параллельного сопоставительного ассоциативно-смыслового развертывания разных граней (признаков) ключевого концепта, стимулированных ступенчатой лексической макроструктурой индуктивно-дедуктивного типа [20, с. 38].

6. С опорой на теории регулятивности и текстовых ассоциаций в коммуникативной стилистике текста разработана и апробирована методика кон-

цептуального анализа на основе моделирования текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей концептов и их взаимосвязи. Методика включает выделение ключевых номинатов концепта, репрезентантов (экспликаторов) и актуализаторов концепта; выявление различных вербализованных в тексте направлений ассоциирования, отражающих разные грани концепта [18, 21, 22].

Что нового в эту методику анализа концепта и концептуальный анализ текста в целом может привнести выделение архетипического слоя в структуре концепта и в соотношение понятий *концепт* – *концептуальные структуры разных типов* – *гиперконцепт*?

Во-первых, появляется возможность осуществить более глубокий анализ содержания и средств репрезентации концептов в тексте в аспекте взаимосвязи феноменов: *акт речи (текст)* – *культурный и языковой код* – *стилистический узус* – *архетипическое*.

Во-вторых, в интерпретационной деятельности адресата (исследователя) акцентируется элемент предсказуемости в осмыслении различных концептов в связи с опорой на «поколенческую память» и известные в лингвокультуре типовые модели поведения, типовые ситуации и типовые роли воплощенных в тексте персонажей.

В-третьих, формируется более глубокое представление об индивидуальном содержании концепта, вербализованного в тексте, благодаря дифференциации в его содержании архетипического, а в средствах репрезентации – узально-стилистического компонентов, отражающих типовые особенности воплощения концепта в тексте.

С учетом архетипического слоя в структуре концепта в методику концептуального анализа текста на основе выявления текстовых ассоциативно-смысловых полей концептов, разработанную в коммуникативной стилистике, можно внести некоторые уточнения. Это связано с тем, что архетип влияет на отражение паттернов в текстовой деятельности и фактически определяет все остальные составляющие вербализованного в тексте концепта за счет порождения архетипом ассоциаций, связанных с разными слоями концепта: символическим, предметным, понятийным, образным, ценностно-оценочным (интерпретационным). В связи с этим в процессе концептуального анализа необходимо учитывать ряд факторов:

1) при моделировании текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей концептов и их взаимосвязи (с выделением ключевых номинатов концепта, репрезентантов (экспликаторов) и актуализаторов концепта) необходимо опираться **на типовые ассоциации**, входящие в ядро ассоциативных полей данных средств конкретизации кон-

цепта (по данным ассоциативных словарей и мас-совых экспериментов);

2) при выделении различных направлений ассоциирования, отражающих разные грани концепта в его текстовом воплощении, необходимо акцентировать внимание на **оригинальных текстовых ассоциатах** (словных и сверхсловных элементах лексической структуры текста), отражающих творческую индивидуальность автора, его индивидуально-авторское мировидение;

3) при изучении **когнитивного стиля** как одного из субстилей в общей структуре идиостиля автора, включающей также коммуникативный и культурно-речевой субстили (см. об этом [33]), необходимо учитывать наличие прецедентных феноменов и обилие интертекстуальных связей в текстовой деятельности автора как отражения «поколенческой памяти» и культурного тезауруса личности.

Заключение

Таким образом, анализ репрезентации концептов в текстовой деятельности конкретного автора с учетом теории архетипов Г.К. Юнга, отражающих

«поколенческую память» на уровне индивидуального бессознательного, является перспективным для теории текста, когнитивной лингвистики и коммуникативной стилистики текста.

Учет архетипического слоя в модели концепта важен, во-первых, при создании текста автором в расчете на актуализацию в сознании адресата типовых моделей поведения, ролей, устойчивого отклика воспринимающего текст адресата. Во-вторых, это важно при восприятии, интерпретации и понимании адресатом репрезентированных в тексте отдельных концептов и концептуальной структуры созданного автором текста, его гиперконцепта как концентрированного воплощения глубинного смысла данного текста в сознании воспринимающих текст субъектов.

Дальнейшее изучение особенностей реализации концептов, включающих архетипический компонент, в общей концептуальной структуре различных текстов представляет интерес для исследований в рамках современных направлений русистики: коммуникативного, когнитивного, текстоориентированного, лингвокультурологического.

Список источников

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287.
3. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. DirectMedia, 2016. 251 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003. 191 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 248 с.
8. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003. 280 с.
9. Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3-4. С. 198–207.
10. Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. М.: Флинта, 2019. 394 с.
11. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А. А. Васильева, Р. Я. Тюрина, С. В. Сыпченко, С.М. Карпенко; под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. 331 с.
12. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, Е.А. Бакланова, А.В. Болотнов, А.А. Васильева, А.В. Громова, С.М. Карпенко, И.В. Кочетова, А.В. Курьянович, О.В. Орлова, Н.Г. Петрова, И.Н. Тюкова, Т.Е. Яцуга; под ред. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 492 с.
13. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.
14. Болотнов А.В. Вербализация концепта хаос в поэтическом дискурсе Серебряного века (на материале творчества М.И. Цветаевой, М.А. Волошина, О.Э. Мандельштама). Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. 287 с.
15. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. 354 с.
16. Болотнова Н.С. Лексические средства репрезентации художественных концептов в поэтическом тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2005. Вып. 3 (47). С. 18–24.
17. Болотнова Н.С. Типы вербализованных в тексте художественных концептов и их взаимодействие // Сибирский филологический журнал. 2005. № 3-4. С. 54–60.

18. Болотнова Н.С. Методики анализа концептуальной структуры художественного текста // Слово – сознание – культура: сб. науч. тр. / сост. Л.Г. Золотых. М., 2006. С. 309–318.
19. Болотнова Н.С. Типы концептуальных структур поэтических текстов // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: материалы VIII Всероссийского научного семинара (21 апреля 2006 г.). Томск, 2006. С. 34–40.
20. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2021. Вып. 6 (218). С. 38–48. doi: 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48
21. Болотнова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2007. Вып.2 (65). С. 74–79.
22. Болотнов А.В. О методике дискурсивного анализа художественного концепта на основе текстовых ассоциатов // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 6 (96). С. 58–63.
23. Зырянова М.Н. Лингвокогнитивное описание структуры мегаконцепта «творчество» (на материале произведений Д.А. Пригова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (3). С. 38–43.
24. Черкасова И.П. Художественный концепт как смысловой фокус поэтического мира // Герменевтика поэзии. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2007. С. 58–88.
25. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 370 с.
26. Сапогова Е.Е. Опыт психологической интерпретации мужской концептосферы // Известия ТулГУ. 2005. Серия: Психология. Вып. 5, ч. 1. С. 178–200.
27. Орлова Н.М. Библийский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 50 с.
28. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. А.А. Чечина; ред. Е.Н. Даньшина. М.: Изд-во АСТ, 2023. 224 с.
29. Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во Алт. госуниверситета, 1999. 173 с.
30. Афанасьева Е.Н. Архетипический концепт БОГ и его идеологическая трансформация по данным якутского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 122–130.
31. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: антология. М., 1997. С. 267–279.
32. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
33. Болотнов А.В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2020. 402 с

References

1. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. Pod obshchey redaktsiyey Ye.S. Kubryakovoy. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms: under general ed. E.S. Kubryakova]. Moscow, Faculty of Philology Moscow State University Publ., 1996. 245 p. (in Russian).
2. Likhachev D.S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. Pod redaktsiyey professora V.P. Neraznaka* [Russian literature. From the theory of literature to text structure. Anthology. Ed. prof. V.P. Neraznak]. Moscow, 1997. Pp. 280–287 (in Russian).
3. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 824 p. (in Russian)
4. Karasik V.I. *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
5. Boldyrev N.N. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. DirectMedia, 2016. 251 p. (in Russian).
6. Popova Z.D., Sternin I.A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, 2003. 191 p. (in Russian).
7. Alefirenko N.F. *Problemy verbalizatsii kontsepta: teoreticheskoye issledovaniye* [Problems of concept verbalization: theoretical research]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 248 p. (in Russian).
8. Tarasova I.A. *Idiostil' Georgiya Ivanova: kognitivnyy aspekt* [Idiostyle Georgy Ivanov: cognitive aspect]. Saratov, 2003. 280 p. (in Russian).
9. Bolotnova N.S. Poeticheskaya kartina mira i yeyo izucheniye v kommunikativnoy stilistike teksta [Poetic picture of the world and its study in the communicative stylistics of the text]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2003, vol. 3-4, pp. 198–207 (in Russian).
10. Kotyurova M.P., Tikhomirova L.S., Solov'yova N.V. *Idiostilistika nauchnoy rechi. Nashi predstavleniya o rechevoy individual'nosti uchenogo* [Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about the speech individuality of a scientist]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 394 p. (in Russian)
11. Bolotnova N.S., Babenko I.I., Vasil'yeva A.A., Tyurina R.Ya., Syphenko S.V., Karpenko S.M. Pod redaktsiyey prof. N.S. Bolotnovoy. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiostil'* [Communicative stylistics of a literary text: lexical structure and idiostyle. Ed. N.S. Bolotnova]. Tomsk, TSPU Publ., 2001. 331 p. (in Russian)

12. Bolotnova N.S., Babenko I. I., Baklanova E.A., Bolotnov A.V., Vasil'yeva A.A., Gromova A.V., Karpenko S.M., Kochetova I.V., Kur'yanyovich A.V., Orlova O.V., Petrova N.G., Tyukova I.N., Yatsuga T.E. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost' v tekstovoy deyatel'nosti*. Pod red. N.S. Bolotnovoy [Communicative stylistics of the text: lexical regulation in text activity. Ed. N.S. Bolotnova]. Tomsk, TSPU Publ., 2011. 492 p. (in Russian)
13. Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: dictionary-thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
14. Bolotnov A.V. *Verbalizatsiya kontsepta khaos v poeticheskom diskurse Serebryanogo veka (na materiale tvorchestva M.I. Tsvetayevoy, M.A. Voloshina, O.E. Mandel'shtama)* [Verbalization of the concept of chaos in the poetic discourse of the Silver Age (based on the work of M.I. Tsvetaeva, M.A. Voloshin, O.E. Mandelstam)]. Tomsk, TSPU Publ., 2010. 287 p. (in Russian)
15. Orlova O.V. *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontsepta: zhiznennyi tsikl i miromodeliruyushchiy potentsial* [Discursive and stylistic evolution of a media concept: life cycle and world-modeling potential]. Tomsk, TSPU Publ., 2012. 354 p. (in Russian)
16. Bolotnova N.S. Leksicheskiye sredstva reprezentatsii khudozhestvennykh kontseptov v poeticheskom tekste [Lexical means of representing artistic concepts in poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2005, vol. 3 (47), pp. 18–24 (in Russian)
17. Bolotnova N.S. Tipy verbalizovannykh v tekste khudozhestvennykh kontseptov i ikh vzaimodeystviye [Types of artistic concepts verbalized in the text and their interaction]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2005, no. 3-4, pp. 54–60 (in Russian).
18. Bolotnova N.S. Metodiki analiza kontseptual'noy struktury khudozhestvennogo teksta [Methods for analyzing the conceptual structure of a literary text]. *Slovo – soznaniye – kul'tura: sbornik nauchnykh trudov* [Word – consciousness – culture: collection of scientific articles]. Comp. L.G. Zolotikh. Moscow, 2006. Pp. 309–318 (in Russian).
19. Bolotnova N.S. Tipy kontseptual'nykh struktur poeticheskikh tekstov [Types of conceptual structures of poetic texts]. *Khudozhestvennyy tekst: Slovo. Kontsept. Smysl: materialy VIII Vserossiyskogo nauchnogo seminara (21 aprelya 2006 g.)* [Artistic text: Word. Concept. Meaning: materials of the VIII All-Russian scientific seminar (April 21, 2006)]. Tomsk, 2006. Pp. 34–40 (in Russian).
20. Bolotnova N.S. Kommunikativnaya stilistika teksta: lingvokognitivnyye mekhanizmy smyslovoy interpretatsii poeticheskogo teksta [Communicative stylistics of the text: linguocognitive mechanisms of semantic interpretation of poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2021, vol. 6 (218), pp. 38–48. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48
21. Bolotnova N.S. O metodike izucheniya assotsiativnogo sloya khudozhestvennogo kontsepta v tekste [On the methodology for studying the associative layer of an artistic concept in a text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2007, vol. 2 (65), pp. 74–79 (in Russian).
22. Bolotnov A.V. O metodike diskursivnogo analiza khudozhestvennogo kontsepta na osnove tekstovykh assotsiatov [On the methodology of discourse analysis of an artistic concept based on textual associates]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, vol. 6 (96), pp. 58–63 (in Russian).
23. Zyryanova M.N. Lingvokognitivnoye opisaniye struktury megakontsepta "tvorchestvo" (na materiale proizvedeniy D.A. Prigova) [Linguistic and cognitive description of the structure of the mega-concept "creativity" (based on the works of D.A. Prigov)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2011, no. 1(3), pp. 38–43 (in Russian).
24. Cherkasova I.P. Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovoy fokus poeticheskogo mira [The artistic concept as the semantic focus of the poetic world]. *Germenevtika poezii* [Hermeneutics of poetry]. Armavir, ASPU Publ., 2007. Pp. 58–88 (in Russian).
25. Malysheva Ye.G. *Russkiy sportivnyy diskurs: lingvokognitivnoye issledovaniye* [Russian sports discourse: linguocognitive research]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 370 p. (in Russian)
26. Sapogova Ye.Ye. Opyt psikhologicheskoy interpretatsii muzhskoy kontseptosfery [Experience of psychological interpretation of the male concept sphere]. *Izvestiya TulGU – News of Tula State University*, 2005, series: Psychology, no. 5, part 1, pp. 178–200 (in Russian).
27. Orlova N.M. *Bibleyskiy tekst kak pretsedentnyy fenomen. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [The biblical text as a precedent phenomenon: author's abstract. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Saratov, 2010. 50 p. (in Russian)
28. Yung K.G. *Arkhetipy i kollektivnoye bessoznatel'noye*. Perevod A.A. Chechina; red. Ye.N. Dan'shina [Archetypes and the collective unconscious. Translation A.A. Chechina; Ed. E.N. Danshina]. Moscow, AST Publ., 2023. 224 p. (in Russian)
29. Pishchal'nikova V.A. *Psikhopoetika* [Psychopoetics]. Barnaul, Alt. State University Publ., 1999. 173 p. (in Russian).
30. Afanas'yeva Ye.N. Arkhetipicheskiy kontsept BOG i yego ideologicheskaya transformatsiya po dannym yakutskogo yazyka [The archetypal concept of GOD and its ideological transformation according to the Yakut language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2019, no. 1, pp. 122–130 (in Russian).
31. Askol'dov S.A. Kontsept i slovo [Kontsept i slovo]. *Russkaya slovesnost': antologiya* [Russian literature: anthology]. Moscow, 1997. Pp. 267–279 (in Russian).
32. Miller L.V. Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Artistic concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*, 2000, no. 4, pp. 39–45 (in Russian).

33. Bolotnov A.V. *Tekstovaya deyatel'nost' kak otrazheniye kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Text activity as a reflection of the communicative and cognitive styles of an information and media linguistic personality]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 402 p. (in Russian).

Информация об авторе

Болотнов А.В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: avb@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0001-7442-9115; SPIN-код: 2816-0080; Researcher ID: C-7210-2018; Scopus ID: 56642753200.

Information about the author

Bolotnov A.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: avb@tspu.ru; ORCID ID: 0000-0001-7442-9115; SPIN-code: 2816-0080; Researcher ID: C-7210-2018; Scopus ID: 56642753200.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 10.01.2025; accepted for publication 03.04.2025

УДК 811.161.1'42
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-89-97>

Стилистические доминанты средств репрезентации подтекста в лирике Серебряного века (сравнительно-сопоставительный анализ)

Максим Владимирович Бондарев

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, zoofox@mail.ru

Аннотация

Выявление стилистических доминант в художественном тексте является важной составляющей филологического анализа. Наряду с особенностями поэтики разных направлений можно говорить об уникальности стиля как автора, так и художественного произведения. Анализ различных стилистических доминант позволяет точнее определить тему и идею произведения, раскрыть подтекст. Между тем стилистические доминанты в произведениях авторов Серебряного века исследованы недостаточно, единая классификация стилистических доминант отсутствует. Цель статьи – выявить стилистические доминанты репрезентации подтекста у авторов в зависимости от их принадлежности к тому или иному направлению и литературному объединению. Методика исследования является комплексной, она основана на использовании сравнительно-сопоставительного, дискурсивного анализа, семантико-стилистического, биографического и опирается на теорию регулятивности, разработанную в коммуникативной стилистике текста. Материалом исследования являются произведения поэтов разных направлений: символистов, акмеистов, футуристов. Для сопоставительного анализа взяты произведения нескольких поэтов, представляющих не только направления Серебряного века, но и разные литературные объединения: старшие (период конца XIX в.) и младшие символисты (период начала XX в.); три круга акмеистов (по степени вовлеченности в поэтику акмеистов); кубофутуристы (В.В. Маяковский и др.) и эгофутуристы (И. Северянин). В XX в. поиск новых способов отражения реального мира не ограничивается содержательными изменениями, требуются и формальные преобразования в языке разных направлений литературы и уникальных поэтических объединений. Зачастую форма становится для авторов важнее содержания, что ведет к появлению большого многообразия литературных приемов и средств выразительности в их произведениях. В литературных произведениях этого периода можно обнаружить оригинальное использование стилистических ресурсов в области *фонетики* и *графики*, *лексики* и *фразеологии*, *морфологии* и *синтаксиса*. Эстетические установки каждого литературного направления требовали разных стилистических доминант в репрезентации подтекста. Под стилистической доминантой нами понимается использование различных регулятивных лингвистических и экстралингвистических средств или их совокупности, которые определяют уникальность идиостиля автора и отражают его оригинальную речевую манеру и мировоззрение. Литературные направления Серебряного века отличаются уникальными, порой противоположными качествами и стилистическими доминантами, которые способны по-разному раскрывать подтекст. Установлено, что выбор стилистических доминант зависит от многих факторов, начиная от исторического литературного процесса и заканчивая особенностями биографии каждого поэта. С учетом доминирования у авторов разных литературных направлений определенных идейно-тематических особенностей в статье рассмотрены разные виды подтекста и регулятивные средства их репрезентации на уровне стилистических доминант. Символисты особенно часто используют *цветопись* и *звукопись* для создания уникальных образов, насыщенных символикой. В поэтической картине мира символистов часто встречаются *концепты одиночества, томления и тоски*. Учитывая место религиозной философии в поэтике символистов, можно говорить о преобладании в их поэзии *философского* и *религиозного* подтекстов. Акмеисты используют *точность слова* и *аллюзии* на различные события и произведения литературы. В качестве стилистических доминант для представителей этого направления обычно характерны *лексические средства* репрезентации *мифологического* и *культурного* подтекстов, учитывая идейно-тематическую направленность их произведений. Футуристы часто экспериментируют с формой, изменяя *графическую* и *фонетическую* форму слова. Каждое футуристическое объединение имеет свои уникальные черты. Особенно выделяются кубо- и эгофутуристы. Используя в качестве стилистических доминант различные трансформации *лексических, словообразовательных, графических* и *синтаксических* средств, поэты актуализировали *философский* и *социальный* подтексты.

Ключевые слова: подтекст, стилистические доминанты, средства регулятивности, репрезентация подтекста, Серебряный век, символизм, акмеизм, футуризм

Для цитирования: Бондарев М.В. Стилистические доминанты средств репрезентации подтекста в лирике Серебряного века (сравнительно-сопоставительный анализ) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 89–97. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-89-97>

Stylistic dominants of means of representation of subtext in the lyrics of the Silver Age (comparative analysis)

Maxim V. Bondarev

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, zoofox@mail.ru

Abstract

Identification of stylistic dominants in a literary text is an important component of philological analysis. Along with the peculiarities of poetics of different directions, we can talk about the uniqueness of the style of both the author and the artwork. The analysis of various stylistic dominants allows you to more accurately determine the theme and idea of the work, to reveal the subtext. Meanwhile, stylistic dominants in the works of Silver Age authors have not been studied enough, and there is no unified classification of stylistic dominants. The purpose of the article is to identify the stylistic dominants of the authors' representation of the subtext, depending on their affiliation to a particular trend and literary association. The research methodology is comprehensive, it is based on the use of comparative, discursive, semantic, stylistic, biographical analysis and is based on the theory of regularity, developed in the communicative stylistics of the text. The research material includes works by poets of various genres: symbolists, acmeists, futurists. For a comparative analysis, the works of several poets representing not only the trends of the Silver Age, but also various literary associations are taken: senior (the period of the late 19th century) and junior symbolists (the period of the early 20th century); three circles of acmeists (according to the degree of involvement in the poetics of acmeists); cubofuturists (V.V. Mayakovsky and others) and egofuturists (And. The Northerner). In the 20th century, the search for new ways to reflect the real world is not limited to substantive changes, but also requires formal transformations in the language of various literary trends and unique poetic associations. Often, form becomes more important to authors than content, which leads to the emergence of a wide variety of literary techniques and means of expression in their works. In the literary works of this period, one can find the original use of stylistic resources in the field of phonetics and graphics, vocabulary and phraseology, morphology and syntax. The aesthetic attitudes of each literary trend required different stylistic dominants in the representation of the subtext. By stylistic dominance, we mean the use of various regulatory linguistic and extralinguistic means or their combinations, which determine the uniqueness of the author's idiosyncrasy and reflect his original speech style and worldview. Literary trends of the Silver Age are distinguished by unique, sometimes contradictory qualities and stylistic dominants that can reveal the subtext in different ways. It is established that the choice of stylistic dominants depends on many factors, starting from the historical literary process and ending with the peculiarities of each poet's biography. Taking into account the dominance of certain ideological and thematic features among the authors of different literary trends, the article examines different types of subtext and regulatory means of their representation at the level of stylistic dominants. Symbolists especially often use color and sound painting to create unique images saturated with symbolism. In the poetic worldview of the symbolists, the concepts of loneliness, longing and longing are often found. Given the place of religious philosophy in the poetics of the Symbolists, we can talk about the predominance of philosophical and religious overtones in their poetry. Acmeists use precise words and allusions to various events and works of literature. As stylistic dominants, representatives of this trend are usually characterized by lexical means of representing mythological and cultural overtones, taking into account the ideological and thematic orientation of their works. Futurists often experiment with the form, changing the graphic and phonetic form of the word. Each futuristic association has its own unique features. Cubo- and egofuturists stand out in particular. Using various transformations of lexical, word-formation, graphic and syntactic means as stylistic dominants, the poets actualized philosophical and social subtexts.

Keywords: subtext, stylistic dominants, regulatory means, representation of subtext, Silver Age, symbolism, acmeism, futurism

For citation: Bondarev M.V. Stilisticheskiye dominanty sredstv reprezentatsii podteksta v lirike Serebryanogo veka (sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz) [Stylistic dominants of means of representation of subtext in the lyrics of the Silver Age (comparative analysis)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 89–97 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-89-97>

Введение

Исторические изменения рубежа XIX–XX вв. требовали новых форм искусства, что привело к появлению в лирике Серебряного века большого разнообразия поэтических направлений и творческих объединений. Если в литературе XIX в. господствовали два основных направления – романтизм и реализм, то уже в XX в. можно выделить

десятки течений. Поиск новых эстетических методов, образов, средств выразительности приводит к формированию диаметрально противоположных принципов искусства. Например, можно выделить столкновение взглядов символистов, акмеистов и футуристов, традиционных направлений (например, реализм) и авангардных. Для поэзии этого периода характерна динамика в употреблении языко-

вых средств, включая средства репрезентации подтекста, и использование необычных индивидуально-авторских слов. По мнению В.Я. Шабес, «репрезентация – гипотетический когнитивный внутренний символ, которым представлена в сознании внешняя реальность, форма представления (существования) в человеческой памяти различных ментальных единиц» [1], т.е. репрезентация – это отражение реального мира в сознании человека.

В XX в. поиск новых способов отражения реального мира не ограничивается содержательными изменениями в поэзии, требуются и формальные преобразования в языке, касающиеся языковых средств разных уровней. Поэтами-символистами, например, одним из главных средств выразительности признается звукопись; в употреблении графических средств наблюдаются эксперименты с использованием латиницы, заглавных букв, измененной графической формы слова (например, «цвесна» в стихотворении В. Хлебникова).

Поэты Серебряного века часто трансформируют морфемный состав слов; создают новые слова, «словоновшества»; смело экспериментируют с необычными сочетаниями лексических единиц, не характерных для словесности прошлых веков (например, «Мне в спину хохочут и ржут канделябры» в поэме «Облако в штанах» В.В. Маяковского).

Для синтаксической организации поэтических текстов эпохи Серебряного века характерны недосказанность, фрагментарность, что все чаще приводит к использованию дискретных синтаксических конструкций; в стилистике наблюдается смешение разных стилей в одном произведении.

Эстетические установки каждого направления требовали разных стилистических доминант для репрезентации подтекста. Под *стилистической доминантой* нами понимается использование различных регулятивных лингвистических и экстралингвистических средств или их совокупности, которые определяют уникальность идиостиля автора и отражают его оригинальную речевую манеру и мировоззрение. Стилистическая доминанта может локализоваться в использовании конкретного языкового средства или распространяться на все художественное целое (например, выражаться на уровне композиции или субъектов речи).

Стилистические доминанты, воздействуя на читателя через ассоциации или различные логические операции, способны актуализировать подтекстовую информацию. В связи с этим стилистические доминанты реализации подтекста логично рассматривать как доминирующие средства регулятивности, с помощью которых «выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя» [2, с. 141].

Это позволяет выделять, как и в классификации регулятивных средств, принятых в коммуникативной стилистике [2], лингвистические (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические) и экстралингвистические (композиционные, логические, графические) стилистические доминанты, отражающие идиостилевые особенности в репрезентации подтекста автором.

В качестве стилистических доминант могут выступать единицы разных уровней языковой организации текста, которые являются отличительными особенностями не только одного автора, но и представителей разных литературных направлений.

Цель статьи – выявить стилистические доминанты репрезентации подтекста у авторов в зависимости от их принадлежности к тому или иному направлению, литературному объединению.

Материал и методы

Материалом исследования являются произведения поэтов разных литературных направлений Серебряного века. В качестве материала для сопоставления из лирики символистов взяты произведения И.Ф. Анненского как предтечи символистов и А.А. Блока в качестве младосимволиста. Старшие символисты рассматривали символизм как поэтику, необходимую для создания произведений нового времени, в то время как младшие символисты воспринимали направление как способ постижения мира, связанный с русской религиозной философией. В частности, допустимо противопоставить И.Ф. Анненского как автора, предвосхитившего символизм в русской литературе, и А.А. Блока, с уходом которого закончился Серебряный век.

Стилистические доминанты репрезентации подтекста у акмеистов рассмотрены на материале лирики авторов «трех кругов разного охвата», по определению О.А. Лекманова [3]. Исследователь выделил первый круг авторов – «Цех поэтов»; второй круг – шесть акмеистов (С. Городецкий, Н. Гумилев, М. Зенкевич, В. Нарбут, А. Ахматова, О. Мандельштам); третий круг – «семантическая» лирика с выраженным эзотерическим подтекстом (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам). При таком подходе можно говорить о различных установках в рамках каждого объединения, которые часто утверждались в литературных манифестах.

Особенно яркие стилистические доминанты можно выделить у поэтов-футуристов разных объединений: кубофутуристов (группа поэтов «Гилея»), эгофутуристов и объединения «Центрифуга».

Каждое направление отличается уникальной поэтикой, которая в свою очередь имеет различные особенности в зависимости от поэтического объединения. Часто во главе объединения

стоял признанный поэт, который проецировал свои идеи на творчество остальных.

Методика исследования является комплексной, она основана на использовании сравнительно-сопоставительного, дискурсивного анализа, семантико-стилистического, биографического и опирается на теорию регулятивности, разработанную в коммуникативной стилистике текста.

Результаты и обсуждение

В разных направлениях поэзии Серебряного века выделяются уникальные стилистические доминанты, которые прямо или косвенно способны репрезентировать подтекст художественного произведения. «Подтекст (импликация) — это способ организации текста, ведущий к резкому росту и углублению, а также изменению семантического и/или эмоционально-психологического содержания сообщения без увеличения длины последнего» [4, с. 181]. Анализ стилистических доминант важно проводить в литературном контексте эпохи в рамках разных литературных направлений с учетом их специфики.

Символизм как направление литературы формировался во Франции в 1870–1880 гг., в России развитие направления пришлось на конец XIX — начало XX в. Однако в поэтике как зарубежного, так и отечественного символизма одним из главных принципов признается «музыкальность» стиха, т. е. звучанию стихов уделяется большое внимание.

Звукопись повсеместно используется в произведениях символистов. Например, в стихотворении «Камыши» К. Бальмонта выделяется повторение шипящих и свистящих звуков, которые усиливают впечатление, актуализируя семантику слова «шуршат»: «*Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши*» [5, с. 59]. **Аллитерация** встречается во многих произведениях символистов: так, в стихотворении «После концерта» (1910) И.Ф. Анненского согласный [ж] акцентирует внимание на образах: «*О, как печален был одежд ее атлас, / И вырез жуток бел среди наплечий черных! / Как жалко было мне ее недвижных глаз / И снежной лайки рук, молитвенно-покорных!*» [6, с. 98]; в стихотворении «Возмездие» (1917) А.А. Блока: «*Вскрывался глаз, сгибался нос; / Улыбка жалкая кривила*» [7, с. 58]; в поэме «Двенадцать» (1918) А.А. Блока повторение сонорных и согласной *г* привносят ощущение дисгармонии: «*Отмыкайте погреба — / Гуляет нынче голытьба!*» [7, с. 374].

Ассонансы также используются для создания образности и музыкальности стихов, для выражения эмоций: у И.Ф. Анненского часто встречается повторение звуков [и], [о], [у]: «*Как эти выси мутно-лунны! <...> И не узнать при свете струны!*» [6, с. 62–63]; у А.А. Блока строка «*Хожу, брожу*

понурый...» [7, с. 199] в одноименном стихотворении благодаря использованию гласного звука [у] усиливает чувство одиночества.

Определенную палитру чувств у читателей/слушателей вызывает частое использование **анафоры** в лирике символистов: например, анафора в стихотворении «Снег» (1910) И.Ф. Анненского акцентирует внимание на конкретности образов с помощью указательных местоимений: «*Эта резанность линий, / Этот грузный полет, / Этот нищенски синий / И заплаканный лед!*» [6, с. 86–87]; у А.А. Блока она эмоционально усиливает связь слов «*День догорел в душе давно*» [8, с. 16].

Хиатус (сочетание нескольких гласных подряд. — М. Б.) также используется поэтами для создания определенной музыкальности: «Через ливонские я проезжал поля» [9, с. 124] у Ф.И. Тютчева, предшественника русского символизма.

Важное место в лирике символистов занимает собственно символ. Автор «Манифеста символизма» (1886) Ж. Мореас писал: «Все феномены нашей жизни значимы для искусства символов не сами по себе, а лишь как неосозаемые отражения первоидей, указующие на свое тайное сродство с ними» [10, с. 34]. Символисты, как пишет Ж. Мореас, стремились «облечь идею в форму — символ». Здесь можно говорить о моделировании глубокого семиотического пространства с помощью различных тропов, т. е. символ имеет большую возможность для репрезентации подтекста.

Ярким примером является **цветопись**, т. е. закрепление за цветом определенного смысла, чувства. Например, символист А. Рембо предлагал следующие символические соответствия звуков и цветов в стихотворении «Гласные»: «*А — черный, белый — Е, И — красный, У — зеленый, / О — синий: тайну их скажу я в свой черед*» [11, с. 372].

Цветопись характерна и для русского символизма, особенно для младосимволистов, в творчестве которых символизм был связан с религиозной философией. Так, поэты И.Ф. Анненский, В.И. Иванов, М.А. Волошин, А. Белый, А.А. Блок связывали цвет с различными смыслами. В статье о символике цвета «Краски и слова» (1905) А.А. Блок размышляет: «*Душа писателя поневоле заждалась среди абстракций, загрустила в лаборатории слов. <...> И разве не выход для писателя — понимание зрительных впечатлений, умение смотреть? Действие света и цвета освободительно. Оно улегчает душу, рождает прекрасную мысль*» [12, с. 177].

Примеров цветописи в лирике А.А. Блока много. Например, любимый цвет поэта — белый — становится символом Прекрасной Дамы: «*...Ты веслом рассекала залив. / Я любил твоё белое платье <...> Белый стан, голоса панихиды / И твоё золо-*

тое весло» [13, с. 106]. Исследователи много пишут о символике цвета в художественном мире А.А. Блока, предлагая разные цветовые схемы символов, однако еще в творчестве И.Ф. Анненского цветопись занимала важное место, недаром многие произведения поэта насыщены колоративами: *«За тучей разом потемнелой / Раскатно-гулкие шары, / И то оранжевый, то белый / Лишь миг живущие миры; / И цвета старого червонца / Пары сгоняющее солнце / С небес омыто-голубых»* [14, с. 37].

Лирика старших символистов отличается декадентскими чертами, что проявляется в их поэтической картине мира в концептах *одиночества*, *томления* и *тоски*. Это выражается не только эксплицитно, но и на уровне подтекста. Еще произведения И.Ф. Анненского зачастую представляли собой философскую лирику, в которой частыми темами становятся размышления о мироздании, искусстве и месте поэзии в жизни человека. Само название сборника *«Тихие песни»* (1904) указывает на желание тишины, необходимой для размышления через поэзию – песни. Так, первое в сборнике стихотворение *«Поэзия»* открывает тему поиска истины, которая может быть сокрыта в поэзии. Однако искать истину – поэзию – автор предлагает в пустыне: *«Искать следов Ее сандалий / Между заносами пустынь»* [14, с. 32]. Пустыня часто выступает в качестве эзотерического и религиозного пространства (например, стихотворение *«Пророк»* А.С. Пушкина), где актуализируется концепт одиночества.

Младшие символисты пытались «пересоздать мир» через акцент на сферах потустороннего и эзотерического. Так, в лирике А.А. Блока часто встречаются стихотворения, которые насыщены таинственными персонажами, что, однако, не мешает лирическому герою искать истину в потустороннем мире: *«А рядом у соседних столиков / Лакеи сонные торчат <...> И медленно, пройдя меж пьяными <...> Глухие тайны мне поручены, / Мне чье-то солнце вручено»* [13, с. 122].

Таким образом, лирика символистов отличается содержательностью образов, которая воплощается с помощью символов, реализуемых через цветопись и звукопись. С помощью этих стилистических доминант поэты-символисты в полной мере смогли изобразить свойственный им сложный противоречивый художественный мир. Стилистические доминанты через ассоциации и чувственное восприятие отражают проблематику текста и реализуют различные подтексты с учетом их идейно-тематической направленности.

Е.И. Лелис пишет, что язык интегрирован в деятельность человека, поэтому раскрыть подтекст не представляется возможным без междисциплинарного подхода. Так, анализ подтекста опирается как на филологические дисциплины, так и на философию, гносеологию, логику, психологию, искусствоведение и другие области знания [15].

С учетом проблематики текста Е.И. Лелис выделяет следующие виды подтекстов: «философский, литературный, аксиологический, нравственно-этический, мифологический, религиозный, художественно-эстетический, психологический, социальный, политический, идеологический и др.» [15, с. 46]. Кроме того, как утверждает исследователь, допустимо классифицировать подтексты как на основании принадлежности к одному из функциональных стилей, так и в зависимости от жанровой природы текста. Данные виды подтекстов являются универсальными, однако это не лишает их уникальности содержательного плана и средств репрезентации авторской картины мира [15].

В контексте нашего исследования к средствам репрезентации подтекста на уровне преобладающих в рамках одного литературного направления регулятивных средств разных уровней логично отнести выделенные нами стилистические доминанты.

Как показал анализ, можно говорить о фонетических и лексических регулятивных средствах как стилистических доминантах репрезентации подтекста у символистов. При этом важным является понимание особенностей поэтики символистов разных поколений.

Обратимся далее к анализу другого литературного направления.

Акмеизм как направление литературы характерен только для русской поэзии. В 1910 г. Н.С. Гумилев написал статью *«Наследие символизма и акмеизм»* [16], хотя заявили о появлении акмеизма Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий лишь в 1912 г. В статье поэт размышляет о кризисе символизма и закономерном появлении акмеизма. Одной из первых аналитических статей об акмеизме была работа 1916 г. *«Преодолевшие символизм»* В.М. Жирмунского [17, с. 106–133]. В ней автор размышляет о становлении акмеизма в контексте кризиса символизма. По мнению исследователей, символисты создали собственный поэтический язык, который преобразовывал простые предметы в нечто потустороннее, недосказанное. Так, символисты уходят от конкретности в абстракцию, которая не имеет однозначной интерпретации. Эта символистская неопределенность и была «преодолена» акмеистами, которые утвердили материальность, предметность, вещественность образов, точность слова. Таким образом, можно говорить о лексических средствах выражения подтекста как стилистической доминанте в поэтике акмеистов.

Точность слова была одной из главных черт акмеизма. Слово в поэзии акмеистов часто выполняет номинативную функцию. Это приводит к некоторой «прозаизации» поэзии акмеистов. Например,

в поэтический язык включаются описания конкретных деталей, сюжетов, авторами используется более строгая композиция, которая характерна для прозы. Например, в стихотворении «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917) О.Э. Мандельштама фабулу возможно пересказать, так как в стихотворении много деталей, указывающих на последовательность событий, что характерно для эпоса: *«Золотистого меда струя из бутылки текла / Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела: / – Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла, / Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела <...> После чаю мы вышли в огромный коричневый сад, <...> Я сказал: виноград, как старинная битва, живет...»* [18, с. 81]. Примечательно и использование прямой речи, что в большей мере характерно для прозы. В творчестве акмеиста А.А. Ахматовой также множество аллюзий, часто на исторические и биографические события: *«В последний раз мы встретились тогда / На набережной, где всегда встречались. / Была в Неве высокая вода, / И наводнения в городе боялись. / Он говорил о лете и о том, / Что быть поэтом женщине – нелепость. / Как я запомнила высокий царский дом / И Петропавловскую крепость!»* [19, с. 42].

Один из главных представителей направления, О.Э. Мандельштам, назвал акмеизм «тоской по мировой культуре» [20]. Подразумевается, что поэт – проводник культуры, поэтому в лирике акмеистов большое количество аллюзий на исторические события и литературные произведения, в том числе на античное искусство. В произведениях акмеистов подтекст часто имеет мифологический и культурный характер.

Аллюзии как особые регулятивные структуры обычно являются стилистическими доминантами репрезентации подтекста в лирике акмеистов. Например, известное стихотворение О.Э. Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (1915) содержит описание некоторых событий поэмы Гомера «Илиада»: *«Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, / Что над Элладю когда-то поднялся <...> Куда плывете вы? Когда бы не Елена, / Что Троя вам, одна, ахейские мужи?»* [18, с. 115]. На аллюзиях, связанных с античностью и поэмой «Одиссей» Гомера, строится и стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917), упоминаемое выше: *«...Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, – / Не Елена – другая – как долго она вышивала? <...> Золотое руно, где же ты, золотое руно? / Всю дорогу шумели морские тяжелые волны. / И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный»* [18, с. 128].

Точность слова и многочисленные аллюзии становятся стилистическими доминантами в лирике акмеистов.

Профессор О.А. Лекманов выделяет три круга акмеистов, объединяя поэтов в зависимости от степени их вовлеченности в формирование и развитие акмеизма [3]. Так, первый круг – самый массовый – представляет собой участников поэтической группы «Цех поэтов». По замыслу создателей – Н.С. Гумилева и С.М. Городецкого – объединение получило такое название по аналогии с ремесленными цехами, где мастера обучали подмастерьев. Только в 1912 г. поэты этого объединения провозгласили себя акмеистами. Идейным лидером акмеистов и наставником становится Н.С. Гумилев, в чьих произведениях часто реализуются экзотические образы: *«Послушай: далеко, далеко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф»* [16, с. 76–77]. Герои стихов основателя акмеизма часто оторваны от реальности: это конквистадоры, путешественники.

Творчество А.А. Ахматовой, наоборот, лишено экзотичности и тяготеет к документальности. Примером являются как «биографические» стихи поэтессы, так и топонимические детали в стихотворениях, посвященных С.-Петербургу: *«Как я запомнила высокий царский дом / И Петропавловскую крепость!»* [19, с. 42].

В то же время О.Э. Мандельштам в поисках истины обращается к истории и опыту мировой культуры. Недаром исследователи пишут: «Вся работа над словом основывалась у Мандельштама и Ахматовой на глубоко продуманных историко-культурных предпосылках, во многом опережавших современную им мысль» [18, с. 284].

Точность слова как один из принципов поэтики акмеистов реализуется по-разному у представителей акмеизма, представляя собой порой диаметрально противоположные стилистические доминанты (потустороннее и экзотическое – биографическое и историческое).

В произведениях акмеистов находят репрезентацию подтексты, связанные с историческими событиями и экзотическими образами у Н.С. Гумилева, с бытовой тематикой и воплощением предметно-вещественного мира у А.А. Ахматовой, с аллюзиями на античную культуру в художественной картине мира О.Э. Мандельштама.

Футуризм представляет собой авангардное направление литературы. В отличие от других направлений Серебряного века футуризм отвергает опыт литературы прошлых веков, предлагая принципиально новые поэтические решения. В манифесте футуризма «Пощечина общественному вкусу» (1912) группа поэтов предлагает в том числе «читать права поэтов»... «на увеличение словаря в

его объеме произвольными и производными словами (Слово-новшество)» и «на непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку» [20, с. 16]. К стилистическим доминантам в репрезентации подтекста у футуристов можно отнести *графические, лексические, словообразовательные и синтаксические регулятивные средства*. Например, «слово-новшество» предполагает создание новых слов как по аналогии с морфемной структурой узуальных слов, так и с помощью других средств. Например, в поэме «Облако в штанах» В.В. Маяковский использует множество окказионализмов, которые не встречались в словесности ранее: «*декабрь*», т. е. *свойственный декабрю*; «*любочек*», т. е. *маленькая любовь* (ср. сходное по модели слово «ребеночек»); ночь «*тинится*», т. е. *тянется холодная и темная, как тина*. Здесь можно говорить о *словообразовательных средствах* выражения подтекста как стилистических доминантах, которые характерны для поэтов-футуристов. Обратимся к другим примерам.

В стихотворении Б.Л. Пастернака «Душа» (1915) уже в первой строке встречается слово «*вольноотпущенница*», образованное от «вольноотпущенный»; в стихотворении «Урал впервые» (1916) используется слово «*азиатец*», которое образовано суффиксальным способом от слова азиат; в произведении «Десятилетье Пресни» встречается слово «*разбастовавшихся*», образованное префиксально-суффиксальным способом от слова «бастовать» с целью усиления интенсивности действий.

Примечательно, что для создания новых слов футуристы порой и вовсе меняют графическую форму слова, используя латиницу, заглавные буквы. Таким образом, можно говорить о *графических регулятивных средствах* как стилистических доминантах. Например, в стихотворении «Niti» (1914) поэта Божидара уже в заглавии используется *латиница*. К слову, строфика стихотворения имеет уникальную вертикальную форму, что визуально напоминает собственно нити. Божидар также использует и заглавные буквы в качестве средства репрезентации подтекста: «...Мы: / СНЫ! / А / ДеНЬ?» [21, с. 492]. С помощью заглавных букв латиницы при первом взгляде создается ощущение тайны, загадочности, невозможности прочтения слов, что характерно для сновидения.

В синтаксическом плане для поэтики Серебряного века характерна *фрагментарность, недосказанность*, что стимулирует использование коротких простых и неполных предложений. Например, известное стихотворение О.Э. Мандельштама начинается с *парцелляции*: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» [18, с. 115]. Б.Л. Пастернак также использует парцелляцию в стихотворении «Октябрь.

Кольцо забастовок»: «Октябрь. Кольцо забастовок. / О ветер! О ада исчадь! / И моря, и грузов, и кладу / Летящие пряди. / О буря брошюр и листовок! / О слякоть! О темень!» [22, с. 276].

Футуристы привносят поэтику фрагментарности и в строфику, разрушая классическую строфу. В.В. Маяковский использует организацию стихов, известную как «лесенка». Б.Л. Пастернак также экспериментирует с классической строфой. Например, в стихотворении «Вокзал» (1913, 1928) поэт использует десятистрочную строфу, затем двустопные, потом идут классические катрены.

Для объединения футуристов характерны поэты-наставники и особое географическое место пребывания. Так, кубофутуристы (группа «Гилея», г. Москва) с В.В. Маяковским, Д.Д. Бурлюком и В. Хлебниковым во главе отражали *идеи и концепты* европейской авангардной живописи (кубистов. – М. Б.). Например, В. Хлебников много работал над расширением языка, предлагая как «слово-новшества», так и использование лексики разговорного стиля. Форма становится важнее содержания. Так, эксперименты кубофутуристов привели к появлению зауми, которая является литературным приемом, основанным на замещении языковых единиц разных уровней различными ассоциативными элементами.

Наглядным примером зауми выступают стихотворения В. Хлебникова и А.Е. Крученых. Так, А.Е. Крученых в 1912 г. создает занимательное стихотворение, написанное «на собственном языке», в котором графический и звуковой облик слов фактически утрачен: *Дыр бул щыл / убеш щур / скум / вы со бу / р л эз* [23, с. 206].

Эгофутуристы (г. С.-Петербург) с И. Северяниным во главе демонстрировали в соответствии со своим названием показное себялюбие и эпатаж собственной личности, что проявлялось в личностном самоутверждении и использовании окказионализмов и ярких нестандартных образов, эпитетов. Так, в стихотворении «Эпилог» (1912) автор подчеркивает свою значимость, сопоставляя собственное я с рядом красочных и эпатажных образов: «*Я, гений Игорь Северянин, / Своей победой упоен: / Я повсеградно озкранен! / Я повсесердно утвержден!* <...> *Схожу насмешиливо с престола / И, ныне светлый пилигрим, / Иду в застенчивые доли, / Презрев ошеломленный Рим*» [24, с. 67].

В целом стилистической доминантой в лирике кубофутуристов и эгофутуристов является «слово-новшество», которое реализуется с помощью *словообразовательных регулятивных средств*, встречающихся в зауми первых и эпатажных образах вторых. Философская и гражданская специфика поэтики футуристов предполагает оригинальную репрезентацию.

Заключение

Стилистические доминантные регулятивные средства репрезентации подтекста в лирике Серебряного века отражают особенности произведений представителей разных литературных направлений.

Символисты используют *цветопись* и *звукопись* для создания уникальных образов, насыщенных символикой. С помощью *лексических* и *словообразовательных* средств символисты создают уникальные художественные образы. Важно отделять, а порою и противопоставлять творчество старших и младших символистов. В поэтической картине мира символистов часто встречаются концепты *одиночества*, *томления* и *тоски*. Учитывая роль религиозной философии в поэтике символистов, можно говорить о преобладании *философского* и *религиозного* подтекстов в их произведениях.

Акмеисты утверждают *точность слова* и часто используют *аллюзии* на различные события и произведения литературы. О.А. Лекманов выделяет три круга акмеистов, каждый из которых имеет

специфические черты поэтики. Представители акмеизма обращали особое внимание на предметность реалий и конкретность образов. В качестве стилистических доминант в репрезентации *мифологического* и *культурного* подтекста у акмеистов преобладают *лексические* средства.

Футуристы в выражении подтекста экспериментируют с формой, изменяя *графическую* и *фонетическую* форму слова. Каждое футуристическое объединение имеет свои уникальные черты. Поэты экспериментировали с использованием различных *лексических*, *словообразовательных*, *графических* и *синтаксических* средств в репрезентации философского и социального подтекстов.

Анализ стилистических доминант на основе различных использованных поэтами регулятивных средств выражения подтекстовой информации в лирике Серебряного века позволяет выявить не только особенности идиостиля авторов разных направлений, но и более точно определить подтекст и общие и индивидуально-авторские средства его репрезентации в тексте.

Список источников

1. Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
3. Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. 704 с.
4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
5. Бальмонт К.Д. Полное собрание стихов. Т. 1. 4-е изд. М.: Скорпион, 1914. 589 с.
6. Анненский И.Ф. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1988. 736 с.
7. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания. М.: Правда, 1989. 590 с.
8. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука, 1997. Т. I. 560 с.
9. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М., 2003. 467 с.
10. Дорофеев О., Верлен П., Рембо А., Малларме С. Стихотворения. Проза. М.: Рипол Классик, 1998. 736 с.
11. Гиленсон Б.А. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века. М., 2006. 480 с.
12. Блок А.А. Краски и слова // Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Наука, 1902. Т. II. 883 с.
13. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда, 1989. 590 с.
14. Анненский И.Ф. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1988. 736 с.
15. Лелис Е.И. Теория подтекста: учеб.-метод. пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 60 с.
16. Гумилев Н.С. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. Г.П. Струве, Б.А. Филиппова. Вашингтон: Изд. книжного магазина Victor Kamkin, Inc., 1962. Т. I. 333 с.
17. Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Л., 1928. 357 с.
18. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 4 т. / сост.: П. Нерлер и А. Никитаев. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. I: Стихи и проза. 1906–1921. 368 с.
19. Ахматова А.А. Четки. Стихи. СПб.: Гиперборей, 1914. 132 с.
20. Марков В.Ф. История русского футуризма. СПб.: Алетейя, 2017. 432 с.
21. Альфонсов В.Н., Красицкий С.Р. Поэзия русского футуризма / сост. и подгот. текста В.Н. Альфонсова, С.Р. Красицкого, примеч. С.Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 1999. 750 с.
22. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1–5. М.: Художественная литература, 1989–1992. Т. II. 752 с.
23. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: материалы науч. конф. / сост. М.З. Воробьева, И.Б. Делекторская, П.М. Нерлер, М.В. Соколова, Ю.Л. Фрейдин. М.: РГГУ, 2001. 320 с.
24. Игорь Северянин. Стихотворения. М.: Логос, 1995. Т. I. 381 с.

References

1. Shabes V.Ya. *Sobytiye i tekst* [Event and text]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 175 p. (in Russian).
2. Bolotnova N.S. *Filologicheskii analiz teksta: uchebnoye posobiye* [Philological analysis of the text: teaching aid]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 520 p. (in Russian).
3. Lekmanov O.A. *Kniga ob akmeizme i drugiye raboty* [A book about acmeism and other works]. Tomsk, Vodoley Publ., 2000. 704 p. (in Russian).
4. Kukhareno V.A. *Interpretatsiya teksta* [Interpretation of the text]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988. 192 p. (in Russian).
5. Balmont K.D. *Polnoye sobraniye stikhov* [Complete collection of poems]. Moscow, Skorpion Publ., 1914. 589 p. (in Russian).
6. Annenskiy I. F. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 736 p. (in Russian).
7. Blok A.A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Vospominaniya* [Poems. Poems. Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 590 p. (in Russian).
8. Blok A.A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Poems. Memoirs of contemporaries]. *Sobraniye sochineniy: v 7 tomakh* [Collected works: in 7 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1997. Vol. I. 560 p. (in Russian).
9. Tyutchev F.I. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v shesti tomakh* [Complete works and letters in six volumes]. Moscow, 2003. 467 p. (in Russian).
10. Dorofeev O., Verlen P., Rembo A., Mallarme S. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 1998. 736 p. (in Russian).
11. Gilenson B.A. *Istoriya zarubezhnoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka* [The history of foreign literature of the late XIX – early XX century]. Moscow, 2006. 480 p. (in Russian).
12. Blok A.A. *Kraski i slova* [Paints and words]. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20-ti tomakh* [The complete collection of writings and letters in 20 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1902. Vol. II. 883 p. (in Russian).
13. Blok A.A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Poems. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 590 p. (in Russian).
14. Annenskiy I.F. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 736 p. (in Russian).
15. Lelis E.I. *Teoriya podteksta: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Theory of subtext: teaching aid]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 2011. 60 p. (in Russian).
16. Gumilev N.S. *Sobraniye sochineniy: v 4 tomakh* [Collected works: in 4 volumes]. Ed. prof. G.P. Struve, B.A. Filippov. Washington, Victor Kamkin Bookstore Publ., 1962. Vol. I. 333 p.
17. Zhirmunsky V.M. *Voprosy teorii literatury* [Questions of literary theory]. Leningrad, 1977. 357 p. (in Russian).
18. Mandel'stam O.E. *Sobraniye sochineniy v 4 tomakh*. Sost.: P. Nerler i A. Nikitaev [Collected works in 4 volumes. Comp. P. Nerler and A. Nikitaev]. Moscow, Art-Bizness-Tsentr Publ., 1993. Vol. I. Poems and prose. 1906–1921. 368 p. (in Russian).
19. Akhmatova A.A. *Chyotki. Stikhi* [Rosary beads. Poems]. Saint Petersburg, Giperborey Publ., 1914. 132 p. (in Russian).
20. Markov V.F. *Istoriya russkogo futurizma* [The history of Russian Futurism]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 2017. 432 p. (in Russian).
21. Al'fonsov V.N., Krasitsky S.R. *Poeziya russkogo futurizma. Sost. i podgot. teksta V.N. Al'fonsova i S.R. Krasitskogo, primechaniya S.R. Krasitskogo* [Poetry of Russian futurism. Comp. and get ready. text by V.N. Alfonsov and S.R. Krasitsky, notes by S.R. Krasitsky]. Saint Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1999. 750 p. (in Russian).
22. Pasternak B.L. *Sobraniye sochineniy. V 5 tomakh. T. 1–5* [Collected works. In 5 volumes, volumes 1–5]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989–1992. Vol. I. 752 p. (in Russian).
23. Levin Yu.I., Segal D.M., Timenchik R.D., Toporov V.N., Tsvyan T.V. *Russkaya semanticheskaya poetika kak potentsial'naya kul'turnaya paradigma* [Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm]. *Smert' i bessmertnye poeta: materialy nauchnoy konferentsii*. Sostaviteli M.Z. Vorob'yova, I.B. Delektorskaya, P.M. Nerler, M.V. Sokolova, Yu.L. Freydin [Death and immortality of a poet: materials of a scientific conference. Comp. M.Z. Vorobyova, I.B. Delektorskaya, P.M. Nerler, M.V. Sokolova, Yu.L. Freydin]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 320 p. (in Russian).
24. Severyanin I. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Logos Publ., 1995. Vol. I. 381 p. (in Russian).

Информация об авторе

Бондарев М.В., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: zoofox@mail.ru

Information about the author

Bondarev M.V., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: zoofox@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 20.01.2025; accepted for publication 03.04.2025

УДК 811.161.1'373.611

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-98-106>

Тенденция к лингвокреативности в русистике как один из параметров функциональной грамотности студента

Анастасия Сергеевна Савенко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
saven@mail.ru; 0009-0008-7529-7255

Аннотация

Смещение ракурса современного образования с формирования общеучебных компетенций на развитие функциональной грамотности определяется одной из тенденций в образовательной среде. Представляется возможным рассмотреть феномен лингвокреативности как один из параметров функциональной грамотности, поскольку коммуникативный, деятельностный и мыслительный компоненты этого феномена соотносятся с общеучебной компетенцией, направленной на развитие коммуникативных навыков и предполагающей умение решать жизненные задачи в различных сферах деятельности на основе прикладных знаний. Цель статьи – определение лексических, словообразовательных и грамматических средств реализации лингвокреативности в устной и письменной речи студентов-филологов и описание параметров явления лингвокреативности в аспекте функциональной грамотности будущих учителей русского языка. Исследование контекстов, содержащих средства актуализации лингвистической креативности, включает использование структурно-семантического анализа, контент-анализа, метода эксперимента с применением разработанной Т.А. Гридиной технологией диагностики вербальной креативности. Материалом исследования являются составленные студентами историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета контексты, содержащие окказиональную лексику; материалы онлайн-анкетирования; извлеченные приемом сплошной выборки контексты с окказионализмами из НКРЯ, романа Д. Рубиной «Бабий ветер» и серии романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере, стихотворений М. Львова, А. Вознесенского, Е. Евтушенко. При проведении лингвистического эксперимента установлено, что составленные студентами контексты в условиях конкретного задания отличает стандартизированный характер, обусловленный наличием внешнего локуса контроля, заданностью модели для словопроизводства и сознательного использования приема языковой игры; экспрессивность; использование различных (узуальных и неузуальных) способов словообразования, среди которых продуктивными являются контаминация, гендиадис, субституция, суффиксация, сложение; создание неожиданных комбинаций языковых средств; наличие разных видов окказиональной лексики. Результаты проведенной диагностики вербальной креативности свидетельствуют о сформированности у участников эксперимента умений продуцировать авторский окказионализм по модели прототипа с учетом контекстуальной заданности. Отмечается высокий процент совпадения восстанавливаемых лексем с авторскими наряду с продуцированием собственных окказионализмов (27 %). Способность носителя языка использовать языковые средства в процессе речепорождения и текстовой деятельности при словотворчестве, задействуя при этом неузуальные способы словопроизводства, реализуя ассоциативный и деривационный потенциал единиц языка, дополняя семантику лексем новыми оттенками значения, является одним из показателей сформированности функциональной грамотности этого носителя, что соотносится с базисными принципами лингвокреативности. Критериями, свидетельствующими о достаточном уровне сформированности функциональной грамотности у студентов-филологов, проявляющейся в способности к вербальной креативности, являются развитый самоконтроль речи; высокий уровень развития языковой рефлексии; готовность и потребность использовать возможности языка с целью снизить предсказуемость текста и обогатить его содержательно; тенденция к переносу умения проявлять лингвокреативность в свободную речевую деятельность.

Ключевые слова: лингвокреативность, функциональная грамотность, окказионализм, лингвистический эксперимент, текстовая деятельность

Источник финансирования: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, номер проекта: QZOY-2024-0011, тема «Формирование интегративной и предметной функциональной грамотности в области филологии, истории, права».

Для цитирования: Савенко А.С. Тенденция к лингвокреативности в русистике как один из параметров функциональной грамотности студента // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 98–106. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-98-106>

Tendency to linguistic creativity in Russian studies as one of the parameters of functional literacy of a student

Anastasia S. Savenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, saven@mail.ru; 0009-0008-7529-7255

Abstract

The shift in the focus of modern education from the formation of general educational competencies to the development of functional literacy is determined by one of the trends in the educational sphere. It seems possible to consider the phenomenon of linguocreativity as one of the parameters of functional literacy, since the communicative, activity and thinking components of this phenomenon are related to the general educational competence aimed at developing communicative skills and implying the ability to solve life problems in various fields of activity based on applied knowledge. The aim of the article is to define lexical, word-formation and grammatical means of implementing linguistic creativity in the oral and written speech of philology students and description of the parameters of the phenomenon of linguistic creativity in the aspect of functional literacy of future teachers of the Russian language. The study of contexts containing means of actualization of linguistic creativity includes the use of structural-semantic analysis, content analysis, the experimental method using the technology of diagnostics of verbal creativity developed by T.A. Gridina. The material of the study is contexts containing occasional vocabulary compiled by students of the Faculty of History and Philology of TSPU; materials of an online questionnaire; contexts with occasionalisms extracted by the method of continuous sampling from the NKRYA, the novel by D. Rubina «Babi Veter» and the series of novels by J. Rowling about Harry Potter, poems by M. Lvov, A. Voznesensky, E. Yevtushenko. During the linguistic experiment it was established that the contexts created by the students in the conditions of a specific task are distinguished by a standardized nature, due to the presence of an external locus of control, a given model for word production and the conscious use of the technique of language play; expressiveness; the use of various (usual and non-usual) methods of word formation, among which the productive ones are contamination, hendiadys, substitution, suffixation, addition; the creation of unexpected combinations of linguistic means; the presence of different types of occasional vocabulary. The results of the conducted diagnostics of verbal creativity indicate that the participants of the experiment have developed the ability to produce the author's occasionalism according to the prototype model, taking into account the contextual predeterminedness. A high percentage of coincidence of the reconstructed lexemes with the author's is noted along with the production of their own occasionalisms (27 %). The ability of a native speaker to use linguistic means in the process of speech production and textual activity in word creation, while using non-usual methods of word production, realizing the associative and derivational potential of language units, supplementing the semantics of lexemes with new shades of meaning, is one of the indicators of the formation of the functional literacy of this speaker, which is related to the basic principles of linguocreativity. The criteria indicating a sufficient level of development of functional literacy in philology students, manifested in the ability for verbal creativity, are developed self-control of speech; a high level of development of linguistic reflection; readiness and need to use the capabilities of language in order to reduce the predictability of the text and enrich it with content; a tendency to transfer the ability to demonstrate linguistic creativity to free speech activity.

Keywords: linguistic creativity, functional literacy, occasionalism, linguistic experiment, text activity

For citation: Savenko A.S. Tendentsiya k lingvokreativnosti v rusistike kak odin iz parametrov funktsional'noy gramotnosti studenta [Tendency to linguistic creativity in Russian studies as one of the parameters of functional literacy of a student]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 98–106 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-98-106>

Введение

Феномен лингвокреативности, рассматриваемый в аспекте когнитивной лингвистики, психолингвистики, креативной стилистики и других дисциплин, представляется возможным изучить с позиции одного из параметров функциональной грамотности.

Тенденция качественного изменения функциональной грамотности отмечается в сфере образования в последнее десятилетие и проявляется в ее преобразовании «из базовой, приобретенной в школе, в более углубленную и расширенную в ходе обучения и формирования профессиональной компетентности» [1].

Становление концепции «4К», являющейся основой, по мнению М.А. Пинской и М.А. Михайловой, для формирования востребованного выпускника, скорректировало вектор образовательного процесса. Модель «4К» включает четыре ключевые компетенции в области русистики, «которые необходимо развивать каждому обучающемуся: креативность, коммуникацию, командообразование и критическое мышление» [2, 3].

Актуальность исследования определяется необходимостью формирования функциональной грамотности обучающихся посредством развития его вербальной креативности, интересом к явлению лингвокреативности как междисциплинарному

феномену, потребностью описания средств актуализации лингвистической креативности в текстах студентов – будущих учителей русского языка и литературы.

Статья продолжает цикл научных исследований автора по применению комплексного подхода к формированию функциональной грамотности студентов-филологов. В частности, в качестве характеристик функционально грамотного студента были рассмотрены умения и навыки, демонстрирующие степень его речевой культуры и образованности [4], определены критерии формирования функциональной грамотности по данным направленного лингвистического эксперимента [4, 5].

Целью настоящего исследования является определение лексических, словообразовательных и грамматических средств реализации лингвокреативности в устной и письменной речи студентов-филологов и описание параметров явления лингвокреативности в аспекте функциональной грамотности будущих учителей русского языка.

Понимание лингвокреативности как междисциплинарного феномена позволяет выделять в нем коммуникативный, деятельностный и мыслительный компоненты, каждый из которых, на наш взгляд, соотносится с функциональной грамотностью – общеучебной компетенцией, направленной на развитие в том числе и коммуникативных навыков и предполагающей умение решать жизненные задачи в различных сферах деятельности на основе прикладных знаний.

Анализируя представленные в лингвистических работах последнего десятилетия определения феномена лингвокреативности, мы можем рассматривать его, учитывая перечисленные выше компоненты, как деятельность, речевую деятельность, разновидность вербального мышления, речевую стратегию [6, с. 55–56; 7]. С точки зрения Т.А. Гридиной, «в онтологическом смысле вся речевая деятельность, безусловно, есть креативная деятельность, поскольку это деятельность, оформляющая мысль и связанная с развитием когнитивных структур сознания» [8, с. 45]. В целом лингвокреативность понимается как «умение носителей языка использовать возможности языка в создании новых слов, трансформации значения имеющихся в языке слов и словосочетаний, тем самым способствуя достижению эмоционального или прагматического эффекта» [9, с. 120]. Вербальная креативность в свою очередь соотносится с лингвокреативным мышлением, которое понимается как «способность говорящих к ломке и переключению ассоциативных стереотипов, созданию нового речевого продукта на базе переработки уже существующего языкового материала [10, с. 14], как тип словесного мышления, при котором носитель язы-

ка использует уже имеющиеся звуковые комплексы для реализации «ассоциативного потенциала языкового знака в области связи между формой и содержанием» [11, с. 10]. Результатом вербальной креативности являются словотворческие инновации, игровые креатемы, или игремы (термин Т.А. Гридиной: «окказиональные номинации, в структуре которых считается прототип, задающий определенный вектор нестандартной ассоциативной обработки обозначаемого при помощи техники имитации, контаминации, ремотивации» [12, с. 31]), лингвокреатемы, окказиональные слова.

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что способность носителем языка использовать языковые средства в процессе речепорождения и текстовой деятельности при словотворчестве, задействуя при этом неязыковые способы словопроизводства, реализуя ассоциативный и деривационный потенциал единиц языка, дополняя семантику лексем новыми оттенками значения, является одним из показателей сформированности функциональной грамотности этого носителя, что соотносится с базисными принципами лингвокреативности. К этим принципам относят, во-первых, «комплекс знаний о языке», во-вторых, «языковую картину мира, которой располагают носители», в-третьих, «их способность использовать собственные знания о языковой системе в инновационном ключе» [9, с. 120].

Материал и методы

Материалом исследования являются составленные студентами историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета (ТГПУ) контексты, содержащие окказиональную лексику (грамматические, лексические и словообразовательные окказионализмы), материалы онлайн-анкетирования, использованные для диагностики вербальной креативности, содержащие индивидуально-авторские слова: роман Д. Рубиной «Бабий ветер» и серия романов о Гарри Поттере Дж. Роулинг, поэтические тексты М. Львова «Всё у нас клеится!», А. Вознесенского «Кому там хнычется?», Е. Евтушенко «Братская ГЭС», извлеченные приемом сплошной выборки контексты с окказионализмами из НКРЯ.

Для анализа языкового материала использовался структурно-семантический анализ, контент-анализ, метод эксперимента, описательный метод с приемами классификации и систематизации полученного в ходе лингвистического эксперимента материала.

С целью установить способность студентов-филологов проявлять лингвокреативность в условиях как подготовленной, так и неподготовленной речевой ситуации была проведена серия лингвистиче-

ских экспериментов с применением разработанной Т.А. Гридиной технологией диагностики вербальной креативности [12, с. 31]. В задачи диагностики входило определить способность восстановить пропущенные в поэтических и прозаических текстах названных выше авторов окказиональные слова с опорой на рифму (при работе со стихотворением) и на контекст и составленный мотивационный перифраз к пропущенному окказионализму (в случае анализа прозаического текста).

В эксперименте принимали участие студенты-бакалавры историко-филологического факультета ТГПУ, изучавшие дисциплины «Русское окказиональное слово», «Словообразование», «Активные процессы в современном русском языке» в 2021–2024 гг. Эксперимент проходил в форме устного и онлайн-анкетирования с использованием Google Forms, а также в форме выполнения заданий. В эксперименте приняли участие 68 студентов.

Результаты и обсуждение

Первый этап направленного лингвистического эксперимента заключался в составлении студентами контекстов по четырем заданным направлениям с учетом особенностей авторских инноваций, отмечаемых в СМИ: 1) тенденция к жаргонизации лексики, что отмечается в работах Е.А. Земской [13], О.А. Шишкарёвой [14], Л.В. Рацибурской [15], А.С. Рылова [16]; 2) следствием словообразовательной жаргонизации в СМИ является использование приема инвективы при создании окказионализмов; 3) образование неолексик на базе социально значимых для эпохи слов (см. работы Е.А. Земской, Н.С. Валгиной, В.Я. Санникова); 4) использование жанра анекдота для словотворчества [14, с. 280].

Представленные ниже контексты демонстрируют, с одной стороны, применение различных (узуальных и неузуальных) способов словопроизводства, среди которых продуктивными являются контаминация, гендиадис, суффиксация, сложение; с другой стороны, создание неожиданных комбинаций языковых средств; с третьей – частичное следование заданной примером, демонстрирующим направление словотворчества в СМИ, словообразовательной модели, которой пользуются студенты при создании собственных окказионализмов; наконец, способность студентов создавать разные виды окказиональной лексики: от словообразовательного окказионализма, структура которого отражает в большей степени соотношенность со словообразовательным типом, к которому относится узуальное слово, до семантического и даже фразеологического, отличающихся высокой степенью лингвокреативности.

Составленные контексты были нами распределены на группы с учетом степени проявления

лингвокреативности при создании окказионального слова или словосочетания. К первой группе нами были отнесены окказиональные слова со слабой проявляющейся тенденцией к лингвокреативности. Подобные примеры отличают: 1) следование словообразовательной модели; 2) использование узуального способа словообразования (сложение, сращение, суффиксация, префиксация и др.); 3) имитация приведенного во время проведения занятия примера из СМИ; 4) использование в качестве производящего / социально значимого для эпохи имени собственного слова.

Рассмотрим некоторые примеры составленных студентами контекстов:

Студентовирус: как проводит студент дистанционное обучение?

Плаксессия наступит совсем скоро.

С этим вирусом все уже **коронавирусулись**.

Информационные каналы предвещают еще целое **короналето**.

На улицах виднелись одни **масколицы**.

Американское общество захватила болезнь **трампосизма**.

АртиАстики снова спели свой дэнс.

Анатолий так и останется в списке самых **ультрахолостых** мужчин.

Чиновность в головах не искоренить.

Айфоновозависимых людей становится всё меньше.

В ожидании **сушиносца** все проголодались.

Аллегроугонщик был остановлен сотрудниками ГИБДД с просьбой снизить скорость и сделать музыку потише.

О предстоящей **мучесессии** мы задумываемся всё чаще.

Вторую группу составили окказиональные слова со средней степенью проявления вербальной креативности, о чем свидетельствуют: 1) совмещение узуального и неузуального способов словообразования (например, суффиксации и усечения или префиксации и контаминации) или непродуктивных в современном словопроизводстве способов образования слов (сложнонужьсуффиксального); 2) производство слова на базе приема инвективы или жаргонизма; 3) образование семантического окказионализма; 4) создание авторского слова посредством переключения ассоциативных стереотипов; 5) использование приема семантической языковой игры при включении окказионализма в контекст.

Ко второй группе относятся следующие контексты:

Мой одноклассник – **учёбахвостый**. Как его еще не отчислили?

Все на **коронашашлык**! Будет болезненно вкусно!

Он тайно ее **крашевал** (от крышевать и краш).

Когда «Киш» появилась в Питере второй раз, в городе началась настоящая **КИШемания**.

На меня напал грабитель, но у меня в кармане был шокер, и я его **шокировал**.

Он совсем не **парильщик** по жизни.

Растебнулась молодежь.

– А мы ужастики смотрели. – **Ушастики**? Про зайчиков?

Третью группу составили окказиональные слова с высокой степенью проявления лингвокреативности, что выражается в следующем: 1) использование неузальных способов словопроизводства (гендиадис, контаминация); 2) высокая степень экспрессивности слова, которая характеризуется большим формальным и семантическим нарушением правил языкового словообразовательного стандарта при образовании окказионального слова; 3) образование фразеологического или графического окказионализма; 4) использование жанра анекдота при создании слова.

Примеры контекстов, демонстрирующих яркую тенденцию к вербальной креативности:

ЗабаБАХать концерт.

Поставь в углу свои **тапки-шмапки**.

УЛИССнуть с лекции по Джойсу нашей группе не удалось.

Тональт Трамп вновь у власти.

ПроСАХатели деньги томичей (САХ – специализированное хозяйство г. Томска).

Сереза на районе главный **быкатырь**.

СМИшной случай произошел в прямом эфире Первого канала.

Сезонная **иСЕССтерИЯ**: как студенты из последних сил выдавливают знания.

БРАКованная ячейка: почему институт обесценивается в современных реалиях.

Учимучительский контент лекции.

Братанические отношения (от братан и платанические).

С марта в нашей стране повсеместно введен **жорантин**.

Второй этап эксперимента имел цель установить умение информантов продуцировать грамматические окказионализмы, тенденция к созданию которых отмечается в современной рекламе, СМИ, а также в неформальном общении. Тенденция к лингвокреативности в области морфологии реализуется за счет расширения сферы залога при использовании неузальных залоговых форм причастий [17], использования в речи неузальных форм компаративов [18] и, как следствие этого, – развитие у относительных прилагательных качественно- и оценочного значений в процессе расширения сферы возвратности при создании потенциальных возвратных форм глагола и в обратном процессе –

сужения форм возвратности [19]. Обусловленность сформированности функциональной грамотности тенденцией к вербальной креативности в рамках этого этапа эксперимента видится, во-первых, в речевом поступке носителя языка, который совершается им в разных учебных условиях, во-вторых, как отмечается в работе Н.В. Максимовой, «в воссоздании и преобразовании знаний и умений... в ситуациях различной степени новизны...» [20, с. 10].

Составленные студентами контексты в условиях конкретного задания – следования представленным выше тенденциям в области морфологии – отличает, во-первых, стандартизированный характер, что обусловлено, полагаем, наличием внешнего локуса контроля, заданностью модели для словопроизводства и сознательного использования приема языковой игры. Например:

Пожелания самого волшебного Нового года!

Всё подумано за нас.

Поигранными игрушками мальчик ни с кем не хотел делиться.

Меня и **улыбнули**, и **посмеяли**, и **начитали**.

Пожелающий выйти может выйти.

Во-вторых, несмотря на некоторую искусственность созданных грамматических окказионализмов, отмечаем их экспрессивность и связываем это с нарочитой грамматической неправильностью:

Мне не танцуются, не отдыхается, не наслаждается.

Придумалось?

Погуленный ребенок разительно отличается от непогуленного.

Преподаватель вокала **распела** свою ученицу.

Пара была слишком **лекционной**.

Обогрелся, накормился, посмеялся, напоился.

Третий этап эксперимента был построен на применении диагностики вербальной креативности, в рамках которой студентам были предложены деформированные контексты из художественных произведений Д. Рубиной, Дж. Роулинг, Е. Евтушенко, М. Львова, А. Вознесенского для заполнения пропущенных «звеньев речевой цепи» (термин Т.А. Гридиной) окказиональными словами с целью определения способности информантов восстановить словообразовательный или грамматический окказионализм. При этом деформированные контексты отличались уровнем сложности: в одних фрагментах контекстуальное окружение было широким и прогнозирующим предполагаемый вариант ответа в силу избыточности речевого сообщения (например, *Профессор Стебель преподавала им ..., науку о растениях* (пропущен окказионализм *травология*) [Роулинг]; *Сердце его ... в пятаки быстрее, чем он пикировал к земле* (пропущена часть фразеологического окказионализма *рухнуло*) [Роулинг]; *Доставала их для тетки мама, у нее был*

блат в центральном универмаге; доставала и продавала Тане на пять рублей дешевле, чем они стоили <...> Папа <...> маму называл «мамахен-...» (пропущен окказионализм *спекуляхен*) [Рубина]; В космосе носится! / Нам ... (пропущен окказионализм *космоносится*) [Львов]; в других контекстуальное окружение было узким (*Не выбиралось, Ну а точнее сказать – не ...* (пропущен окказионализм *вымерялось*) [Евтушенко]; *А я рядом стою: <...> в своей безумной кожанке «с ...» – с заклепками да молниями* (пропущен окказионализм *«с разговорами»*) [Рубина]).

По словам Т.А. Гридиной, определение «способности к поиску ассоциативной аналогии и обыгрыванию прототипа» является составляющей данной диагностики [12, с. 31].

Результаты проведенной диагностики свидетельствуют о сформированности у участников эксперимента умений продуцировать по модели прототипа с учетом контекстуальной заданности авторский окказионализм. Так, окказиональное слово *травология* ‘наука о магических растениях’ было восстановлено всеми участниками эксперимента, как и слово *космоносится*. Варианты словообразовательного окказионализма *мамахен-спекуляхен* были следующими: *мамахен-продавахен, мамахен-фарцоввахен, мамахен-барыхен, мамахен-толкахен*. Отметим при этом предсказуемость восстановления авторского окказионализма за счет рифмовки с первым словом-компонентом *мамахен*.

Фразеологические и лексические окказионализмы вызвали трудности при их «восстановлении». Предлагаемые информантами варианты фразеологизма «*сердце рухнуло в пятки*» были «*сердце пикировало/улетело/опустилось/унеслось в пятки*», однако, как видим, все варианты имеют общую сему и относятся к лексико-семантической группе глаголов движения. Лексический окказионализм *кожанка «с разговорами»* не был восстановлен ни одним из информантов. В качестве вариантов называли *кожанка «со звоном»/«молнеkleпками»/«молниеносными заклепками»*. В целом можно говорить о высоком совпадении восстанавливаемых лексем с авторскими, что определяется заданностью контекста, потенциальностью окказионализма, учетом рифмовки. При этом отмечается значительный процент собственных окказионализмов (27 %).

В рамках третьего этапа также были предложены составленные нами мотивационные перифразы к пропущенному в прозаическом тексте окказионализму. Предположение о том, что перифраз поможет восстановить авторское слово, нашло подтверждение только в 64 % ответов информантов. Трудность вызвали мотивационные перифразы к окказионализмам, образованным способом сложения и

сращения: 1. Вставьте на месте пропуска слово, обозначающее «заклятие от порчи»: *Интересно, чему он будет тебя учить, Гарри? Наверное, какой-нибудь жутко сложной защитной магии... Мощные контрзаклятия...* (пропущен окказионализм *противосглаз*) [Роулинг]. 2. Вставьте на месте пропуска слово, обозначающее «средство, помогающее избавиться от акне»: *Гарантированный десятисекундный ...* (пропущен окказионализм *прыщевыводитель*) [Роулинг]. 3. Вставьте на месте пропуска слово, обозначающее «магическое животное, свисающая сзади часть которого напоминает металлический стержень»: *У него есть великоколенная фотография, как вы с ним охотитесь на ... – в Норфолке, если не ошибаюсь?* (пропущен окказионализм *штыреххвостов*) [Роулинг]. Полученные варианты ответов респондентов согласно представленной выше нумерации следующие: 1) *порчесниматель, избавитель от порчи/магии, телозащитник, отпорчисохранитель* и подобные; 2) *прыщеизбавитель, прыщекрем, акнелекарь, отпрыщевик*; 3) *хвостодёр, гвоздехвост, металлохвостое, хвостатое норфолкское, мышехвостник*. И хотя предложенные информантами варианты окказиональных слов повторяют способ словообразования авторских в большинстве случаев, все же отсутствие в контексте рифмы и слова-прототипа снижает возможность восстановить исходный вариант лексемы.

Заключение

Анализ составленных носителями языка контекстов позволил установить средства актуализации лингвистической креативности, среди которых выделим следующие.

1. На лексическом уровне отмечается высокий процент окказиональной лексики, использование приема семантической языковой игры при расширении лексического значения слова или переосмыслении как структуры, так и семантики узуального фразеологизма, обращение к жанру анекдота, использование в качестве производящего слова жаргонного характера.

2. На словообразовательном уровне показательным является обращение к неузальным способам словопроизводства: контаминации, субституции, гендиадису – или к смешанным способам (сложно-суффиксальному и сложнонульсуффиксальному), при этом сохраняется образование окказиональных слов по продуктивным моделям.

3. На грамматическом уровне выделим проявление вербальной креативности в многочисленных случаях грамматических «неправильностей» посредством образования залоговых форм страдательных причастий от переходных глаголов, расширения и сужения сферы возвратности глаголов,

развития оценочного значения у относительных прилагательных.

К результатам проведенного эксперимента и критериям, свидетельствующим о достаточном уровне сформированности функциональной грамотности у студентов-филологов, проявляющейся в способности к вербальной креативности, можно отнести следующее: 1) развитый самоконтроль речи; 2) высокий уровень развития языковой рефлексии; 3) готовность и потребность использовать

возможности русского языка с целью снизить предсказуемость текста и обогатить его содержанием; 4) тенденция к переносу умения проявлять лингвокреативность в свободную речевую деятельность.

В качестве перспективы исследования можно обозначить разработку критериев оценки уровня сформированности функциональной грамотности в рамках тенденции к лингвокреативности и их последовательное внедрение в педагогическую деятельность.

Список источников

1. Коваль Т.В., Дюкова С.Е. Глобальные компетенции – новый компонент функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 4 (61). С. 112–123.
2. Компетенции «4 К»: средовые решения для школы. Практические рекомендации: учеб.-метод. пособие / сост. М.А. Пинская, А.М. Михайлова. М.: Российский учебник, 2020. 95 с.
3. Гнатышина Е.В., Касаткина Н.С., Шкитина Н.С. Технология развития критического мышления как средство формирования функциональной грамотности студентов педагогических вузов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2023. № 6. С. 73–93.
4. Савенко А.С. Комплексный подход к формированию орфоэпической культуры студентов-филологов. Ч. I // Материалы XII Международной научной конференции (Томск, 20–21 мая 2022 г.). Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2022. С. 175–181.
5. Савенко А.С. Комплексный подход к формированию орфоэпической культуры студентов-филологов (по данным эксперимента) // Материалы XIII Международной научной конференции (Томск, 16–17 мая 2024 г.). Томск: Изд-во ТГПУ, 2024. С. 149–158.
6. Сотникова Е.С. Лингвокреативность в дискурсе социальной рекламы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 2. С. 54–64.
7. Горбань В.В. Лингвокреативность на службе коммуникативной интенции // Лингвистика креатива – 2 / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2012. С. 73–82.
8. Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008. 165 с.
9. Литвишко О.М., Руденко Н.С., Чалая Ю.П. Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 117–130.
10. Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива – 3 / под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2014. С. 14–75.
11. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. 214 с.
12. Гридина Т.А. Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности // Филологический класс. 2014. № 2 (36). С. 30–35.
13. Земская Е.А. Активные процессы в русском языке на рубеже XX–XXI вв. // Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 513–565.
14. Шишкарёва О.А. Особенности словотворчества в современных нижегородских СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 276–281.
15. Рацибурская Л.В. Оказиональные слова в СМИ как средство речевой агрессии // Язык современных СМИ: основные проблемы и тенденции. Н. Новгород, 2006. С. 6–10.
16. Рылов А.С. Вербальная агрессия в современной российской прессе // Язык современных СМИ: основные проблемы и тенденции. Н. Новгород, 2006. С. 19–22.
17. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005. 328 с.
18. Калякина О.А., Ремчукова Е.Н. «Живи с огнём!»: Игровой потенциал наречий в рекламных текстах // Русская речь. 2007. № 5. С. 64–70.
19. Ремчукова Е.Н. Грамматические категории в зеркале креативности // Лингвистика креатива. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2013. С. 245–269.
20. Максимова Н.В. Функциональная грамотность и развитие речевой культуры студента: учеб.-метод. пособие. Новосибирск: НГТИ, 2023. 130 с.

References

1. Koval' T.V., Dyukova S.E. Global'nyye kompetentsii – novyy komponent funktsional'noy gramotnosti [Global Competencies – A New Component of Functional Literacy]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika – Domestic and foreign pedagogy*, 2019, vol. 1, no. 4 (61), pp. 112–123 (in Russian).

2. Kompetentsii "4K": sredovyye resheniya dlya shkoly. Prakticheskiye rekomendatsii: uchebno-metodicheskoye posobiye [Competences "4K": environmental solutions for school. Practical recommendations: teaching and methodological manual]. Comp. M.A. Pinskaya, A.M. Mikhaylova. Moscow, Rossiyskiy uchebnik Publ., 2020. 95 p. (in Russian).
3. Gnatyshina E.V., Kasatkina N.S., Shkitina N.S. Tekhnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya kak sredstvo formirovaniya funktsional'noy gramotnosti studentov pedagogicheskikh vuzov [Technology of critical thinking development as a means of forming functional literacy of students of pedagogical universities]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta – Herald SUrSHPU*, 2023, no. 6, pp. 73–93 (in Russian).
4. Savenko A.S. Kompleksnyy podkhod k formirovaniyu orfoepicheskoy kul'tury studentov-filologov. Chast' I [An integrated approach to the formation of orthoepic culture of philology students. Part I]. *Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Tomsk, 20–21 maya 2022 g.)* [Proceedings of the XII International Scientific Conference (Tomsk, May 20–21, 2022)]. Tomsk, Tomsk TsNTI Publ., 2022. Pp. 175–181 (in Russian).
5. Savenko A.S. Kompleksnyy podkhod k formirovaniyu orfoepicheskoy kul'tury studentov-filologov (po dannym eksperimenta) [An integrated approach to the formation of orthoepic culture of philology students (based on experimental data)]. *Materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Tomsk, 16–17 maya 2024 g.)* [Proceedings of the XIII International Scientific Conference (Tomsk, May 16–17, 2024)]. Tomsk, TSPU Publ., 2024. Pp. 149–158 (in Russian).
6. Sotnikova E.S. Lingvokreativnost' v diskurse sotsial'noy reklamy [Linguistic creativity in the discourse of social advertising]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki – Bulletin of PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2021, no. 2, pp. 54–64 (in Russian).
7. Gorban' V.V. Lingvokreativnost' na sluzhbe kommunikativnoy intentsii [Linguistic creativity at the service of communicative intention]. *Lingvistika kreativa – 2* [Linguistics of creativity – 2]. Ed. prof. T.A. Gridina. 2nd ed. Ekaterinburg, Ural state pedagogical university Publ., 2012. Pp. 73–82 (in Russian).
8. Gridina T.A. Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste [Language play in fiction]. Ekaterinburg, 2008. 165 p. (in Russian).
9. Litvishko O.M., Rudenko N.S., Chalaya Yu.P. Lingvokreativnost' v diskurse elektronnykh SMI: sredstva i metody [Linguistic creativity in the discourse of electronic media: means and methods]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current issues of philology and pedagogical linguistics*, 2022, no. 1, pp. 117–130 (in Russian).
10. Gridina T.A. Assotsiativnyye proektsii detskikh slovotvorcheskikh innovatsiy i treningi verbal'noy kreativnosti [Associative projections of children's word-creative innovations and verbal creativity trainings]. *Lingvistika kreativa – 3* [Linguistics of creativity – 3]. Ed. T.A. Gridina. Yekaterinburg, 2014. Pp. 14–75 (in Russian).
11. Gridina T.A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo [Language game: stereotype and creativity]. Yekaterinburg, Ural State Ped. University Publ., 1996. 214 p. (in Russian).
12. Gridina T.A. Eksperimental'nyy resurs diagnostiki i treninga verbal'noy kreativnosti [Experimental resource for diagnostics and training of verbal creativity]. *Filologicheskii klass – Philological class*, 2014, no. 2 (36), pp. 30–35 (in Russian).
13. Zemskaya E.A. Aktivnyye protsessy v russkom yazyke na rubezhe XX–XXI vv. [Active processes in the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries]. *Yazyk kak deyatel'nost': morfema. Slovo. Rech'* [Language as an activity: morpheme. Word. Speech]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. Pp. 513–565 (in Russian).
14. Shishkareva O.A. Osobennosti slovotvorchestva v sovremennykh nizhegorodskikh SMI [Peculiarities of word creation in modern Nizhny Novgorod media]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2009, no. 1, pp. 276–281 (in Russian).
15. Ratsiburskaya L.V. Okkazional'nyye slova v SMI kak sredstvo rechevoy agressii [Occasional words in the media as a means of verbal aggression]. *Yazyk sovremennykh SMI: osnovnyye problemy i tendentsii* [Language of modern media: main problems and trends]. N. Novgorod, 2006. Pp. 6–10 (in Russian).
16. Rylov A.S. Verbal'naya agressiya v sovremennoy rossiyskoy presse [Verbal aggression in the modern Russian press]. *Yazyk sovremennykh SMI: osnovnyye problemy i tendentsii* [Language of modern media: main problems and trends]. N. Novgorod, 2006. Pp. 19–22 (in Russian).
17. Remchukova E.N. Kreativnyy potentsial russkoy grammatiki [The Creative Potential of Russian Grammar]. Moscow, Peoples' Friendship University Publ., 2005. 328 p. (in Russian).
18. Kalyakina O.A., Remchukova E.N. "Zhivi s ogon'kom!". Igrovoy potentsial narechiy v reklamnykh tekstakh ["Live with a sparkle!" The playful potential of adverbs in advertising texts]. *Russkaya rech' – Russian Speech*, 2007, no. 5, pp. 64–70 (in Russian).
19. Remchukova E.N. Grammaticheskiye kategorii v zerkale kreativnosti [Grammatical categories in the mirror of creativity]. *Lingvistika kreativa* [Linguistics of creativity]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013. Pp. 245–269 (in Russian).
20. Maksimova N.V. Funktsional'naya gramotnost' i razvitiye rechevoy kul'tury studenta: uchebno-metodicheskoye posobiye [Functional literacy and development of speech culture of students: teaching aid]. Novosibirsk, NGTI Publ., 2023. 130 p. (in Russian).

Информация об авторе

Савенко А.С., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: saven@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-7529-7255; SPIN-код: 2177-9769.

Information about the author

Savenko A.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: saven@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-7529-7255; SPIN-code: 2177-9769.

Статья поступила в редакцию 03.01.2025; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 03.01.2025; accepted for publication 03.04.2025

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

УДК 82-091 (82-97) (82-92)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-107-115>

Библейские аллюзии в повести Н.В. Гоголя «Шинель»

Светлана Владимировна Бурмистрова

Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия, t-svet2007@yandex.ru; 0000-0003-3852-9797

Аннотация

Литературоведческая традиция религиозно-философского изучения повести Н.В. Гоголя «Шинель» связана преимущественно с интерпретацией содержащихся в ней евангельских образов, мотивов, сюжетов (напр., аллюзии на притчи о брачном пире, о богаче и Лазаре и др.), а также компонентов житийного текста (прежде всего, жития св. Акакия Синайского, а также св. мч. Акакия). Цель статьи – рассмотреть смысловые доминанты повести в контексте посланий апостола Павла, личность и богословие которого оказали существенное влияние на мировоззрение и творчество Гоголя. В «Шинели» функционируют мотивы «буква – дух», «ветхий – новый» и др., которые восходят к апостольскому тексту. Антитеза «буква – дух» является не просто фоновым мотивом повести, но формирует внутри сюжета о чиновнике микросюжет письма, который образуется с помощью таких смысловых узлов, как пишущий человек, текст, буква. «Чиновник для письма» Башмачкин существует в мире текста, распадающегося на буквы и лишённого смысла. Его сосредоточенность на служении букве и безразличие ко всему остальному, в том числе миру духовному, соотносится с обозначенной у апостола Павла антитезой «мертвая буква – животворящий дух». Бинарные оппозиции «ветхий – новый», внутренний человек – внешний человек, акцентированные в посланиях апостола Павла, определяют стержень художественной антропологии Гоголя, утверждающей идею духовного становления и духовного выбора человека. В связи с этим сюжет о Башмачкине прочитывается как история о трагическом отпадении человека от своего высокого предназначения, как история о человеке, не осуществившем переход от греховного существования к осмысленному бытию в духе.

Ключевые слова: *Н.В. Гоголь, «Шинель», апостол Павел, апостольский текст, петербургский текст, сюжет письма, сюжет о чиновнике, буква, слово, текст, скриптор, «маленький человек»*

Для цитирования: Бурмистрова С.В. Библейские аллюзии в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 107–115. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-107-115>

RUSSIAN LITERATURE AND INTERCULTURAL LITERARY RELATIONS

Biblical allusions in N.V. Gogol's novella "The Overcoat"

Svetlana V. Burmistrova

Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russian Federation, t-svet2007@yandex.ru; 0000-0003-3852-9797

Abstract

The literary tradition of the religious and philosophical study of N.V. Gogol's novel "The Overcoat" is mainly associated with the identification of evangelical images, motifs, plots (e.g., allusions to the parables of the marriage feast, about the rich man and Lazarus, etc.), as well as components of the hagiographic text (primarily, the lives of St. Acacius of Sinai, as well as St. martyr Acacius). The purpose of the article is to consider the semantic dominants of the story in the context of the epistles of the Apostle Paul, whose personality and theology had a significant impact on Gogol's worldview and creativity. In the "The Overcoat" there are motifs *letter – spirit, old – new*, etc., which go back to the apostolic text. The *letter – spirit* antithesis is not just a background motif of the story, but forms a micro-plot of writing inside the plot about the official, which is formed with the help of such semantic nodes as the writing person, text, letter. Bashmachkin's "Official for writing" exists in a world of text that breaks down into letters and is devoid of meaning. His focus on the service of the letter and indifference to everything else, including the spiritual world, correlates with the antithesis of the dead letter – life-giving spirit indicated by the Apostle Paul. The binary oppositions *old – new, "inner man" – "outer man"*, emphasized in the epistles of the Apostle Paul, define the core of Gogol's artistic anthropology, which asserts the idea of spiritual formation and spiritual choice of man. In this regard, the plot of Bashmachkin is read as a story about the tragic fall of a man from his high destiny, as a story about a man who did not make the transition from a sinful existence to a meaningful existence in the spirit.

Keywords: N.V. Gogol, "The Overcoat", the Apostle Paul, apostolic text, St. Petersburg text, the plot of the letter, the plot about the official, letter, word, text, scriptwriter, "little man"

For citation: Burmistrova S.V. Bibleyskiye allyuzii v povesti N.V. Gogolya "Shinel'" [Biblical allusions in N.V. Gogol's novella "The Overcoat"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 107–115 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-107-115>

Введение

Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» и образ ее главного героя определяются в современном литературоведении как сложнейшие герменевтические проблемы. Неоднозначность истолкования образа Башмачкина связывается с «экспериментальным характером» (О.В. Зырянов) гоголевской художественной антропологии, которая наиболее объемно выразилась в этом персонаже. Суть данного эксперимента не только в сочетании разных эстетических традиций (романтической и реалистической), но и в попытке автора с помощью искусства слова восстановить падшую природу человека, воскресить его мертвую душу.

Литературоведческая традиция религиозно-философского изучения повести Н.В. Гоголя «Шинель» связана преимущественно с интерпретацией содержащихся в ней евангельских образов, мотивов, сюжетов (напр., аллюзии на притчи о брачном пире [1], о богаче и Лазаре [2] и др.), а также компонентов житийного текста (прежде всего, жития св. Ака-

кия Синайского, а также св. мученика Акакия [3]). Кроме того, именно образ Башмачкина способствовал закреплению в литературоведении представлений о гоголевской антропологии как антропологии «негативной» [4, 5] в том смысле, что утверждение идеала человека (человек как образ и подобие Бога) осуществляется от обратного, т. е. писатель фокусирует внимание на искажениях или вообще на отсутствии духовного начала в человеке и тем самым указывает на его религиозную онтологию. Поэтому герой «Шинели» рассматривается преимущественно в контексте апостасийной парадигмы и сюжета грехопадения, т. е. как человек, позабывший о своем высоком духовном предназначении и поработивший себя вещи. Так, А.Б. Пивоваров утверждает, что «Шинель» – повесть о грехопадении, ее сюжет «структурно повторяет библейский сюжет: прельщение (ложными благами) – грехопадение – лишение (всяческих благ) – гибель» [6, с. 104].

Широкое распространение в литературоведении получила традиция, связанная с прочтением

«Шинели» через призму житийного жанра, прежде всего в контексте жития св. Акакия Синайского. Так, В.М. Маркович выявляет в повести те компоненты, из которых складывается житийный канон и которые позволяют увидеть в Башмачкине черты святого угодника: «очевидная предызбранность для будущего жизненного пути, безбрачие, отказ от жизненных благ и мирских соблазнов, исполнение черных работ, бегство от суеты, уклонение от любых возможностей возвышения, уединение, молчание, непреодолимая внутренняя сосредоточенность на своей задаче» [7, с. 83]. Однако, вписывая «Шинель» в житийный контекст, исследователи поясняют, что «общение текста повести и текста жития сложнее, чем просто заимствование, реминисценция, параллель, повторение житийных ситуаций... Совершенно очевидно, что в каждом шаге сюжета, где прозрачна эта традиция, видны явные отклонения, сдвиги, трансформация, сознательное ее нарушение... На каждый тезис житийного канона в повести Гоголя как бы дан антитезис, переворачивающий его содержание» [8, с. 163–164].

Интересную идею высказывает Е.П. Барановская, которая рассуждает о гоголевской повести как о «“зародыше” книги о пасхальном человеке» и встраивает ее в контекст «литературно-богословской триады» писателя («Шинель» – «Выбранные места из переписки с друзьями» – «Размышления о Божественной Литургии»). Образ Башмачкина осмысливается исследователем как выражение гоголевской антропологии и возводится к сакральной фигуре средневекового скриптора, чья повседневная практика призвана переутверждать «взаимосвязь Бога и человека» [9, с. 6].

Материал и методы

Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» исследуется в религиозно-философском и историко-литературном аспектах, что обусловило обращение к методологии библейской и филологической герменевтики, принципам интертекстуального и мотивного анализа художественного текста, а также сравнительно-историческому и культурологическому методам.

Результаты и обсуждение

Сложившиеся в гоголеведении интерпретации «Шинели» дополняют друг друга и подчеркивают ее «герменевтическую неисчерпаемость» (Е.П. Барановская). Вместе с тем некоторые религиозные пласты повести до сих пор остаются невыявленными и непрокомментированными. В частности, в ее структуре можно обнаружить мотивный комплекс, восходящий, как представляется, к апостольскому тексту. Имеются в виду мотивы ветхий – новый, буква – дух, внешний человек – внутренний чело-

век. Эти дихотомические оппозиции получили развернутое выражение в посланиях апостола Павла и впоследствии были осмыслены в святоотеческой литературе. Личность и богословие апостола Павла оказали существенное влияние на мировоззрение Гоголя, а к его посланиям восходит огромное количество интертекстуальных включений в произведениях писателя [10–13]. Об апостольском происхождении в повести мотивов буква – дух, внешний человек – внутренний человек могут свидетельствовать маргиналии, сделанные Гоголем в тексте принадлежавшей ему Славянской Библии. Несколько гоголевских помет относятся к тексту Второго послания к коринфянам. Так, напротив 16-го стиха четвертой главы («Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16)) сделана запись: «Наш внешний человек тлеет, но внутренний обновляется» [14, с. 154]. Отрывок из третьей главы, в котором апостол Павел рассуждает о различиях в служении Новому и Ветхому Завету, используя антитезу «буква – дух» («Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6)), также отмечен гоголевским комментарием: «Служение Нову Завету не письмом, но духом» [14, с. 154].

Антитеза «буква – дух» является не просто фоновым мотивом повести, но формирует внутри сюжета о чиновнике микросюжет письма, который образуется с помощью таких смысловых узлов, как пишущий человек, текст, буква. В ходе повествования этот мотив трансформируется и выражается в разных вариантах, например, закон – благодать, смерть – жизнь, слово – молчание и др.

Вообще в повести можно обнаружить немало количество образов, связанных с понятиями «письмо», «буква», «текст», а также можно заметить, что текст и текстовая реальность постоянно пересекаются с петербургской реальностью. Так, уже в начале повествования рассказывается о некоем капитане-исправнике, который обратился с «просьбой» по поводу того, что «священное имя его произносится решительно всуе» в каком-то романтическом сочинении, «где через каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже в совершенно пьяном виде» [15, с. 117]. О чине титулярного советника, в котором служил Башмачкин, автор замечает, что над ним «натрунились и наострились вдоволь разные писатели» [15, с. 117]. Наконец, сама история героя повести начинается с «лингвистического» исследования его фамилии, а также с ситуации имянаречения, которая подчеркивает вписанность героя в текст христианской культуры. И здесь важно обратить внимание не только на семантику выбранного в православном

календаре имени Акакий (незловивый, кроткий), но и на указание точной даты рождения героя – 23 марта по старому стилю. Получается, что Башмачкин родился почти накануне праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, который по старому стилю отмечается 25 марта. Не вдаваясь в богословские подробности праздника, отметим лишь, что Благовещение осмысливается как центральное событие всей Священной истории, которое, что важно подчеркнуть, находится ровно посередине между Ветхим и Новым Заветом. Этот контекст вносит в образ Башмачкина дополнительную смысловую нагрузку, связанную прежде всего с семантикой перехода от буквы, за которой стоит ветхий закон, к духу и воплощенному Богу-Слову. Кроме того, акцент на особой дате рождения героя и его имени, а также намек на то, что он является, скорее всего, обетованным сыном, так как родился от престарелых родителей, – все это позволяет предположить, что автору важно подчеркнуть мысль об особом призвании/предназначении героя. В свете библийского мотива «буква – дух» это предназначение видится, собственно, в переходе Башмачкина как «чиновника для письма» от служения «смертоносной букве» к служению Слову в высшем смысле.

Текстовые образы, скрепляющие сюжет письма, возникают и в связи с описанием мировосприятия Башмачкина. Акакий Акакиевич смотрит на окружающее через призму текста, но не большого текста христианской культуры, с которого началась его личная история, а всего лишь локального текста канцелярского документа: «Акакий Акакиевич, если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо... тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы» [15, с. 120]. Текстовая реальность Башмачкина подчеркнута правильная в том смысле, что в ней соблюдаются установленные правила/законы переписывания канцелярской бумаги (отсюда такие характеристики, как «чистые, ровным почерком выписанные строки», «не делал ни одной ошибки в письме»).

Вообще мотив закона, регламентированных правил принципиально важен для понимания повести. Его содержание определяется преимущественно библийским контекстом, т. е. антитезой «буква – дух», в которой буква отождествляется именно с законом, системой жестких предписаний. В сюжете письма этот библийский план усиливается тем, что текст в восприятии Башмачкина распадается на буквы, среди которых у него были даже свои «фавориты». Но, переписывая канцелярские бумаги, Башмачкин не только не интересуется их содержанием и не оценивает их «по красоте сло-

га», но даже не воспринимает их как связный текст. Иными словами, для Башмачкина за буквой/законом не стоит какая-либо осмысленная реальность, соответственно, его переписывание, его служение букве является почти механическим действием. Заметим, что речь Башмачкина также отличается отсутствием полноценных связных слов и смыслов: «Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения» [15, с. 124].

В сюжете о чиновнике мотив «буква – дух» выражается через оппозицию «чин – человек». В петербургских повестях Гоголя чиновничий мир всегда жестко регламентирован. Не случайно в «Шинели» возникает такой образ, как «законное пространство», подчеркивающий, что Башмачкин существует в отведенном его чину пространстве («Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался пробежать как можно скорее законное пространство» [15, с. 122]). Одним из главных регуляторов петербургской реальности выступает понятие «чин». В основе конфликта в сюжете о чиновнике лежат противоречия между чином и человеком, между петербургским миром и чиновником. В «Шинели» конфликт чина и человека связан с образом «значительного лица», к которому Башмачкин обратился с просьбой помочь найти украденную шинель. Так, автор отмечает, что этот генерал «был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генеральский чин совершенно сбил его с толку» [15, с. 137]. При этом чин не только определяет его мысли и поведение в обществе, но и по большому счету уничтожает в нем человеческое начало, связанное с даром слова, превращая его в почти бессловесное существо. Так, его разговор с подчиненными «состоял почти из трех фраз: „Как вы смеете?“» [15, с. 137]. Если же генерал оказывался за пределами канцелярии, «в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его», то «там он... молчал... произносил только изредка какие-то односложные звуки» [15, с. 138]. Петербург в гоголевской повести способен обесчеловечить человека в любом чине и звании, стирая тем самым грань между генералом и титулярным советником и воплощая искаженную идею братства.

Собственно, конфликт «маленького человека» с чиновничьим Петербургом получает в повести весьма своеобразное выражение. Для Башмачкина этого конфликта не существует, поскольку для него вообще не важен чин и чиновничья иерархия – эти явления им не осмыслены, в его мире букв таких слов нет. Кроме того, для Башмачкина не существует и самой петербургской реальности (т. е. того

«законного пространства», которое ему доступно), так как он переводит ее в текст, в канцелярское письмо, которое не является для него источником конфликта. Напротив, переписывание для Башмачкина – единственное, что доставляет ему наслаждение, поэтому он переписывает канцелярские бумаги не только в ведомстве, но и дома, но здесь уже не по долгу службы, а «для собственного удовольствия». Все его помышления, по крайней мере в дошинельный период, сосредоточены исключительно на переписывании, которое становится для него своего рода страстью. Подчеркивая масштаб этой страсти, автор отмечает, что, даже ложась спать, Башмачкин улыбался «заранее при мысли о завтрашнем дне: „что-то Бог пошлет переписывать завтра“» [15, с. 121]. С переписыванием казенных бумаг Башмачкин связывает свое служение, причем служит он «ревностно и с любовью». Служение букве становится для Башмачкина «почти религиозным служением» (И.А. Виноградов). Кроме того, оно было настолько самодостаточным, что вне «этого переписыванья», как отмечает автор, для Башмачкина «ничего не существовало» [15, с. 120]: ни людей, ни вещей, ни даже самого себя. «Он не думал вовсе о своем платье» [15, с. 120], не замечал вкуса еды, не обращал внимания на злые шуточки чиновников, «как будто никого и не было перед ним» [15, с. 119].

Подчеркнутый в повести аскетизм героя позволяет исследователям связать его образ с несколькими культурными моделями: образом христианского аскета, архетипом средневекового скриптора и романтической традицией художника. Так, Ч. Де Лотто сравнивает Башмачкина с иноком и подчеркивает, что он «аскет по самой своей природе» [16, с. 64]. Ю.В. Манн возводит аскетические черты в образе Башмачкина (самоограничение, безразличие к карьерному росту, неприязнательность и др.) к психологическому комплексу юродства [17, с. 177]. И.А. Виноградов соотносит образ Башмачкина с романтическим архетипом художника. По мнению исследователя, «самоотверженная любовь героя “Шинели” к своему должностному занятию свидетельствует, по замыслу Гоголя, не о чем ином, как о погребенном в Акакии Акакиевиче незаурядном... таланте... „художника“». [18, с. 218]. В то же время И.А. Виноградов поясняет: «“Художником” герой “Шинели” является не в собственном смысле, но лишь как человек, наделенный соответствующими незаурядными способностями для “искусного”, самоотверженного служения в своей особой, должностной сфере» [18, с. 219]. Е.А. Барановская отмечает в образе Башмачкина черты средневекового скриптора, что позволяет ей рассматривать «Шинель» не как «повесть о несостоявшемся просветлении низшего чиновника в акте

письма», а как «житийное чудо», связанное с оправданием маленького человека, «чьи буквы созревают в живое и действующее Слово о братстве» [9, с. 8]. Безусловно, некоторые черты средневекового переписчика, обозначенные С.С. Аверинцевым, прочитываются в образе Башмачкина: например, преклонение «перед святыней пергамента и букв» [19, с. 218], а также «умонастроение прилежного писца» [19, с. 219]. Тем не менее между Башмачкиным и фигурой скриптора есть существенное отличие, не позволяющее их отождествлять. Средневековый скриптор переписывает не просто текст, но священный текст, в котором видит не только систему знаков, но и воплощенный в них Божественный дух, «письмо Христово», написанное на скрижалях человеческого сердца, и поэтому в акте письма становится возможным просветление пишущего человека, а сам акт письма отождествляется с сакральным действием. Башмачкин копирует всего лишь канцелярский документ, отождествляемый с государственным аппаратом управления, а в аллегорическом смысле – с «буквой закона», лишенной животворящей силы, что делает проблематичным его духовное просветление в акте письма, а также ставит под сомнение возможность «созревания» его буквы в «живое... Слово о братстве».

Слово о братстве – это не столько результат перерождения буквы Башмачкина в его действительное слово, сколько проявление того благодатного духа, который противостоит «смертоносной букве». Именно эта благодатная духовность, которая в повести именуется как «неестественная сила», наполнила слова «маленького человека» «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» новым смыслом – «Я брат твой». Эта же «неестественная сила» способствовала духовному перерождению молодого чиновника и позволила ему не только услышать в словах Башмачкина звенящие/духоносные слова о братстве, но и по-настоящему увидеть в нем своего брата.

Именно с этой «неестественной силой», т. е. божественным миром, а вовсе не с Петербургом, «чиновник для письма» Башмачкин вступает в конфликт, правда, не осознавая этого. Петербург в повести – это не столько источник конфликта, сколько реальность, в которой проявляет себя божественное начало. Не случайно именно такое понимание конфликта повести получило развитие в пьесе современного драматурга О. Богаева «Башмачкин» (2004), в которой проблематизируется «вопрос о формах и способах проявления божественного в абсурдном мире» Петербурга [20, с. 130].

Вообще, духовная реальность в повести очень активна, она постоянно напоминает о себе Башмачкину, мотивируя его к сотворению слова и не

просто слова, но молитвенного слова. Ее знаковым выражением в повести может выступать любой элемент петербургского мира, если он вовлечен в сферу действия Божественного промысла. Например, им может стать такой привычный элемент петербургского текста, как образ ветра. О его символической функции в «Шинели» свидетельствуют появление у него сверхъестественных признаков, соотносимых с семантикой дыхания, духа, который «дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Так, автор отмечает, что ветер дул на Башмачкина одновременно «со всех четырех сторон, из всех переулков» [15, с. 140]. Но наибольшая степень присутствия духовного мира, побуждающего Башмачкина к молитвенному слову и пробуждению его внутреннего человека, ощущается в сцене ограбления. Для этого эпизода характерно максимальное сгущение символов, связанных преимущественно с семантикой перехода. Так, автор сообщает, что улица, по которой Башмачкин возвращался домой, «перерезывалась... большой площадью», что символизирует границу, переход, а также необходимость выбора. Также в повести подчеркивается, что площадь была почти полностью погружена в кромешную тьму, лишь вдали, «Бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшей на краю света» [15, с. 134]. Площадь названа «страшной пустыней», также она сравнивается с морем. Пустыня, море – библийские образы, имеющие в том числе семантику перехода, чудесного выхода из египетского плена в землю обетованную. Площадь внушает Башмачкину страх: «Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе» [15, с. 134]. Вся обстановка словно провоцирует героя к духовному пробуждению, заставляет его вспомнить о Боге и обратиться к нему за помощью. Но вместо этого он всего лишь решил закрыть глаза, чтобы, не видя «страшной» площади, попытаться поскорее пересечь ее и выйти на прежнюю дорогу.

Выбрав в очередной раз путь без Бога, герой лишается самого ценного в своей жизни – новой шинели. Сама ситуация лишения Башмачкина шинели имеет прообразовательный смысл: шинель здесь символизирует душу, которую у человека могут внезапно и вдруг отобрать темные силы. Этот символический смысл становится тем более очевиден, если мы обратим внимание на образы грабителей, которые подчеркнуто безликие, а их единственные приметы – черные усы и громовой голос. Если мы заменим слово «шинель» на слово «душа» в произнесенной одним из этих грабителей фразе («А ведь шинель-то моя!»), то ассоциации с inferнальными силами, с которыми столкнулся Башмачкин, станут еще более прозрачными.

Образ шинели в повести многозначен. Д.В. Долгушин связывает его с религиозной формулой «одеяния души» и рассматривает в контексте притчи о брачном пире: «облачившийся в новую шинель Акакий Акакиевич... отправляется на пир... который устраивает чиновник из его отделения. И в этом травестийном параллелизме обнажается трагедия Акакия Акакиевича: одеянием его души, его «брачной одеждой» становится шинель, а вместо пира Царствия Божия он идет на чиновничью пирушку» [1, с. 34].

Образ шинели можно рассматривать и в контексте учения апостола Павла о ветхом и новом человеке. Навязанная петербургской реальностью необходимость новой шинели сначала пугает Башмачкина: «При слове „новую“ у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и все, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться» [15, с. 125]. Однако постепенно мысль о новой шинели принимается им. Более того, «вечная идея шинели» производит изменения в его существовании, которое, как замечает автор, «сделалось как-то полнее, как будто бы он женился». Меняется и сам Башмачкин: «Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель... Огонь порою показывался в глазах его» [15, с. 129]. Однако цель этих кардинальных изменений подчеркнуто приземленная/овеществленная – приобретение новой вещи, которая, следует заметить, поработила героя настолько, что вытеснила его прежнюю страсть – букву. Поэтому намеченное в повести преобразование Башмачкина в нового человека подменяется торжеством ветхого человека, плененного вещью. В этом смысле новая шинель сама становится символом ветхой души, поработленной страстью. Интересно заметить, что метафорическая параллель между шинелью и душой выстраивается и в сознании самого героя, который однажды подумал: «не заключается ли каких грехов в его шинели» [15, с. 122].

Попытки Башмачкина вернуть шинель описываются в повести как мытарства, которые его ослепленная страстью душа познала уже здесь, на земле. Не случайно внешний вид Башмачкина, возвращавшегося после «распекания» у генерала, напоминает измученного пытками человека: «Он шел по выюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров... Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель» [15, с. 140].

Вместе с тем автор подчеркивает, что у героя, уже лишившегося шинели, по-прежнему сохраняется выбор, а духовный мир продолжает активно напоминать ему о себе. Так, например, когда хозяйка Башмачкина советует ему обратиться за помощью к «частному», то попутно сообщает, что тот

«бывает... всякое воскресенье в церкви, молится» [15, с. 135]. Примечательно, что и сам «частный» в разговоре с Башмачкиным задает ему такие вопросы, которые предполагают в ответчике почти что блудного сына: «Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме» [15, с. 136]. Иными словами, эти вопросы должны были направить взор Башмачкина на своего внутреннего человека, помочь ему познать самого себя, а значит, и познать Бога (в этом, по Гоголю, состоит суть «Божественной науки»). Однако Башмачкин по-прежнему предпочитает не замечать божественного присутствия в своей жизни, все более и более отдаляясь от возможности спасения как своей шинели в земной жизни, так и своей души в вечности.

Важно отметить, что описание жизненного пути героя завершается мотивом немоты, который преодолевается лишь на миг в предсмертной агонии. Однако предсмертное слово Башмачкина подчеркнуто негативное, разрушительное: он «сквернохульничал, произнося самые страшные слова» [15, с. 140], «говорил совершенную бессмыслицу»

[15, с. 141]. Такое слово свидетельствует о несостоявшемся просветлении ветхого человека и о неосуществившемся созревании его буквы в одухотворенное слово.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что природа образа Башмачкина принципиально полисемантична и обнаруживает связь с несколькими архетипами: средневекового переписчика, романтического художника, христианского аскета. В то же время художественная антропология Гоголя всецело определяется христианской концепцией внутреннего и внешнего человека и поэтому связана прежде всего с идеей поиска Христа в человеке. В этом плане архетипы скриптора, художника и аскета становятся только знаками «внутреннего человека» Башмачкина, т. е. человека, сопричастного Христу, но которого герой «Шинели» так и не смог найти в самом себе и выразить в собственной жизни. Интертекстуальные включения из посланий апостола Павла сообщают повести дополнительный смысловой объем, позволяя обнаружить в гоголевском сюжете письма мотивы текста, буквы и соотнести их с библейской антитезой «смертоносной буквы» и «животворящего духа».

Список источников

1. Долгушин Д.В. Еще раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н.В. Гоголя // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4. С. 30–35.
2. Сатарова Л.Г., Стюфляева Н.В. О некоторых аспектах христианского прочтения повести Н.В. Гоголя «Шинель» (в свете учения свт. Тихона Задонского о грехах и добродетели) // Святитель Тихон Задонский и пути развития русского богословия, культуры, образования: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. протоиерея О.Е. Безруких, Н.В. Стюфляевой. Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 172–179.
3. Ветловская В.Е. Житийные источники гоголевской «Шинели» // Русская литература. 1999. № 1. С. 18–34.
4. Н.В. Гоголь как герменевтическая проблема: к 200-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. [и с предисл.] О.В. Зырянова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 348 с.
5. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. 2-е изд. М.: Юрайт, 2021. 228 с.
6. Пивоваров А.Б. Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Источниковедение в школе. 2009. № 1–2. С. 99–108.
7. Маркович В.М. Петербургские повести Н. Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 208 с.
8. Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. Гоголя. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 206 с.
9. Барановская Е.П. «Номо scribens»: антропологические аспекты письма в творчестве Н.В. Гоголя (от «Шинели» к «Размышлениям о Божественной Литургии»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 27 с.
10. Keil R.-D. Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate // Festschrift für Herbert Bräuer. Köln; Wien, 1986. S. 193–220.
11. Воропаев В.А. «Нет другой двери...». Евангелие в жизни Гоголя // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. трудов. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 180–197.
12. Михед П.В. Об апостольском проекте Гоголя (опыт реконструкции) // Гоголь как явление мировой литературы / под ред. Ю.В. Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 42–55.
13. Бурмистрова С.В. Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. Гоголя // Stephanos. 2019. № 3 (35). С. 99–107.

14. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 9: Выписки из творений Святых Отцов. Каноны и песни церковные. Словари. Записные книжки / сост., подготовка текстов и комментариев И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 968 с.
15. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии / сост., подготовка текстов и комментариев И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 688 с.
16. Лотто ч. Де. Лестница «Шинели» // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 58–83.
17. Манн Ю.В. Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 154–182.
18. Виноградов И.А. «Я брат твой». О повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. С. 214–239.
19. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
20. Баль В.Ю. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 2 // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 123–133.

References

1. Dolgushin D.V. Yeshchyo raz o svyatootecheskikh motivakh v “Shineli” N.V. Gogolya [Once again about patristic motives in N.V. Gogol’s “Overcoat”]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2007, no. 4, pp. 30–35 (in Russian).
2. Satarova L.G., Styuflyayeva N.V. O nekotorykh aspektakh khristianskogo prochteniya povesti N.V. Gogolya “Shinel” (v svete ucheniya svt. Tikhona Zadonskogo o grekhakh i dobrodeteli) [On some aspects of the Christian reading of N.V. Gogol’s novella “The Overcoat” (in the light of the teachings of St. Tikhon Zadonsky on sins and virtue)]. *Svyatitel’ Tikhon Zadonskii i puti razvitiya russkogo bogosloviya, kul’tury, obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [St. Tikhon Zadonsky and the ways of development of Russian Theology, culture, and education: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Pod red. protoiyereya O.E. Bezrukikh, N.V. Styuflyayevoy. Lipetsk, Lipetsk Pedagogical University Publ., 2022. Pp. 172–179 (in Russian).
3. Vetlovskaya V.E. Zhitiynnye istochniki gogolevskoy “Shineli” [Hagiographic sources of Gogol’s “Overcoat”]. *Russkaya literatura*, 1999, no. 1, pp. 18–34 (in Russian).
4. N.V. Gogol’ kak germeneyticheskaya problema: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya [N.V. Gogol as a hermeneutical problem: on the 200th anniversary of the writer’s birth]. Ed. O.V. Zyryanov. Yekaterinburg, Ural university Publ., 2009. 348 p. (in Russian).
5. Goncharov S.A. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol’s work in a religious-mystical context]. Moscow, Yurayt Publ., 2021. 228 p. (in Russian).
6. Pivovarov A.B. Motiv “priobreteniya odezhdy” v khristianskoy traditsii i povesti N.V. Gogolya “Shinel” [The motive of “buying clothes” in the Christian tradition and the story of N.V. Gogol “The Overcoat”]. *Istochnikovedeniye v shkole*, 1999, no. 1-2, pp. 99–108 (in Russian).
7. Markovich V.M. *Peterburgskiy povesti N. Gogolya* [The Petersburg stories of N. Gogol]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 208 p. (in Russian).
8. Dilaktorskaya O.G. *Fantasticheskoye v “Peterburgskikh povestiyakh” N. Gogolya* [The Fantastic in N. Gogol’s “Petersburg Stories”]. Vladivostok, FEPU Publ., 1986. 206 p. (in Russian).
9. Baranovskaya E.P. “Homo scribens”: antropologicheskiye aspekty pis’ma v tvorchestve N.V. Gogolya (ot “Shineli” k “Razmyshleniyam o Bozhestvennoy Liturgii”). *Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [“Homo scribens”: anthropological aspects of writing in the works of N. V. Gogol (from “The Overcoat” to “Reflections on the Divine Liturgy”). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Omsk, 2004. 27 p. (in Russian).
10. Keil R.-D. *Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate. Festschrift für Herbert Bräuer*. Köln; Wien, 1986. Pp. 193–220.
11. Voropaev V.A. “Net drugoy dveri...”. Yevangeliye v zhizni Gogolya [“There is no other door...”. The Gospel in Gogol’s Life]. *Yevangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3* [The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific works. Issue 3]. Petrozavodsk, Petrozavodsk university Publ., 2001. Pp. 180–197 (in Russian).
12. Mikhed P.V. Ob apostol’skom proekte Gogolya (opyt rekonstruktsii) [About Gogol’s Apostolic project (reconstruction experience)]. *Gogol kak yavleniye mirovoy literatury. Pod redaktsiyey Yu.V. Manna* [Gogol as a phenomenon of world literature. Edited by Yu.V. Mann]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. Pp. 42–55 (in Russian).
13. Burmistrova S.V. Funktsii apostol’skogo teksta v “Vybrannykh mestakh iz perepiski s druz’ymi” N. Gogolya [The functions of the Apostolic Text in N. Gogol’s “Selected Passages from Correspondence with Friends”]. *Stephanos*, 2019, no. 3 (35), pp. 99–107 (in Russian).
14. Gogol’ N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 17 tomakh. Tom 9: Vypiski iz tvoreniy svyatykh otsov. Kanony i pesni tserkovnyye. Slovari. Zapisnyye knizhki*. Podgotovka tekstov i kommentariyev I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev [Complete Works and Letters: in 17 vol., vol. 9: Extracts from the works of the Holy Fathers. Canons and songs of the church. Dictionaries.

- Notebooks. Comp., preparation of texts and comments I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 968 p. (in Russian).
15. Gogol' N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 17 tomakh. Tom 3: Povesti; T. 4: Komedii*. Podgotovka tekstov i kommentariyev I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev [Complete Works and Letters: in 17 vol., vol. 3: Stories; vol. 4: Comedies. Comp., preparation of texts and comments I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 688 p. (in Russian).
 16. Lotto Ch. De. Lestvitsa "Shineli" [Ladder of "Overcoat"]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 8, pp. 58–83 (in Russian).
 17. Mann Yu.V. Karnaval i yego okrestnosti [Carnival and its surroundings]. *Voprosy literatury*, 1995, no. 1, pp. 154–182 (in Russian).
 18. Vinogradov I.A. "Ya brat tvoy". O povesti N.V. Gogolya "Shinel'" ["I am your brother". About N.V. Gogol's novel "The Overcoat"]. *Yevangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3* [The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific works. Issue 3]. Petrozavodsk, Petrozavodsk university Publ., 2001. Pp. 214–239 (in Russian).
 19. Averintsev S.S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [The Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, Coda Publ., 1997. 343 p. (in Russian).
 20. Bal V.Yu.N. Povest' N.V. Gogolya "Shinel'" v retseptivnom soznanii epokhi rubezha XX–XXI vekov. Stat'ya 2 [Gogol's story "The Overcoat" in the receptive consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 1]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 112–133 (in Russian).

Информация об авторе

Бурмистрова С.В., кандидат филологических наук, доцент, Московская духовная академия (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Сергиев Посад, Россия, 141300).

E-mail: t-svet2007@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3852-9797; SPIN-код: 3664-4278.

Information about the author

Burmistrova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Moscow Spiritual Academy (Holy Trinity Lavra of St. Sergius, Sergiev Posad, Russian Federation, 141300).

E-mail: t-svet2007@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3852-9797; SPIN-code: 3664-4278.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 19.12.2024; accepted for publication 03.04.2025

УДК 821.161.1.09: 821.11
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-116-125>

Поэма Е. Евтушенко «Бабий Яр» в англоязычной переводческой рецепции

Светлана Сергеевна Калинина^{1, 2}

¹ *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

^{1, 2} *sskalinina@mail.ru; 0000-0003-3647-9394*

Аннотация

В статье рассматриваются переводы поэмы «Бабий Яр» Евгения Александровича Евтушенко на английский язык в семи антологиях, опубликованных с 1962 по 2008 г. Актуальность исследования обусловлена как высоким интересом западных читателей, издателей и переводчиков к новизне и яркости художественной формы поэмы в совокупности с необычной для советского автора тематикой (изображение антисемитизма в Советском Союзе), так и важностью изучения особых возможностей типа рассматриваемых изданий (антологий) в плане создания образа иноязычного автора и произведения, а также влияния на его восприятие читателем. Наибольшая часть английских переводов поэмы приходится на 1960-е гг., близкие ко времени ее написания; переиздание более раннего перевода в 2008 г. свидетельствует о неугасающем интересе к поэме. Целью данного исследования является изучение переводческой рецепции поэмы «Бабий Яр» в англоязычном пространстве, в том числе переводческие стратегии и подходы, влияющие на читательское восприятие. Задачи исследования решены при помощи комплексного анализа материала, включающего историко-культурный, сравнительно-сопоставительный, мотивно-образный и имагологический методы и подходы. Выявлен корпус англоязычных переводов поэмы «Бабий Яр». Проанализированы особенности англоязычных издательских стратегий в отношении поэмы, в том числе обозначенное в паратекстовых элементах (введение, заключение, статьи об авторе, издательский комментарий) отношение к России, ее литературе, культуре и социальным процессам, а также к самим русским поэтам и писателям периода «оттепели». Представлено описание художественно-эстетических свойств оригинального текста поэмы «Бабий Яр», проведен сравнительно-сопоставительный анализ оригинала поэмы и ее переводов на английский язык. Описаны художественно-эстетические особенности каждого перевода, выявлены различные подходы переводчиков к транслируемому материалу. Сделаны выводы о принадлежности переводов к определенному типу перевода (вольный перевод, подменяющий основы образности; подстрочный перевод, нацеленный на максимальное семантическое соответствие оригиналу; эквивалентный перевод, стремящийся комплексно передать художественно-эстетические особенности оригинала) и их возможном влиянии на читательское восприятие.

Ключевые слова: поэма «Бабий Яр», антология, переводческая рецепция, издательская стратегия, паратекст, Е. Евтушенко

Для цитирования: Калинина С.С. Поэма Е. Евтушенко «Бабий Яр» в англоязычной переводческой рецепции // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 116–125. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-116-125>

Ye. Yevtushenko's poem "Babi Yar" in the English reception

Svetlana S. Kalinina^{1, 2}

¹ *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

^{1, 2} *sskalinina@mail.ru; 0000-0003-3647-9394*

Abstract

The article examines translations of Yevgeny Yevtushenko's poem "Babi Yar" into English in seven anthologies published from 1962 to 2008. The relevance of the study is determined by both the high interest of Western readers, publishers and translators in the novelty and brightness of the artistic form of the poem in combination with the unusual theme for a Soviet author (exposing anti-Semitism in the Soviet Union) and the importance of studying the special possibilities of the type of examined publications (anthologies) in terms of creating an image of a foreign author and work, as well as influencing its perception by the reader. The majority of English translations of the poem were published in the 1960s, close to the time of its

writing; the republication of an earlier translation in 2008 testifies to the continuing interest in the poem. The aim of this study is to examine the translation reception of the poem “Babi Yar” in the English-speaking world, including translation strategies and approaches that influence reader’s perception. The objectives of the study were achieved through a comprehensive analysis of the material, including historical and cultural, comparative, motive and figurative and imagological methods and approaches. The corpus of English translations of the poem “Babi Yar” is identified. The features of English publishing strategies in relation to the poem are analyzed, including the attitude to Russia, its literature, culture and social processes, as well as to Russian poets and writers of the “thaw” period, indicated in paratextual elements (introduction, conclusion, articles about the author, publisher’s commentary). The description of the artistic and aesthetic properties of the original text of the poem “Babi Yar” is presented, a comparative analysis of the original poem and its translations into English is carried out. The artistic and aesthetic features of each translation are described, and different translators’ approaches to the translated material are revealed. Conclusions are made about the belonging of translations to a certain type (free translation, replacing the basic imagery; interlinear translation, aimed at maximum semantic correspondence to the original; equivalent translation, striving to comprehensively convey the artistic and aesthetic features of the original) and their possible influence on reader’s perception.

Keywords: poem “Babi Yar”, anthology, translation reception, publishing strategy, paratext, Ye. Yevtushenko

For citation: Kalinina S.S. Poema Ye. Yevtushenko “Babi Yar” v angloyazychnoy perevodcheskoy retseptsii [Ye. Yevtushenko’s poem “Babi Yar” in the English reception]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 116–125 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-116-125>

Введение

Восприятие русской литературы за рубежом – важнейший фактор формирования не только знания о русской культуре в целом, особенностях художественного сознания в различные периоды ее развития и специфики художественно-эстетического мира отдельного автора, но и фактор формирования понимания сути процессов, происходящих в иноязычном/инокультурном обществе, особенно таком, интерес к которому подогревается декларируемым различием в системах ценностей, целей и ориентиров. В этом отношении поэты-шестидесятники завоевали особое внимание англоязычного читателя, будучи не только носителями культурного кода и наследниками великой русской литературы XIX в. и поэзии Серебряного века, но и авторами-публицистами, через свое творчество открыто выражавшими настроения и надежды, связанные с переменами времен «оттепели».

Евгений Александрович Евтушенко, один из самых ярких представителей поэтов-шестидесятников, получил всемирную известность благодаря поэме «Бабий Яр», написанной в 1961 г. Анатолий Васильевич Кузнецов, молодой писатель, уроженец окраины Киева и свидетель оккупации города фашистами, рассказал Евтушенко о страшных событиях Бабьего Яра сентября 1941 г., где фашисты расстреляли более 33 тыс. мирного населения. Подавляющее большинство казненных были евреями, но были и люди других национальностей. При посещении места казни десятков тысяч людей Е. Евтушенко увидел мусорную свалку. Под впечатлением от увиденного поэт за несколько часов написал поэму «Бабий Яр», которая по приезде в Москву была передана в редакцию газеты «Литературная жизнь» и издана 19 сентября 1961 г. Весь тираж газеты был мгновенно раскуплен; интерес к

поэме оказался огромным. В первый раз в советском издании выражалось сострадание трагедии еврейского народа, более того, вскрывалось существование антисемитизма в СССР. Поэма спровоцировала скандал в правящих советских верхах и увольнение главного редактора В.А. Косолапова. Ее посчитали «идеологически ошибочной»; возмущены были не только государственные чиновники, но и некоторые поэты и писатели; развернулась бурная общественная дискуссия. Статьи, письма, стихи и памфлеты против Евтушенко утверждали, что, подчеркивая страдания еврейского народа, Евтушенко забыл о миллионах погибших русских. Хрущев заявил, что «автор поэмы проявляет политическую незрелость и поет с чужого голоса» [1].

Произведя эффект разорвавшейся бомбы в СССР, поэма немедленно стала сенсацией и во всем мире: за неделю поэма была переведена на 72 языка и вышла на первых страницах всех крупнейших газет. Вдохновившись «Бабым Яром», композитор Д. Шостакович написал свою 13-ю симфонию. В 2003 г. вышел германско-белорусский художественный фильм «Бабий Яр».

Благодаря этой поэме Е. Евтушенко получил признание за рубежом. В апреле 1962 г. его фото появилось на обложке американского журнала «Тайм». Статья «Россия: жажда истины» (Russia: A Longing for Truth) говорила о нем как о смелом молодом человеке, «знаменосце» нового поколения, обладающем «некоторой моральной страстью русских писателей XIX в. и собственным озорным индивидуализмом» [2]. В статье отмечен провокационный характер поэмы «Бабий Яр»; она «представляет собой резкий, острый протест против антисемитизма» [2] (здесь и далее перевод мой. – С. К.).

С момента написания поэма «Бабий Яр» прочно вошла в список произведений русской поэзии,

появившись в разных переводах практически во всех переводных антологиях русской поэзии, изданных в Великобритании и США, и стала визитной карточкой Е.А. Евтушенко и его «поэтической публицистики». Как отмечает Ю.А. Тихомирова, «...во многих изданиях антологий русские поэты показаны в соответствии с теми стереотипными представлениями, которые сложились о них. С этой точки зрения зачастую происходит и отбор стихотворений, которые своими идейно-эстетическими параметрами наиболее легко вписываются в заданную „схему“» [3, с. 178].

Это обстоятельство – большой интерес Запада к поэме как к художественно-эстетически сложному и прекрасному произведению, которое к тому же позволило показать западному читателю неприглядную изнанку советской реальности, – провоцирует на изучение характера переводческой рецепции поэмы «Бабий Яр» в англоязычной культуре; при этом в фокусе исследовательского внимания находятся аспекты художественного перевода, переводческих и издательских стратегий и их влияния на читательское восприятие. Цель исследования определила следующие его задачи:

- 1) выявление корпуса англоязычных переводов поэмы Е. Евтушенко «Бабий Яр», их хронологизация и локализация в социально-политическом и культурно-историческом контексте принимающей культуры;
- 2) характеристика особенностей издательских стратегий и практик в отношении этой поэмы в англоязычных переводах и их связи с культурным и межкультурным контекстом;
- 3) описание художественно-эстетических особенностей поэмы «Бабий Яр» Е.А. Евтушенко;
- 4) сравнительно-сопоставительный анализ англоязычных переводов поэмы и оригинала;
- 5) описание переводческих стратегий различных изданий поэмы и определение характера их влияния на читательское восприятие.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили публикации поэмы «Бабий Яр» Е. Евтушенко в семи англоязычных антологиях, изданных с 1962 по 2008 г. Характерно, что почти все представленные антологии появились в 1960–1970 гг., и лишь одна из них переиздана в 2008 г. Также примечательно, что в антологии *Soviet Russian verse, an anthology* (1964), составленной Р.Р. Милнер-Галландом, поэма «Бабий Яр» представлена в русском оригинале. Однако в 1967 г. этот же составитель в соавторстве с П. Леви и самим Е. Евтушенко издает антологию *Yevtushenko: selected poems*, в которой уже присутствует перевод поэмы на английский язык. Впервые антология стихотворений Е. Евтушенко, состав-

ителями которой являлись Р.Р. Милнер-Галланд и П. Леви, была издана в 1962 г. Затем она переиздавалась одним и тем же издательством (Penguin Books) 11 раз – в 1963, 1964 гг., каждый год с 1966 по 1971 г. (в 1967 г. дважды), в 1973 и 2008 гг. В данном исследовании перевод поэмы цитируется по последнему переизданию 2008 г. [4]. Таким образом, представлены шесть переводов, а не семь, так как в одной антологии произведение появилось только на русском языке.

При анализе материала использовались следующие методы: историко-культурный, сравнительно-сопоставительный, мотивно-образный и имагологический.

Результаты и обсуждение

Написание поэмы Е.А. Евтушенко пришлось на нелегкие времена в дипломатических отношениях СССР с государством Израиль, инициатором создания которого СССР изначально выступил и всячески помогал ему на первых порах. После выигранной Израилем войны против сил Лиги арабских государств 1948–1949 гг. Израиль полностью оказался в сфере влияния США, что быстро привело к резкому ухудшению советско-израильских отношений, конфронтации, противоборству, кратковременному разрыву дипломатических отношений в 1953 г. и более чем двадцатилетнему – в 1967 г. [5]. Тема антисемитизма в СССР, поднятая Е. Евтушенко в поэме, была с энтузиазмом воспринята в СССР, но с не меньшим энтузиазмом – на Западе. Представляется, что поэма стала не только силой в эстетически заряженной борьбе с фашизмом и мировым антисемитизмом, но и средством скрытой идеологической борьбы Запада против СССР. Несложно заметить, что половина переводов и переизданий переводов поэмы приходится на период 1967 г. и на время сразу после него, когда произошел двадцатилетний разрыв дипломатических отношений Израиля и СССР, время, за которое Израиль стал верным союзником США.

Учитывая то, что «антология – особый вид издания, в котором необходимо в минимальное количество страниц, отведенных одному поэту, вложить максимум информации об идейно-эстетическом и жанрово-стилистическом своеобразии его творчества» [3, с. 177], важным представляется и обзор того, как издатель видит своеобразие оригинального автора, его специфику в контексте его родной культуры и кому из переводчиков он доверяет познакомить читателя с иноязычным автором. Анализ состава персоналий издателей и переводчиков показал, что составители анализируемых антологий являются переводчиками, поэтами, историками, литературоведами, изучавшими и преподававшими русскую литературу в англоговорящих

странах. Двое из них побывали в СССР. Так, М. Хэйворд, британский преподаватель русского языка и переводчик русской литературы, был назначен послом от МИД Великобритании и пробыл в Москве два года, с 1947 по 1949 г. О. Карлайл, журналистка, переводчица, дочь русского поэта Вадима Андреева, впервые побывала в Советском Союзе в 1959 г., где взяла интервью у Б. Пастернака; также она была лично знакома с А. Солженицыным.

За рубежом интерес к поэме вплоть до нашего времени довольно высок. Так, профессор университета Риджес в г. Денвер (США) В. МакКейб (V. McCabe) в своей статье 2018 г. о том, почему и как она преподает русскую литературу, рассказывает, что знакомство с «Бабьим Яром» начинается с того, что студенты слушают запись поэмы в исполнении автора. Несмотря на то что студенты не знают русского языка, выразительный голос Евтушенко погружает их в эмоциональную насыщенность поэмы. Затем профессор включает студентам поэму по-английски в исполнении Л. Ферлингетти (американский поэт, книгоиздатель, педагог). Далее они отправляются в мемориальный парк, посвященный Бабьему Яру, где на дне рукотворной ямы читают поэму вслух, вспоминая тех мужчин, женщин и детей, чьи жизни оборвались так ужасно и трагически. МакКейб объясняет свой интерес к преподаванию творчества русских писателей тем, что в них она находит «насушность пронзительных вопросов, которые они поднимают, перенесенное страдание, моральную однозначность тона и фактов, убедительные свидетельства былого» [6, с. 157].

Огромный эмоциональный эффект поэма «Бабий Яр» произвела не только остротой поднятой в ней темы антисемитизма, но и «тем сюжетным ходом, которым поэт „осердчил“ всю многовековую историю страданий еврейского народа» [7, с. 127]. Само место трагедии становится декорацией для всех присутствующих персонажей, показывающих историю евреев, начиная с распятия Христа и заканчивая Второй мировой войной. Все люди и события, описанные в поэме, для Евтушенко представляются одинаково значимыми. Здесь и мальчик из Белостока (Самуэль Пизар), прошедший через три лагеря смерти и чудом оставшийся в живых, и Альфред Дрейфус, французский еврей, обвиненный в шпионаже и государственной измене, и юная Анна Франк, автор знаменитого дневника, описывающего страшные события военного времени. События в Бабьем Яре послужили для поэта импульсом для отражения боли и страданий, которые испытывал еврейский народ на протяжении веков.

Сюжет в поэме построен как единое лирическое переживание. Ключевым в поэме выступает образ самого автора, который, стоя над обрывом и

видя место трагедии, пропускает через себя все тяготы и ужасы, выпавшие на долю евреев, олицетворяя их в разных образах. Для описания персонажей Евтушенко использует яркие лексические цепочки, которые вызывают у читателя определенные ассоциации. Например, автор описывает иудея, который «бредет по древнему Египту», затем он «на кресте распятый, гибнет» [8, с. 66], подразумевая распятие Христа. Далее поэт передает чувства Альфреда Дрейфуса, обвиненного в преступлении, которого он не совершал: «затравленный, оплеванный, оболганный» [8, с. 66]. Мальчик из Белостока видит кровь, которая растекается по полу. Анна Франк, «прозрачная, как веточка в апреле» [8, с. 67], слышит шум:

*Сюда идут?
Не бойся – это гулы
самой весны –
она сюда идет.
Иди ко мне.
Дай мне скорее губы.
Ломают дверь?
Нет – это ледоход... [8, с. 67–68].*

Через подмену шума вламывающихся в дверь на звуки поэтического оживления природы после зимнего сна поэт передает ощущение страха и ужаса, в котором жила семья Анны Франк, скрываясь от расстрела до августа 1944 г. Каждый день семья опасалась стука в дверь, о чем свидетельствует дневник девочки.

Поэма Евтушенко принадлежит к его так называемой громкой поэзии, поэтика которой изобилует приемами и элементами публицистического стиля, призванного производить максимальное воздействие на читателя. Так, поэт применяет эмоционально окрашенные восклицательные предложения, лозунги, прямые обращения и др.:

*О, русский мой народ! –
Я знаю –
ты
По сущности интернационален* [8, с. 67].

Способствует нагнетанию эмоциональной напряженности также и особый синтаксис поэтического текста. Односоставные рубленые предложения, перечисления и градации придают поэме лаконичность и динамизм:

*Я за решеткой.
Я попал в кольцо.
Затравленный,
оплеванный,
оболганный [8, с. 66].*

Евтушенко прибегает к стилистическим приемам для максимальной экспрессивности текста. Например, он использует оксюмороны («вожди трактирной стойки», «всё молча здесь кричит»,

«беззвучный крик») [8, с. 66, 68] и эмоционально заряженные сравнения и метафоры – «крутой обрыв, как грубое надгробье»; «мещанство – мой доносчик и судья»; «я попал в кольцо» [8, с. 66]. Для придания особенной важности автор применяет гиперболизацию – «мне сегодня столько лет, как самому еврейскому народу»; «над тысячами тысяч погребенных» [8, с. 66, 68]. Олицетворение передает эмоциональное напряжение человека, находящегося перед лицом смерти. Весну поэт описывает как живого человека, меняя привычное и закрепившееся в речи выражение «весна идет» на «Она сюда идет». Деревья у него «смотрят грозно, по-судейски» [8, с. 67, 68].

Несмотря на то что по ходу развития сюжета в поэме само место трагедии, Бабий Яр, отходит на второй план, оно является образом-символом, и его образное значение (место казни) вырастает до выражения внутреннего состояния поэта и до выражения сущности человеческой жизни, жизни еврейского народа.

Выразительность тексту придают многочисленные сенсорные (звуковые) образы, которые для публицистики как для слова *звучащего* являются важным инструментом эмоционального воздействия. Так, поэт употребляет целый ряд стилистически окрашенных глаголов, означающих различные виды звуковоспроизведения (дамочки «*визжат*», именем «*бряцают*», дверь «*ломают*»), оксюморонное выражение «*всё молча здесь кричит*» и призыв-обращение «*„Интернационал“ пусть прогремит*». Также автор использует существительные, в основном отглагольные, для передачи различных звуковых образов: гулы весны, гогот погромщиков, ледоход, шелест диких трав, беззвучный крик [8, с. 66–68].

Центральными в поэме являются мотивы смерти и бессмертия, веры и любви, которые реализуются на лексико-семантическом и ассоциативном уровне. Так, мотив смерти выражается следующим образом: «*А вот я, на кресте распятый, гибну...*»; «*...над тысячами тысяч погребенных*»; «*...когда навеки похоронен будет последний на земле антисемит*» (здесь и далее выделено полужирным шрифтом мной. – С. К.) [8, с. 66–68]. Мотив бессмертия представлен в поэме словом «навеки» и в строке «*Ничто во мне про это не забудет!*». Мотив веры реализуется через образ Христа, а также при ассоциативном соотнесении фокуса зрения лирического героя и несчастного мальчика из Белостока: «*Напрасно я погромщиков молю...*». Мотив страдающей любви воплощается в образе матери, которую насилует лабазник, а также при переносе фокуса зрения в дом живущих в постоянном страхе и ожидающих расправы, но не потерявших человеческие качества членах семьи Анны Франк:

«*И я люблю...*»; «*...нежно друг друга в темной комнате обнять*»; «*Иди ко мне. Дай мне скорее губы...*» [8, с. 66–68].

Художественное пространство поэмы наполнено различными персонажами и событиями. Реальное, «внешнее» пространство, позиционируемое Евтушенко, перерастает во «внутреннее» пространство сознания, памяти и воображения, хотя текст непосредственно отсылает к внешней реальности. Четкое включение образа изображаемого в поэме пространства в пространство материального мира, которое в сознании читателя (и персонажей) имеет точные координаты, возникает в географическом пространстве, имеющем точную привязку к социальным и природным топосам: в поэме обозначены Бабий Яр, где были расстреляны евреи, место казни Христа (Иерусалим), египетская пустыня, по которой еврейский народ, по преданию, скитался сорок лет, и др. Пространство в поэме является открытым, так как все времена и пространства сосуществуют в сознании героя, который отождествляет себя с персонажами из разных времен и локаций. Что касается способов воплощения пространственных представлений, в тексте присутствует композиционный способ – изменение ракурса изображения, меняющее восприятие объекта:

*Мне кажется сейчас –
я иудей.*

*Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне – следы гвоздей*

[8, с. 66].

Одной из важнейших композиционных особенностей поэмы является смена перспектив исторического времени на фоне разворачивающихся в сознании лирического героя картин настоящего, далекого и недалекого прошлого, и заканчивается поэма строками, относящимися к будущему времени. Поэма оперирует сочетанием нескольких разных моделей времени: линейной и циклической. Признаком линейного времени в поэме служит ретроспекция, т. е. события разворачиваются от настоящего к прошлому и протекают непрерывно; автор представляет исторические эпизоды, смену социального уклада и представлений о жизни. Циклическая модель времени представлена в поэме возвращением автора на место трагедии, где он чувствует, как медленно седеет. Евтушенко использует перцептуальное время – это образ времени в сознании рассказчика-свидетеля представленных в поэме событий, «чья деформация „реального“ времени мотивирована психологически или событийно», т. е. субъект изображения (автор) повествует о внешних по отношению к нему событиях [9, с. 63].

По мнению Ю.А. Тихомировой, «определение пространственно-временных параметров текста...

не самоцель. Характер восприятия и моделирования образов пространства и времени, динамическое взаимодействие этих категорий являются отражением мироощущения автора, предоставляют читателю возможность „прочитать между строк“ отношение автора к явлениям жизни. Через раскрытие этих категорий и их корреляцию автором решается проблема соотношения временного и вечного, всеобщего и индивидуального, внутреннего и внешнего, своего и чужого, памяти и забвения; в целом постигается авторская онтология» [10, с. 8].

Перевод любого произведения представляет собой форму контакта культур при взаимоотношении языков, являющуюся основным объектом для изучения межкультурной коммуникации [11, с. 167–168]. Перевод текста невозможен без различного рода трансформаций. Так, Л.С. Бархударов говорит о том, что «при межкультурном преобразовании (как и при всяком другом виде преобразований) неизбежны потери» [12, с. 11], т. е. текст перевода не может быть полным эквивалентом текста оригинала. Задача переводчика, по мнению В.Н. Комиссарова, заключается в умении «создавать полноценный текст перевода, делать правильный выбор языковых средств» [13, с. 15].

Методом сплошной выборки были изучены переводы, представленные в англоязычных антологиях различного периода. Наравне с оригиналом все переводы представляют единый лирический сюжет – эмоциональную речь лирического героя, сюжет его перевоплощения в разные образы. Анализ переводов показал, что их все, кроме переводов М. Хэйворда [14] и А. Холо [15], можно назвать верлибром, так как они передают смысл и максимально приближены к оригиналу, имеют ритм, но лишены рифмы. Перевод Д. Рэйви [16] является подстрочным. М. Хэйворд [14] нацеливается на комплексную передачу единства формы и содержания, на сохранение рифмы и ритма произведения, поэтому его перевод является поэтическим. Перевод А. Холо [15] представляет собой вольный перевод, так как автор сохраняет лирический сюжет, но местами амплифицирует текст и вводит не имеющиеся в оригинале образы и мотивы. Так, например, в строке «Ничто во мне про это не забудет!..» он добавляет чуждую оригиналу образность: погибшие евреи «проникли в его кожу, вены и кости и сделали из его тела катакомбу» (*They have entered my skin, these people my veins and my bones, they have made my body their catacomb*) (здесь и далее перевод мой. – С. К.) [15].

Для сопоставления и анализа были выбраны ключевые мотивы смерти, любви, веры, лексико-семантические единицы, относящиеся к категории чувствования, а также отсылки к историческим со-

бытиям, историзмы, наименования предметов, явлений традиционного быта.

Мотив смерти, выраженный в строке «*А вот я, на кресте распятый, гибну...*», представлен в четырех переводах из шести [4, 14–16]. В них употребляется слово *crucified*, что означает «*быть распятым на кресте*». Также в других четырех переводах [4, 16–18] используется глагол *perish*, означающий «*погибать ужасным или неожиданным способом*». Таким образом, переводы эквивалентны, передают мучительную смерть Христа. Представляется, что в переводе Р.Р. Милнер-Галланда и П. Леви [4] переводчики намеренно используют прием нарушения грамматики и синтаксиса в предложениях, чтобы показать невыносимость страданий Христа (и всего еврейского народа через образ Христа), вплоть до состояния нарушения речи: *I, crucified. I perishing*. А. Холо [15] употребляет разные артикли со словом *Jew*, что дает ему возможность менять значение слов: *a Jew* – указывает на общее значение слова «еврей», подразумевая всех евреев в принципе, в то время как определенный артикль – *the Jew* обозначает конкретного еврея, распятого на кресте (Христа): *I stand here, afraid surrounded by death. I stand here, old as a Jew, as the Jew crucified!* Таким образом Холо вводит новые смыслы и образы, отсутствующие в оригинальном тексте поэмы.

В строке «*...над тысячами тысяч погребенных...*» очевидное эмоционально-эмфатическое дублирование «*тысячи тысяч*» осталось некоторыми переводчиками не переданным. В частности, А. Холо [15] для выражения числа «тысячи тысяч» употребляет *millions*, что, в сущности, означает то же число, но лишено драматизма, которое дает лексическое удвоение. Попытку компенсации драматической напряженности Холо все же предпринимает, добавляя *faceless* («*безликий*»), отсутствующее в оригинале, но такая амплификация приводит к необоснованным сдвигам в образности, физиологичность которой не соответствует лаконичной и броской авторской метафоре – «*...я – крик над тысячами тысяч погребенных...*». Эффект выхолащивания эмоционального напряжения наблюдается в переводе Р.Р. Милнер-Галланда и П. Леви [4], где удвоение подменяется на *many* – «*много*».

Мотив любви, выраженный в строке «*Но можно очень много – это нежно друг друга в темной комнате обнять*» переводчики передают по-разному. В пяти переводах авторы используют глагол *embrace*, полностью совпадающий по значению «обнять» в оригинальном тексте [4, 14, 16–18]. Наречие «*нежно*» передано в двух переводах словом *tenderly* [14, 16] и в одном переводе словом *gently* [4]. Значение этих двух наречий имеет разный оттенок – первое означает «*с добром, с любовью*»,

второе – «с добром, дружелюбно; не грубо и не жестоко» [19]. В данном контексте, где речь идет о любовных отношениях, переводы М. Хэйворда [14] и Дж. Рэйви [16] наиболее близки к оригиналу. В переводе А. Холо [15] употребляется замена, или так называемый прием семантического неологизма [20, с. 89], где переводчик использует созданное им самим словосочетание, передающее смысловое содержание реалии. Однако во фразе *mouth against mouth in a small dark room* («рот ко рту в маленькой темной комнате») отсутствует этимологическая связь с оригинальным текстом «**нежно друг друга в темной комнате обнять**». В оригинальном тексте похожая строка имеется, но в другом ключе – обращение, призванное успокоить, утешить, снять боль и страх («Дай мне скорее губы»).

Интересен и перевод фразы «очень много», оно появляется лишь в трех переводах из шести [4, 14, 16]. Переводчики придают дополнительную эмоциональность тексту, усиливая их словами *so much* [16] и *how much* [4], при этом в переводе Р.Р. Милнер-Галланда и П. Леви появляется эмфаза за счет дублирования эмоционального *how much* [4].

Кульминацией поэмы является обращение лирического героя к своему народу: «О, русский мой народ! – Я знаю – ты по сущности интернационален...». «О, русский мой народ!» было переведено дословно лишь тремя авторами [4, 14, 16], но только у последних двух предложение осталось восклицательным (*O my Russian people!*). В переводе А. Холо [15] используется обращение «О, **вы**, русские» (*O you Russians*), в переводах Р. Стайрон и О. Карлайл [17, 18] – «О русские люди» (*O Russian people*), демонстрирующее диссоциацию с русским народом и меняющее семантику поэмы.

Словосочетание «по сущности» представлено в переводах различными вариантами: М. Хэйворд: *at heart* («в душе») [14], Дж. Рэйви: *to the core* («до глубины души, насквозь») [16], Р. Стайрон: *your heart lives without bounds* («твое сердце живет без границ, без пределов») [17], Р. Стайрон и О. Карлайл: *your heart lives without boundaries* («твое сердце живет без границ») [18], Р.Р. Милнер-Галланд и П. Леви: *your nature* («твоя природа, сущность, натура») [4]. В переводах Р. Стайрон и О. Карлайл [17, 18] используются синонимы *bounds* и *boundaries*, но разница между ними заключается в том, что первая реалья обозначает «принятый предел или ограничение» (здесь перевод мой. – С. К.), а вторая – конкретно обозначает физическую или концептуальную линию, разделяющую области, например, на карте [21]. Таким образом, переводчики усиливают значение границы от воображаемой до конкретно осязаемой, физической, показывая тем самым, что для русского народа все равны и ему не важна национальность и происхождение других людей.

Представляет интерес перевод некоторых историзмов или устаревших слов. Например, историзм «**мещанство**», обозначающий сословие из мелких городских торговцев в царской России либо поведение, характеризующееся обывательскими интересами и узким кругозором [22], в переводах представлен разными способами. Так, в переводах Дж. Рэйви [16] и Р.Р. Милнер-Галланда и П. Леви [4] он выражен словом *The Philistine*, имеющим два значения. Первое – это древний народ (филистимляне), враждовавший с евреями. Второе значение – это необразованный человек, интересующийся материальными ценностями [21]. В переводе М. Хэйворда [14] использовано словосочетание *the worthy citizenry*, обозначающее «**достойные граждане**». А. Холо [15], употребив слово *mob* («толпа, чернь, сборище»), снижает образ, добавляет отрицательные коннотации. Р. Стайрон является автором двух вариантов рассматриваемых нами переводов [17, 18]. Примечательно, что для более раннего перевода [17] она выбрала слово *Pettiness* («мелочность, ничтожество»). Однако в следующем варианте перевода [18], сделанном позже, данная реалья представлена как *The petty bourgeoisie* («мелкая буржуазия»), которая подразумевает класс людей, имеющих некоторую экономическую власть и живущих собственным трудом [22]. Таким образом, перевод лексемы «**мещанство**» кардинально меняется от явно негативно окрашенного к нейтральному, даже терминологичному, от «**ничтожества**» к «**мелким торговцам, крестьянам**».

«Но ненавистен злобой заскорузлой я всем антисемитам, как еврей...» – данная строка, являющаяся очень важной, присутствует во всех переводах; однако прилагательное «заскорузлая», в котором заключается весь смысл поэмы, вся боль от многовековой ненависти к евреям, передали не все переводчики. Так, М. Хэйворд представляет данную строку следующим образом: *But I am hated by every anti-Semite as a Jew* («Но я ненавистен каждому антисемиту, как еврей») [14]. Дж. Рэйви говорит о том, что «в своей бессердечной ярости все антисемиты теперь должны ненавидеть меня как еврея» (*In their callous rage, all antisemites must hate me now as a Jew*) [16]. В своих переводах Р. Стайрон и О. Карлайл амплифицируют текст, добавляя глагол «плевать», которого нет в оригинале: *...but let me be a Jew for all anti-Semites to hate, to spit upon* («...но позвольте мне быть евреем, которого все антисемиты будут ненавидеть и плевать на меня») [17, 18]. Р.Р. Милнер-Галланд и П. Леви попытались передать ту самую «заскорузлость»: *I am as bitterly and hardly hated by every anti-semit as if I were a Jew* («Меня так же яростно и жестко ненавидит каждый антисемит, как если бы я был евреем») [4]. А. Холо в своем перево-

де направляет эту ненависть лично на себя, выражая свое отношение: *...but those who hated and hate the blood that was shed here – they hate me, as I have hated them all my life* («... но те, кто ненавидел и ненавидят кровь, пролитую здесь, – они ненавидят меня, как и я ненавидел их всю свою жизнь») [15].

Наиболее показательными являются переводы Р. Стайрон, которые отличаются друг от друга (перевод 1972 г. выполнен в соавторстве с О. Карлайл) [17, 18]. В основном в переводе 1972 г. Р. Стайрон употребляет более отрицательные по семантике слова, чем в переводе 1969 г., консультируясь с О. Карлайл, которая знала русский язык. Однако есть примеры противоположного изменения – от негативного к нейтральному (например, «мещанство»). Представляется, что переводчики могли повлиять на восприятие поэмы «Бабий Яр» англоязычными читателями. Причем отношение к трагедии, произошедшей в Бабьем Яре, в более позднем варианте перевода – 1972 г., скорее, было более негативным, чем в 1969 г.

Заключение

Проанализировав все представленные переводы поэмы «Бабий Яр» в совокупности с паратекстовыми элементами антологий, в которых они опубликованы, можно сделать следующие выводы.

Основной корпус переводов поэмы Е. Евтушенко «Бабий Яр», опубликованных в антологиях, приходится на период с 1962 по 1972 г., время высокого взаимного интереса культур, а также время похожих социокультурных изменений в России и на Западе. Взаимный интерес был весьма велик по нескольким причинам. Во-первых, политическая и культурная «оттепель» в СССР совпала с изменениями в тенденциях в литературном творчестве англоязычных стран; англоязычные писатели так же, как и русские поэты-шестидесятники, провозглашали гуманизм, равенство, свободу, идеи прав человека. Во-вторых, само по себе яркое, смелое, неконформистское творчество Е.А. Евтушенко, поднимающего в своей поэтической публицистике проблемы, о которых в СССР не только было не принято говорить, но и признавать их существование, стало для Запада сигналом позитивных изменений и тенденций к сближению.

Палитра подходов разных переводчиков к переводам поэмы представляет интерес с точки зрения их отношения к поэтическому переводу как сложнейшему виду эстетической деятельности. Варьи-

руясь от практически подстрочного перевода, тяготеющего к максимально точной передаче семантики слов (Р.Р. Милнер-Галланд и П. Леви, 1962), до перевода вольного, который, в целом придерживаясь сюжетной и пространственно-временной организации оригинальной поэмы, включает тем не менее другую, отличную от оригинала образность и представляется попыткой выражения собственных художественно-эстетических ценностей и образов на основе чужого текста (А. Холо, 1962) [15]. В своем переводе Р.Р. Милнер-Галланд и П. Леви [4] отказываются от принципов силлабо-тонического стихосложения, которое для англоязычного уха звучит устаревшим и не дает достаточной свободы выражения. Дублет переводов Стайрона (1969) [17] и Стайрона – Карлайл (1972) [18] представляет собой попытку примирить необходимость передачи художественно-эстетических, образно-лексических и ритмико-метрических особенностей оригинала с необходимостью разъяснять культурные и исторические реалии для англоязычного читателя. В целом они показывают стремление комплексно передать художественно-эстетические особенности русского оригинала, особенности манеры выражения русского автора, культурные реалии, а также ритм и рифму оригинала. В частности, в связи с этим появляются исправления в более позднем (из двух) переводе, которому О. Карлайл, с одной стороны, воспитанная на русской культуре и поэзии, с другой стороны, остро ощущавшая и позиционировавшая свою «непринадлежность» к современному ей русскому миру, придала импульс диссоциации автора поэмы с русским народом (*O Russian people, I know your heart lives without boundaries*).

Использование комплексного анализа издательских и переводческих стратегий в контексте их влияния на восприятие литературного произведения в иноязычной культуре открывает возможности получения многомерного и системного представления о том, как функционируют и взаимодействуют в принимающей культуре цели и возможности издателя, характеристики определенного типа издания, издательские и переводческие установки, их границы и рамки, а также примененные в соответствии с последними переводческие подходы и, наконец, творческая индивидуальность переводчика, который в итоге оказывается ответственным за тот образ оригинального автора, который читатель имеет перед глазами.

Список источников

1. Варка С. «Бабий Яр» – поэма Евгения Евтушенко. Трагедия Бабьего Яра. FB, 2017. URL: <https://fb.ru/article/288968/babiy-yar---poema-evgeniya-evtushenko-tragediya-babego-yara> (дата обращения: 20.03.2024).
2. Russia: A Longing for Truth // Time, Apr. 13, 1962. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,827251-2,00.html> (дата обращения: 22.03.2024).

3. Тихомирова Ю.А. Русская классическая поэзия в англоязычных антологиях: стратегии репрезентации // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 173–181.
4. Milner-Gulland R.R., Peter Levi. Yevtushenko: Selected poems. Penguin Books Ltd., 2008. 86 p.
5. Лужнов П. Рождение государства Израиль. Роль России и Советского Союза. История. РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/rozhdenie-gosudarstva-izrail-rol-rossii-i-sovetskogo-soyuza> (дата обращения: 27.09.2024).
6. МакКейб В. Преподавание русской литературы американским студентам (Почему? Какими способами? С какой целью? и Что из этого получается?) // Книга в современном мире: проблемы рецепции: материалы международной научной конференции, 27 февраля – 1 марта 2018 года / науч. ред. Т.А. Тернова. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2018. С. 154–159.
7. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 1: 1968. 413 с.
8. Евтушенко Е.А. Я пришел к тебе, Бабий Яр... М.: Текст: Книжники, 2012. 142[2] с.
9. Рыбальченко Т.Л. Образный мир художественного произведения и аспекты его анализа: учеб.-метод. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 130 с.
10. Тихомирова Ю.А. Авторская онтология в поэтическом тексте через время и пространство: перевести, не потеряв // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 6–22.
11. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 1. С. 165–193. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
12. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
13. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
14. Patricia Blake, Max Hayward. Dissonant voices in Soviet literature. New York: Pantheon Books, 1962. 308 p.
15. Anselm Hollo. Red Cats: English versions. San Francisco: City Lights Books, 1962. 64 p.
16. George Reavey. The new Russian poets, 1953-1966; an anthology. New York: October House, 1966. 328 p.
17. Olga Carlisle. Poets on street corners; portraits of fifteen Russian poets. New York: Random House, 1969. 456 p.
18. Olga Carlisle, Rose Styron. Modern Russian poetry. New York Viking Press, 1972. 214 p.
19. A. Hornby, E. Gatenby, H. Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1963. 1200 p.
20. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 341 с.
21. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 30.10.2024).
22. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 30.10.2024).

References

1. Varka S. "Babiy Yar" – poema Evgeniya Evtushenko. Tragediya Bab'yego Yara ["Babi Yar" – a poem by Yevgeny Yevtushenko. The tragedy of Babi Yar]. FB, 2017 (in Russian). URL: <https://fb.ru/article/288968/babiy-yar---poema-evgeniya-evtushenko-tragediya-babego-yara> (accessed 20 March 2024).
2. Russia: A Longing for Truth. *Time*, 1962. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,827251-2,00.html> (accessed 22 March 2024).
3. Tikhomirova Yu.A. Russkaya klassicheskaya poeziya v angloyazychnykh antologiyakh: strategii reprezentatsii [Russian classical poetry in English anthologies: strategies of representation]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2014, no. 3, pp. 173–181 (in Russian).
4. Milner-Gulland R.R., Levi P. *Yevtushenko: Selected poems*. Penguin Books Ltd., 2008. 86 p.
5. Luzhnov P. Rozhdeniye gosudarstva Izrail'. Rol' Rossii i Sovetskogo Soyuz [The birth of the state of Israel. The role of Russia and the Soviet Union]. *Istoriya.RF – History.RF* (in Russian). URL: <https://histrf.ru/read/articles/rozhdenie-gosudarstva-izrail-rol-rossii-i-sovetskogo-soyuza> (accessed 27 September 2024).
6. McCabe V. Prepodavaniye russkoy literatury amerikanskim studentam (Pochemu? Kakimi sposobami? S kakoy tsel'yu? I chto iz etogo poluchayetsya?) [Teaching Russian literature to American University students (Why? By what means? To what ends? How? and So what?). *Kniga v sovremennom mire: problemy retseptsii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Book in the modern world: problems of reception: materials of the International Scientific Conference]. Scientific ed. T.A. Ternova. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2018. Pp. 154–159 (in Russian).
7. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-ye gody: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshykh uchebnykh zavedeniy: v 2 t. T. 1: 1968* [Contemporary Russian literature: the 1950–1990s: Textbook for students of higher educational institutions: in 2 vol. Vol. 1: 1968]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 413 p. (in Russian).
8. Yevtushenko Ye.A. *Ya prishel k tebe, Babiy Yar* [I came to you, Babi Yar]. Moscow, Tekst: Knizhniki Publ., 2012. 142 [2] p. (in Russian).

9. Rybal'chenko T.L. *Obraznyy mir khudozhestvennogo proizvedeniya i aspekty yego analiza: uchebno-metodicheskoye posobiye* [The figurative world of a work of art and aspects of its analysis: study guide]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2012. 130 p. (in Russian).
10. Tikhomirova Yu.A. Avtorskaya ontologiya v poeticheskom tekste cherez vremya i prostranstvo: perevesti, ne poteryav [Author's ontology in poetic text through time and space: not to overlook when rendering]. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniye. – Text. Book. Publishing*, 2014, no. 3 (7), pp. 6–22 (in Russian).
11. Kabakchi V.V., Proshina Z.G. Lexiko-semanticheskaya otnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhekul'turnoy kommunikatsii [Lexical-semantic relativity and adaptability in translation and intercultural communication]. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 165–193. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
12. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod (voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and particular theory of translation)]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1975. 240 p. (in Russian).
13. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty): uchebnyy dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Theory of translation (linguistic aspects): textbook for institutes and faculties of foreign languages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p. (in Russian).
14. Blake P., Hayward M. *Dissonant voices in Soviet literature*, New York, Pantheon Books Publ., 1962. 308 p.
15. Hollo A. *Red Cats: English versions*. San Francisco, City Lights Books Publ., 1962. 64 p.
16. Reavey G. *The new Russian poets, 1953–1966; an anthology*. New York, October House Publ., 1966. 328 p.
17. Carlisle O. *Poets on street corners; portraits of fifteen Russian poets*. New York, Random House Publ., 1969. 456 p.
18. Carlisle O., Styron R. *Modern Russian poetry*. New York, Viking Press Publ., 1972. 214 p.
19. Hornby A., Gatenby E., Wakefield H. *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford University Press Publ., 1963. 1200 p.
20. Vlahov S.I., Florin S.P. *Neperevodimoye v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1980. 341 p. (in Russian).
21. *Oxford Learner's Dictionaries*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 30 October 2024).
22. *Ozhegov's Explanatory Dictionary*. URL: <https://slovarozhegova.ru> (accessed 30 October 2024).

Информация об авторе

Калинина С.С., старший преподаватель, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061); аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).
E-mail: sskalinina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3647-9394; SPIN-код: 8621-1484.

Information about the author

Kalinina S.S., Senior Lecturer, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061); postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: sskalinina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3647-9394; SPIN-code: 8621-1484.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 09.01.2025; accepted for publication 03.04.2025

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

УДК 81'42, 372.881.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-126-133>

Фреймовый анализ метафоры в практике обучения русскому языку как иностранному

Лариса Ивановна Ермоленкина¹, Татьяна Сергеевна Коломейцева²

^{1, 2} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

¹ arblar2004@rambler.ru; 0009-0007-0656-6805

² kolomeytseva.ts@yandex.ru; 0000-0002-5367-4565

Аннотация

Миромоделирующий потенциал метафоры становится сегодня предметом пристального внимания методистов, преподавателей русского языка как иностранного. Метафора как лингвокогнитивный феномен способна продемонстрировать как процесс формирования переносного значения, так и его результат – оценочно окрашенный фрагмент языковой картины мира или его индивидуально-авторской версии, проявленный в художественном тексте. Эти аспекты, отражающие сам механизм образования и функционирования метафоры, могут стать основой для лексической и текстовой работы на занятиях по русскому языку как иностранному. В статье рассматриваются способы работы с языковой и текстовой метафорами, учитывающие аналитический план формирования содержания – взаимодействие признаков исходного и переносного значений – и синтетический, проявляемый в текстообразующей функции, в способности порождать в границах текста ассоциативно-дери-вационные связи и актуализировать в сознании обучающегося целостное, эмоционально-смысловое представление о содержании – концепт текста. Понимание специфики метафорической концептуализации текста, умение интерпретировать метафору способствуют тому, что в сознании учащихся текст воспринимается не только с точки зрения событийности, но и в образно-смысловом развертывании. Особая роль в этом процессе отводится технологии фреймового анализа, с помощью которого в тексте выделяются предметно-содержательные блоки и смысловые связи между ними, что в целом способствует оптимизации рецептивной способности и коммуникативной компетенции учащихся, выводит импульс, заложенный в задании, в коммуникацию и процесс порождения собственного текста. На материале историко-философского произведения Н. Ильиной «Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки» рассматриваются возможности фреймового анализа при работе с текстовыми метафорами. В работе демонстрируются моделирующий потенциал метафорических образов, определяющий логику лингвокультурологического анализа текста. Предполагается, что текст, насыщенный метафорами, культурно-историческими отсылками и мифопоэтической древнеславянской символикой, вызовет интерес не только своей содержательной стороной, но и теми способами анализа, в которых раскрывается его концептуальное содержание.

Ключевые слова: метафора как лингвокогнитивный феномен, концептуальная метафора, лингвокультурологический подход, фреймовый анализ текста

Для цитирования: Ермоленкина Л.И., Коломейцева Т.С. Фреймовый анализ метафоры в практике обучения русскому языку как иностранному // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 126–133. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-126-133>

METHODOLOGICAL ASPECTS OF MODERN PHILOLOGY

Frame analysis of metaphor in the practice of teaching Russian as a foreign language

Larisa I. Yermolenkina¹, Tat'yana S. Kolomeytseva²

^{1, 2} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ arblar2004@rambler.ru; 0009-0007-0656-6805

² kolomeytseva.ts@yandex.ru; 0000-0002-5367-4565

Abstract

The article is devoted to the study of the cognitive theory of metaphor and provides the teacher with tools for a deeper theoretical understanding of the teaching process, as well as for a more accurate use of linguocultural methods in explaining a topic. The aim of the article is to investigate the methodological area of teaching Russian as the foreign language using the concepts of metaphor and frame. The tasks of the article are to determine the main concepts of the theory of cognitive metaphor in the beginning of the XXI century and to support didactic knowledge. Metaphorical lexicon is described as a linguodidactic resource of teaching Russian as the foreign language competencies. The article discusses methods of working with linguistic and text metaphors, which take into account analytical (the process of interaction between the original and figurative meaning) and synthetic (text-forming function – the ability to generate associative-derivative connections within the boundaries of the text). The search and interpretation of key metaphorical images helps students build a model of the text in its figurative and semantic deployment. When students understand the specifics of the metaphorical conceptualization of a text, they perceive it not only from the point of view of eventfulness, but also in its value-semantic embodiment. A special role in this process is given to frame analysis, with the help of which “nodal” moments in the text are determined: subject-specific fragments are highlighted and connections are established between them, which generally helps to optimize the communicative competence of students, the transition from the impulse inherent in the task to communication and generating your own text. Based on the material of the historical and philosophical work of N. Ilyina “The Expulsion of the Normans. The next task of Russian historical science” examines the possibilities of frame analysis within the framework of the linguocultural approach. We assume that the text, rich in metaphorical images, cultural and historical references and mythopoetic ancient Slavic symbolism, will arouse students’ interest not only for its content, but also for the ways of working with metaphors in which its conceptual content is revealed.

Keywords: *metaphor, frame, linguocultural competence, cognitive theory of metaphor*

For citation: Yermolenkina L.I., Kolomeytseva T.S. Freymovyy analiz metafory v praktike obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Frame analysis of metaphor in the practice of teaching Russian as a foreign language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 126–133 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-126-133>

Введение

К метафоре как единице лексической системы языка, обладающей способностью к передаче лингвокультурной информации и моделированию национальных картин мира, уже многие годы сохраняется устойчивый интерес [1–4]. Способность метафоры передавать культурные коннотации и демонстрировать этнокультурную специфику восприятия мира обуславливает ее актуальность в лингводидактике, в практике обучения иностранным языкам. В современной методике обучения русского языка как иностранного активно обсуждается вопрос о лингводидактическом потенциале метафорической лексики, о ее возможностях формировать лингвокультурологическую компетен-

цию как способность интерпретировать факты языка с точки зрения фоновых, культурно значимых контекстов [5–8]. При этом метафорическая лексика часто становится языковой и коммуникативной проблемой для обучающихся, не готовых отходить от логики простого суммирования смысловых компонентов и применять стратегии интерпретации с опорой на контекстную информацию, что влечет коммуникативные неудачи, непонимание возможностей языка быть культурным кодом.

Материал и методы

Представляется, что компетентностная база иностранных учащихся может быть усилена навыками лингвокультурологического анализа, направ-

ленного на формирование умения интерпретировать концептуальную сущность метафоры, ее возможности передавать лингвокультурные смыслы в процессе коммуникации и в границах текста. Следует отметить, что лингвометодический потенциал работы с метафорической лексикой определяется возможностью погружения в культурные контексты изучаемого языка, что влечет осознание процессуального характера взаимодействия языка и культуры через выбор необходимых для коммуникации образно и эмоционально значимых языковых средств, а также осознания результата этого взаимодействия – языковой картины мира в ее национально окрашенной вариативности.

Метафорическая лексика как лингводидактический ресурс дает возможность органично сочетать подходы, актуализирующие технологии функционально-грамматической и коммуникативной образовательных парадигм, поскольку в аспекте своей когнитивно-языковой содержательности метафора реализует связь образно-эмоциональной, синтетической по своей сути стороны восприятия значения языковой единицы и рационально-логической, требующей навыков аналитической интерпретации смыслов, значимых для семантического переноса. Основное функциональное назначение метафоры – обеспечение понимания через постижение одной вещи в терминах другой [9, с. 62], этот аспект изучения метафоры стал основополагающим для когнитивного направления лингвистики.

Исследователи когнитивной сущности метафоры отмечают ее универсальный характер, в основе которого – первичный, дологический опыт познания мира, поэтому базовые метафорические модели могут иметь в разных языках существенное сходство.

Впервые когнитивная способность моделировать мир в сознании человека и определять его поведенческие стратегии была описана в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». Среди вдохновлявших их трудов авторы называли работы Л. Витгенштейна, Э. Рош, Б.У. Уорфа и других [10–12]. Следует отметить, что существенное влияние на возникновение когнитивной теории метафоры оказала критика объективизма в философии во второй половине XX в., с одной стороны, и с другой – «лингвистический поворот» в философии, инициированный работами Л. Витгенштейна.

Когнитивная теория метафоры за последние 50 лет превратилась из спорной методологической новинки в серьезную научную область, обросшую своей терминологией и даже клише. Метафора как лингвокогнитивный инструмент получения знания о мире интересует сегодня не только лингвистов, она актуальна в разных областях знания, включая маркетинг, психотерапию, теорию искусственного интеллекта.

Установка на изучение метафоры в аспекте ее роли в ментальных процессах человека дает возможность одновременно выходить в область эпистемологии, когнитивной науки и лингвокультурологии: «Опыт человека, во-первых, отличается от культуры к культуре, и, во-вторых зависит от понимания одного вида опыта в терминах другого, т. е. наш опыт по сути своей может быть метафоричным» [9, с. 183]. Метафоры буквально творят культурную реальность, поскольку «значительная часть социальной реальности осмысливается в метафорических терминах, и, поскольку наше представление о материальном мире отчасти метафорично, метафора играет очень существенную роль в установлении того, что является для нас реальным» [9, с. 176]. Именно эту особенность когнитивной теории метафоры используют в преподавании иностранных языков, когда приходится объяснять явления языка и культуры с учетом того, что у инофонов есть свой культурный опыт, который может быть структурирован с помощью метафоры.

Описывая механизм метафоризации, Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что концептуальная структура метафоры формируется на пересечении признаков разных понятийных областей – исходной (source domain) и целевой (target domain). Процесс порождения метафорического смысла осуществляется как семантический сдвиг, перепрофилирующий категориальную ошибку (совмещение в переносном значении признаков из разных понятийных областей и таксономических классов) в образно, эмоционально и оценочно значимый результат. Таким образом, в концепции Лакоффа и Джонсона метафора рассматривается как когнитивный феномен, отражающий и организующий процесс понимания: в ментальной деятельности человека метафора значима как механизм организации базовой когнитивной операции – аналогии. Акцентируя эту способность метафорического уподобления, авторы книги вводят понятие концептуальной метафоры как ментального механизма, заложенного в понятийной системе человека, структурирующего его опыт в понимании сложных явлений с абстрактной семантикой. Выделенные авторами разные типы моделей концептуальных метафор – ориентационная, структурная и онтологическая – указывают на основные направления моделирования представлений о мире. Ориентационные метафоры имеют более универсальный характер, так как соотносятся в первую очередь с положением тела человека в физическом пространстве. Структурные метафоры имеют более вариативное выражение в разных типах культуры и, соответственно, в разных языках. Считается, что онтологические метафоры труднее всего рефлексироваться носителями языка, так как получают свое вы-

ражение при участии грамматической формализации. В качестве примера авторы приводят наиболее распространенные в европейской культуре модели с исходным значением *object* (предмет), *substance* (вещество), *container* (вместилище), которые выступают базой для осмысления множества предметных областей. Например, в европейской лингвокультуре понятие времени традиционно осмысливается как *object*, что позволяет объективировать данную категорию в языке посредством имен существительных, причем этот вид объектов может быть множественным и получать свое выражение по отношению к другому объекту в виде «контейнера» *container* (в сутках 24 часа).

Результаты и обсуждение

При работе с метафорической лексикой важно учитывать культурно обусловленную разность ментальной обработки информации в процессе образования метафоры. Так, ориентационные метафоры могут быть связаны со специфическими лингвокультурными представлениями, требующими дополнительных пояснений. Например, в китайскоязычной аудитории непонятными окажутся метафоры типа «позади остались воспоминания о пройденных испытаниях» или «впереди была неизвестность». Представления о событиях, которые локализуются метафорически, ярко выражает этнокультурную специфику в понимании мира: например, неизвестность – это представление из области вероятностного, поэтому «располагается» позади говорящего, и, наоборот, представления о прошедшем локализуются в плоскости обозримого, видимого перед собой. Безусловно, подобные аспекты понимания метафоры значимы в процессе работы с текстами и идиоматическими выражениями. Представляется, что наиболее удачными для анализа могут быть структурные и онтологические метафоры, позволяющие понимать целое через образующие его элементы. Речь идет о том, что целостный метафорический образ может быть осмыслен в процессе анализа фреймов – понятийных структур, содержащихся в метафорическом значении в имплицитном виде и актуализируемых в определенных контекстах. Таким образом, фрейм можно рассматривать как «структурированный фрагмент знания о мире на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [13, с. 62].

Когнитивная теория метафоры фокусирует внимание на фрейме как на ментальной категории, актуализирующей набор типовых признаков, значимых для понимания ситуации, ее типичных участников и отношений между ними [14, с. 39]. С помощью фреймовых структур обобщается прошлый

опыт, и «сознание прогнозирует изменение состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий, их взаимосвязь» [9, с. 284].

При обучении языку фрейм может рассматриваться как модель когнитивно-языковой деятельности, направленной на выделение отдельных, самостоятельных и в то же время взаимосвязанных элементов, организующих целостную структуру – метафорический образ. Фрейм отражает «механизм мышления (выбора) при формировании языкового сообщения» [13, с. 61] и включает «лингвистические модели как средства выражения знаний человека о мире и внешние прагматические факторы, определяющие выбор говорящим языковых средств для реализации своего коммуникативного намерения» [13, с. 61].

Фреймовый анализ метафоры позволяет включить в процесс понимания образа лингвокультурные контексты, поскольку дает объемное представление о ситуации в комплексе описывающих ее элементов. Таким образом, лингводидактический потенциал концептуальной метафоры как многокомпонентной единицы проявляется в анализе ее системно-структурных свойств. Культурологический контекст, раскрывающий особенности метафоры с точки зрения национальной картины мира, определяют основные характеристики модели анализа метафорической лексики. При работе с концептуальной метафорой прежде всего нужно научиться понимать ее системный характер, проявляемый в разворачивании фреймовой структуры, анализ которой отражает аналитический и синтетический принципы ее строения. Именно эту логику строения метафорического смысла важно представить перед учащимися, интерпретирующими метафору в контексте национальной культуры. Так, при работе с фразеосемантическими единицами важно не только объяснять переносное значение, но и углубиться в лингвокультурологический анализ, предполагающий привлечение культурно маркированных контекстов. В качестве примера рассмотрим основные моменты анализа фразеосемантического выражения «Планета – наш дом». На этапе концептуализации проблемы, фиксируемой вопросом «Почему возможно так сказать, почему можно представить планету как дом?», можно сосредоточиться на заданиях, которые направлены на аналитический план восприятия и предлагают проинтерпретировать образ дома в аспекте концептуальных структур – фреймов, значимых для образования метафоры и понимания ее многокомпонентного состава. Это могут быть фреймы, фиксирующие важный для культуры концептуальный смысл и показывающие значимость выделенных элементов для образного содержания метафоры: порог (стоять на пороге открытий), окно (открыть окно

в будущее), труба (вылететь в трубу), ниша (найти свою нишу в повседневности), чердак (спрятать на чердаке воспоминаний) и т. д. Можно видеть, что границы каждого выделенного фрейма определяются образно-понятийным содержанием, возникшим в результате метафорического переноса. Для студентов продвинутого уровня ТРКИ 2 могут быть предложены задания на объяснение метафорических выражений в микроконтекстах – пословицах, высказываниях, слоганах и т. д. На следующем, синтетическом этапе важно увидеть функциональные возможности метафоры в пространстве текста, в связи с чем учащимся могут быть предложены задания на развитие навыков смыслового чтения [15–18]: 1) на выделение метафорических образов в тексте, 2) сопоставление с образно нейтральными единицами, 3) установление деривационных семантических связей с другими метафорическими единицами текста в границах концептуальной метафорической модели, задающей направление для развития смыслов и образов, 4) поиск аналогичных метафорических образов (моделей) в родном языке, 5) сравнение метафорических моделей родного и изучаемого языка, нахождение общности и различия в концептуальных структурах. Завершающий этап предполагает закрепление навыков интерпретации и речевого употребления – создание разного рода текстов: мини-сочинений, эссе, рекламных текстов социальной направленности, позиционирующих планету как дом, и т. п.

При работе с текстом, включающим метафорические модели – целостные образно-эмоциональные системы текста, сформированные в результате метафорического развертывания базовой текстовой метафоры, представляется важным опираться на понимание синтетической, ассоциативно-деривационной сущности текстовой метафоры, на ее способность задавать направление восприятия смыслов, организовывать внимание читателя. В этом случае для преподавателя иностранного языка опорой в объяснении смысла текста, построенного на метафоре, может стать теория фрейма как инструмента, призванного сделать более целенаправленным процесс получения лингвистической и коммуникативной компетенции. Двигаясь в рамках фрейма, мышление студента получает четкий ориентир для вывода в речевую деятельность импульса, заложенного в учебном задании.

Для того чтобы задать фрейм, необходимо предложить некую структуру организации мысли, причем она может быть формально выражена в виде схемы или описания образа. Так, в литературе предлагается в том числе работа по созданию учебных онтологий в виде небольших схем, где обозначены ключевые слова темы и связи между ними [19, с. 126–127].

Традиционно выстраивать связи между понятиями в онтологиях учит компьютерная лингвистика, где они становятся основой для работы электронных поисковиков. В первую очередь это выделение классов внутри общего понятия, т. е. операции анализа и синтеза. Для лингводидактики такая работа представляется действительно очень полезной, поскольку разбор отдельной метафоры предполагает и аналитическую деятельность по разбору отдельных элементов, из которых она состоит, и синтетические операции, когда происходит итоговое осмысление метафоры в целом.

На продвинутом уровне изучения языка (B1 и выше) работа с метафорами должна быть построена так, чтобы сохранить интерес к продолжению языковой практики и расширить словарный запас. Тексты, предложенные на этом уровне, должны одновременно стимулировать коммуникативную практику студентов и углублять их знание языка и новой культуры.

В этом смысле полезными являются тексты, которые знакомят с традициями русского народа и содержат много визуальных образов. Метафоры, содержащиеся в таких заданиях, структурируют восприятие текста, в том числе благодаря своим наглядно-иллюстративным возможностям. Такие визуализированные схемы позволяют вычленивать тематически, образно и ассоциативно организованные блоки, то есть фреймы [19, с. 116]. Фреймы задают направление для речевой деятельности в работе студентов над текстом, структурируют мышление, помогают целенаправленно формулировать высказывания в ответах на задания, задавать импульс к коммуникации в конкретных и понятных рамках.

В качестве материала для работы с метафорами можно рассмотреть текст Н. Ильиной «Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки» [20]. В этом труде по философии русской истории и культуры автор выстраивает целостную репрезентацию славянских мифов и обрядов на основе корпуса дореволюционных источников. Антропологический акцент моделируемой автором картины мира выражается в ответах на вопросы: как жил человек в течение года? в каких событиях и праздниках участвовал? в каких образах выражалось его мифологическое сознание?

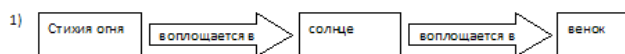
В интерпретации Н. Ильиной базовые метафоры стихий огня и воды дают движение всему древнеславянскому миру. Очень ярко это выражается в отрывке, посвященном обряду встречи весны, который мы предлагаем для студентов продвинутого уровня [20, с. 157–158]. В тексте Н. Ильиной описывается обряд качания: у растущих берез связывают соседние ветви, чтобы сделать своеобразные

«живые» качели – для русалок и для людей. Символика качания соединяет стихии воды и огня.

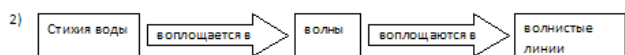
Предтекстовое задание должно быть посвящено объяснению специфики отрывка с точки зрения лингвокультурологии, а также знакомству с отдельными лексическими единицами (например, «качальный обряд», «мистерия», «Великий четверг» и др.).

После прочтения текста предлагаются задания, направленные на поиск его отдельных отрывков по предложенным схемам: в каждой схеме «зашифрована» отдельная фраза или предложение текста, содержащие образ или метафору. Данные схемы представляют собой мини-онтологии, где есть основные понятия (представлены в прямоугольных блоках) и функциональные связи между ними (в надписях на стрелках). Таким образом, студенты получают готовые фреймовые схемы, которые должны быть заполнены текстовым содержанием. В процессе работы над заданием происходит структурирование восприятия материала и складывается его образная рецепция.

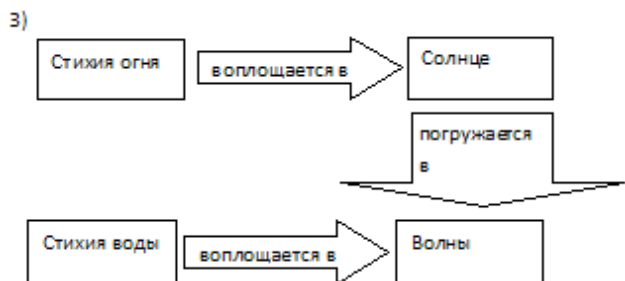
Общее задание сформулировано следующим образом: «Найдите и прочитайте отрывки в тексте, где выражаются следующие смысловые структуры». Приведем примеры таких структур и предложения, в них зашифрованные.

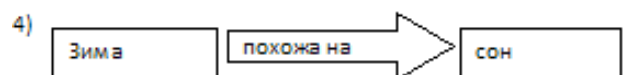
Зашифрованный отрывок из текста: «Стихия огня принимает в обряде образ венка – символа солнца».

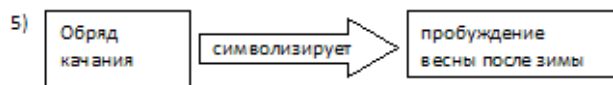
Зашифрованный отрывок из текста: «В самом деле, именно водной стихией, волной дается первообраз качания, и с незапамятных времен знаком воды были волнистые линии, украшающие, как мы знаем, и праславянскую керамику».

Зашифрованный отрывок из текста: «Качание венка указывает на солнце и огонь, погруженный в воду, символ обновляемой, возрождающейся жизни».

Зашифрованные отрывки из текста: «холодный сон земного мира»; «долгий зимний сон».

Зашифрованный отрывок из текста: «В этом действе русалка являлась как богиня весны, разгоняющая холодный сон земного мира».

Зашифрованный отрывок из текста: «Так как экстатические действия древних язычников подсаживались им жизнью природы, то их экстаз и должен был быть сопереживанием ее весны, весеннего безумства, сменяющего долгий зимний сон».

Далее студентам предлагается сочинить собственные метафоры, опираясь на подобные схемы. В качестве примера приведем следующую структуру:

Варианты правильного ответа: «пробуждение природы ото сна», «пробуждение земного мира».

Теперь, когда у студентов есть образно выраженные фреймы для рассуждения, можно стимулировать их речевые действия, предложив следующие вопросы: «Какие традиции, связанные с приходом весны, есть в вашей культуре? Есть ли специальные игры, действия и обряды?»; «Какие традиции, связанные с деревьями, есть в вашей культуре?»; «Какие традиции, связанные с водой и огнем, есть в вашей культуре?»; «Какие традиции, связанные с переживанием экстаза в движении, есть в вашей культуре?».

Заключение

Таким образом, фреймовый подход в обучении является инновационным, его применение обусловлено необходимостью обеспечить более интенсивное усвоение возрастающего объема знаний, совершенствование коммуникативной компетенции обучающихся, формирование системного мышления. Для студентов-иностранцев продвинутого уровня работа с метафорами и фреймами полезна тем, что может стимулировать развитие коммуникативных навыков, стать импульсом для формирования новых онтологических связей между словами и выводом их в речь. Помимо сохранения интереса к языку, такие задания призваны помочь на новом уровне сформировать языковую компетенцию учащихся в контексте лингвокультурологических знаний.

Список источников

1. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 236 с.
2. Опарина Е.О. Исследования метафоры в последней трети XX века // Лингвистические исследования в конце XX века: сб. обзоров / под. ред. Ф.М. Березина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 186–204.
3. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
4. Кравцова Ю.В. Семантические лингвометафорологические исследования рубежа XX–XXI вв. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 1, ч. 1. С. 130–136.
5. Ли Цзинцин. Система принципов отбора учебных текстов для формирования межкультурной компетенции иностранных студентов-филологов (уровень B2) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 7 (184). С. 128–134. doi: 10.23951/1609-624X-2017-7-128-133
6. Ло Сяоя. Использование родной культуры в обучении русскому языку китайских студентов // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2017. Вып. 2 (16). С. 125–130. doi: 10.23951/2307-6127-2017-2-125-130
7. Столетова Е.К., Пахомова Е.П. Типы словосочетаний, основанных на метафорической модели, в экономическом дискурсе и их презентация в иноязычной аудитории (на материале новостных текстов) // Русский язык за рубежом. 2018. № 4. С. 48–53.
8. Кабаченко Е.Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 239 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 246 с.
10. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 79–128.
11. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения к мышлению и языку // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. С. 135–169.
12. Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology. N.Y.: Academic Press, 1973. № 4.
13. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.
14. Соколова Е.Е., Федорова С.И. Теоретические основы и реализация применения фреймового подхода в обучении: в 2 ч. / под ред. Е.Е. Соколовой. Ч. I: Гуманитарная область знаний: лингвистика, история. Ульяновск: УлГУ, 2008. 200 с.
15. Халеева И.М. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 277–285.
16. Кулибина Н.В. О тексте как ресурсе обучения речевому общению на практических занятиях по РКИ // Русский язык и литература: проблемы обучения и преподавания в школе и вузе. М., 2009. 440 с.
17. Левушкина О.Н. Слово и текст как лингвокультурные единицы на уроках русского языка // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 4. С. 170–175.
18. Пахнов Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды // Русский язык в школе. 2000. № 4. С. 51–57.
19. Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной парадигме. М.: Макс-Пресс, 2018. 168 с.
20. Ильина Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки. Париж, 1955. 186 с.

References

1. Mishankina N.A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma* [Metaphor in Science: Paradox or Norm]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2010. 236 p. (in Russian).
2. Oparina E.O. *Issledovaniya metafor v posledney trety XX veka* [Studies of metaphor in the last third of the 20th century]. *Lingvisticheskiye issledovaniya v kontse XX veka: sbornik obzorov. Pod redaktsiyey F.V. Berezina* [Linguistic research at the end of the 20th century: a collection of reviews. Ed. F.V. Berezin]. Moscow, INION RAN Publ., 2000. Pp. 186–204 (in Russian).
3. Rezanova Z.I. *Metafora v lingvisticheskom tekste: tipy funktsionirovaniya* [Metaphor in linguistic text: types of functioning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal. Philology*, 2007, no. 1, pp. 18–29 (in Russian).
4. Kravtsova Yu.V. *Semanticheskiye lingvometaforologicheskiye issledovaniya rubezha XX–XI vv.* [Semantic linguometaphorological studies at the turn of the 20th – 21st centuries]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*, 2011, vol. 24 (63), no. 1, part 1, pp. 130–136 (in Russian).
5. Li Czinczin. *Sistema printsiptov otbora uchebnykh tekstov dlya formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii inostrannykh studentov-filologov (uroven' B2)* [System of principales of selecting texts for forming intercultural competences of foreign students-philologists (level B2)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 7 (184), pp. 128–134 (in Russian). doi: 10.23951/1609-624X-2017-7-128-133
6. Luo Xiaoxia. *Ispol'zovaniye rodnoy kul'tury v obuchenii russkomu yazyku kitayskikh studentov* [The necessity of native language culture teaching in Russian teaching in China's colleges and universities]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2017, vol. 2 (16), pp. 125–130 (in Russian). doi: 10.23951/2307-6127-2017-2-125-130

7. Stoletova E.K. Tipy slovosochetaniy, osnovannykh na metaforicheskoy modeli i ikh prezentatsiya v inoyazychnoy auditorii (na materiale novostnykh tekstov) [The types of expressions based on metaphorical models in economic discourse and its presentation in a foreign language audience (on the material of news texts)]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian language abroad*, 2018, no. 4, pp. 48–53 (in Russian).
8. Kabachenko E.G. *Metaforicheskoye modelirovaniye bazisnykh kontseptov pedagogicheskogo diskursa*. Dis. kand. filol. nauk [Metaphorical modeling of basic concepts of pedagogical discourse. Diss. cand. philol. sci.]. Yekaterinburg, 2007. 239 p. (in Russian).
9. Lakoff D., Dzhonson M. *Metaphors We Live By*. London, The University of Chicago Press, 2003 [Russ. ed.: *Metafori, kotorymi my zhivym*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 246 p.].
10. Vitgenshteyn L. Filosofskiy issledovaniya [Philosophical Research]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Vol. 16: Linguistic pragmatics]. Moscow, 1985. Pp. 79–128 (in Russian).
11. Uorf B.L. Otnosheniye norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The relation of habitual thought and behavior to language]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1960. Pp. 135–169 (in Russian).
12. Rosch E. Natural Categories. *Cognitive Psychology*, 1973, no. 4.
13. Nikitin M.V. Razvornutyte tezisy o kontseptakh [Extended theses on concepts]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, vol. 1, pp. 53–64 (in Russian).
14. Sokolova E.E. *Teoreticheskiye osnovy i realizatsiya primeneniya freymovogo podkhoda v obuchenii: v 2 chastyakh. Pod red. E.E. Sokolovoy. Chast' 1: Gumanitarnaya oblst' znaniy: lingvistika, istoriya* [General Conceptual Statements of Education with the Help of Frame Approach: in 2 parts. Ed. E.E. Sokolova. Part 1: Humanities: linguistics, history]. Ulyanovsk, ULSU Publ., 2008. 200 p. (in Russian).
15. Khaleeva I.M. Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak retsipiyent inofonnogo teksta [Secondary linguistic personality as a recipient of a foreign-language text]. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language is a system, language is a text, language is an ability]. Moscow, 1995. Pp. 277–285 (in Russian).
16. Kulibina N.V. O tekste kak resurse obucheniya rechevomu obshcheniyu na prakticheskikh zanyatiyakh po RKI [Text as a resource for teaching speech communication in practical classes on Russian as a foreign language]. *Russkiy yazyk i literatura: problemy obucheniya i prepodavaniya v shkole i vuze* [Russian language and literature: problems of teaching at school and university]. Moscow, 2009. 440 p. (in Russian).
17. Levushkina O.N. Slovo i tekst kak lingvokul'turnyye edinitsey na urokakh russkogo yazyka [Word and text as linguocultural units in Russian language lessons]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskiye nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2022, vol. 26, no. 4 (2022), pp. 170–175 (in Russian).
18. Pakhnov T.M. Tekst kak osnova sozdaniya na urokakh russkogo yazyka razvivayushchey rechevoy sredy [Text as a basis for creating a developing speech environment in Russian language lessons]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2000, no. 4, pp. 51–57 (in Russian).
19. *Aktual'nyye problemy teorii i praktiki prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo v sovremennoy obrazovatel'noy paradigme* [Actual problems of theory and practice of teaching Russian as a foreign language in the modern educational paradigm]. Moscow, Maks-Press Publ., 2018. 168 p. (in Russian).
20. Il'ina N. *Izgnaniye normannov. Ocherednaya zadacha russkoy istoricheskoy nauki* [The expulsion of the Normans. The next task of Russian historical science]. Paris, 1955. 186 p. (in Russian).

Информация об авторах

Ермоленкина Л.И., доктор филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: arblar2004@rambler.ru; ORCID ID: 0009-0007-0656-6805; SPIN-код: 2066-1909.

Коломейцева Т.С., кандидат философских наук, магистрант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: kolomeytseva.ts@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5367-4565S; SPIN-код: 9575-6995.

Information about the authors

Yermolenkina L.I., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: arblar2004@rambler.ru; ORCID ID: 0009-0007-0656-6805; SPIN-code: 2066-1909.

Kolomeytseva T.S., Candidate of Philosophical Sciences, master's student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: kolomeytseva.ts@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-5367-4565S; SPIN-code: 9575-6995.

Статья поступила в редакцию 13.08.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 13.08.2024; accepted for publication 03.04.2025

УДК 37.022

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-134-146>

А.С. Пушкин в англоязычной методике преподавания литературы: подходы к изучению

Елена Валентиновна Гетманская

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, Getmel@mail.ru; 0000-0002-6801-8114*

Аннотация

Основные вопросы, поставленные автором в статье, – это исследование степени присутствия творчества нашего национального поэта на зарубежных сетевых методических ресурсах и анализ специфики работы учащихся с обучающими сайтами и платформами, где рассматривается наследие А.С. Пушкина. Анализ электронных методических материалов сосредоточен на англосаксонской традиции изучения творчества А.С. Пушкина, в рамках которой основным корпусом изучаемых произведений писателя является его проза. Специфическими подходами, реализуемыми на обучающих платформах, являются доминирование историко-социального «объяснения» произведений А.С. Пушкина; константное сопоставление пушкинских сюжетов с их интерпретациями в других видах искусства; анализ стилистики писателя в качестве источника художественных исканий современных писателей. Цифровые сценарии уроков по творчеству А.С. Пушкина позволяют вычленить типичные приемы его изучения на уровне средней школы. В первую очередь к ним следует отнести прием существенной трансформации художественного текста – как пример: на уроке изучается не роман в стихах «Евгений Онегин», а стuttgartский балет «Онегин». Системным приемом изучения творчества А.С. Пушкина является также функциональный пересказ пушкинского прозаического текста. Являясь упрощенным приемом в рамках отечественной методики старшей школы, в западной традиции пересказ при изучении иностранного писателя-классика в старших классах рассматривается как необходимый элемент приближения реалий русской художественной культуры XIX в. к современному школьнику. В тех случаях, когда анализу на уроке подвергается лирика А.С. Пушкина, основным продуктом урока становится креативное письмо учащихся, а именно: при изучении пушкинского поэтического наследия школьники создают собственное, в большой степени подражательное стихотворение в прозе, используя пушкинский текст в качестве модели. Западные подходы к изучению А.С. Пушкина, отраженные в сетевых методических материалах, системно опираются на изучение интерпретаций его текстов в других видах искусств, на изучение вторичного художественного продукта, порожденного произведениями писателя.

Ключевые слова: *творчество А.С. Пушкина, инокультурные методические подходы, креативное письмо, вторичный художественный продукт*

Для цитирования: Гетманская Е.В. А.С. Пушкин в англоязычной методике преподавания литературы: подходы к изучению // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 134–146. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-134-146>

A.S. Pushkin in the English-language methodology of teaching literature: approaches to learning

Elena V. Getmanskaya

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, Getmel@mail.ru; 0000-0002-6801-8114

Abstract

The main questions posed by the author in the article are a study of the degree of the presence of our national poet's work on foreign online methodological resources and an analysis of the specifics of students' work with educational sites and platforms where the legacy of Alexander Pushkin is considered. The analysis of electronic methodological materials focuses on the Anglo-Saxon tradition of studying the work of A.S. Pushkin, in which the main body of the studied works of the writer is his prose. The specific approaches implemented on educational platforms are the dominance of historical and social "explanations" of A.S. Pushkin's works; the constant comparison of Pushkin's plots with their interpretations in other forms of art; the analysis of the writer's stylistics as a source of artistic search of modern writers. Digital scenarios of lessons on the work of A.S. Pushkin allow us to identify typical methods of studying it at the secondary school level. First of all, they should include the technique of substantial transformation of a literary text, as an example: the lesson does not study the novel in verse "Eugene Onegin", but the Stuttgart ballet "Onegin". A systematic method of studying the work of A.S. Pushkin is also a functional retelling of Pushkin's prose text. Being a simplified technique within the framework of the Russian high school methodology, in the Western tradition, retelling when studying a foreign classic

writer in high school is considered as a necessary element of bringing the realities of Russian artistic culture of the nineteenth century closer to the modern student. In cases where Pushkin's lyrics are analyzed in the lesson, the main product of the lesson is creative writing by students, namely: when studying Pushkin's poetic heritage, students create their own poem in prose, using Pushkin's text as a model. Western approaches to the study of A.S. Pushkin, reflected in online methodological materials, systematically rely on the study of interpretations of his texts in other forms of art, on the study of the "secondary" artistic product generated by the writer's works.

Keywords: Pushkin's work, foreign cultural methodological approaches, creative writing, derivative artistic product

For citation: Getmanskaya E.V. A.S. Pushkin v angloyazychnoy metodike prepodavaniya literatury: podkhody k izucheniyu [A.S. Pushkin in the English-language methodology of teaching literature: approaches to learning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 134–146 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-134-146>

Введение

Немалая часть российского филологического сообщества убеждена в том, что творчество А.С. Пушкина в силу уникальности его поэтического языка практически неизвестно западному школьнику. Для такой убежденности есть твердые основания – поэзия трудна для перевода. Трансляция поэзии в другие языки, несомненно, сопровождается потерями, и в случае с А.С. Пушкиным перевод – это также объективный барьер для художественной оценки его поэзии зарубежным читателем. Известный российский филолог С.Г. Тер-Минасова формулирует ментальные и национальные особенности восприятия А.С. Пушкина следующим образом: «Известно, что для иностранцев загадка – отношение русских к Пушкину: за что они его так пламенно любят? Почему “Пушкин – это наше всё”? Для соотечественников великого поэта, солнца русской поэзии загадка – отношение к нему иностранцев: почему они не признают нашего главного литературного гения? Почему на мировом уровне представляют Россию Толстой, Чехов, Достоевский?» [1, с. 144]. Эти поставленные в иностранной аудитории вопросы, озвученные С.Г. Тер-Минасовой, не разрешены лишь отчасти. В целом западные филологи оценивают роль А.С. Пушкина в мировом литературном каноне как очевидную. В трудах Международного института Шиллера декларируется присутствие А.С. Пушкина в сознании каждого иностранца. В частности, профессор Р. Дуглас в работе «Живая память об Александре Сергеевиче Пушкине, поборнике творческого диалога поэтических умов» отмечает: «Александр Пушкин живет в сознании каждого русского и, пожалуй, в сознании каждого иностранца, который хотя бы чуть-чуть прикоснулся к русскому языку и уловил тень мысли поэта, не измененную переводом» [2, с. 36]. Западное литературоведение, анализируя творчество А.С. Пушкина, подчеркивает его непреходящее значение прежде всего для русской культуры. Причины превращения поэта в символическую национальную фигуру своеобразно осмысливаются в издании Стэнфордского уни-

верситета: «Смерть Пушкина на дуэли с иностранцем способствовала превращению его в символ русской нации; укоренившееся беспокойство по поводу национальной идентичности породило миф о Пушкине и канонизацию поэта как мученика. Сочетание широкого распространения произведений Пушкина и его статуса мученика позволило ему остаться главной мифической фигурой России» [3, с. 269]. Несомненно, став национальным героем и универсальным гением, А.С. Пушкин вдохновил и развил русскую художественную литературу. Сила же отношения русского человека к поэту поражает иностранное восприятие, возможно, потому, что там не так распространена модель «беседы» с великими мыслителями прошлого. А что же с ролью А.С. Пушкина в западном образовании? Несмотря на существующую национальную автономность пушкинского наследия, творчество поэта не эксклюзив для западного образования.

Материал и методы

В статье на базе сетевых обучающих материалов выявляется специфика методического инструментария, предлагаемого учащимся зарубежной школы при изучении наследия А.С. Пушкина. Анализ корпуса англоязычных сайтов и платформ производится с целью описания и систематизации сложившихся на сегодняшний день подходов к освоению творчества поэта в цифровых методических моделях. Методология работы с темой опирается:

- на принципы методической компаративистики;
- определение доминант анализа художественного текста в англоязычных сетевых методических ресурсах;
- выявление корреляций в подаче литературного материала на обучающих платформах, в литературоведческих исследованиях и цифровых сценариях уроков по творчеству А.С. Пушкина;
- установление социологических приоритетов в оценке художественного текста в западной методической модели.

Результаты и обсуждение

Обратимся к известной образовательной платформе *enotes.com*, где предлагаются учебные пособия по изучению художественных произведений, планы уроков по литературе, помощь в выполнении домашних заданий. *enotes* – образовательный веб-сайт для учащихся и преподавателей, созданный в США в 2004 г.; подзаголовок платформы – «Осваиваем классику» (здесь и далее в статье англоязычные источники приводятся в переводе автора статьи. – Е. Г.). Коммерческая компания специализируется на тиражировании планов уроков по анализу программных произведений и учебных пособий для учителей и учащихся; также здесь школьники могут получить ответы квалифицированных преподавателей на вопросы, вызывающие затруднения при изучении художественных произведений. Создают контент платформы более тысячи учителей и профессоров. Ежемесячно сайт посещают более 11 млн человек, в то же время платформу нельзя назвать общедоступной: стоимость права пользования сайтом в течение одного месяца – 15 долларов, в течение года – 50. Платформа предлагает анализ произведений школьной программы как в базовом, так и в углубленном варианте, отталкиваясь от резюме, зафиксированного на главной странице: «Мы обобщили и проанализировали каждую книгу из вашей учебной программы, от “Макбета” и “Великого Гэтсби” до малоизвестных произведений. Наши подробные руководства, составленные командой экспертов, помогут вам понять каждый сюжет, главу, тему и персонажа» [4].

Из пушкинского наследия на сайте представлены «Борис Годунов», «Станционный смотритель», «Метель», «Выстрел», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Евгений Онегин». Теоретико-литературное осмысление прозы А.С. Пушкина предваряется развернутой цитатой профессора К. Роллисона: «Три основных произведения Александра Пушкина: “Евгений Онегин”, “Дубровский” и “Капитанская дочка” отражают многие аспекты его литературных достижений. Они демонстрируют его способность адаптировать западные жанры к российскому контексту; акцентируют внимание на его стилистическом мастерстве, которое одновременно и лаконично, и богато. Наконец, в своем эмоциональном разнообразии они описывают попытки Пушкина примириться с царским обществом и политикой» [5]. Если иметь в виду, что читатели К. Роллисона на сайте прежде всего американские учащиеся, можно вычленив ряд установок американской методики. Художественный текст в рамках этой методики в первую очередь и константно объясняется историко-социальным развитием общества, регулятивным устройством госу-

дарства, существующим в период написания того или иного художественного произведения.

Представление учащимся драмы «Борис Годунов» на сайте предваряется согласно общему алгоритму платформы кратким литературоведческим эссе. В нем «Борис Годунов» характеризуется как интересная и важная пьеса, но не принадлежащая к величайшим произведениям писателя. А.С. Пушкин, с позиций филологов-модераторов, здесь больше озабочен самой литературной формой драмы, нежели ее предметом. Основанная на шекспировской модели пьесы, по мнению авторов литературоведческой преамбулы, довольно небрежна в соблюдении трех единств – времени, места и действия [6]. Анализ «Бориса Годунова» на сайте представляет собой развернутое теоретико-литературное монологическое высказывание, лишенное интерактива, предполагающего деятельность самих учащихся, обратившихся к сайту. Следует отметить, что степень литературоведческой компетенции модераторов не вызывает сомнений, она подтверждается в том числе постоянным цитированием работ российских пушкинистов. Так, в разделе «Критика о “Борисе Годунове”», помимо десятой статьи В.Г. Белинского, цитируется работа известнейшего русского литературоведа XX в., специалиста по истории русской литературы XVIII–XIX вв. И.З. Сермана «Парадоксы народного сознания в “Борисе Годунове” Пушкина». В этой работе ученый акцентирует внимание на центральной роли самозванца, лжецаревича Дмитрия и рассматривает драму как народно-историческую трагедию, связанную с изменением сознания русского народа [7, с. 25]. Кроме этого, на платформе даны дополнительные сведения о целом ряде русских филологических исследований, рассматривающих поэтику «Бориса Годунова». Упоминаются следующие работы: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967; Слонимский А.Л. Борис Годунов и драматургия 20-х годов / «Борис Годунов» А.С. Пушкина: сборник статей под общей ред. Н. Державина. Л.: Государственный академический театр драмы, 1936; Левин Ю.Д. Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина // Пушкин: исследования и материалы. Т. 7. Л.: Наука, 1974; Архангельский К.П. Проблема сцены в драмах Пушкина (1830–1930) // Труды Дальневосточного педагогического института. Серия VII, № 1 (6). Владивосток, 1930; Рассадин С.Б. Драматург Пушкин: поэтика, идеи, эволюция. М.: Искусство, 1977; Фролов В.В. Хронотоп в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина и принципы киномонтажа // Кино и литература: сборник научных трудов. М.: Всесоюзный гос. ин-т кинематографии, 1977.

Осведомленность об этих работах подтверждает теоретико-литературный уровень модераторов сайта, вместе с тем она не дает представления о методике работы с иноязычными (для американского школьника) художественными текстами. Лирика, не анализируемая на платформе текстуально, звучит лишь в вопросах учащихся, обращенных к модераторам сайта. Школьников интересуют такие вопросы, как:

– в чем смысл стихотворения Пушкина «Послание в Сибирь» [8];

– как А.С. Пушкин повлиял на русское искусство [9].

Отвечая на эти вопросы, модераторы сайта не привлекают внешние ресурсы, к которым в первую очередь следовало бы отнести известный «Комментарий к лирической поэзии Пушкина, 1826–1836» М. Вахтеля, изданный в США в 2011 г. Отсутствие «Комментария...», на наш взгляд, редуцирует инструментальный анализ лирики на платформе. Пособие М. Вахтеля раскрывает исторический, биографический и культурный контекст, необходимый для оценки творчества поэта. Работа с каждым текстом А.С. Пушкина начинается у М. Вахтеля с ключевой информации об истории создания стихотворения, его контексте и поэтической форме (метр, строфическая структура, схема рифмовки). Затем автор построчно разъясняет моменты, которые, скорее всего, вызовут затруднения у читателей с русским неродным языком; комментирует архаизмы, разговорные выражения, синтаксические особенности, затрагивает религиозные и фольклорные вопросы. Причем М. Вахтель не претендует на вариант собственной интерпретации лирики А.С. Пушкина, он пишет: «стихи Пушкина привлекали поколения блестящих интерпретаторов. Цель этого комментария – не предложить новую интерпретацию, а дать достаточный лингвистический и культурный контекст, чтобы сделать возможной компетентную интерпретацию» [10, с. 4]. Форма комментария иноязычного художественного текста, как нам представляется, чрезвычайно востребована учащимися-инофонами, и в этом смысле книга М. Вахтеля как современное прочтение пушкинского наследия могла быть актуальной для поддержки осмысления учащимися творчества нашего поэта. Но, будучи филологическим (не методическим) трудом, работа не содержит элементов самостоятельной читательской деятельности по восприятию поэтического текста, ее «вес» остается строго литературоведческим.

Каков же алгоритм рассмотрения творчества А.С. Пушкина на платформе enotes, которая адресуется как ученикам, так и учителям и декларируется как методическая платформа? Последовательность анализа биографии всех представленных пи-

сателей универсальна: ученики знакомятся с линией жизни автора, критическими очерками о его стилистике, размышляют над вопросами творческой судьбы писателя. Алгоритм рассмотрения художественного произведения также носит закрепленный характер: краткий пересказ, характеристика персонажей, вопросы учащихся и ответы на них модераторов, критические эссе об анализируемом тексте, анализ произведения.

Рассмотрим первое предложение из биографического описания А.С. Пушкина: «Почитаемое поколениями русских писателей крупнейшее наследие Пушкина – поэзия, а литературная память о нем усугубляется тем фактом, что его произведения вдохновили всемирно известные оперы, балеты и фильмы» [11]. С одной стороны, творчество поэта здесь продуктивно связывается с целыми пластами современного искусства, но в то же время значимость А.С. Пушкина вольно или невольно суживается модераторами до преемственности с последующими писательскими поколениями, за скобками остается значение поэта для всего российского общества, страны и государства.

Эстетические позиции поэта, изложенные на сайте, не имеют расхождений с оценками отечественной филологии: «Пушкин ассимилировал предыдущие литературные традиции и добавил к ним штрихи своего собственного гения. Он выковал большую часть русского литературного языка и установил эстетический стандарт» [9]. В рубрике «Вопросы учащихся» находим вопрос школьника к эксперту: «Как Александр Пушкин повлиял на русское искусство?». Ответ сертифицированного филолога останавливает на себе внимание в силу его «западоцентричности»: «Я думаю, – пишет эксперт, – что Пушкин был важен для русской литературы, поскольку был своего рода интеллектуальным „мостом“ на Запад» [12]. На наш взгляд, рассматривать А.С. Пушкина лишь как интеллектуальный «мост» к иной культуре недостаточно.

Анализ прозы А.С. Пушкина начинается на сайте с разбора «Капитанской дочки», где первой рубрикой значится краткий пересказ повести. Пересказ талантливый, в чем-то даже художественный и, несомненно, функциональный, если рассматривать его как инструмент приближения реалий XVIII в. к современному школьнику. В рубрике «Критическая оценка», по нашим ожиданиям, должна была бы присутствовать развернутая характеристика персонажей и анализ сюжета. Однако вместо этого нас знакомят с компактной (в один абзац) теоретико-литературной оценкой: «Самая протяженная из завершенных прозаических повестей Александра Пушкина, «Капитанская дочка», основана на реальных событиях, которые Пушкин воспроизвел в своей «Истории Пугачевского бун-

та)). Самым удивительным аспектом «Капитанской дочки» является то, что, хотя она и написана в далеком 1836 г., повесть обладает сжатым, лаконичным стилем, который больше напоминает XX в., чем середину XIX в. Наивные романтические иллюзии молодого главного героя описаны рассказчиком в совершенно обезоруживающей и часто юмористической манере. Ощущение жизненной силы юности пронизывает книгу» [13]. Можно сказать, что такая оценка трансформирует нашего отлитого в бронзу поэта в фигуру практически современного стилиста, сопоставляет его лаконичный стиль со сложившимися традициями прозы XX в.

Рубрика «Анализ» неожиданно начинается с текстов о локациях, возникающих в повествовании. Описания, созданные модераторами сайта, знакомят учащихся с Симбирском, Санкт-Петербургом, Оренбургом, Белогорской крепостью и Царским Селом. Так, например, текст о Симбирске описывает, скорее, Петра Гриневу и его отца, нежели город:

Симбирск. Русский город (позже переименованный в Ульяновск) стоит на реке Волге в 485 милях к востоку от Москвы. В одном из окрестных сельских районов Симбирска отец Петра получил участок земли, вероятно, после прохождения военной службы. Удаленность города от цивилизованных городов Москвы и Санкт-Петербурга показывает, что его военная служба была хотя и честной, но, возможно, не слишком блестящей. На эти размышления наводит сцена, где Гринев-старший находит в «Придворном календаре» сведения о своих сверстниках, ставших высокопоставленными генералами. В симбирском трактире молодой Петр проигрывает сто рублей в пьяной азартной игре на первой остановке по пути на военную службу. Благодаря этому опыту Петр вырывается из-под контроля родителей и делает свои первые шаги к независимости [14].

Анализ пушкинских героев, осуществленный через географические реалии, в которых разворачивается повествование, представляется удачным методическим решением. Адресат «географического» подхода – англоязычный европейский или американский школьник, знания которого о далекой России фрагментарны, в том числе знания о ее географии. В то же время последнее предложение абзаца ставит вопрос об инокультурности модераторов, их неточной и даже неверной трактовке пушкинского текста: «Благодаря этому опыту Петр вырывается из-под контроля родителей и делает свои первые шаги к независимости» [14]. Опыт в данном случае окрашен явно отрицательно: пьяная игра в карты на деньги – образчик безнравственного поведения. Такой опыт может привести героя лишь к сомнительной независимости; да и не гор-

дится Петруша своим поступком в повести А.С. Пушкина.

Модераторы сайта сочли необходимым дать информацию о том, как долго доходили строки А.С. Пушкина до англоязычного западного читателя: поэма «Полтава», написанная в 1829 г., была переведена в 1936 г.; «Капитанскую дочку», написанную в 1836 г., перевели на английский в 1946 г.; «Историю Пугачевского бунта» – лишь в 1966 г. Но это не является, как нам кажется, камнем преткновения в освоении творчества нашего национального поэта в западной школе. Уместно вспомнить, что история Дон Жуана впервые появилась в письменном виде в Испании XVII в., достигнув России примерно столетие спустя. Однако ее реальное влияние на российскую культурную традицию было отложено до тех пор, пока А.С. Пушкин не вдохнул в эту историю собственную уникальную интерпретацию. Опубликованный в 1830 г. «Каменный гость» теперь признан, наряду с другими шедеврами А.С. Пушкина, частью нашего русского литературного канона. Этот «отложенный» результат легенды о Дон Жуане фиксируется на платформе enotes на основе книги профессора А. Берри «Наследие Каменного гостя. Легенда о Дон Жуане в русской литературе» [15].

«Евгений Онегин» рассматривается на платформе как «плод воображения романтика, который с удовольствием экспериментировал с литературными традициями» [16]. Модераторы акцентируют лирическую проницательность романа и возможность социального наблюдения в повествовании. Честность оценки модераторов проявляется в признании того, что большинство подобных опытов в XIX в. провалилось. В отличие от них Пушкину удалось создать как поэму, так и значимую романную форму. Примечательно, что сайт дифференцирует оценку «Евгения Онегина» среди русских и нерусских читателей. «Для русского читателя, чувствительного к нюансам тона и игре образов, “Евгений Онегин” – это прежде всего повествовательная поэма. Для нерусского читателя, которому приходится полагаться на перевод, “Евгений Онегин” более доступен как лирический роман» [16]. Пространство статьи не позволяет подробно останавливаться на алгоритме изучения романа на платформе enotes, но представление основных литературоведческих трудов о «Евгении Онегине», предлагаемых учащимся для ознакомления, позволяет судить об основных линиях анализа [17]. Так, в книге С. Драйвера «Пушкин: литература и социальные идеи» поэт рассматривается, скорее, как активный социальный мыслитель, нежели чем отстраненный поэт-романтик. Прослеживается развитие социальных идей А.С. Пушкина и его участие в современной ему политической жизни. Глава,

посвященная дендизму, предлагает глубокое обсуждение «Евгения Онегина» в свете европейской моды [18]. В исследовании С. Хойзингтон «Русские взгляды на “Евгения Онегина” А.С. Пушкина» приводится подборка известных эссе писателей и критиков XIX и XX вв. о творчестве А.С. Пушкина, обсуждается социальная значимость романа, анализируется как многоголосный текст, оценивается структура повествования [19]. Также на сайте представлен перевод «Евгения Онегина», сделанный В. Набоковым [20]. На сайте книга В. Набокова используется в качестве обстоятельного комментария к стилю и содержанию пушкинского романа. Хотя, как отмечают модераторы, при всей глубине трактовка «Евгения Онегина» у Набокова эклектична и часто содержит отступления от темы.

Следующая обширная интернет-платформа, аккумулирующая большое число методических разработок по произведениям А.С. Пушкина, – сайт «Учителя платят учителям» (teacherspayteachers.com). Это также американский сайт, на котором учителя представляют множество собственных поурочных разработок по работе над программными произведениями. На сайте, в частности, представлена разработка урока под названием «“Жених” Александра Пушкина» [21]. Сказка А.С. Пушкина «Жених» не имеет системного распространения в России в качестве программного школьного произведения. На американском же сайте этот текст предлагается к обсуждению в 9–12-х классах средней школы. Главный прием анализа в разработке – сопоставление сказки А.С. Пушкина с картиной М. Шагала «Венчальные огни». На наш взгляд, кроме темы свадьбы, в двух произведениях мало смысловых и стилистических параллелей. Сказка А.С. Пушкина – романтическая фантазия об ужасном приключении купеческой дочери Натальи с убийством и расстройством свадьбы, а картина М. Шагала – художественное свидетельство памяти об ушедшей любимой жене Бэлле, на полотне он изобразил один из самых счастливых моментов своей жизни, свадьбу. Не случайно образ невесты на картине белоснежный. Вероятно, эти произведения можно сравнивать, исходя из образа невесты как символа непорочности и женской красоты. Анализируемый план урока смещается к анализу картины М. Шагала. В русской традиции, если приходится анализировать сказку «Жених» в школьной аудитории, учителя обычно актуализируют связь стихотворения с романом «Евгений Онегин», где возникает тема разбойников; также рассматривают связи со сказкой братьев Grimm «Жених-разбойник», анализируют детективный жанровый элемент. Американская же методика в этой модели вновь демонстрирует свою системную направленность на выстраивание взаимосвязей

классического художественного текста и его прямого или опосредованного отражения в других видах искусства, не всегда отмеченного одним и тем же временем создания.

На сайте представлен анализ стихотворения А.С. Пушкина «Вновь я посетил» в рамках темы урока «Анализ русского стихотворения» для 9–12-х классов. Учащиеся исследуют стихотворение А.С. Пушкина через анализ названия, центральную идею текста, знакомятся с комментарием к структуре стихотворения и аннотируют его (подчеркивают сложные слова, ищут синонимы, выделяют эмоционально окрашенную лексику, записывают схему рифмовки). Основным продуктом урока является креативное письмо: учащихся просят создать свое собственное произведение в прозе, используя пушкинское стихотворение в качестве модели [22]. Надо отметить, что практически каждый урок по изучению классического текста в западной методике связан с созданием собственного ученического текста по мотивам изучаемого произведения. Продукт урока – текст, созданный самим учеником в виде fun-fiction, или в виде варианта изучаемого хокку, или подражания стихотворению, изученному на уроке, и т. д. В свое время мы описывали вариант урока, размещенного на сайте Национального совета учителей английского языка (США) для 9–12-х классов школы под названием «Несчастные, влюбленные онлайн: Ромео и Джульетта в цифровую эпоху» [23]. Логика изучения пьесы Шекспира на данном уроке обуславливало задание учителя: сформулировать письменно собственный финал пьесы, предполагая, что Ромео и Джульетта пользуются смартфонами. Создание собственного креативного варианта классического художественного произведения – частотный метод изучения классики в западной модели. Это подтверждают «социологические и коммуникативные доминанты западной методики в работе над художественным текстом» [24, с. 119].

Вернемся к Пушкину. Сайт teacherspayteachers.com не однажды обращается к пушкинскому «Евгению Онегину», демонстрируя неожиданные ракурсы рассмотрения пушкинской «энциклопедии русской жизни». Так, например, урок «Балет “Онегин”» для 9–12-х классов предполагает целью укрепление базовых знаний учащихся о классическом балете, знание краткого содержания балета, музыки и персонажей [25]. Материалом для анализа становится уже не роман А.С. Пушкина и не опера П.И. Чайковского, а постановка штутгартского балетмейстера Дж. Кренко, где звучит музыка П.И. Чайковского, но отнюдь не из одноименной оперы; в балете звучат темы из «Времен года», из оперы «Черевички», из увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта».

Еще одна методическая модель рассмотрения романа не связана непосредственно с разработками уроков: перед нами учебное пособие «Путеводитель по литературе. «Евгений Онегин»» для 9–12-х классов. Сам автор презентует его как учебный ресурс, не содержащий заданий и вопросов. В нем – краткое изложение романа и его поглавный анализ, а также комментарии к образам главных героев, 25 важных цитат с сопроводительным анализом, 10 тем для написания эссе или беседы на уроке. На основании этого материала учителям предлагается составить сценарии уроков по «Евгению Онегину», используя темы, символы и мотивы романа [26]. Останавливает на себе внимание формулировка двух главных мотивов романа, сформулированных достаточно непривычно для русской литературоведческой традиции: «цинизм и наивность» и «конструирование идентичности». Такое осмысление явно расходится с доминантной оценкой романа в России, где он, вслед за В.Г. Белинским, воспринимается как энциклопедия русской жизни. Добавим, что в современных оценках отечественных литературоведов значение «Евгения Онегина» еще более глобализируется: М.Н. Виролайнен определяет его как «произведение, по которому могла бы быть реконструирована, в случае утраты всех других стихотворных текстов эпохи, поэтическая культура русского Золотого века» [27, с. 48].

Проза А.С. Пушкина на сайте *teacherspayteachers.com* представлена нестандартной формой работы над повестью «Пиковая дама». На уроке предлагается анализировать 23-страничный сценарий, созданный автором урока по повести А.С. Пушкина. Предполагается, что тизер, составленный учителем, должен мотивировать учащихся к чтению за счет кратко сформулированной интриги повести: «Несчастный, бедный подопечный графини ищет способ обрести счастье. Азартный, быстро разбогатевший интриган становится одержимым слухом о выигрышной комбинации из трех карт и не останавливается ни перед чем, чтобы узнать секретную комбинацию из трех карт. Может ли призрак одной из его жертв дать ответы или погубить?» [28]. Учитель указывает главную цель работы над сценарием с учащимися 8-го класса: «простой способ изучить русскую литературу, проанализировать ее и улучшить устную речь». Далее в разработке декларируются три цели изучения литературы в 8-м классе, сформулированных на основе «Общего ядра государственных стандартов» (Common Core State Standards). По мнению учителя, в процессе работы с учениками над воплощением сценария актуализируются следующие требования стандарта по литературе для 8-го класса американской школы:

– использование прямых цитат из художественного текста, подтверждающих выводы, которые можно сделать на основе прочитанного;

– определение темы и центральной идеи текста, анализ их развития на протяжении всего текста, включая связь с персонажами, обстановкой и сюжетом; составление краткого резюме текста;

– анализ диалогов и событий в рассказе или драме, стимулирующих действие и раскрывающих особенности характера героя [29].

На сайте *enotes.com* изучение «Пиковой дамы» анонсируется тремя вопросами учащихся к модераторам:

Как Пушкин иллюстрирует тему коррупции в «Пиковой даме»?

Каковы примеры магического в повести?

Почему Пушкин выбрал игорную комнату в качестве декорации для «Пиковой дамы»?

Какой модернистский элемент присутствует в «Пиковой даме»?

Ответ модератора на последний вопрос связан с приемом иронии, использованным А.С. Пушкиным. За счет этого повесть обретает элементы модернизма. «Ирония – излюбленный прием модернизма, но это было не так в большинстве литератур начала XIX в., когда литература часто была довольно эмоциональной и даже сентиментальной...» [30]. Среди теоретико-литературных источников учащимся предлагается статья У.Э. Брауна «Александр Пушкин как прозаик» из третьего тома «Истории русской литературы периода романтизма» (1986). В своем эссе У.Э. Браун прослеживает связь между пушкинскими «Пиковой дамой», «Онегиным» и поэмой «Медный всадник» [31].

Если сравнивать подходы к работе над «Пиковой дамой» на двух основных образовательных сайтах, ставших материалом анализа в статье, следует отметить, что они в случае с творчеством А.С. Пушкина отражают характерные методики данных платформ. На сайте *teacherspayteachers.com* классический текст подвергается трансформации и работа происходит уже со вторичным художественным продуктом (балетом, сценарием и пр.). На сайте *enotes.com* теоретико-литературные знания учащиеся получают, анализируя ответы на свои вопросы от модераторов платформы и изучая объемные литературоведческие материалы, с которыми, по мнению создателей сайта, необходимо ознакомиться школьнику. Также системным подходом платформы *enotes.com* является сопоставление стилистики классических произведений с современными течениями в литературе и «рождение» этих современных элементов в текстах писателей-классиков. Стоит уточнить, что сайт *enotes.com* адресуется школьникам, изучающим литературу как на базовом уровне, так и на углубленном.

А.С. Пушкин, являясь прежде всего национальным русским поэтом, зримо представлен на иностранных методических ресурсах, адресованных учащимся средней школы. Объяснимыми предпочтениями иностранных методистов являются прозаические произведения А.С. Пушкина: они в меньшей мере испытывают ограничения, связанные с переводом поэтического текста. Следует выделить специфичность инокультурного западного подхода к анализу творчества поэта, при котором оно рассматривается в первую очередь в качестве «интеллектуального „моста“» на Запад, что с очевидностью редуцирует вклад А.С. Пушкина в мировой литературный канон.

Художественные тексты А.С. Пушкина в рамках западной методики в первую очередь объясняются историко-социальными условиями общества, в рамках которого жил и творил писатель в период написания произведения. При этом социологическое прочтение текстов А.С. Пушкина не обуславливается осмыслением его творчества в основном на материале русских литературоведческих исследований советского периода. «Отставание» в привлечении исследований русских пушкинистов последних лет связано отчасти с трудностями индустрии перевода. В целом же социологизм подхода к анализу художественного текста вообще и к анализу классики в частности – устоявшаяся западная модель знакомства с художественным произведением в школе. Видение художественного произведения в качестве определенного продукта социального устройства характерно для западной методики, это отнюдь не отличительный прием изучения русской классики в американской школе, это универсальный подход западной педагогики текста.

Кроме этого, константными методическими установками при изучении творчества поэта в средней школе можно считать принцип отражения пушкинских текстов в других видах современного искусства (балет, кинофильмы и т. п.). Классический текст в западной методике часто подвергается трансформации, и работа происходит уже со вторичным художественным продуктом. В случае с А.С. Пушкиным к изучению предлагается, например, не роман в стихах «Евгений Онегин», а балет шотландского балетмейстера Дж. Кренко «Онегин». Акцент на связях творчества Пушкина с отражениями его текстов в других видах искусств, на наш взгляд, является системной установкой западной методики не только в процессе изучения русской классики, но и всего мирового литературного канона.

Особенность западного подхода к изучению творчества А.С. Пушкина, причем особенность с положительной коннотацией, состоит в том, что она трансформирует нашего отлитого в бронзу по-

эта в фигуру практически современного стилиста, системно сопоставляя его лаконичный стиль со сложившимися традициями прозы XX в. Творчество А.С. Пушкина широко представлено на цифровых ресурсах для учащихся. Вместе с тем при бесспорных высоких литературоведческих компетенциях модераторов обучающих сайтов частотная форма материала на них – это развернутое теоретико-литературное монологическое высказывание, лишенное интерактива, предполагающего деятельность самих учащихся.

Изучение учащимися теоретико-литературных трудов западных пушкинистов не ограничивается современными работами. Биография А.С. Пушкина на платформе enotes.com представлена книгой Э. Симмонса «Пушкин» (1937), что свидетельствует о наличии в западной методике стандартов качества в освещении жизни поэта, не зависящих от возраста учебного материала. Таким образом, можно зафиксировать еще одну особенность западной методики. В ее рамках традиционно привлекаются в качестве авторитетных источников исследования, возраст которых измеряется многими и многими десятилетиями. В частности, почти 90 лет назад в США была издана ставшая классикой работа Л. Розенблат «Литература как исследование», в центре которой образ школьника как читателя художественной литературы [32]. Книга Л. Розенблат функционирует сегодня отнюдь не как факт истории методики: она переиздавалась в XX в. множество раз, последний раз в 1995 г. Что касается книги Э. Симмонса «Пушкин», изданной Гарвардским университетом также около 90 лет назад, она предлагается на платформе enotes первым трудом в списке биографических исследований о Пушкине [33]. В ней дается подробный обзор жизни А.С. Пушкина в сочетании с анализом его основных произведений. На сегодняшний день она по-прежнему признается в западной филологии стандартной (образцовой) биографией поэта.

Системным и продуктивным приемом изучения творчества А.С. Пушкина в западной школе неожиданно становится пересказ. На цифровых ресурсах представляются функциональные, в чем-то даже художественные пересказы прозы А.С. Пушкина, которые следует рассматривать как необходимый элемент приближения реалий русской художественной культуры XIX в. к современному школьнику-инофону.

На обучающих сайтах справедливо фиксируется различие в оценке «Евгения Онегина» между русской и зарубежной аудиторией, где для русского читателя это прежде всего повествовательная поэма, а для иностранца, которому приходится полагаться на перевод, «Евгений Онегин» более доступен как лирический роман. В тех редких случаях,

когда анализу на уроке подвергается лирика А.С. Пушкина, основным продуктом урока становится креативное письмо учащихся. В частности, при изучении стихотворения А.С. Пушкина «Вновь я посетил» школьники получают задание создать собственное стихотворение в прозе, используя пушкинский текст в качестве модели. Практически каждый урок по изучению классического текста в западной методике (уже безотносительно к изучению творчества нашего поэта) связан с созданием ученического текста по мотивам изучаемого произведения. Продукт урока – текст, созданный самим учеником в виде fun-fiction, или в виде варианта изучаемого хокку, или подражания стихотворению, изученному на уроке и т. д. Создание учащимися собственного креативного варианта классического художественного произведения становится системным методическим приемом. Также системным приемом является сопоставление стилистики классических произведений с современными течениями в литературе и «рождение» этих современных элементов в текстах писателей-классиков. В случае с А.С. Пушкиным это происходит, в частности, в процессе поиска учащимися элементов модернизма в «Пиковой даме». Те или иные связи писателей-классиков с современностью являются системной методической установкой на анализируемых электронных ресурсах и распространяются на все представленные персоналии писателей.

Заключение

При совпадении зарубежных и отечественных литературоведческих оценок пушкинского наследия следует зафиксировать существенную методическую специфичность изучения творчества А.С. Пушкина в западной школе. К ним в первую очередь следует отнести:

- объяснение текстов А.С. Пушкина историко-социальными условиями общества, в рамках которого жил и творил писатель в период написания произведения;

- константное привлечение пересказов для знакомства с прозой А.С. Пушкина в качестве необходимого инструмента для упрощения восприятия реалий художественного мира поэта;

- создание учащимися собственного прозаического текста по модели стихов А.С. Пушкина;

- работа с отражениями пушкинских текстов в других видах современного искусства; анализ интерпретации, а не первичного пушкинского текста;

- системное сопоставление стилистики А.С. Пушкина со сложившимися традициями мировой прозы XX в.

Проведенное исследование способствует вычленению ряда констант англоязычного литера-

турного образования и осмыслению на этом материале «домашних» проблем изучения литературы в школе. Рассмотрение инокультурных моделей освоения пушкинского наследия обуславливает конкретные вопросы целесообразности/нецелесообразности их использования в нашей национальной системе. Западное литературное образование, вопреки распространенным клише, базируется прежде всего на изучении мировой классики, но сами подходы к ее изучению (в нашем случае – к изучению произведений А.С. Пушкина) едва ли можно считать классическими. Литературное наследие не навязывается поколению современных школьников императивно, оно обсуждается, объясняется и модифицируется. В то же время, рассматривая западные модели изучения поэзии А.С. Пушкина, нужно подчеркнуть, что они обеспечивают прежде всего создание учащимися собственного подражательного текста по модели первоисточника. При этом смещается фокус с анализа высоких образцов художественной речи на вторичный учебный продукт – ученический текст, качество и ценность которого вызывают вопросы. Чем обусловлено такое доверие к ученическим подражательным текстам? По этому поводу профессор С. Кайджер, эксперт в области читательской грамотности, отмечает: школьники читают и пишут каждый день в их реальной жизни функциональные, обусловленные типовой ситуацией тексты; следует объединить их активное письмо вне школы с активностью на уроке, «помирить» реальную жизнь школьников в Сети с подготовленными технологиями написания текста на уроке [34]. Как нам представляется, «подготовленная» технология здесь приобретает свойства опосредованного модератора воображения и мышления ученика, а это в свою очередь влияет на качество и учебную ценность созданных подражательных продуктов.

В постоянном стремлении привлечь внимание учащихся к классике западная методика системно прибегает к рекурсии, используя аудиовизуальные адаптации, резюме, обзоры, пересказы. Непрерывная рекурсия становится характерной чертой англосаксонской модели изучения художественного текста: знакомимся с «Гамлетом», не читая оригинальную пьесу Шекспира; «читаем» «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина, пользуясь пересказом. Сжатие информации в цифровую эпоху описывается понятием нанотекстологии [35, с. 108]. Однако остается неясным, действительно ли нанотексты направляют потенциальных читателей на книгу. За счет системного использования в том или ином виде рекурсии происходит существенное опрощение и упрощение процесса восприятия классики.

Уводит в сторону от целостной художественной системы пушкинских произведений и распростра-

ненный социологизированный подход к изучению его творчества, когда сюжеты А.С. Пушкина трактуются прежде всего как результат социального устройства общества и трансформируют образную систему художественного текста во второстепенный объект изучения.

В общем ключе с отечественными подходами звучит направленность западных обучающих платформ по изучению пушкинского наследия на материале интерпретаций в других видах искусства. В то же время в концепциях российских методистов (Г.Л. Ачкасовой, Н.М. Свириной, В.А. Доманского, Е.К. Маранцман, Е.Р. Ядровской) основой является сопоставление интерпретации и текста-первоисточника, а отнюдь не заместительное изучение трактовок пушкинского текста в других видах искусства.

Позитивной и неожиданной методической находкой в содержании западных обучающих сайтов

стало системное сопоставление стилистики А.С. Пушкина со сложившимися традициями современной мировой прозы. Трансформация эталонного мирового классика в фигуру практически современного стилиста представляется продуктивным приемом, приближающим А.С. Пушкина к художественному опыту современного читателя.

Когда речь идет о формировании представлений о классике у подрастающего поколения, целесообразно знакомиться со всей методической палитрой, отражающей ее современное состояние и трансграничность. В то же время возможность заимствований должна сопрягаться у учителя-словесника с постоянным вопросом – *развивают* или *редуцируют* эти заимствования представление о пушкинском наследии, накопленное в опытах отечественной методики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тер-Минасова С.Г. Может ли Пушкина оценить нерусский мир? // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 27. С. 144–153.
2. Douglas Rachel B. The Living Memory of Alexander Sergeyevich Pushkin champion of the Creative Dialogue Among Poetic Minds/ in Fidelio // Journal of Poetry, Science and Statecraft. 1999. Vol. 8, № 3. P. 36–66. URL: https://archive.schillerinstitute.com/fid_97-01/993_Pushkin.pdf. (дата обращения: 12.11.2024).
3. Debreczeny Paul. Social functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford: Stanford University Press, 1997. 269 p.
4. ENotes. “Study Guides, Lesson Plans, Homework Help” URL: Available at: <https://www.enotes.com/> (дата обращения: 12.11.2024).
5. Rollyson Carl. Alexander Pushkin – Long Fiction Analysis. In Survey of Novels and Novellas, edited by Carl Rollyson. 2010. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/critical-essays/analysis-2/> (дата обращения: 12.11.2024).
6. ENotes. “Alexander Pushkin: Critical essays”. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/critical-essays> (дата обращения: 12.11.2024).
7. Serman I.Z. Paradoxes of the Popular Mind in Pushkin’s ‘Boris Godunov’ // Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64, № 1. P. 25–39.
8. ENotes. “Alexander Pushkin: questions. What is the meaning of Message to Siberia”. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/questions/what-is-the-meaning-of-message-to-siberia-1865221> (дата обращения: 12.11.2024).
9. ENotes. “Alexander Pushkin: questions. How did Alexander Pushkin-influence Russian” URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/questions/how-did-alexander-pushkin-influence-russian-232505> (дата обращения: 12.11.2024).
10. Wachtel M. A Commentary to Pushkin’s Lyric Poetry, 1826–1836. Series Editor: David M. Bethea, Alexander Dolynin. Madison: University of Wisconsin Press, 2011. 320 p.
11. ENotes. “Alexander Pushkin”. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin> (дата обращения: 12.11.2024).
12. ENotes. “Topics: Alexander Pushkin – questions”. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/questions> (дата обращения: 12.11.2024).
13. ENotes. “Topics: Captain’s daughter – Critical essays” URL: <https://www.enotes.com/topics/captains-daughter/critical-essays> (дата обращения: 12.11.2024).
14. ENotes. “Topics: Captain’s daughter – in-depth” URL: <https://www.enotes.com/topics/captains-daughter/in-depth> (дата обращения: 12.11.2024).
15. Burry A. Legacies of the Stone Guest: The Don Juan Legend in Russian Literature. Publications of the Wisconsin Center for Pushkin Studies. Series Editor: David M. Bethea. Madison: University of Wisconsin Press, 2023. 248 p.
16. ENotes. “Topics: Alexander Pushkin – critical essays. Analysis-2”. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/critical-essays/analysis-2> (дата обращения: 12.11.2024).
17. ENotes. “Topics: Eugene Onegin. Critical essays”. URL: <https://www.enotes.com/topics/eugene-onegin/critical-essays/eugene-onegin-0089900144-1> (дата обращения: 12.11.2024).

18. Driver Sam. Pushkin: Literature and Social Ideas. New York: Columbia University Press, 1989. 143 p.
19. Hoisington S.S. Russian Views of Pushkin's "Eugene Onegin". Bloomington: Indiana University Press, 1988. 220 p.
20. Nabokov V. Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. 4 vols. Rev. ed. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975. 380 p.
21. Teacherspayteachers. "Product: The Bridegroom by Alexander Pushkin". URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/THE-BRIDE-GROOM-by-Alexander-Pushkin-1747030?st=7c0f93ec2d671d040a28797d62975ddb> (дата обращения: 12.11.2024).
22. Teacherspayteachers. "Product: Russian Poem analysis". URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/Russian-Poem-Analysis-1108692?st=7c0f93ec2d671d040a28797d62975ddb> (дата обращения: 12.11.2024).
23. Readwritethink. "Star Crossed Lovers Online: Romeo and Juliet for a Digital Age". URL: <http://www.readwritethink.org/classroom-resources/lesson-plans/star-crossed-lovers-online-857.html> (дата обращения: 12.11.2024).
24. Гетманская Е.В. «Классы без стен», или Коммуникативные методики западной школы // Современное литературное образование: от школьных уроков к жизни в культуре. XXV Голубковские чтения: материалы международной научно-практической конференции, Москва, 23–24 марта 2017 года. М.: Экон-Информ, 2018. С. 118–122.
25. Teacherspayteachers. "Product: Onegin Ballet Word Search Worksheet for Ballet Class". URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/Onegin-Ballet-Word-Search-Worksheet-For-Ballet-Class-11302148?st=36d99b63acc11fc3835902a03f3b4b06> (дата обращения: 12.11.2024).
26. Teacherspayteachers. "Product: Eugene Onegin Literature Guide". URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/Eugene-Onegin-Literature-Guide-9351015?st=c00f39bfc3b797c739016cadb93f6951> (дата обращения: 12.11.2024).
27. Виролайн М.Н. «Евгений Онегин» за чертой пушкинской эпохи: к истории рецепции (1844–1999) // Русская литература. 2024. № 2. С. 48–71.
28. Teacherspayteachers. "Product: Pushkin's Queen of Spades. Script and more". URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/Pushkins-Queen-of-Spades-script-and-more-9384395?st=281d53c87ae41d4c7c41bf3983a6c2cd> (дата обращения: 15.01.2025).
29. Corestandards. "ELA Standards1". URL: https://corestandards.org/wp-content/uploads/2023/09/ELA_Standards1.pdf (accessed 12 November 2024).
30. ENotes. "Topics: Queen of Spades – questions". URL: <https://www.enotes.com/topics/queen-spades/questions> (дата обращения: 12.11.2024).
31. Brown William Edward. Alexander Pushkin as a Writer of Prose // A History of Russian Literature of the Romantic Period. Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1986. Vol. 3. P. 218–241.
32. Rosenblatt L.M. Literature as Exploration. Literature as Exploration. New York: Modern Language Association, 1995. 324 p.
33. Simmons E. J. Pushkin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1937. 485 p.
34. Kajder S. Adolescents and Digital Literacies: Learning Alongside Our Students. Urbana, IL: National Council of Teachers of English (NCTE), 2010. 119 p.
35. Hampson Gary P. Integral reviews Postmodernism: The way out is through (As key fragments) // Integral Review. 2007. Vol. 4. P. 108–173.

References

1. Ter-Minasova S.G. Mozhet li Pushkina otsenit' nerusskiy mir? [Can Pushkin appreciate the non-Russian world?]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2014, no. 7, pp. 144–153 (in Russian).
2. Douglas R.B. The Living Memory of Alexander Sergeyevich Pushkin champion of the Creative Dialogue Among Poetic Minds/ in Fidelio: *Journal of Poetry, Science and Statecraft*. 1999, vol. 8, no. 3, pp. 36–66. URL: https://archive.schillerinstitute.com/fid_97-01/993_Pushkin.pdf. (accessed 12 November 2024).
3. Debreczeny P. *Social functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture*. Stanford, California, Stanford University Press., 1997. 269 p.
4. ENotes. "Study Guides, Lesson Plans, Homework Help". URL: <https://www.enotes.com/> (accessed 12 November 2024).
5. Rollyson C. Alexander Pushkin – Long Fiction Analysis. In *Survey of Novels and Novellas*, edited by Carl Rollyson. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/critical-essays/analysis-2/> (accessed 12 November 2024).
6. ENotes. "Alexander Pushkin: Critical essays". URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/critical-essays> (accessed 12 November 2024).
7. Serman I.Z. Paradoxes of the Popular Mind in Pushkin's 'Boris Godunov' in *The Slavonic and East European Review*, vol. 64, no. 1. Jan. 1986, pp. 25–39.
8. ENotes. "Alexander Pushkin: questions. What is the meaning of Message to Siberia". URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/questions/what-is-the-meaning-of-message-to-siberia-1865221> (accessed 12 November 2024).
9. ENotes. "Alexander Pushkin: questions. How did Alexander Pushkin-influence Russian". URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/questions/how-did-alexander-pushkin-influence-russian-232505> (accessed 12 November 2024).

10. Wachtel M. *A Commentary to Pushkin's Lyric Poetry, 1826–1836*. Series Editor: David M. Bethea, Alexander Dolynin. Madison: University of Wisconsin Press. 320 p.
11. ENotes. “Alexander Pushkin”. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin> (accessed 12 November 2024).
12. ENotes. “Topics: Alexander Pushkin – questions”. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/questions> (accessed 12 November 2024).
13. ENotes. “Topics: Captain's daughter – Critical essays”. URL: <https://www.enotes.com/topics/captains-daughter/critical-essays> (accessed 12 November 2024).
14. ENotes. “Topics: Captain's daughter – in-depth”. URL: <https://www.enotes.com/topics/captains-daughter/in-depth> (accessed 12 November 2024).
15. Burry A. *Legacies of the Stone Guest: The Don Juan Legend in Russian Literature*. Publications of the Wisconsin Center for Pushkin Studies. Series Editor: David M. Bethea. Madison: University of Wisconsin Press. 2023. 248 p.
16. ENotes. “Topics: Alexander Pushkin – critical essays. Analysis-2”. URL: <https://www.enotes.com/topics/alexander-pushkin/critical-essays/analysis-2> (accessed 12 November 2024).
17. ENotes. “Topics: Eugene Onegin. Critical essays”. URL: <https://www.enotes.com/topics/eugene-onegin/critical-essays/eugene-onegin-0089900144-1> (accessed 12 November 2024).
18. Driver S. *Pushkin: Literature and Social Ideas*. New York, Columbia University Press, 1989. 143 p.
19. Hoisington S.S. *Russian Views of Pushkin's “Eugene Onegin”*. Bloomington: Indiana University Press, 1988. 220 p.
20. Nabokov V. *Eugene Onegin: A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin*. 4 vols. Rev. ed. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1975. 380 p.
21. Teacherspayteachers. “Product: The Bridegroom by Alexander Pushkin”. URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/THE-BRIDEGROOM-by-Alexander-Pushkin-1747030?st=7c0f93ec2d671d040a28797d62975ddb> (accessed 12 November 2024).
22. Teacherspayteachers. “Product: Russian Poem analysis”. URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/Russian-Poem-Analysis-1108692?st=7c0f93ec2d671d040a28797d62975ddb> (accessed 12 November 2024).
23. Readwritethink. “Star Crossed Lovers Online: Romeo and Juliet for a Digital Age”. URL: <http://www.readwritethink.org/classroom-resources/lesson-plans/star-crossed-lovers-online-857.html> (accessed 12 November 2024).
24. Getmanskaya E.V. “Klassy bez sten”, ili Kommunikativnyye metodiki zapadnoy shkoly [“Classes without walls”, or the communicative methods of the Western school]. *Sovremennoye literaturnoye obrazovaniye: ot shkol'nykh urokov k zhizni v kul'ture. XXV Golubkovskiy chteniya: Moskva, 23–24 marta 2017 goda* [Contemporary literary education: from school lessons to life in culture. XXV Golubkov Readings: Proceedings of the international scientific and practical conference, Moscow, March 23–24, 2017]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2018. Pp. 118–122 (in Russian).
25. Teacherspayteachers. “Product: Onegin Ballet Word Search Worksheet for Ballet Class”. URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/Onegin-Ballet-Word-Search-Worksheet-For-Ballet-Class-11302148?st=36d99b63acc11fc3835902a03f3b4b06> (accessed 12 November 2024).
26. Teacherspayteachers. “Product: Eugene Onegin Literature Guide”. URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/Eugene-Onegin-Literature-Guide-9351015?st=c00f39bfc3b797c739016cadb93f6951> (accessed 12 November 2024).
27. Virolainen M. N. «Evgeniy Onegin» za chertoy pushkinskoy epokhi: k istorii retseptsii (1844–1999) [«Eugene Onegin» beyond the Pushkin era: towards the history of reception (1844–1999)]. *Russkaya literatura*, 2024, no. 2, pp. 48–71 (in Russian).
28. Teacherspayteachers. “Product: Pushkin's Queen of Spades. Script and more”. URL: <https://www.teacherspayteachers.com/Product/Pushkins-Queen-of-Spades-script-and-more-9384395?st=281d53c87ae41d4c7c41bf3983a6c2cd> (accessed 12 November 2024).
29. Corestandards. “ELA Standards1”. URL: https://corestandards.org/wp-content/uploads/2023/09/ELA_Standards1.pdf (accessed 12 November 2024).
30. ENotes. “Topics: Queen of Spades – questions”. URL: <https://www.enotes.com/topics/queen-spades/questions> (accessed 12 November 2024).
31. Brown W.E. “Alexander Pushkin as a Writer of Prose.” *A History of Russian Literature of the Romantic Period*. Ann Arbor, Mich., Ardis, 1986. Vol. 3. Pp. 218–241.
32. Rosenblatt L.M. *Literature as Exploration*. New York, Modern Language Association, 1995. 324 p.
33. Simmons E.J. *Pushkin*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1937. 485 p.
34. Kajder S. *Adolescents and Digital Literacies: Learning Alongside Our Students*. Urbana, IL: National Council of Teachers of English (NCTE), 2010. 119 p.
35. Hampson Gary P. Integral reviews Postmodernism: The way out is through (As key fragments). *Integral Review*, 2007, vol. 4, pp. 108–173.

Информация об авторе

Гетманская Е.В., доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, Российская Федерация, 119435).

E-mail: Getmel@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6801-8114; SPIN-код: 5396-6574; Researcher ID: LSI-8137-2024.

Information about the author

Getmanskaya E.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow State Pedagogical University (Malaya Pirogovskaya, 1, building 1, Moscow, Russian Federation, 119435).

E-mail: Getmel@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6801-8114; SPIN-code: 5396-6574; Researcher ID: LSI-8137-2024.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 11.11.2024; accepted for publication 03.04.2025

УДК 82.0

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-147-154>

Основные принципы самостоятельного анализа лирического произведения на олимпиаде по литературе

Оксана Викторовна Дрейфельд

*Кемеровский государственный медицинский университет, Кемерово, Россия,
filoxenia@mail.ru; 0000-0002-3612-0237*

Аннотация

Цель этой статьи – выявить основные принципы и этапы самостоятельного анализа литературного произведения и обеспечить минимальный набор инструментов, необходимый для практического освоения читателями-школьниками старших классов или студентами процедуры анализа лирического стихотворного произведения. Материалом для анализа стали методики имманентного и интертекстуального анализа, описанные в работах литературоведов, прием лингвистического комментария; иллюстративным материалом был выбран текст стихотворения Е. Евтушенко «Два велосипеда», метод исследования проблемы – концептуальный и компаративный анализ, схематизация. Большинство олимпиад, включая Всероссийскую олимпиаду школьников по литературе, предлагают для выполнения задание по анализу текста литературного произведения – прозаического или поэтического. Анализ литературных произведений разных родов и жанров, разных культурных эпох и литературных направлений – это филологический навык, который требует умения использовать свои читательские впечатления, рефлексировать, выделять, сравнивать, сопоставлять элементы, обобщать сделанные наблюдения и истолковывать их. Представления о целостном анализе литературного произведения расширяются в статье за счет обращения к лингвистическому комментарию и интертекстуальному анализу. Интертекстуальный анализ помогает истолкованию литературного произведения в том случае, когда «внутренние», контекстуальные связи дополнены «внешними», связывающими этот текст с другими системой отсылок через цитаты, переключки образов, номинаций, героев, сюжетных мотивов, событий или даже элементов просодии (в лирике). Начало представляется сложным этапом в процедуре самостоятельного анализа текста литературного произведения, поэтому в статье освещаются разные методики начала анализа и демонстрируется их потенциал на материале стихотворения Е. Евтушенко «Два велосипеда». Автор приходит к выводу, что в самостоятельном анализе читателя-школьника обнаружению закономерностей в организации разных аспектов литературного произведения способствуют как моменты читательского «удивления», так и целенаправленное выделение фрагментов текста, их сравнение и сопоставление, поиск смысловых закономерностей и затем – интерпретация выявленных данных. В статье предложен краткий алгоритм, учитывающий основные аспекты анализа лирического стихотворного произведения.

Ключевые слова: самостоятельный анализ литературного произведения, Е. Евтушенко «Два велосипеда», интертекстуальный анализ, лингвистический комментарий в анализе художественного текста, художественный образ, целостный анализ текста на олимпиаде по литературе

Для цитирования: Дрейфельд О.В. Основные принципы самостоятельного анализа литературного произведения на олимпиаде по литературе // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 147–154. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-147-154>

Basic principles of Independent Analysis of a Literary work at the Literature Olympiad

Oksana V. Dreyfeld

Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation, filoxenia@mail.ru; 0000-0002-3612-0237

Abstract

The purpose of this article is to identify the basic principles and stages of an independent analysis of a literary work and to ensure a minimum set of tools necessary for practical development by readers-senior classes or students of the procedure for analyzing a lyrical poetic work. The material for the analysis was the methods of immanent and intertextual analysis described in the works of literary critics, taking a linguistic commentary; Illustrative material was chosen by the text of the poem by Ye. Yevtushenko “Two Bicycles”, the method of studying the problem – conceptual and comparative analysis, schematization. Most Olympiads, including the All-Russian School Olympiad in Literature, offers a task for the

analysis of the text of a literary work - prose or poetic. An analysis of literary works of different genera and genres, different cultural eras and literary areas are a philological skill that requires the ability to use their reader impressions, reflect, highlight, compare, compare elements, generalize the observations made and interpret them. The ideas about a holistic analysis of a literary work are expanded in the article due to an appeal to linguistic commentary and intertextual analysis. The intertextual analysis helps the interpretation of the literary work in the case when the "internal", contextual connections are supplemented by "external", connecting this text with other systems of references through quotes, roll calls, heroes, plot motifs, events, or even proxy elements (in lyrics in lyrics). The beginning of the analysis seems to be a complex step in the procedure for independent analysis of the text of the literary work, therefore, the article highlights different methods of the start of the analysis and demonstrates their potential on the material of the poem Evtushenko "Two Bicycles". The author concludes that in an independent analysis of the reader-schoolman, the detection of patterns in the organization of various aspects of the literary work contribute to both the moments of the reader's "surprise" and the purposeful highlighting of fragments of the text, their comparison and comparison, the search for semantic laws and, then, the interpretation of the identified data. The article proposes a short algorithm taking into account the main aspects of the analysis of the lyrical poetic work.

Keywords: independent analysis of a literary work, Ye. Yevtushenko "Two Bicycles", intertextual analysis, linguistic commentary in the analysis of a literary text, artistic image, holistic analysis of the text at the Literature Olympiad

For citation: Dreyfeld O.V. Osnovnyye printsipy samostoyatel'nogo analiza literaturnogo proizvedeniya na olimpiade po literature [Basic Principles of Independent Analysis of a Literary work at the Literature Olympiad]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 147–154 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-147-154>

Введение

Перед читателями-школьниками и студентами, обучающимися по программам филологической направленности, часто стоит задача проанализировать какое-то литературное произведение. По количеству запросов в поисковых системах в сети Интернет фраза «(Название произведения), анализ» по частотности находится на втором месте после запроса «(Название произведения), читать». Это говорит не только о том, насколько актуален для современных читателей навык самостоятельного анализа литературного произведения, но и о том, что он зачастую отсутствует.

Цель этой статьи – описать возможные варианты начала анализа лирического произведения, облегчающие научение читателей-школьников старших классов или студентов самостоятельному анализу. Большинство олимпиад, включая Всероссийскую олимпиаду школьников и внутривузовские олимпиады по литературе, предлагают для выполнения задание по анализу текста литературного произведения – прозаического или поэтического. Часто материалом для анализа становятся произведения современных авторов [1]. Существуют ли определенные принципы, которые могут использоваться для анализа как классических, так и современных лирических стихотворных произведений? Можно ли выработать какие-то алгоритмы для анализа, позволяющие научить самостоятельному анализу текста и помочь в его истолковании? Какие виды анализа наиболее продуктивны в самостоятельной деятельности читателя-школьника? Попробуем ответить на эти вопросы насколько возможно более полно в рамках статьи.

Материал и методы

Теоретическую основу работы составили труды отечественных литературоведов Н.Д. Тамарченко [2], В.И. Тюпы [3], С.П. Лавлинского [4], Л.Ю. Фуксона [5]. Многолетние исследования кемеровской школы теоретической поэтики послужили также основой практико-ориентированного подхода к анализу литературного произведения в русле бахтинской эстетики словесного творчества. Имманентный анализ, не выходящий за пределы самого литературного произведения [6], позволяет объективно изучить основные принципы устройства конкретного произведения словесного творчества. Объяснение порождаемых произведением читательских реакций через обнаружение закономерностей в устройстве произведения [7] в свою очередь помогает решить еще несколько задач: истолковать смысл произведения; обоснованно, т. е. объективно, определить типологические характеристики произведения (род, жанр, тип художественности, принадлежность к литературной эпохе или направлению и т. п.) [8, с. 129]. Адекватность анализа проверяется через соответствие сделанных выводов тексту произведения [9].

Эта процедура предполагает действия, общие для всякого научного анализа: фиксацию наблюдений над текстом произведения; выделение отдельных элементов и их описание; сравнение, сопоставление элементов; выделение закономерностей; истолкование полученных результатов [10, с. 7].

Материалом для анализа стали методики имманентного и интертекстуального анализа, описанные в работах исследователей; иллюстративным материалом был выбран текст стихотворения

Е. Евтушенко «Два велосипеда», метод исследования проблемы – концептуальный и компаративный анализ, схематизация.

Результаты и обсуждение

Для моделирования ситуации, в которой необходимо произвести самостоятельный анализ литературного произведения, и выявления алгоритма самостоятельного анализа обратимся к стихотворению Е. Евтушенко «Два велосипеда» [11].

Что сигналили вспышками
велосипедные спицы
всем далеким планетам
с тропы в изумленном лесу?
Что подумали бабочки,
чуть не разбившись о лица?
Что с утра загадали педали,
с травы собирая росу?
Что летящие по ветру девичьи волосы пели
под шипение шин по тропе,
и под пение птиц?
Что там делают два заплутавшие велосипеда,
на боку отдыхая
в подглядывающих цветах?
и молочные сестры-березыньки
шепчутся простоволосо,
и, как будто бы сдвоенная душа,
двух нежнейше обнявшихся велосипедов колеса
продолжают вращаться,
о воздух смущенный шурша.
И уходит на цыпочках в чащу
медведь косолапый,
увидав, что за игры сейчас
эти двое в траве завели,
и в звонок на руле
забираются самой тишайшею сапой
муравьи,
словно рыжие крошечные звонари.
Это ты,
это я,
только под именами другими
ненасытно прижались к земле
и – щекою к щеке,
будто мы от планеты себе островок отрубили
и упали друг в друга
на этом ромашковом островке.
И когда нас не будет –
любовь нам придумает
каждому новое имя,

и мы въедем на велосипедах не в смерть,
а в иное совсем бытие,
снова ты,
снова я,
только под именами другими,
и прижмемся к земле,
и земля не отпустит с нее [12].

В процессе чтения этого текста внимание читателя может остановиться на некоторых вызывающих удивление словесных образах, моментах переживания, строфической или иной организации текста и т. д. (об этом подробнее см. [13, с. 100–129]). Каждый из этих моментов удивления нужно оформить в вопрос [13, с. 225–243] и попробовать найти ответы на эти вопросы в тексте, во взаимосвязи словесных образов в контексте. Например, такими вопросами, начинающими анализ, могли бы стать следующие: почему первая строфа состоит из вопросов? Кто их задает и знает ли спрашивающий ответы? Нужно найти ответы или это риторические вопросы, не требующие ответа? Или, например: почему велосипеды показаны именно так: сначала спицы, потом педали, потом шины, потом уже сами велосипеды? Есть ли в тексте моменты взгляда/видения, похожего на такое близкое разглядывание? Кто или что смотрит на велосипеды в первой и второй строфах? Или таким ключевым вопросом вполне мог бы стать следующий: почему упоминание «ты» и «я» появляется только во второй строфе? Что меняется в тексте после появления «я» и «ты»? Созданию какого переживания читателя способствует наблюдение за миром «без личности» некоего «я» (как в первой строфе), которое неизбежно фокусируется на личном восприятии или переживании (как во второй строфе)?

Другой вариант начального вопроса, более формального, концентрирует внимание на повторяющихся деталях или любых повторах в структурах разного уровня. Поиск контекстуального значения этих повторов ведет к обнаружению присущих этому тексту смысловых взаимосвязей [14]. Так можно обнаружить «парность» велосипедов, которая повторяется в образах «ты» и «я». Можно заметить повторяющуюся «одушевленность» всех деталей изображенного мира («заплутавшие велосипеды», «изумленный лес», «сестры-березыньки», «муравьи-звонари» и др.), создающую образ одушевленного природного мира, частью которого стали (или хотели бы стать вновь) «я» и «ты». Можно заметить, что «летающие по ветру девичьи волосы» повторяются в образе «простоволосых сестер-березыnek», и это повторение концентрирует переживание читателя на некой свободе, неге, открытости миру, которые связаны в тексте с состоянием любви, моментом объятия, близости.

Этот шаг, инициирующий непосредственные наблюдения над текстом и организацией «внутреннего мира», весьма ценен для анализа, поскольку наблюдения служат своеобразной лупой, с которой исследователь подходит к тому, как текст воздействует на читателя и благодаря чему это происходит. По словам С.М. Бонди, «анализ «требуется, чтобы под каждое (наблюдение) была подведена объективная база, чтобы всякий раз найдена была... в самом тексте... та специфическая закономерность, которая и вызывает данное... впечатление» [15, с. 101].

Наиболее формальный подход, которому часто следуют приступающие к анализу текста читатели-школьники или студенты, концентрирует внимание на разных литературоведческих или стиховедческих аспектах описания и исследования литературного произведения. В отношении к рассматриваемому тексту это могут быть вопросы, актуализирующие как «внутренние», так и «внешние» связи текста:

1. Как организован хронотоп в стихотворении (выпишите все детали, характеризующие организацию пространства и времени)? Какова роль «природных» образов в организации пространства и времени в первой строфе стихотворения? Однородны ли пространство и время или они распадаются на отдельные участки («миры»)? Каково соотношение «миров» во второй строфе? Меняется ли оно по сравнению с первой строфой?

2. Как изображается субъект лирического высказывания и его переживание мира в стихотворении? Как средства звуковой образности и стихотворной организации текста (строфика, рифмика и др.) участвуют в организации образных рядов (цепочек), лирического сюжета? Какие особенности звуковой организации значимы для сближения/противопоставления образов? Какова функция необычной лексики? Почему во второй строфе появляется мотив «нового имени»? Как повторы на разных уровнях организации поэтического текста создают образ возлюбленных [16, с. 22–26]?

3. Определите событие (события) лирического сюжета и, основываясь на них, выдвиньте предположение о близости стихотворения «Два велосипеда» к определенному жанру. Встречались ли ранее в мировой культуре хронотопы, основанные на близости мира героев-возлюбленных с природой, на противопоставлении их мира всему остальному миру («будто мы от планеты себе островок отрубили»)?

4. Какие еще мотивы значимы для стихотворения Е. Евтушенко? Какие интертекстуальные отсылки влияют на восприятие этого произведения и каково их назначение в тексте?

Вопрос, часто возникающий перед читателем в процессе самостоятельного анализа литературного

произведения: что важнее, внутренние или внешние связи литературного произведения? Мы указали ранее, что в процессе самостоятельного анализа произведений важно устанавливать смысловые связи элементов — выявлять их сопоставление и противопоставление в авторской картине мира, определять смысловые связи образов в образном ряду или системе образов. При этом мы говорим о внутренних связях текста.

В то же время в процессе чтения, анализа и истолкования произведений читатели часто встречают внешние ассоциации. Они возникают благодаря тому, что ни один текст не существует вне культурной традиции, а многие произведения связаны также и с древнейшей культурной традицией.

Внутренние связи элементов в произведении обозначают как контекстуальные. А внешние отсылают к другим произведениям — литературным, театральным, живописным, фольклорным или универсальным ситуациям человеческого существования, которые известны через повторение в разных мифологических и религиозных системах. Внешние связи — между текстами культуры, произведениями разных искусств — называются интертекстуальными [17].

Чаще всего текст сам называет другие тексты или их узнаваемые элементы. Тут не обойтись без знания этого указанного текста. Но даже если нет такой буквальной переклички с культурным контекстом, бесчисленными связями с ним скреплено любое произведение. Например, в стихотворении Е. Евтушенко, где возлюбленные испытывают абсолютную близость друг к другу и к природе, где даже неприродное природно (как велосипеды) и священо (в силу освящающей силы любви, присутствующей самой жизни), образ мира порождает ассоциацию с идиллическим миром множества классических произведений, где показана интимность, близость любящих, как бы отъединенных от «большого» мира в свой «маленький» мир.

Однако все эти внешние связи были бы неправомочны, если рассматривать их отдельно. Они всегда опосредованы *внутренними* связями, преломлены в фокусе конкретного литературного произведения и только в этом случае должны привлекаться при анализе.

Наряду с цитированием, порождающим прямые переклички между текстами, существует и другая их соотнесенность, не определяемая сознательным художественным заданием. По словам Л.Ю. Фуксона, когда воспроизводится не текст как источник образов, сюжетных ситуаций, картины мира, а жизненное событие, многократно повторенное на протяжении истории культуры, смысл зафиксирован в виде «архетипа» [18].

Отсылка к другому тексту всегда означает важность этого другого текста в контексте произведе-

ния [19]. Это значит, необходимо выявить зону их взаимодействия, оставляя в качестве основного объекта анализа цитирующий текст. Традиционно мы наблюдаем присутствие цитат как повод для диалога текстов в эпиграфах.

Когда нужно привлекать лингвистический комментарий в анализе литературного произведения? С точки зрения лингвистики, литературное произведение – это особый тип текста – художественный текст. Лингвистический анализ направлен на все языковые единицы, составляющие художественный текст. Основная задача такого анализа – определить значение всех единиц, которые выделяются стилистически, типом лексического значения, эмоционально-экспрессивной оценкой, маркированностью по сравнению с какой-либо нейтральной языковой нормой, а также повторяемостью в художественном тексте.

Некоторые ученые-лингвисты предлагают определять и «эстетическую функцию» этих средств. Но собственно у лингвистики нет инструментов для работы с «эстетической функцией». Почему так?

Художественный текст (текст литературного произведения) представляет (репрезентирует) реальность. Но это не действительная реальность, окружающая нас, а вымышленная. Мы узнаем в ней элементы реальности, потому что вымышленная реальность комбинируется на основе узнаваемых концептов. Однако их комбинирует авторское воображение, авторский замысел управляет этой комбинацией, зачастую существенно преобразуя концепты. А главное – цель этой комбинации – воссоздать не отдельное событие или переживание, но вместе с ними и весь образ вымышленной реальности [20].

Поскольку эта реальность, возникающая посредством чтения текста литературного произведения, виртуальная, только напоминающая действительную, но подчиненная другим законам, то и слова получают непривычные свойства. Во-первых, слова могут получить другое значение в зависимости от тех концептов, которые автор объединил для выражения своей виртуальной реальности. При анализе выбранного текста Е. Евтушенко можно привлечь также *лингвистический комментарий*.

Имея дело со знаками (например, словесными, фонетическими и другими), читатель в то же время имеет дело и со словесными образами. Читатель (или слушатель) этого стихотворения реагирует не на сами слова (или их значение по отдельности), а на образы, которые возникают в его сознании посредством восприятия текста.

Например, вторая строфа начинается со строк «и молочные сестры-березыньки / шепчутся простоволосо». Здесь используется просторечная форма слова «березыньки», и она откликается дальше,

в третьей строфе, где появляется философское, но в просторечном звучании слово «бытиё». Момент частной близости переосмысливается в контексте универсальной темы человеческого существования, – смерти, любви и бессмертия. Любовь благодаря этому контекстуальному сближению ласкового «березыньки» и просторечного «бытиё» показана не как «книжное», но как всем близкое и понятное состояние родства и единства не только двух любящих – всего мира, испытывающего нежность к любящим. Это переживание близости поддерживается и образом «молочных сестер-березынок», которые и белы, как молоко, в то же время сродственны, как «молочные» дети одной кормилицы. Этот пример показывает, что там, где необходим лингвистический комментарий, все-таки важно помнить о таком свойстве художественного образа, как многозначность, способность в контексте художественного целого реализовывать несколько значений одновременно.

Можно ли найти оттенки этих значений в словаре? Нет. Такое значение у этих слов возникает оттого, что они объединены и представляют нам некую виртуальную, вымышленную, по сути, реальность, возникающую только в процессе чтения этого текста. Вот эта оценка, реализованная в сцеплении слов друг с другом, порождает определенную реакцию читателя или слушателя данного стихотворения.

Похожий пример можно найти в стихотворении М. Цветаевой (1919), где рядом стоят слова, которые в нехудожественных текстах рядом стоять не могут по законам языка. Вот начальная строфа:

Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем,
Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным так далеко – далёко.

Слова «далеко» и «далёко» – это стилистические варианты, один из них принадлежит литературному языку – «далеко́», а другой – разговорному, просторечному – «далёко». Почему они здесь рядом? Присмотревшись, можно увидеть, что «далёко» – это такое «устное» слово, которое отсылает к фольклорной традиции, к сказкам, например.

То, что некое «я» в этом стихотворении обращается к некоему «ты», связано с ситуацией забывания. Это забывание обозначается с помощью словесного образа «затерянности» в глубине памяти, и затерянность в глубине пространства памяти носит не просто характер удаления воспоминания «далеко», а удаления воспоминания на такую даль и глубину, которая бывает только в сказках – «далёко». И из настоящего эта даль кажется такой глубокой, что уже нереальной, т. е. воспоминание превращается в образ чего-то небывшего, сказочного, может

быть, причудившегося. Для «я» в этом стихотворении предмет переживания и осмысления – это тоже ситуация ухода воспоминаний в некое прошлое, больше похожее не на временной пласт, а на пространство: «я» смотрит на «голубооую» даль памяти «ты» и обращается к «ты» несколько старомодным языком – «прелестное создание», как бы заранее помещая их общее настоящее в точку прошлого. Получается, что и обращение «прелестное создание», и слово «далёко» контекстуально связаны этим смыслом «погружения переживания из настоящего в почти нереальное прошлое», которое «я» совершает уже сейчас, используя для этого стилизацию старинного и фольклорно-сказочного языка.

Рассмотренные нами принципы анализа предполагают, что они едины для произведений классической и современной литературы. На практике часто необходимо проанализировать какой-то конкретный аспект поэтики произведения или провести анализ, опираясь на определенный метод (жанровый анализ, интертекстуальный, мотивный анализ). Цели этих процедур тоже разные.

Поскольку литературным материалом в статье были лирические стихотворные произведения, используя известные нам аспекты поэтики, определим примерный алгоритм анализа, который можно применить к любому лирическому стихотворному произведению (подробнее об анализе эпических и драматических произведений см. [21]):

1. Проанализируйте, кто является в стихотворении субъектом сознания и речи. Определите, это «лирический субъект», «лирический герой», «герой ролевой лирики» [8]? Если Вы наблюдаете присутствие нескольких субъектов сознания и речи, подумайте, с чем это связано?

2. Исходя из анализа первой строфы стихотворения, попытайтесь обозначить набор жизненных ценностей лирического героя (или лирического субъекта), охарактеризовать хронотоп, в котором он находится, его эмоциональное состояние. Можно ли говорить о том, что на протяжении стихотворения происходит смена реакции лирического героя (или субъекта) на определенные ценности бытия или же сохраняется некая устойчивая форма его эмоционального поведения? Как смена пространственно-временных объектов, возникающих в сознании (воображении, памяти) лирического героя (или субъекта), связана с пересмотром им определенных жизненных ценностей?

3. Попробуйте описать «образ языка» лирического героя (или субъекта) и проследить, меняется ли он по ходу развертывания переживания (от первой строфы стихотворения к последней). Если меняется, то как? В чем Вы видите смысл такого изменения?

4. Входят ли в образные цепочки стихотворения интертекстуальные (мифологические, культурные, литературные образы персонажей, сюжетов, деталей, типов высказывания) образы? Какое место они занимают в сознании лирического героя (или субъекта). Если нет четких признаков осознания лирическим героем этих культурных образов, скорее всего, они «не видны» ему и являются частью «кругозора» автора и читателя.

5. Какие формы выражения авторского сознания вы находите в данном лирическом произведении? Как смысл заглавия помогает Вам в определении авторской позиции по отношению к переживанию лирического героя (или лирического субъекта)?

6. Пронаблюдайте за звуковыми образами стихотворения. Есть ли здесь значимые повторы звуков (согласных, гласных), внутрискрифмы, анафоры, эпифоры, рефрены? Присутствуют ли неожиданные переносы слов из одного стиха в другой или из одной строфы в другую? Проскандируйте стихотворение. Звучат ли в нем неожиданные пропуски ударения на ожидаемых местах или, напротив, есть дополнительные ударения, на какие слова они выпадают? Есть ли повтор синтаксических конструкций, повтор строк? Выделите закономерности в повторениях каждого типа. Определите их художественную функцию.

Выводы

Итак, в самостоятельном анализе читателя обнаружению закономерностей в организации разных аспектов литературного произведения способствуют как моменты читательского «удивления», так и целенаправленное выделение фрагментов текста, их сравнение и сопоставление, поиск смысловых закономерностей, выявление внешних связей и затем – интерпретация выявленных данных; также эффективным подходом в самостоятельном анализе текста будет и анализ отдельных аспектов поэтики произведения, лингвистический комментарий и прояснение интертекстуальных смысловых взаимосвязей.

Список источников

1. Кучина Т.Г. Современная русская поэзия в олимпиадных заданиях по литературе // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 212–220. doi: 10.51762/IFK-2021-26-02-18
2. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: введение в курс. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2006. 208 с.

3. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.
4. Лавлинский С.П. О горизонтах «живого восприятия» и «честного чтения» в школьном литературном образовании // Филологический журнал. 2006. № 1 (2). С. 160–168.
5. Фуксон Л.Ю. Начало чтения // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 384–388. doi: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-384-388
6. Фуксон Л.Ю. Чтение рассказа Л. Толстого «После бала» // Дискурсивность и художественность: к 69-летию Валерия Игоревича Тюпы: сб. науч. тр. М.: Изд-во Ипполитова, 2005. С. 224–230.
7. Фуксон Л.Ю. Художественный космос как предмет толкования // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 49–55. doi: 10.17223/18137083/77/4
8. Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001. 226 с.
9. Фуксон Л.Ю. Толкования. Кемерово, 2006. 199 с.
10. Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения. М.: Академия. 2004. 192 с.
11. Евтушенко Е.А. Стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1990. 190 с.
12. Евтушенко Е. Без заголовка // Арион. 1996. № 2. 130 с.
13. Лавлинский С.П. Комплексный подход к анализу произведения на уроке-диалоге / Технология литературного образования. Коммуникативно-деятельностный подход (учебное пособие). М.: ИНФРА-М, 2003. 384 с.
14. Шенгели Г. Техника стиха. М.: Гослитиздат, 1960. 312 с.
15. Бонди С.М. О ритме // Контекст. Литературно-теоретические исследования. 1977. Т. 1976. С. 100–129.
16. Тамарченко Н.Д. Скрытая цитата как отсылка к жанровой традиции: Достоевский и Пушкин // Память литературного творчества. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2014. С. 294–308.
17. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
18. Фуксон Л.Ю. Виды связей // Чтение. Кемерово, 2006. 223 с.
19. Ахметова Г. А. Аналитические задания на Всероссийской олимпиаде по литературе: интертекстуальные смыслы // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, № 2. С. 485–489. doi: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.37
20. Лотман Ю.Н. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
21. Малкина В.Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 20–31.

References

1. Kuchina T.G. Sovremennaya russkaya poeziya v olimpiadnykh zadaniyakh po literature [Modern Russian Poetry in Olympiad Assignments in Literature]. *Filologicheskij klass – Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 212–220 (in Russian). doi: 10.51762/IFK-2021-26-02-18
2. Tamarchenko N.D. *Teoreticheskaya poetika: vvedeniye v kurs* [Theoretical Poetic: Introduction into the course] Moscow, Rossiyskiy gosudatrstvennyy gumanitarnyy universitet Publ., 2006. 208 p. (in Russian).
3. Tyupa V.I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of Literary text]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p. (in Russian).
4. Lavlinskiy S.P. O gorizontakh “zhivogo vospriyatiya” i “chestnogo chteniya” v shkol’nom literaturnom obrazovanii [About the horizons of “live perception” and “honest reading” in school literary education]. *Filologicheskij zhurnal – Philological Bulletin*, 2006, no. 1 (2), pp. 160–168 (in Russian).
5. Fukson L.Yu. Nachalo chteniya [Start of reading]. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2024, vol. 34, no. 2, pp. 384–388 (in Russian). doi: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-384-388
6. Fukson L.Yu. Chteniye rasskaza L. Tolstogo “Posle bala” [Reading the story by L. Tolstoy “After the Ball”]. *Diskursivnost’ i khudozhestvennost’: k 69-letiyu Valeriya Igorevicha Tyupy: sbornik nauchnykh trudov* [Discursivity and artistry: On the 69th anniversary of Valery Igorevich Tyupa: collection of scientific papers]. Moscow, Ippolitov Publ., 2005. Pp. 224–230 (in Russian).
7. Fukson L.Yu. Khudozhestvennyy kosmos kak predmet tolkovaniya [Artistic Space as a Subject of Interpretation]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 49–55 (in Russian). doi: 10.17223/18137083/77/4
8. Tyupa V.I. *Analitika khudozhestvennogo (vvedeniye v literaturovedcheskiy analiz)* [Analytics of fiction (introduction to literary analysis)]. Moscow, 2001. 226 p. (in Russian).
9. Fukson L.Yu. *Tolkovaniya* [Interpretations]. Kemerovo, 2006. 199 p. (in Russian).
10. Magomedova D.M. *Filologicheskij analiz liricheskogo stikhotvoreniya* [Philological analysis of lyric poetry]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 192 p. (in Russian).
11. Yevtushenko Ye.A. *Stikhotvoreniya i poemy*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 190 p. (in Russian).
12. Yevtushenko Ye. Bez zagolovka [Without a title]. *Arion*, 1996, no. 2 (in Russian).
13. Lavlinskiy S.P. *Tekhnologiya literaturnogo obrazovaniya. Kommunikativno-deyatel’nostnyy podkhod (uchebnoye posobiye)* [Technology of literary Education: Communicative and Activity based approach (learning book)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 384 p. (in Russian)

14. Shengeli G. *Tekhnika stikha* [Technique of verse]. Moscow, 1960 (in Russian).
15. Bondi S.M. O ritme [About the rhythm]. *Kontekst. Literaturno-teoreticheskiye issledovaniya*, vol. 1976, pp. 100–129 (in Russian).
16. Tamarchenko N.D. Skrytaya tsitata kak otsylka k zhanrovoy traditsii: Dostoevskiy i Pushkin [Hidden quotation as a reference to genre tradition: Dostoevsky and Pushkin]. In: *Pamyat' literaturnogo tvorchestva* [Memory of literary creativity]. Moscow, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences Publ., 2014. Pp. 294–308 (in Russian).
17. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text]. In: *Ob iskusstve*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 1998. Pp. 14–285 (in Russian).
18. Fukson L.Yu. *Chteniye* [Reading]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 223 p. (in Russian).
19. Akhmetova G.A. Analiticheskiye zadaniya na Vserossiyskoy olimpiade po literature: intertekstual'nyye smysly [Analytical tasks at the all-Russian Olympiad for schoolchildren in Literature: intertextual meanings]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 485–498 (in Russian). doi: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.37
20. Lotman Yu.N. *Kommentariy k romanu Pushkina "Evgeniy Onegin"*. *Kommentariy: posobiye dlya uchitelya* [Commentary on Pushkin's novel "Eugene Onegin". Commentary: A Manual for Teachers]. Leningrad, Prosveshcheniye Pub., 1983. 416 p. (in Russian)
21. Malkina V.Ya. Tipologiya liricheskikh sub'yektov [Typology of lyrical subjects]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*, 2023, no. 4 (67), pp. 20–31 (in Russian).

Информация об авторе

Дрейфельд О.В., кандидат филологических наук, Кемеровский государственный медицинский университет (ул. Ворошилова, 22а, Кемерово, Россия, 630003).

E-mail: filoxenia@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3612-0237, SPIN-код: 9605-6551; Scopus Author ID: 58997397200.

Information about the author

Dreyfeld O.V., Candidate of Philological Sciences, Kemerovo State Medical University, Kemerovo, Russian Federation (ul. Voroshilova, 22a, Kemerovo, Russian Federation, 650003).

E-mail: filoxenia@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3612-0237, SPIN-code: 9605-6551; Scopus Author ID: 58997397200.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 10.11.2024; accepted for publication 03.04.2025

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

